

Сочинения митр. Антония (Храповицкого). Том 9-й архиепископ Никон (Рклицкий)

Мысли и суждения о Русском народе, об Евразийстве, о Братстве Русской Правды. А. С. Пушкин. Ф. М. Достоевский. Царская власть и Св. Православие. Христоролюбивое Русское Воинство. Русской молодежи.

От автора

От автора

В этой книге мы помещаем мысли и суждения владыки Антония о русском народе и о важнейших сторонах русской жизни, которые нам удалось собрать и сохранить в годы нашего незабвенного сотрудничества с великим нашим Архипастырем. Владыка Антоний учил, что Св. Православная Церковь обнимает собой все стороны жизни, кроме греха, и должна вдохновлять народы, государства и каждого человека для устройства жизни на земле, ведущей к вечному спасению на небе. Сообразно с этим владыка Антоний своим высокопросвещенным умом и сострадающим сердцем вникал во все стороны русской жизни, стремясь привести ее к Христу Спасителю.

Владыка Антоний горячо любил русский народ, указывал на то, что ни один народ мира не воспринял Христианство с такой глубиной, как это сделал русский народ на всем протяжении русской истории, начиная от принятия Христианства и до последних дней. Владыка Антоний утверждал, что Христианство на Руси неистребимо и поэтому он хранил в своем сердце светлую надежду на грядущее возрождение русского народа к христианской жизни, после всех страшных революционных испытаний.

Владыка Антоний был также большим знатоком и ценителем русской литературы, которую он считал могущественной силой в России. Из русских писателей владыка Антоний больше всего ценил Ф. М. Достоевского и был его неумолимым истолкователем. Он также почитал и других

русских писателей, начиная с А. С. Пушкина и не исключая гр. Л. Н. Толстого, о котором он лишь сожалел за его уклонение от истин Св. Православия и за его грубые кощунства в отношении Св. Православной Церкви, которую Л. Н. Толстой не понял и оклеветал. Статьи владыки Антония о А. С. Пушкине и Ф. М. Достоевском и упоминания о других писателях помещены в этой книге, а об отношении владыки Антония к гр. Л. Н. Толстому мы писали в I-м томе «Жизнеописания».

Владыка Антоний был также большим знатоком церковного искусства, о котором он высказал весьма ценные и интересные мысли, изложенные в нашей книге.

Особенно замечательна его статья о В. М. Васнецове и М. В. Нестерове, под заглавием – «Берегите народные сокровища».

Весьма важны для будущего нашего Отечества те разъяснения, которые неустанно преподавал владыка Антоний о значении для России Царской власти и о тех взаимоотношениях, которые должны быть установлены между Царской властью и Св. Православной Церковью. Владыкой Антонием для твердого установления этих взаимоотношений, от которых зависит благополучие России, разработал определенный план, изложенный им в 18 точно сформулированных пунктах, который читатель найдет в этой книге, в главе «О Царской власти и Св. Православной Церкви».

Отношение владыки Антония к Русскому Христолюбивому Воинству было исполнено глубокого сочувствия, как в годы мировой войны, так и в годы гражданской войны, и в эмиграции. Он благословлял русское воинство на бранный подвиг, в защиту Святой Руси, и мысленно как бы сам участвовал в самоотверженном служении наших воинов.

Чувства владыки Антония к молодежи были совершенно исключительными. Сам преисполненный в течение своей жизни от юных лет высоких идеалов, он находил больше отклика и созвучия в молодых сердцах, еще непоколебленных жизнью и воистину был для них лучшим другом и самоотверженным отцом.

Владыка Антоний не имел ни времени, ни возможности писать законченные творения о России. Он лишь, при различных обстоятельствах своей подвижнической жизни, высказывал свою пламенную любовь к России и щедро расточал драгоценные идеи и мысли о ней.

Мы, по мере возможности, постарались собрать их и точно изложить, не подвергая особой обработке, и предлагаем их просвещенному вниманию читателей.

Архиепископ Никон.

I. О русском народе.

Владыка Антоний почитал русский народ избранным Богом для насаждения Царства Божия на земле, новозаветным Израилем. Главное призвание русского государства владыка Антоний видел в проповеди Св. Православия среди всех народов мира, преимущественно среди восточных, сохранивших аскетический воззрения на жизнь и потому более способных для принятия Св. Православия.

Февральская и октябрьская революции несколько не поколебали воззрений владыки Антония на богоизбранность русского народа. Он находил эти революции естественным завершением той насильственной европеизации России, которая была предпринята Императором Петром I-м и которая получила свое завершение в большевистской революции.

Освобождение от безбожного большевистского ига и возрождение России, по убеждению владыки Антония, возможны через духовное возрождение русского народа на почве Св. Православия. Только православная христианская Россия, Св. Русь, выстрадавшая свою жизнь, способна будет к новой жизни. Призвание русской эмиграции владыка Антоний усматривал в том, чтобы в ней самой возродить и укрепить церковно-православный строй жизни настолько, чтобы он мог положительным образом влиять на самую жизнь русского народа. На эту тему владыка Антоний произнес много проповедей, написал много посланий и статей. Главнейшие из них мы собрали и постараемся расположить в порядке развития в них идеи Святой Руси.

В 1924 году, в связи с обсуждением русской эмигрантской печатью вопроса о том, по какому пути должна пойти будущая Россия, освобождение которой от большевиков ожидалось тогда с года на год, – по западно-европейскому пути, или по своему, самобытному, русскому, владыка Антоний поместил в «Церковных Ведомостях»¹ статью о православной культуре, которую можно рассматривать как бы вводной статьей к

дальнейшим его статьям о России. В этой статье владыка Антоний писал следующее:

1. Православная культура.

Что такое православная культура? Православие мы понимаем, а вот что такое культура вообще? Цивилизация? Право? Люди думают, что эти понятия реальные, аксиоматически ясные, но профессора головы ломают над их определением и ничего общепринятого не могут приискать в ответ на эти вопросы об идолах общественной мысли.

Вл. Соловьев, о котором выразимся словами одного его современника, о котором хотелось бы говорить только одно хорошее, а приходится говорить только худое, – Соловьев, конечно, все же достоин великой похвалы за то, что выступил проповедником спиритуализма (1873 г.) в эпоху грубейшего материализма наших литературных верхов. Его ехидно спросил кто-то: «Скажите, что такое душа и дух?» он отвечал: «я то скажу вам, что такое, а вот вы потрудитесь сказать мне, что такое материя?» Собеседник совершенно растерялся и только выпучил глаза на вопрошавшего: «як дурное теля на новы ворота».

Итак, господа идолопоклонники культуры, цивилизации и права, прежде всего опустите свой нос и извольте слушать, что такое православие.

Православие есть: 1) учение о вере и добродетели, возвещенное Христом Спасителем, апостолами и отцами Церкви; 2) православие есть жизнь учреждения, ими устроенного на земле, не духовенства, не иерархии, а общин и народов, иерархией возглавляемых и именующихся Церковью, Православной Церковью.

Почему мы говорим – православие, а не просто христианство? Не потому, чтобы мы первое отличали от второго или считали его частью второго: вне православия, по принятому Всел. Соборами и отцами способу выражения, нет христианства (Лаод. 7 и VI, 95), а только ереси и расколы. Но выражаемся мы так: **православие**, чтобы ярче дать понять, что мы разумеем в данном случае только то учение, ту веру, ту жизнь, которая

проповедаются и содержатся восточными патриархами и Русской Церковью.

Всякое определение понятия должно выделять его из ряда подобных. Кулик есть птица из породы болотных, арифметика есть наука о числах. Православие есть религия, признающая Христа Богом и обязательность св. предания, но отвергающая папство. Это определение его среди религий Западной Европы. Если же определять православие среди собеседников, живущих в Палестине, то должно иметь в виду его отличие от религий (кроме магометанской и иудейской) монофизитов, армянства и несторианства. В этом состоит условность всяких определений. Естественно, что в русской прессе должно иметь в виду отличие православия от папизма и протестантства, а православной культуры от культуры западной вообще и культуры безрелигиозной в частности. Делаем еще раз эти оговорки, чтобы напомнить, что под православием должно разумеать просто Христово евангельское учение (оно же и святоотеческое), не поврежденное ни восточными, ни западными ересями.

Итак, вопрос – существует ли православная культура – должно ставить так: существует ли христианская культура, свободная от еретического духа, от еретических примесей?

Но теперь мы опять наталкиваемся на мудреное понятие культуры. Определению оно не поддается, т. е. определению общепринятому. Наоборот, всякий здесь разумеет разное, начиная от светской дамы, которая считает культурным всякого, одетого в крахмальный воротничек, и кончая современным коммунистом, который называет культурным или сознательным человеком только революционера-атеиста. Но, если так мудрено поставить цельное определение спорному понятию, то остановимся на его частях, на более бесспорных элементах, в него входящих. Что делать? В этом смысле европейская мысль не пошла далее той маленькой институтки, которая на предложение преподавателя ответить, что такое самовар, сказала: «это в чем заваривают кипяток, у него есть труба и кран».

Надеюсь, все согласятся в том, что в понятие той или иной культуры входят: 1) вероисповедание или заменяющая философская система (утилитаризма, нравственной автономии, марксизма и проч.); 2) право и законодательство; 3) образование; 4) экономический строй и промышленность и т. д.; это перечисление может быть почти бесконечным. Но самым главным определением культуры известного народа, общества или церкви остается массовый характер лиц, сюда принадлежит тот моральный тип, по которому узнается магометанин, индус, китаец, француз, англичанин, русский, т. е. члены тех групп национальных, конфессиональных и т. д., которые дают им известную моральную физиономию или характер. Этот то характер или моральный тип в связи с перечисленными или неперечисленными условиями устанавливает едва ли не самый сильный в жизни народов регулятор их жизни, который называется бытом. Это понятие очень сложное и богатое по содержанию, начало более сильное, чем даже законодательство, ибо оно подчиняет себе индивидуальную волю по началам подражания, симпатии и стыда, нередко превращающимся в физическое насилие, а законодательство, даже деспотическое, всегда с ним считается и часто уступает быту.

Итак, возвращаясь к нашей теме, ставим вопрос так: создало и создает ли православие, как определенное вероисповедание, свое законодательство, свое научное, скажем лучше, – свое школьное образование и литературу, свой вообще быт, выражающийся и в экономическом строе, и в обычаях семейной и общественной жизни? Но раньше должно поставить вопрос о том, существует ли православный характер? Имеют ли православные люди общия почти всем свойства характера, отличающие их от неправославных?

Наиболее правильным ответом на такой вопрос будет тот, который возьмет во внимание наиболее типичный круг православных людей, у которых послушание православной вере и Церкви поддерживается наиболее постоянно с наименьшими уклонениями. Возьмем Русь времен Алексея Михайловича и патриарха Никона.

Талантливый описатель той, современной ему, эпохи Павел Алеппский, восхваляя русских и особенно русского царя, пишет: «царь и все русские замечательно смиренны и всего более любят смиренных, а более всего ненавидят гордость и гордых».

В этом главный и отличительный признак русского характера и русской жизни от западной, где гордость считается не пороком, а добродетелью. Такое убеждение внедрилось еще в быт рыцарей, будучи заимствовано из нравов римских язычников и германских варваров. И в этом главное расхождение между русским западником-дуэлянтом и русским народным типом; вот почему «добрый и умный наш народ» считает нас за немцев, на что жаловался Чацкий, а А. К. Толстой, колеблясь между барской спесью и русским чувством, спрашивает Потока Богатыря: «чишь-ли ты мужика, что смирением велик?» Иначе писал Белинский (среди прочих глупостей): «пора нам понять, что христианство заключается не в лицемерном смирении, а в том, чтобы защищать права ближних»; но не так – Достоевский: «У русского народа нет шпажной чести, но есть высшее благородство души». А какая, спросим мы, первая заповедь Спасителя? «Блаженни нищии духом, яко тех есть Царствие небесное».

Гордость обязательно связана с притворством, а притворство с ложью, смирение же бывает откровенно, ибо не боится обличения и сознает свои недостатки. Вот почему русские люди самые откровенные во всем мире. В этом сила и привлекательность их души, их общительность, которой теперь удивляются все народы, к которым мы пришли, как странники. Конечно, в этом и слабость наша внешняя, в этом обстоятельстве объяснение, почему нас все соседи и внутренние враги всегда обманывают и, наконец, разорили нашу страну, изгнав и коварно умертвив нашего царя. Грустно это, но все-таки лучше быть наивным, обманутым, чем безчеловечным обманщиком. Лучше быть жертвой, чем палачем, чем убийцей из-за угла.

2. Христианство и культура.

Приблизительно в тот же период времени владыка Антоний поместил в газете «Новое Время» в Белграде отзыв о вышедшей в свет книге профессора Е. В. Спекторского «Христианство и культура», в которой с большим доброжелательством к просвещенному автору книги, отметил, однако, глубокое непонимание, даже учеными русскими людьми нашей эпохи, религиозных проблем, составляющих достояние русской культуры.

* * *

Солидная книга профессора Спекторского под заглавием: «Христианство и культура» представляет собой приятную новинку среди современной литературной нищеты, правда новинку не единственную, но все же редкую.

Конечно, самое заглавие книги, охватывающее так смело два богатейших по содержанию понятия, не обещает полноты в изложении собранных материй, но, если здесь не достижима полнота, то читатель богато вознаграждается богатством и разнообразием содержания, ибо видит перед собой целый музей сведений по всем отраслям гуманитарных знаний, начиная с богословия и философии, продолжая историей и правом, яркими блесками из поэзии и вообще изящной литературы всех современных европейских наций и кончая изречениями древних классиков и средневековых мыслителей.

Автор проявляет изумительную осведомленность во всех областях и почти по всем отраслям науки и искусства предлагает свою точку зрения, стремясь объединить под нею все разнообразие явлений мысли крупных умов Европы. Вообще книга профессора Спекторского имеет то огромное преимущество перед подобными философско-публицистическими изданиями, что представляет собой не задачу на данную тему, а своего рода ученое *profession de foi* автора, в которое он вложил результаты своих многолетних дум и изучений, отзываясь по своему на все злободневные философские и общественные вопросы.

Быть может его отзывы нуждаются в более тесном взаимном согласовании; наверно, кое о чем сказано слишком поспешно и даже прямо ошибочно, например, об иудаизме, об аскетизме, об евразийстве, но обойтись без дефектов в таком всеобъемлющем трактате, в таком смелом и всестороннем замысле, не мог бы и гениальный мыслитель и мировой ученый.

Что же касается до нравственного облика нашего мыслителя, до нравственного колорита его убеждений, доводов и выводов, то по всей справедливости должно признать, что они проникнуты самым симпатичным духом спокойствия, последовательности, благородства идей и стремлений отнестись справедливо к самым до крайности разнообразным учениям и мыслям всех школ.

Не будучи профессиональным критиком, я естественно останавлиюсь на богословском материале труда профессора Спекторского.

Под христианством наш автор понимает собственно и почти исключительно книгу Нового Завета. Прием, конечно, протестантский, но нам радостно встретить исключительно редкий пример тому, что светский человек удостоил изучить нашу священную книгу и приводит изречения из всех книг Нового Завета, схваченные не из Библейской Симфонии или Библейского алфавитного словаря, а из самых священных книг, которые он изучил довольно тщательно. Конечно, многочисленные промахи, и идейные, и библиографические здесь неизбежны для автора, не изучавшего Священного Писания в школе; конечно, протестантское влияние сказывается здесь довольно отчетливо, например, в названии второй заповеди третьей (стр. 144 и 201), как она значится в католических и др. катихизисах, (где первая заповедь признается, как общее заглавие, а 10-я разделяется на две), далее сюда же следует причислить усвоение протестантского взгляда на аскетизм, как на продолжение язычества и даже издевательства над наименованием пустынных отцов (стр. 299): известно, что протестанты особенно ненавидят подвиг девства и монашества. Но наименование сие предуказано Ап. Павлом: «Аще и многие пестуны имате о Христе, но не многие

отцы; о Христе бо Иисусе благовествованием аз вы родих» (1Кор. 4, 15). А пустыnnики были светильниками вселенной, как их воспеваeт Церковь, и обращали пустыни в населенные города, а города в пустыни.

Первый пустыnnик в Новом Завете был Иоанн Креститель, среди учеников Христовых первый аскет Ап. Иаков; неужели он заимствовал свой подвиг от «египетского язычества»? Самое выражение автора «эгоистическое спасение» показывает его незнание аскетической литературы, ибо там он увидел бы, что эгоисты спастись не могут; особенно поучителен в этом смысле пр. Нил Синайский.

Далее, «ученики Иисуса Христа не соблюдали постов» (стр. 298); но они знали, что будут поститься, когда отыметсЯ у них Жених (Марк. 2, 20) и что молитвой и постом приобретаетсЯ власть над бесами; и Ап. Павел, вопреки автору, не называет постников «лжесловесниками, сожженными в своей совести» (стр. 299), но и сам пребывал часто в посте (Деян. 13, 2 и др.); все же его изречения о пище и питании направлены против евионитов и гностиков, а также против страха вкушать идоложертвенное, в чем может убедиться всякий, пожелавший перечитать его послания.

Вообще, упоминая о постах, об аскетизме, автор впадает подчас в тон протестантского сектанта и даже сочиняет, будто бы Иисус Христос «с аппетитом» ел рыбу. Это по воскресении-то из мертвых (стр. 298, Лук. 24, 42). Напрасно же автор говорит, что «тогда», т. е. по кончине земной жизни Христовой, «никто не помышлял об аскетизме, а для Его последователей началась проза трудовой жизни» (стр. 299). Напротив, св. Апостолы торжественно заявили, создав множество учеников: «нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах... Итак, братие, выберете из среды вашей семь, а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова» (Деян. 6, 23).

Принципиальное обоснование аскетизма, т. е. напряженной борьбы с собой, см. в Евангелии (Матф. II, 12 и Лук. 8, 15) и в посланиях (Филип. 3, 12–14).

Ограничив свое ознакомление с христианством чтением книги и при том только Новаго Завета, вне его отношения к

жизни Церкви, автор бывает невнимателен к последней и несправедлив к Ветхому Завету. Церковь, например, никогда не «молится о соединении Церквей», ибо она признает слова символа веры, который говорит, что Церковь едина и соединяться ей с еретиками нечего; Церковь молится «о благостоянии св. Божиих Церквей (православных) и соединении всех» людей – пантон, а не пасон, Церковь по гречески женского рода, а люди мужского (ср. авт. 201). Мы об этом печатали раза четыре уже в беженстве, но г.г. профессора никогда не справляются с тем, что пишется духовным лицом, хотя бы и профессором.

Мы уже упоминали о том, что автор заимствовал у протестантов крайне неблагоприятное отношение к Ветхому Завету, являясь к нему несправедливым; совершенно напрасно он старается противопоставить его изречения новозаветным, даже те, которые, целиком повторяются в Новом Завете. Так слова притчей: «аще взалчет враг твой, ухлеби его» и проч. вовсе не «мотивируются своекорыстным злорадством Соломона» (стр. 112), ибо полностью повторяются Ап. Павлом (Рим. 12, 20) и указывают на самое благородное Евангельское средство пристыдить и расположить к себе злодея: «побеждая зло добром» (там же стр. 21). Много и еще подобных промахов: «христианство отказалось от жертвенного утилитаризма», «любовь к Богу и ближним «больше всех всесожжений и жертв"". Но ведь это слова фарисея, а не Христа; другой фарисей на вопрос, что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную, сам же и ответил именно этими словами Второзакония и Левита (Лук. 10, 27).

Одним словом, автор совершенно неудачно противопоставляет Ветхий и Новый Завет, утверждая, будто первый полагает началом премудрости страх Божий, а второй безстрашную любовь. Господь говорил о беззаконном судье, который «Бога не боялся и людей не стыдился» (Лук. 18, 2), а Апостол Павел выражался о сем так: «зная страх Господень, мы вразумляем других» (2Кор. 5, 11 и мн. друг.). Таких неудачных противопоставлений можно указать десятки; есть ошибки и по Новому Завету кроме указанных. Господь бичевал не

«торжников в храме», а продаваемых волов (стр. 83 и 109; Иоан. 2, 16); христианская проповедь не была «чужда тайнами» (стр. 84); апостолы проповедывали мудрость между совершенными... «мудрость тайную сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей» (1Кор. 2, 5).

Можно было бы еще не одну страницу испещрить критическими замечками о Св. Писании и Св. Предании, которое автор оставляет почти нетронутым, подчиняясь протестантской моде, но нам гораздо отраднее указать на то, что он, как истый последователь великого Лейбница, гораздо более энергии и внимания приложил к тому, чтобы показать величие христианских истин, чтобы совершенно отгородить христианство и апостольское учение от той *amentia sacra*, от той мистической темноты, в которую его любят облекать современные писатели и во главе их, к сожалению новейшие профессора. Ставя себе девизом изречение: *credo ut intelligam*, автор соединяет истины философския с богооткровенными, при том по свойственному ему таланту без всякой натяжки.

Непредупрежденные молодые (а почему и не старые также?) читатели полюбят эту книгу и ее автора.

3. Могучая сила русского быта и заботы о его сохранении в эмиграции.

Особо важное значение владыка Антоний придавал русскому быту и был исполнен забот о сохранении русского быта в эмиграции. Эти заботы нашли себе яркое выражение в одном из посланий владыки Антония 1927 года.

Окружное послание к русской заграничной пастве.

Смиренный Антоний, Митрополит Киевский и Галицкий, Председатель Собора Архиереев и Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви, желает о Господе радоваться Преосвященным Архипастырям, всечестным пастырям и всем православным христианам, пастве нашего Архиерейского Синода в Европе, Азии, Америке, Африке и Австралии.

Когда из весело горящего костра удаляют несколько тлеющих углей, то они постепенно угасают, если жар костра мало достигает до них. То же бывает и с духовным горением Церкви Божией: пока чада ея живут вместе, они могут постоянно воспламеняться общей верой и молитвенным устремлением к Богу «исполняться Духом, назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу» (Ефес. 5, 18–19).

Но разделенные от духовных центров большими пространствами и даже нередко полной невозможностью письменного общения «страха ради Иудейска» они подвергаются опасности, подобно древним Самарянам, отвыкать «законов отеческих», т. е. от преданий церковных и постепенно терять сокровище нашего церковного быта и самую любовь к общей церковной молитве, а затем и привыкать «к пустым обольщениям, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2, 8).

Признаков такого обольщения немало повсюду. Довольно придти хоть в нашу русскую Белградскую Церковь, чтобы сразу бросилось в глаза множество обстриженных женщин и девушек, которым своевременно, но безуспешно, пояснять слова Божественного Писания: «всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытой головой, постыжает свою голову, как еслиб она была бритая... если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается» (1Кор. II, 5–6).

Это предание всей Христовой Церкви; даже не принадлежащие к ней католические епископы то там, то там печатают заявления, что они не допустят ни к причащению, ни

даже к пребыванию в храме стриженных женщин и девиц, ни одетых в балетное платье. А в недавнее еще время на Руси обстригали у девушек и у женщин косу только в том случае, если они потеряли свою честь через прелюбодеяние, а посему стриженная женщина не могла даже никуда показаться.

Точно также еще недавно на Руси невозможно было устраивать балы – пляски под воскресенье или под праздник, а теперь этот безнравственный обычай вошел в обыкновение, в дерзкое нарушение заповеди Господней. Не упоминаем уже о новых безстыдных плясках, введенных современной модой, которая развращают собой даже и целомудренные души: это безобразное явление должно навсегда оставить.

Такая безчинства являются следствием или, если хотите, причиной нарушения очень многими одного из основных законов церковной жизни – ежегодной исповеди и говения. От многих грехов и падений удерживались наши отцы, матери, братья и сестры при мысли: «как же я скажу об этом духовнику?» – А скрыть что-либо на исповеди, или солгать, справедливо считалось тяжким оскорблением Бога, согласно словам иерейской молитвы: «аще-ли что скроеши от Мене, сугуб грех имаши».

Кто ежегодно приходит на исповедь, тот не может окончательно пасть, ни перестать молиться, ни потерять веру.

В настоящее время общей греховности верующие от неверующих отличаются прежде всего тем, что первые раскаиваются в грехах, а вторые в них не признаются даже перед собою и падают все ниже и ниже.

Отвыкшие от исповеди и от храма, но не потерявшие еще веры, признаются, что когда они решаются идти на исповедь, то чувствуют себя как бы со связанными ногами или с привязанными к ногам тяжелыми гирями. Такое самочувствие должно бы их надоумить в том, что с ними борется сам враг Божий – диавол; это должно привести их в ужас и окончательно побудить спешить на исповедь, спасаясь как бы от бесовской челюсти.

Многие печатают и говорят о необходимости нравственного возрождения заграничного общества, о покаянии и о

возвращении заграничного общества к нормальной жизни.

Вот вам первый и неизбежный и незаменимый шаг к тому – возстановить ежегодную (по крайней мере) исповедь, начав это дело с первых же дней по получении сего воззвания.

Да поможет вам Господь перебороть искушения врага, наводящего уныние, отбросить языческие обычаи современной беженской жизни и возстановить истинно православный быт.

На сие призываю от имени Заграничного Архиерейского Собора Божие благословение.

4. Принятие русским народом христианства.

Свои мысли о русском народе владыка Антоний высказывал преимущественно в своих речах и посланиях при ежегодном праздновании памяти Св. Равноапостольного Великого Князя Владимира Просветителя России. Еще в Житомире, 15 июля 1908 г., владыка Антоний говорил о том, как глубоко и безпримерно усвоил русский народ христианство. Владыка Антоний тогда сказал о русском народе следующее².

* * *

«Недостаточно оценены все великия заслуги великого просветителя земли Русской, Святого Равноапостольного Великого Князя Владимира, память которого сегодня празднуем. Под влиянием немецких учителей, у нас, даже в учебниках истории, предназначенных для воспитания нашего юношества, значительно умалена заслуга его; в них указывается на то, что будто-бы народ русский только внешне принял христианство, оставшись в глубине души невежественным язычником. Лютеране говорят, что действительных христианских учителей Россия получила только от них, немцев, насаждавших просвещение в наших корпусах, институтах и прочих учебных заведениях. Они говорят, что остатки язычества сохранились до сих пор в нашем простонародьи, в его суевериях, какова вера в леших, русалок, во всевозможные предвестники несчастий, бед, дурной или хорошей погоды. Конечно, лучше, если бы этого не было в народном сознании, но большой беды нет в этих суевериях; они не мешают народу иметь чисто христианския воззрения на все стороны жизни, оценивать все сообразно учению евангельскому, любить Христа и слушаться Его заповедей.

Не у народа нашего языческие суеверныя воззрения, а именно у наших европейских просветителей. Эти суеверия касаются нравственной оценки жизни и идут в полный разрез с учением Евангелия. Христос говорит: «Блаженни нищии духом», они же считают позором не ответить обидчику или даже не смыть кровью нанесенного оскорбления. Заповедь повелевает:

«не укради» – а у нас считают ее обязательной лишь в той мере, когда ее нарушение ведет человека под суд; сказано: «не прелюбы сотвори», а у нас смеются над целомудрием и боготворят все сильные и увлекательные страсти.

Что же касается до суеверий мифологических, то в обществе их не меньше, чем в народе, только они переняты от немцев, французов и итальянцев: тринадцатый гость за столом, тяжелый день понедельник, всякия свадебные приметы – чем же все это отличается от суеверий мужицких? А столоверчения? А магнетизм с его безумными вызовами умерших? Здесь-ли язычество или у народа, который ждет помощи от Бога и святых, а не от безумных выдумок психопатов. Народ русский, вопреки учебным выдумкам о нем, с изумительною, безпримерной в истории народов быстротой, усвоил христианские воззрения, христианскую мудрость. Он уже в XI веке превратил всю Русь в один громадный монастырь и исполнил на деле слово Златоуста о том, что миряне должны отличаться от монахов только тем, что живут с женами.

Сыновья Владимира, Борис и Глеб, прочитывали ежедневно, даже во время походов, все дневные службы; сам Владимир раздавал имущество бедным, ходил по городам с проповедью христианства и даже разбойников не решался казнить, в надежде на их покаяние. По своей вере, горячей и глубоко смиренной, Россия наша может быть сравнена с тем сотником, вере которого удивился Сам Христос. Сотник сказал Ему: «Господи, я не достоин, чтобы Ты вошел в дом мой, но скажи слово и слуга мой будет здоров». Христос обернулся к евреям и сказал: «Истинно говорю вам, что и во Израиле не нашел Я такой веры». Наша русская жизнь была чисто православная, свободная от языческих заблуждений, а все грязное и языческое идет к нам широкой рекой с Запада и вливается в русскую жизнь через разные приемники новых учреждений.

Может быть это духовное разложение убьет и вовсе христианскую веру у нас, но за свою собственную веру каждый сам ответит, а потому будем хранить ее, как величайшее сокровище, независимо от того, какое начало будет одолевать в

жизни общественной, и будем знать, что не древность наша, а новое время подобно ненавистному христианам язычеству».

5. Необходимость духовного возрождения.

Однажды, в 1929 году, мы обратились к владыке Антонию с просьбой, чтобы владыка сказал, что он думает о будущем России и о задачах русской эмиграции.

Владыка в ответ на этот вопрос продиктовал нам следующее:³

* * *

Ко мне обращаются с вопросом сказать «краткое слово с изложением моих взглядов на будущее России и на задачи русской эмиграции».

Не считая возможным скрывать свои убеждения, отвечаю кратко и ясно.

«Я не пророк и не сын пророка», так говорил о себе пророк Амос. Тем менее могу я что-либо предсказать о будущем России, но знаю, что Россия может существовать только при сохранении неповрежденного православия, царского самодержавия и народного патриотизма.

В 1902 году, в праздник Сретения, будучи Епископом Уфимским, я говорил проповедь о том, что Россия быстро движется к гибели, охладевая в лице своих авторитетов к православной Церкви и к царской династии. Слова этого я не записал и не сдавал в печать, но 20 февраля 1905 года я произнес в Петрограде, в Исаакиевском соборе другое слово, нашумевшее тогда на всю Россию, в котором говорил, что Русь не просуществует и 25 лет, если не сохранит Самодержавия своих царей и будет охладевать к св. вере и Церкви. Я далек был от того, чтобы выдавать такую мысль за некое вдохновение свыше, а представлял ее логическим выводом из наблюдений над жизнью. Однако, осуществление таких зловещих опасений нашло себе место еще раньше указанного срока, именно через 12 лет. Это слово мое было отпечатано в официальном органе Св. Синода от 20 апреля 1905 года.

Меня спрашивают еще о задачах русской эмиграции. Это напоминает мне вопрос иудеев, обращенный к Христу Спасителю: «что нам делать, чтобы творить дела Божии?»

Иисус сказал им в ответ: «вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал» (Лук. 6, 29).

Если русская эмиграция взамен бесплодных споров о будущем устройении государственной жизни, когда не существует и само государство, предаст свой ум и свою душу к устройению своей внутренней духовной жизни, будет учиться тому, как должно верить и молиться, да возстановит то, что так безумно разорили наши современники; тогда перед нею со всей ясностью предстанет перспектива дальнейшей нормальной жизни нашего народа и сами собой укажутся ближайшая задача личной и общей деятельности эмиграции, дабы она слилась в одно единое православное братство, о котором люди молятся на всех эктениях («о всем во Христе братстве нашем»).

Конечно, мало надежды на то, что развращенное и изолгавшееся общество наше последует такому совету в своем большинстве, но если не последует, то придется удовлетвориться положением английской или масонской провинции, а то и просто обратиться в банду бродяг, перебрасываемых от одних завоевателей к другим под руководством иудеев, которые и являются активными вождями современных событий.

Вот к какому печальному исходу готовит нашу Русь современное безумие ее сынов. Таков исторический прагматизм; таковы плоды от зерен, посеянных нашими нигилистами, полунигилистами и им подобными деятелями. Но события не всегда определяются обычным прагматизмом. Возможно мощное воздействие Промысла и торжество добра и света. Однако, предвидеть то, что зависит только от Бога, могут только Его пророки, а я уже заявил, что «я не пророк и не сын пророка».

6. Неистребимое благочестие русского народа.

На торжественном собрании в честь Св. Равноапостольного Великого Князя Владимира в Белграде 15/28 июля 1929 года владыка Антоний сказал следующее:⁴

* * *

«Летописное сказание о крещении Руси представляет событие столь мирным, столь необычно дружным, что возбуждает сомнения скептиков в действительном соответствии сказания совершившимся великим событием крещения России.

Современный европеец не может понять никакого значительного события без предварительной и продолжительной борьбы партий, не может понять того сыновнего послушания своему любимому князю, которым достигнуто было это великое дело.

Чтобы несколько приблизить к нашему сознанию несомненно действительное описанное летописцем событие, прошу обратить внимание на то: 1) что русский народ взирал и взирал на носителя верховной власти не столько как на главного командира, сколько как на родного отца. Такого взгляда на себя Св. Владимир заслужил еще до крещения своего, а после крещения и того нравственного возрождения, о котором свидетельствует история, он своей любовью к людям и своим светлым христианским оптимизмом заслужил и окончательно закрепил за собой такое отношение к себе народа, при котором послушание власти было в народе добровольным и радостным.

В силу этого и церковные песнопения и народные былины, создавшиеся вокруг этой великой личности, называют его «Отцом России», а затем закрепили такое наименование и за всеми последующими царями, прилагая к ним тот же эпитет, который приличествует служителям Христовым: батюшка-царь, царь-батюшка. Не знаю, имеют ли подобное сочетание по отношению к своим государям – прочие народы.

Сочетание верховной власти и нравственного авторитета, скажу более, сыновней любви – это свойство чисто русской

жизни, русского народа.

Вот в чем я окончательно убедился из одного случая в моей пастырской практике в инородческом крае Уфимской губернии, где мне пришлось архиерействовать два года, после 5-летнего пребывания в инородческой Казани.

На р. Каме, в Уфимской губернии, в большом селе Березовка находится народная святыня – древняя церковь Св. Николая, куда сходятся многочисленные богомольцы: русские крещеные черемисы и едва ли не менее многочисленные черемисы некрещенные. Вот там-то, сидя под открытым небом и окруженный толпою некрещенных черемисов, в бытовом смысле уже обрусевших, я вел с ними довольно продолжительную беседу. Они были по душе добрыми христианами, т. е. трезвыми, честными и трудолюбивыми, но все-таки принять Св. Крещение и отречься от своих прежних богов, которых они уже считали злыми и мстительными, они не решались. А когда я начал им раскрывать их уже наличную близость к Христовой вере и к Христовым заповедям, когда я спросил их, почему вы не поклоняетесь Тому, Кому поклонялся чтимый вами Св. Николай, т. е. истинному Богу Христу Спасителю, то они замялись, недоумевали, как объяснить свою нерешительность и, наконец, заявили: «вот, если бы Царь пришел к нам и приказал креститься, то мы сейчас бы стали христианами и пожалуй лучшими, чем сами русские».

Одним словом, они как бы напрашивались на повторение событий 988 года.

Правда, единодушное послушание Равноапостольному Владимиру обуславливалось личной привязанностью к нему Киевского народа, но такую же привязанность теперь в эпоху грамотности и газет, имеет русский народ к своим православным царям и, конечно, как и те 100 тыс. черемисов, которые проживают в Уфимской губернии, так и весь русский народ точно также отозвался бы на царский призыв, как и Киевляне 10-го века. Итак, нет никакого основания к скептическому отношению к летописному повествованию о Крещении Руси. Не менее оснований есть к тому, чтобы повторять нелепое заявление многих историков и неисториков о

том, будто Христова вера была принята русским народом только внешним образом и из ее содержания был усвоен только ритуал, а не нравственное учение Евангелия. Глупее подобного утверждения я ничего не слышал. Напротив, удивительную загадку представляет собой тот исторический факт, что и сам кн. Владимир и весь русский народ постигли и воплотили в жизнь нравственную сторону Евангельского учения, при чем они поняли и восприняли радостную сторону Православия, сохранив, конечно, его аскетизм. Выразителем русского религиозного сознания были первые Киево-Печерские монахи. Между прочим, среди гробниц Киево-Печерской Лавры имеется гробница вдвое большая по размерам остальных гробниц, на которой была надпись: «Преподобный Илья Муромец». Позднейшие монахи к сожалению стерли эту надпись, полагая неудобным былинного героя сохранять со святыми, я же думаю, что в этой гробнице покоится действительный Илья Муромец, воспетый в былинах, герой и подвижник русского народа.

Увы, не то теперь делается на Святой Руси. Теперь многие русские называют себя безбожниками. Это ужасно. Лучше, если бы они были магометанами, иудеями или даже язычниками, поклоняющимися Перуну. Быть безбожником это значит отказаться от различения добра и зла, это значит упразднить свою совесть.

Но эти безбожники, насажденные иудеями-атеистами, не выражают собой истинных стремлений русского народа. Его благочестие, воспринятое при Кн. Владимире, остается неистребимым. Сколько бы большевики не закрывали храмов, сколько бы не выбрасывали св. мощей, о чем мы предсказывали еще 25 лет тому назад в России невозможно.

На всем протяжении человеческой истории ни одним народом Христова вера не была принята так глубоко и радостно, как русским народом и это спасет его для того, чтобы еще существовало на земле царство Божие».

7. Крайняя необходимость нарочитаго прославления Святаго Равноапостольнаго Великаго Князя Владимира русской эмиграцией.

В 1930 году владыка Антоний написал о Святом Равноапостольном Великом Князе Владимире следующую статью:⁵

Св. Равноапостольный Великий Князь Владимир.

«Благодаря Богу, наконец-то, через 914 лет после представления Св. Равноапостольного Великого Князя Владимира и чрез 941 год после крещения им русского народа, как будто подходит время его нарочитаго прославления, по крайней мере, в русской эмиграции.

Спросим же прежде всего, почему русские люди давно не взялись за такое святое и достойное дело? Брались они за него и раньше. Так, когда исполнилось 900 лет со времени крещения Руси, то в Киеве были устроены величественные торжества, составлены был акафист Св. Князю; около же этого времени заложили в честь его великолепный собор в центре города; изданы были сборники и безчисленные листки с его изображением; почти вся Петербургская знать во главе с Победоносцевым и десятком архиереев прибыла в Киев для участия в священнослужении и крестном ходе; говорились блестящие речи в торжественных собраниях горожан; сооружались огромные иконы, строились новые церкви; приглашались даже из заграницы православные иерархи и общественные деятели; нельзя сказать, чтобы все эти приемы остались без воздействия на народные массы и даже на общество; да и раньше св. Владимира все в России знали, люди благочестивые его чтили не менее, чем других великих святых, и очень многих младенцев родители именовали Владимиром. Но при всем том день этот оставался днем рабочим и именовался чаще днем св. Кирика и Улиты, а не Владимира святого; церковей в честь св. Кирика и Улиты было и есть больше, чем в честь св. Владимира; так это происходит и в России, так и в прочих православных странах, славянских и инородческих.

Какая же тому причина?

Благочестие консервативно, а благочестие православное, а тем более русское – еще более. Чтут у нас апостолов, мучеников, преподобных, а из царей высокого чествования пока сподобились св. Константин и Елена. Почитание св. Владимира

шло сверху вниз в русском обществе, а св. мучеников и преподобных – снизу вверх и распространялось более широкой волной. Так совершенно юных сынов св. Владимира – Бориса и Глеба русский народ воспринял дружнее к чествованию, чем их равноапостольного отца, почитая их как невинных страдальцев-страстотерпцев.

Зато память о св. Владимире быстро проникла в русские былины, то есть в светскую или, если хотите, полусветскую и полудуховную народную литературу. Кто не знает этих былин? Кто не изучал их еще в народной, а потом в средней школе?

Наш народ ближе принимает к сердцу тяжкие подвиги мучеников и преподобных, чем блестящие успехи Божиих избранников на поприще военном и гражданском, даже церковном. Господь сказал: «милости хочу, а не жертвы», народ наш это понимает, но он настолько проникнут всегда настроением покаянным, так он жаждет подвигов самоотвержения и добровольного страдания, что его сердце сильнее отзывается на подобные подвиги, чем даже на светящееся в лицах избранников Божиих широкое, всеобъемлющее ласковое чувство ко всей вселенной.

А это почему? Неужели наш народ мало ценит Божескую любовь, которою были полны к Богу, и к ближним такие гиганты главной добродетели, как Апостол Павел и уподобляемый ему в церковных песнопениях Равноапостольный Владимир. Скажете ли, что апостолов было 12, а Владимир у нас один и вдвойне свой? Вы будете правы в своем возражении, но не достигнете сразу своей цели. Дело в том, что душа русских христиан настолько исполнена братолюбия, смиренномудрия и открытости, что, читая о таких же добродетелях великого князя, они хотя и умиляются и благоговеют перед ним, но особенно не поражаются, ибо добрых, смиренных сердцем благотворящих людей они видят вокруг себя постоянно, а общественные заслуги их хотя тоже высоко ценят, но это не изумляет их до трепета душевного. Они все это оценят в полной степени лишь тогда, когда перед ними ясно предстанут все жертвы, все внутренние или внешние муки, какие перенесли те святые за свою веру, за свою любовь.

Конечно, таких страданий, забот, скорбей у св. Владимира было тоже не мало, даже очень много, и народ русский, повторяю, ценит их, но к его сердцу крепче пристают подвиги явного добровольного самораспятия, и преп. Антоний и Феодосий ближе к его душе, чем Равноапостольный Владимир. Вот почему с древнейших времен учителя Церкви, начиная со св. Илариона (1054 г.) с усилием доказывали, что надо чтить св. Владимира не менее, чем апостолов, мучеников, преподобных и Христа ради юродивых

Ведь св. Владимир жил во дворце, был женат и многочаден; постоянно радовал свою душу, разсыпая во все стороны свои благодеяния бедным, строил церкви и украшал их, но все это делал радостным сердцем и его святая душа находила в этом великое наслаждение. Собирая на пир богатырей, он, по-видимому, не позволял себе лишней роскоши; множество забот о сборе и удовлетворении нищих, извержение языческих идолов при сочувствии народа, как бы влюбленного в своего повелителя, не обнаруживают для поверхностного читателя и наблюдателя внутреннего подвига и душевного страдания сего праведника. Его называли Красным Солнышком, но ведь на солнце любят, а не почитают его так, как страдальцев. Оно светит и греет потому, что это сообразно его природе; его любят, но не проливают перед ним умиленных слез.

Неужели же апостольский подвиг Владимира менее угоден Богу, чем те, из коих «иные же замучены были, не приняв освобождения, дабы получить лучшее воскресение. Другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу; были побиваемы камнями, перепиливаемы; подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли. И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного» (Евр. II, 35–39).

Конечно, нет. Страдания необходимы для спасения тогда, когда душа повреждена грехом и глубоко и прочно; да они и придут и приходят при всяком подвиге добродетели, но бывают

избранники Божии, которые, если и не избегли страданий в земной жизни, исполненные духовного восторга, то могли следовать другому глаголу Христову: «Симоне Ионин, любишь ли Мя? Ей Господи, Ты веши, яко люблю Тя» (Иоан. 21, 15–17). Поясняя сии слова Евангелия, св. Иоанн Златоуст прибавляет: «Смотри же, не сказал Господь: если любишь Меня, постись по многим дням, спи на голой земле, отдай тело твое на мучение, но сказал: «паси Моих Овец». А Апостол Павел добавляет разъяснение противоположного оскудения любви: «если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею **дар** пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что **могу** и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто» (1Кор. 13, 1–3).

Св. Владимир такой дар любви получил от Бога: он расточал ее во все стороны, он не мог казнить смертью злодеев, чтобы не лишить их возможности покаяния. Все это ясно из его деяний, из его жития. И русский народ как бы оценил это, но не посмел по своему смиренномудрию избрать его в полной мере своим бытовым руководителем, как Алексия Человека Божия, преподобного Сергия Радонежского и др. великих борцов с душевными страстями, победивших последние добровольными страданиями.

Но откуда такая духовная мощь у св. Владимира? За что ему такая благодать духа? Св. Иоанн Креститель давно сказал: «не мерою дает Бог Духа» (Иоан. 3, 34).

Пришло время, когда нужно ближних наших вновь обращать ко Христу, как пришлось св. Владимиру обращать их впервые. Поможет-ли Господь современным радетелям общего спасения, священникам и всем пламенно верующим в Него, во-первых, взяться за это дело, а, во-вторых, повести его так радостно и с таким, выражаясь по современному, оптимизмом, и хотя с некоторою долею того благословенного успеха, которым Он удостоил призыв св. Владимира к народу, призыв исполненный отеческой побеждающей любви. Нет, лучше возьмемся за подвиг любви скорбящей, любви призывающей к покаянию о собственных своих грехах и людских неведениях. Впрочем, не

будем терять надежды, а помнить слова Апостола Иакова: «Илия был человек подобный нам, и молитвою помолился, чтобы не было дождя: и не было дождя на землю три года и шесть месяцев. И опять помолился: и небо дало дождь, и земля произрастила плод свой». И далее: «Братие! если кто из вас уклонится от истины, и обратит кто его, пусть тот знает, что обративший грешника от ложного пути его, спасет душу от смерти и покроет множество грехов» (Иак. 5, 17–20). Аминь.»

8. Главная воспитательная сила русского народа – монастыри и монастырские старцы.

В воскресенье, 31 августа 1930 года, нами была устроена в Белграде, в здании Белградского Университета лекция владыки Антония: «О старчестве и старцах, как продолжателях русской народной культуры. Афонские старцы».

Тогда же эта лекция владыки Антония была нами записана⁶ и текст записи был одобрен владыкой Антонием. Владыка тогда сказал следующее:

* * *

«Русская культура, т. е. русская душа, русский быт, умственные и даже хозяйственные интересы русского народа тесно связаны с монастырями и монастырскими старцами, их вдохновителями. Русское общество (разумею широкие круги) впервые ознакомилось с жизнью монастырей из повести нашего великого писателя «Братья Карамазовы» и с тех пор интерес к монастырям живет в русском обществе, даже в его безрелигиозной части.

Самый большой русский монастырь на Афоне – Пантелеимоновский. Он имеет давность всего лишь лет 60. Известно, что во время Св. Саввы Сербского, т. е. в 13 веке, были на Афоне русские монахи, во впоследствии греки со своим слепым шовинизмом денационализировали все иностранные монастыри, в том числе и Иверский монастырь грузинский, хорошо известный русским людям по Иверской иконе. В этом Иверском монастыре были, между прочим, богатые пожертвования древних грузинских царей, но греки все эти монастыри денационализировали, так что от прежней великой обители осталась одна только келия и то в греческом монастыре на 40 грузин. Когда началась у нас революция и пробудились национальные сепаратизмы, грузины надеялись было возстановить свой национальный монастырь, но вместо этого греки выгнали их и из келий и они пришли проситься в русский монастырь, где 5 из них заняли викарную келию св. Стефана, а 35 покинули Афон; я тогда им в утешение

пожертвовал вот такую же икону, какую теперь мы получили в Белграде и слышал их дивное пение, особенно «Достойно», которое по своей красоте превосходит греческое и славянское пение.

Русское богослужение в Пантелеимоновском монастыре было восстановлено в 70 годах двумя великими людьми: о. Макарием (в мире купец-миллионер Сушков) и его ближайшим сотрудником о. Иеронимом. С большим трудом, после длительных переговоров и волнений, они добились восстановления богослужения на славянском языке, на что не соглашались греки, требуя, чтобы богослужения совершались «на том языке, на котором написаны Евангелия», т. е. на греческом. К ним немедленно потекли широкой волной богомольцы и пожертвования. Решающим же в этом деле были «Письма о Св. Горе» иеросхимонаха Серафима, изданные в виде книжки, выдержавшей до 7 изданий. Письма эти настолько интересны, что ими зачитывалась вся Россия и с тех пор почти в каждой русской церкви начали появляться иконы Св. Пантелеимона и разные изображения Божией Матери, выписанные из Афона.

А еще ранее русские люди были ознакомлены с Афоном великим патриархом Никоном, который всегда старался вводить общеправославные святыни, объединяющие все или большинство православных народов. Он избрал Иверскую икону для прославления в Москве потому, что икона эта явилась в Грузии, прославилась в Греции и в славянских странах и действительно копия этой иконы затмила древнейшие подлинники святыни Москвы. Трудно сказать, почему это произошло, но, вероятно, потому, что Сам Господь заботится о том, чтобы все христианское общество составляло одно общество, а не разбивалось на отдельные народы.

Вскоре после начала славянских богослужений в Пантелеимоновском монастыре число русских послушников стало превосходить число греческих, а валовые поступления достигали сотни тысяч рублей. Борьба же за славянский язык была настолько сильна, что греки даже покушались на жизнь о. Макария и только заступничество Константинопольского

патриарха, еще сохранявшего вселенский дух, спасло дело создателей русского монастыря на Афоне. Русское золото потекло туда широкой рекой и с материальной стороны обеспечило дальнейшие успехи монастыря, которые зависели и от мудрого управления о. Макария и его сотрудника иеросхимонаха Иеронима. Последний был человек исключительной силы влияния на сердца людей. Он часто говорил, что за свою уступчивость он поплатится перед судом Божиим. Надо сказать, что наши каноны очень строги: так например, за блуд полагается отлучение от причастия на 7 лет, за прелюбодеяние на 15 лет, за нарушение поста на 2 года, за волшебство (излюб. интел. гипнотизмы и проч.) около 20 лет и вот о. Иероним часто принимал грехи братии на свою совесть, освобождая их от эпитимии, и любил их, как своих детей. И вот, однажды, сидит смиренный старец у ворот, а на него бросается с кулаками какой-то послушник и кричит: «ты не даешь мне жить, через тебя я не могу спать, не мучь меня». «Не знаю, что я тебе сделал, если худо – прости меня, но я тебя совершенно не знаю», отвечал старец. Но тот уже опомнился и с рыданием бросился к ногам старца. Оказывается, послушник этот не мог бороться с своей главной страстью, а старец стоял в его совести, как укоряющий голос, и вот он начал гневаться на старца, «мешавшего ему жить», как требовали его страсти. Такова была сила воздействия этого человека на других людей. Оба эти старца писали письма с увещанием о добродетельной жизни в разные концы России, под влиянием их писем все больше и больше паломников прибывало на Афон и слава о нем ширилась все дальше и дальше.

Однако влияние Афона было не только в области молитвы. Там быстро начали шириться различные отрасли культуры, например грандиозное хозяйство и наладилось широкое книгоиздательство и, если бы сложить все книги, изданные на Афоне, то они не вместились бы и в большой комнате. Как жалки, ничтожны и глупы те люди, которые говорят, что будто бы монастыри бесполезны для народа, что в лучшем случае там монахи молятся лишь для себя. Нет, влияние одного Афонского монастыря простиралось на весь русский народ.

Целые волости зачитывались книгами, присылаемыми из Афона. Книги эти составлялись с большой продуманностью, там соединялся талант публицистов и моралистов. Там издавался чрезвычайно интересный журнал «Душеполезный собеседник», от чтения которого нельзя было оторваться, раскрывши любую его книжку. Оригинальные статьи помещались анонимно, без тщеславия, из одной лишь ревности к славе Божией. Это и была у нас единственная народная литература. Монастырь разрешал задачу, которая была не по плечу не только так называемому просвещенному обществу, но даже и правительству, и если бы не было этой работы, то Россия погибла бы не в 1917 году, а в 1888 г., а если бы Россия шла в духе монастырской работы, то Россия не переживала бы теперешних ужасов, а благоденствовала бы и процветала.

Но этим не ограничивались заслуги монастыря, он имел их и в чисто научной области: епископ Феофан, Вышенский затворник, ректор духовной академии и начальник Иерусалимской миссии, посвятив себя богословским трудам, все свои сочинения в рукописи пересылал на Афон, где они и печатались. Там напечатаны «Путь ко спасению», «Афонский патерик» и многие другие трактаты, которые оказались бесконечно талантливее работ профессоров духовных академий. Писал он и днем и ночью, и не только творил новые трактаты, но отвечал решительно на все поступавшие к нему письма, впрочем, никого не принимал лично. Не принял он и двух великих князей, приехавших к нему. Будучи молодым иеромонахом, я также удостоился получить от него похвальный отзыв за свои сочинения. Таким образом, на Афоне было сосредоточено три огромные силы: организаторская в лице о. Макария, духовная – о. Иероним и ученая – епископ Феофан. Хотя епископ Феофан резко критиковал профессорские работы, но к Академии он сохранил нежные чувства и оставил Петербургской Академии серебряный крест с надписью: «Матери, меня воспитавшей». Вместе с епископом Игнатием (Брянчаниновым) – из гвардейских офицеров, он был главным учителем русского народа в области духовной жизни. Самым ценным изданием Афонских иноков было «Добротолюбие», 6-ти

томное издание в виде перевода с греческого св. отеческой хрестоматии, в котором сосредоточены главнейшие отеческие творения, начиная с золотого т. е. 4-го века. После о Макария было два настоятеля и, наконец, теперешний о. Мисаил, 76-летний, спокойный и тихий старец, управляющий братией своим нравственным авторитетом, незнающий ни минуты покоя, так как влияние Пантелеимоновского монастыря распространялось на весь Афон, где еще недавно было до 7 тыс. иноков. Было там время, когда греки, румыны и др. не различались по народностям, но все жили как бы одной семьей. Мне рассказывал один архимандрит, что многие монахи были как бы влюблены в о. Макария. И вот, один из них говорит: «Люблю тебя авва Макарий, не могу без тебя жить, хочу смотреть на тебя и буду ходить за тобой, как собака». Макарий, шутя отвечает: «А я не люблю тебя и ты отвернись от меня». – «Хоть ты и плюнешь мне в лицо, я буду ходить по твоим стопам».

При таком высоком направлении духовной жизни, при том, что настоятель не имел никаких хозяйственных забот, обращая свое внимание на главную отрасль – духовную жизнь, хозяйственная сторона, руководимая наместником, высоко процветала, там было образцово поставлено лесное дело, полевое, типографское и издательское. Самый монастырь был не только училищем благочестия, но и училищем хозяйственности. Оправдывались там слова Спасителя: «Ищите прежде царствия Божия и правды Его и вся сия приложатся вам» (Матф. 6, 33).

Когда началась война с турками и опасались, что турки могут порезать русскую братию, на Кавказе был устроен Новый Афон, слава которого стала быстро приближаться к славе Старого Афона. Устроили этот монастырь два старца-афонца: о. Иерон и Тиверий. О. Иерон был весьма прост и никому не отказывал в просьбах. К нему пришел однажды богомолец купец и сказал: «У меня нет денег возвратиться домой, дай мне 50 рублей». О. Иерон сейчас же вынул ему 50 рублей, а у богомольца задрожали руки и он говорит: «Да тебя, честный отче, каждый обманет, мне деньги не нужны, я хотел только испытать тебя, на тебе на св. обитель 50 тыс. рублей». О. Иерон

перекрестился и сказал: «Давайте и дастся вам; мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплут вам в лоно ваше» (Лук. 6, 38)⁷.

Великолепный храм, украшение всего Кавказа, был построен на Новом Афоне самими монахами, по их собственному плану. Монастырь был полная чаша – там были апельсиновые и лимонные сады, были приспособлены водопады, при помощи которых было устроено электрическое освещение и электрические тяги для всех служб, как, например, для просфорни, хлебопекарни, мельницы, была устроена специальная тяга вагонетками, искусственные пруды, в которых плавали черные и белые лебеди, была устроена морская пристань, парусные суда, маслобойный завод, там был храм 1000-летней давности, устроенный Императором Юстинианом на месте, где был сослан Иоанн Златоуст. Весь монастырь был устроен по планам о. Иерона, которые поражали инженеров своей гениальностью и вызвали восхищение Императора Александра III.

Кроме двух, раньше указанных обителей, ученики игумена Паисия Величковского основали несколько образцовых монастырей в России и Сибири, под влиянием которых по всей России менялись нравы, смягчался и просвещался быт русского народа и по всей Русской земле утверждалась атмосфера благожелательности, веры и любви. Мы убеждены, что и теперешнее грубое насилие над русским народом не сможет уничтожить и одолеть то доброе влияние, которое оказали на него монастыри.

Следует еще отметить одно замечательное установление наших северных монастырей. Деревенское юношество севера России, если не все целиком, то в большей части своих представителей отдается по обету в монастыри на 1 год, эти юноши называются годовики; они составляли подавляющее число послушников в монастырях Соловецком, Валаамском и мн. др. Проработав год в монастыре, они либо оставались там на всю жизнь, либо возвращались в свою семью и считались лучшими женихами местных невест. Многие родители выдавали

своих дочек замуж только за таких годовиков, а всем прочим женихам отказывали.

Однако наша картина была бы далеко неполной, если бы мы не упомянули о женских монастырях. В Петербурге наряду с сомнительной по своему достоинству Александро-Невской Лаврой, был Новодевичий монастырь с несколькими сотнями монахинь. Там обширные прекрасные храмы все были построены слабыми женскими руками, а первая игумения Феофания (Готовцева) с 1845 года была настоящей учительницей русской интеллигенции. Она была скромна, ходила в убогой ряске, постоянно посещала больных в обширной монастырской больнице и посторонние лица постоянно принимали ее за простую послушницу. Ея главными помощницами были две сестры Варсанофия и Феофания, которые и управляли этим прекрасным монастырем во славу Божию. После кончины игумении, по ошибке К. П. Победоносцева, туда была назначена испорченная барыня Валентина, которая начала с того, что в первый праздник устроила обед с лакеями в белых перчатках и с шампанским. Благочестивые сестры Варсанофия и Феофания не могли этого выдержать и по своей просьбе были переведены в маленький монастырь в Гатчинском уезде, где я их и навещал. Из многочисленных достойнейших игумений женских монастырей нельзя не упомянуть о настоятельнице одного из Костромских монастырей матушке Марии, происходившей из аристократических кругов. Она собрала вокруг себя много женщин, желавших монашеской жизни и во время Русско-Турецкой войны устроила в своем монастыре огромный госпиталь. Когда этот монастырь посетил Государь Александр II и спросил ее: «А помните, как мы с вами танцевали на придворном балу?» Игумения ответила: «Я постаралась забыть все, что со мной было в миру. Не могу я забыть милостей ко мне Государя, но желала бы, чтобы меня не спрашивали о мирской жизни».

Этой игумении боялись Костромские архиереи, опасаясь ее огорчить, а К. П. Победоносцев говорил, как было бы хорошо,

если бы наши министры имели хотя бы половину ума игумении Марии, тогда бы отечество процветало.

Отсутствие времени не позволяет мне остановиться на подробной характеристике воспитательного значения монастырей.

В виде заключения я скажу, что наиболее типичными старцами были Опти́нские старцы: Леонид, Макарий и Амвросий. Первый отдавал преимущественное значение вере, второй послушанию, третий – любви. Достоевский в лице старца Зосимы соединил двух последних старцев в один тип и в своей повести описал действительный скит при Оптиной пустыни.

Общим отличительным свойством всех старцев было то, что чем грешнее и отчаяннее приходил к ним человек, тем с большей лаской и ободрением от отчаяния принимали они его.

В последнее царствование у нас было прославлено 6 угодников, среди них были великие подвижники, ученые архиереи, но никого народ так горячо не полюбил, как Преподобного Серафима Саровского, который был простой самоучка из мещан и нес подвиг монастырского старца. Народ полюбил его больше чем родного отца и шел многочисленными толпами на его прославление. «Куда ты идешь?» останавливали богомольцев, «там будет 200 тысяч народу, ты все равно ничего не увидишь». «Я знаю, что я ничего не увижу, но меня увидит угодник Божий», отвечал народ и шел на это торжество.

В великом народе есть, конечно, много воспитательных сил, ученых, педагогических, публицистических, технических, но самой главной воспитательной силой в русском народе были монастыри и монастырские старцы».

9. Монастырские старцы.

Естественным продолжением лекции владыки Антония о русских монастырях был его доклад о русском старчестве, сделанный им в Белграде в день Св. Равноапостольного Великого Князя Владимира 15/28 июля 1930 года. Доклад этот был также нами записан⁸ и в нем владыка Антоний сказал следующее:

* * *

«Собрание в честь Св. Владимира устраивалось в г. Белграде уже неоднократно и поэтому я не буду на этот раз останавливаться на жизнеописании св. Владимира, к которому, кстати сказать, имеется весьма мало исторических данных. Сегодня же я остановлю ваше внимание на другой стороне русской жизни – на русской культуре. Я укажу вам одну специально русскую сторону народной жизни. Что в нашей жизни есть специально русского? Достоевский сказал, что кроме Православия у нас в России ничего, собственно говоря, нет, а все, что имеется, так или иначе связано с Православием и от Православия происходит. Православие, конечно, не является специальной принадлежностью русского народа, оно вселенское, всемирное, но русский народ выработал в Православии специальные оттенки, ему одному присущие. Например, ни в одном народе не празднуется так радостно и светло Пасха, праздник праздников, как именно в русском народе. Есть в нашем Православии и другие специально русские оттенки, из коих один из наиболее важных – это старчество, с которым познакомил русское общество Достоевский в своей бессмертной повести «Братья Карамазовы». В России есть одна великая сила – это изящная литература. То, что литература возьмет под свое покровительство, делается общим достоянием русской интеллигенции и русского народа. Вот Достоевский списал из Оптиной пустыни своих старцев и привлек к ним внимание русского общества. Я же сообщу вам сегодня впечатления о своих личных встречах со старцами в русских монастырях.

Первый монастырский старец, которого мне пришлось видеть – это иеросхимонах Феодосий, живший в Перинском скиту при Новгородском-Юрьевском монастыре. Храм в Перинском скиту был построен в 997 году, а старец был одним из учеников знаменитого игумена Паисия Величковского, возродителя монашества в России. К схимнику Феодосию стекался со всех сторон простой народ и представители интеллигентного общества, прося его советов в самых разнообразных случаях своей жизни. Старец отличался прозорливостью: когда к нему пришли какие-то люди, которые перед этим говорили, что они желают поболтать со старцем, то он их не принял, а выслал им стакан воды с ложечкой и предложил им болтать ложечкой в стакане воды. Я явился к этому старцу 17-летним юношей. Я произнес у его келии положенную молитву, он вышел ко мне, спросил, кто я такой и откуда, вынес мне несколько печатных листков и сказал общее назидание. Я как-то не съумел ему сказать, что я сам готовлюсь в монахи, о чем я мечтал с 7-летнего возраста.

Второй старец, с которым мне пришлось познакомиться ближе – это иеросхимонах Александр с Валаамского монастыря. Этот старец приезжал в Петербург поздравлять с праздником благодетелей монастыря и бывал у нас в Академии. Как истинный монах, он говорил не о себе, а о схимнике Дамаскине, игумене Валаамского монастыря. Это был совершенно простой человек, но гениальный по своей богато одаренной натуре. Он всегда был проникнут покаянным настроением, всегда считал себя виновным перед всеми и всегда готов был у всех просить прощения. Когда к нему приводили провинившихся монахов, то он сначала разбирал их вину, как настоящий судья, а затем звал кучера, приказывал запречь свою кибитку и возил монаха вместе с собой по всем монастырским службам, как бы афишируя его близость к игумену. У провинившагося монаха сознание своей вины соединялось с чувством умиления к своему игумену и огорчать его второй раз становилось невозможным. Этот игумен, сам почти неграмотный, обладал великим творческим талантом и был великим поборником просвещения. Он образовал в Валаамском монастыре

прекрасную библиотеку, содержащую много ценных исторических документов. В этой библиотеке я ознакомился с подлинными Новгородскими грамотами и из них я узнал, что все акты в Новгороде составлялись за подписями Новгородского архиепископа, тысяцкого и концевых старост, так что без руководящей подписи Новгородского архиепископа ни один акт, даже чисто торгового значения, в Новгороде не имел законной силы; таким образом, фактическим главою Новгородского государства был никто иной, как сам архиепископ. Сам о. Алексей, всегда с умилением рассказывавший об игумене о. Дамаскине и умалчивавший о себе, отличался безконечной любовью.

На его руках в монастыре были преимущественно годовики, т. е. молодые люди, поступающие в монастырь на 1 год для практического церковного образования. И вот, когда кто-либо из этих годовиков провинится, о. Алексей брал его с собой, вел к игумену, вместе с ним бросался в ноги и просил прощения не только за виновника, но и за себя: за то, что он не мог оградить его от того или иного грешка, потому что и самая вина заключалась не в каком-либо преступлении, а в нарушении правил монастырской жизни. Со стороны о. Алексея такой образ действий не был погоней за популярностью, а искренним и естественным выражением тех чувств, которыми он был преисполнен. Вот эта мягкая любовь, носителем и образцом которой был о. Алексей, создала то, что огромный монастырь с 1200 человек насельников, которые все, не исключая и монахов с высшим образованием, трудились своими руками, был истинным братством, которое держалось не строгой дисциплиной, не суровыми начальственными мерами, а общим согласием и единодушием. Влияние о. Алексея простиралось далеко за пределы Валаамской обители, к нему со всех сторон приезжали принимать исповедь и уезжали от него с умиротворенной душой. Он жил довольно долго и лишь в 1893 году я узнал, что о. Алексей скончался. Ученики его любовно записывали его слова и сохраняли в памяти его образ, так что он по своему влиянию на общество не умирал.

Другой старец, монах Агапий, ослепший с 26-летнего возраста, говорил мне без всякой рисовки и с полной искренностью: «Благодарю Бога за то, что я ослеп, и молюсь, чтобы мне не вернулось зрение, чтобы мне не развлекаться суетою этого мира, чтобы мне ничто не мешало пребывать в молитве». Он приходил петь раннюю литургию и его пение было таким задушевым и трогательным, что многие богомольцы предпочитали его слушать перед прекрасным монастырским хором. Вообще там было много уважаемых и почтенных старцев, оказывавших мощное влияние на окружающих людей, но вот скажем еще два слова о монастырском духовнике о. Иоасафе. Он никогда не пропускал ни одной службы и никогда не позволял себе садиться в церкви во время длинных монастырских служб, даже в тех случаях, когда устав разрешает садиться. Он говорил, что, как духовник, носит на себе грехи всей братии и поэтому должен всегда стоять перед Богом. У него были ноги опухшие, но он так да своей кончины стоял, пересиливая свою болезнь. Много позже, когда после отречения Государя я покинул епархию и, с большим трудом переехал на Валаам, я застал там игумена Маврикия и вот мне монастырский банщик говорил, что у отца игумена ноги от болезни черные и для того, чтобы бороться со своей болезнью, он окачивает себя настолько горячей водой, что в нее нельзя опустить руку. Не думайте, что такой строгий аскетизм в жизни шел в ущерб хозяйственному процветанию монастыря. Наоборот, чем больше развивалось там благочестие, тем лучше шло и развитие хозяйственной жизни. Там усиливалась сельскохозяйственная промышленность, завелись лесопилки, скотские дворы и другие многочисленные отрасли хозяйства, при чем жизнь текла без всякой суеты, а настроение было такое, как будто в Палестинском скиту, где было 5–6 монахов.

Немирович-Данченко написал известный рассказ «Крестьянское царство», в котором описал жизнь Валаамского монастыря и высказал пожелание, чтобы такого процветания достигло крестьянство всей России, однако, как и следовало ожидать от этого писателя, он предлагал русскому крестьянству объединяться исключительно на экономических и

хозяйственных началах. Чего, благодарение Богу, не случилось и не случится, потому что русские люди способны объединяться в дисциплинированное общество только на религиозной основе.

Нужно сказать еще о Киево-Печерской Лавре. Светские люди думают, что Киево-Печерская обитель представляет собою развеселое и богатое общество. Во всяком случае первая часть этого представления есть чистейшая клевета. Эта обитель достигла своего наибольшего процветания при архимандрите Ювеналии, впоследствии бывшем архиепископом Виленским и Литовским. В первый раз я посетил Киев в августе месяце 1886 года, в звании простого иеромонаха. Мы подъезжали к Киеву от станции Бровари. Дорога шла лесом. И вот, вдруг, лес раздался на обе стороны и перед нашими глазами открылось как-бы небесное видение, заставившее дрожать сердце. Безчисленные золотые купола Киевских церквей как-бы стояли в воздухе и напоминали собой сходящий с небес Новый Иерусалим, который видел в видении Апостол Иоанн; затем окна вагона опять закрылись деревьями и лишь около железной дороги шпалерами видны были богомольцы, которые шли целыми неделями, не ели ничего, кроме хлеба и воды, а увидев Киев, падали ниц и целовали землю.

В Киево-Печерской Лавре я познакомился с двумя старцами: иеросхимонахом Николаем и схигуменом Антонием. Около их келий толпился народ. Не обходилось без комических случаев. Одна баба горько плакала и говорила о том, что она решила утопиться. «Почекай, почекай», ласково ответил ей старец, «бо холодна вода» (это было в марте). Эта баба успокоилась, конечно, не от холодной воды, а от участия к ней старца. Перед своей смертью, схимонах Николай написал трогательное завещание, которое расходилось в десятках тысяч экземпляров. В нем он говорил, что при жизни он по православному обычаю не расточал особых нежностей, но теперь, как бы из гроба, не может скрыть, что любит всех, как своих родных детей. Перед его смертью к нему приходил его друг схимонах Антоний и читал у его смертного одра акафист Успению Божией Матери, который является победным гимном над смертью. Старец Антоний, в монашестве Алексей, был в

монастыре с малых лет и поступил туда при следующих обстоятельствах: к Киевскому митрополиту Филарету, которого вполне справедливо Лесков, писатель в общем не очень достойный, изображал, как образец пастыря, явился генерал и жаловался на то, что его сын, предназначенный в пажи к Государю, потерял слух. Митрополит сказал, чтобы мальчика привезли к нему в день св. Пасхи. Когда мальчик пришел в назначенное время, митрополит обратился к нему с приветствием: «Христос Воскресе». Мальчик ответил: «Воистину Воскресе» и, к общему изумлению всех окружающих – он совершенно выздоровел. Генерал бросился к ногам митрополита, а затем хотел уводить сына, но митрополит сказал, что он останется здесь и будет пажем преподобных Феодосия и Антония Печерских. Генерал думал, что это старческая шутка, но мальчик заявил, что он не желает покидать лавры и остался в ней на всю жизнь. Я знал его глубоким старцем. Он тогда непрестанно плакал и говорил, что Россия погибает и погибнет. К нему приходили киевляне, просили его советов и благоговели перед ним. Погребен он в Голицеевской пустыне. У него остался достойный ученик и панегирик Алексей, который говорил о нем только со слезами.

Я мог бы сказать еще очень многое, но не позволяет время. Отвечу лишь на вопрос, откуда это все произошло? Все старцы имеют корни, конечно, в Св. Евангелии, в Житиях Святых мудрость великих Отцов Церкви. Они почти все были учениками Паисия Величковского, который во время господства у нас масонов, в царствование Императора Александра I-го, бежал в Румынию, где скончался в 30-ых годах, а своим ученикам завещал возвращаться в Россию и возстанавливать там монашество. И вот эти старцы, а также знаменитые Оптиные старцы Иероним, Макарий и Амвросий были учениками Паисия Величковского во втором поколении. Вот эти начала русской жизни были главным воспитательным и объединяющим фактором русского народа и материал об этом может послужить для глубоких научных философских выводов и исследований».

10. Посещение владыкой Антонием Глинской пустыни.

Владыка Антоний очень любил посещать русские монастыри не только своей епархии, но и другие русские обители, особенно славившиеся своим благочестием и строгостью жизни. Приезжая в такой монастырь, владыка вносил в него особое одушевление. Об одном из таких посещений знаменитой Глинской пустыни Курской епархии в 1909 году рассказывает в «Православной Руси» № 22, Ноябрь 1957 года архимандрит Серафим (Вербин), бывший собрат этого монастыря.

* * *

«Неожиданно для братии, проездом из Москвы, после монашеского съезда в Житомире, Обитель посетил архиепископ Волынский и Житомирский, член Свят. Синода, Антоний (Храповицкий). После обычной архиерейской встречи, в сопровождении настоятеля архимандрита Исаии и старшей братии владыка вышел из собора и крайне был удивлен архитектурой братских келий и вековыми возле них каштанами, напоминающими Киево-Печерскую Лавру. Но настоятель объяснил, что возобновитель Глинской пустыни о. игумен Филарет, современник Преподобного Серафима Саровского, видевший его святую душу восходящую на небо, быв в юности канонархом Киево-Печерской Лавры, при построении монастырских зданий, во многом придерживался лаврского плана и архитектуры. Как истый монах, владыка приходил в 12 часов ночи на утреню, выстаивал все богослужения, с восхищением слушал древние, по «крюкам», напевы, подобны «Егда от древа» и др.; стихиры, седальны, антифоны, ирмосы и херувимскую Печерскую. Владыка Антоний посещал старцев, интересовался ризницей и библиотекой, заходил в типографию, переплетную, мастерския и в «академию» – братскую прачешную, где каждый поступающий в Обитель должен «обмыться», и обязан пройти «курс послушания» от одного года до трех лет.

В день отъезда, после ранней литургии, владыка пожелал пойти пешком в Ближний Скит – на место явления чудотворной иконы Рождества Божией Матери. Вместе с другими о.о. был прикомандирован и я к сопровождающим его. Оставив работу на «Ремингтоне», я заблаговременно вышел из канцелярии и направился через сад к архиерейским покоем, где разноцветные розы, лилии, левкои, резеда и др. растения насыщали воздух своим нежным и утренним ароматом. Владыка стоял на балконе с ризничим иеромонахом о. Тимофеем без головного убора с открытой, внушительных размеров, головой, прикрытой рыжими волосами и с такой же широкой бородой и с улыбающимся лицом любовался, как смело и безбоязненно возле садовника о. Макария, поливавшего цветы, резвились старья и молодья белочки. В это время подошел просфорник о. Ираклий (Копычев) с прирученной маленькой белочкой, отбитой им у напавшего хищника в лесу. Когда о. Ираклий зашевелил орешками, белочка по рукаву спустилась в карман подрясника и моментально появилась на плече с орешком, и там же его расщепнула и съела, затем отправилась за вторым и третьим; продемонстрировав, спрыгнула с плеча и побежала к своим подружкам до вечера. Все сопровождавшие были у парадного крыльца. Владыка с посохом в левой руке, в клобуке, при одной панагии, важно сошел вниз; получив благословение все отправились в Ближний Скит. По дороге владыка беседовал с уставщиком-регентом, иеромонахом о. Аристархом о церковном пении, не одобряя новомодных напевов. Как только показались в чаще леса золотые кресты и голубые купола со звездами, раздался торжественный трезвон серебрянных скитских колоколов (дар благодетеля Копьева). Владыка остановился, вслушиваясь в трезвон, сказал: «Ну, это уж совсем, как в Ростове, только без Сысои»⁹ т. е. большого колокола, какой был в Ростовском Кремле, славившемся своим музыкальным трезвоном и большими колоколами при митрополите Ионе (Сысоеве), весом в две тысячи пудов. А когда ему доложили, что трезвонят послушники-слепцы из корзиной мастерской, то он тихо промолвил: «Да, Господь умудряет слепцы», и пожелал видеть их. После прошедшего ночью дождика, по влажному

песочку, мы подходили к вратам Скита; вдруг владыка поскользнулся и упал, но моментально с улыбкой встал и проговорил: «встахом и исправихомся». С благоговением и молитвою все вошли в тихий пустынный сияющий храм Святых Праведных Иоакима и Анны. Приложившись к престолу, осмотрев ореховаго дерева художественной резьбы иконостас и роспись храма, владыка сказал: «здесь чувствуется присутствие Божие, как на Хориве при купине». Выйдя из храма, подошли к могиле подвижника иеросхимонаха Макария, где была отслужена лития. На вечную память раздался умильный, нежно рыдающий похоронный перезвон каждого колокола в отдельности и всех вместе. Во время подхода к кресту заведующий корзиной мастерской, монах о. Патермуфий представил владыке звонарей-слепцов. Затем прошли на братское кладбище. У врат владыка истово перекрестился, наклонившись на посох с минуту молился, после паузы попросил пропеть «Со святыми упокой». Приложившись к образу Рождества Божия Матери, на месте Ея явления, мы, под трезвон колоколов, возвращались в обитель, откуда доносился звон тонкогласаго колокола, призывающаго братию на общую трапезу. По дороге от Скита владыка выразил сожаление о том, что не имеет времени посетить Дальний Спасо-Илиодоровский Скит, где подвизался старец схиархимандрит Илиодор, видевший печальную судьбу Российской монархии.

В 3 часа дня восьмисот пудовый колокол с 30 пудовым языком, раскачиваемый двумя звонарями, оповестил братию о напутственном молебне и о проводах архиепископа Антония. Владыка в соборном храме стоял возле настоятельской стасидии на большом ковре с парящим орлом, в архиерейской мантии. После молебна владыка приложился к чудотворному образу, поблагодарил настоятеля архим. Исаию и братию за радушное гостеприимство, трижды благословил всех и, после общего громогласнаго «Ис-полла эти деспота», с торжественным пением тропаря «Рождество Твое, Богородице Дево, радость возвести всей вселенной», проследовал до Иверских св. врат. А оттуда под малиновый трезвон колоколов и аккордов братскаго хора, в открытом экипаже четверка вороных

унесла навсегда великого иерарха Русской Православной Церкви, будущего – тогда говорили старцы – митрополита».

11. Соединение космополитического и патриотического религиозного идеала в русском народе.

15/28 июля 1932 года, на торжественном собрании в честь Св. Равноапостольного Великого Князя Владимира в г. Белграде владыка Антоний произнес речь, в которой сказал следующее:¹⁰

* * *

«Мы уже не раз толковали и писали, и печатали о Св. Владимире, о его историческом значении для русских и для Православия.

Теперь напомним о том, что он оставил в Киеве после себя и что оставили после него наши тогдашние враги татары.

Летописец говорит о том, что эти самые татары нашли в Киеве 800 церквей, а оставили после своего Геростратовского разорения 800 живых человек, а церкви все поразрушили, включая и Софийский собор и Соборную церковь Киево-Печерской Лавры.

В настоящее время зрителей поражает невысокий размер внутренности Софийского собора, а археологи соображают (и подтверждают это раскопками), что после разорения Собора возстановители онаго в XIV и XV веке не решились даже попытаться прибрать весь сор и обломки подлинного здания, завалившие прежний пол на две сажени, а предпочли настлать поверх них новый пол, почему и внутренняя высота собора значительно сократилась.

В 1918 году образовался большой Комитет под моим председательством, решивший посвятить на дело реставрации 2 миллиона рублей, выручив оные от продажи принадлежавших митрополии Киевской земельных участков в предместьях города. В Комитете участвовали все авторитетные представители исторической науки нашей и церковного искусства и уже приступили к работе, но как раз в это время было получено известие о том, что большевики захватили власть над Россией и объявили свои, с позволения сказать, законы, в силу которых, а точнее сказать, в силу физической

невозможности, пришлось отложить наши проекты до лучшего времени.

Не будем повторять тех известий о прежнем благолепии русской столицы, ибо это известно из летописи, а скажем только о том, что несомненно между двумя полами соборного здания хранится огромное количество архитектурных, а, может быть, и живописных драгоценных останков, до обнаружения и восстановления которых нам, конечно, уже не дожить.

С чем же осталась Русь после такого разорения?

Когда наши историки, вроде Муравьева, сравнивают древние храмы наши после татарского периода с остатками храмов древнейших, то ужасаются сравнительной бедности и мало вместительности первых сравнительно с древнейшими, как например Софийский Собор в Новгороде, Успенский Собор во Владимире, Софийский Собор в Киеве, судя по его первоначальным развалинам и, наконец, Церковь Св. Георгия на вратах Св. Софии, – судя по остатку ее сохранившегося фундамента высотой в аршин над землею.

Чем же утешаться было любителям церковного благолепия после Киевского разорения? Ожиданием культурного возрождения нашего отечества по свержении татарского ига? Да! Но это возрождение только начало сказываться и развиваться с XIII по XVII век, чтобы после себя предоставить дальнейшее развитие церковного искусства недоброй памяти Западному влиянию!

Почти так оно и случилось. Но огромным и потрясающим коррективом этого печального уклона явились два обстоятельства, исходившие из духа величайшего русского человека до ныне неоцененного неблагодарными соотечественниками, во достойно прославленного ученым англичанином Пальмером – разумею патриарха Никона, создателя Нового Иерусалима под Москвой и Иверской часовни в Москве.

Об этих творениях великого русского патриота и в то же время прославленного космополита мы писали уже не раз, а теперь добавим, что своим Новым Иерусалимом он расширил замыслы русского художественного гения до пределов всемирно

христианских и пересадила на русскую почву то, чем потрясаются сердца верующих до самой глубины. Благодаря Никону у нас в теперешней Московской губернии имеется точное подобие того, что составляет драгоценнейшую святыню христиан всех народностей.

Так вот она русская культура! Не русская только, но мировая, всемирная.

Новый Иерусалим стал в один ряд с излюбленными нашими национальными святынями – Лаврою преп. Сергия, Киевом и друг. подобными святынями, собирая в свои стены до 10 тысяч богомольцев в нарочитые дни.

Значение этого богомольческого подвига русских людей имеет еще то преимущество, что расширяет религиозный кругозор последнего до пределов Христова Евангелия и восполняет тот некоторый пробел в самообразовании русского народа, который чувствовался в недостаточном ознакомлении последнего с событиями земной жизни Господа Иисуса Христа.

При отсутствии достаточно обильного книжного материала в то время такое **предметное знакомство** с его содержанием, т. е. с Евангельскими событиями, имеет неоценимую заслугу в Христовой Церкви, и нужно было быть Никоном, чтобы решиться на такой смелый и совершенно новый в христианстве подвиг, чтобы не ограничиваться посылкой людей к св. местам, но и чтобы св. места приблизить к русскому народу.

Подобное же значение имеет и другой подвиг Никона – устройство в России чудотворного списка Иверской Божией Матери, одного – в Москве, а другого в Валдае Новгородской губернии. Теперь эти святыни до известной степени застенили собою все прочие местные святыни, хотя бы и древнейшие по церковному преданию.

Впрочем, это соединение космополитического и патриотического религиозного идеала свойственно вообще русскому народу. Его любимейшие предстатели перед Богом и предмет его поэтического одушевления не местные святые только, а те, которые сильнее других пробуждают благодарный отклик в сердцах и источник глубокого умиления, разумею Николая Чудотворца и Алексия, Человека Божьяго. Первый из

них жил в IV веке в Малой Азии, а второй в V веке в Латинском Риме, но едва ли кто из лучших людей, даже из прославленных святых, так дорог, так близок к народной душе, как оба эти избранники Божии.

Они вошли в состав русской культуры, как неотъемлимая скрепа русских душ и трудно сказать, потому ли русские их так полюбили, что нашли в них привлекательный пример райского настроения, которое носил в себе и последний по времени русский праведник Серафим Саровский, или потому, что нашли в одном выражение в высшей степени самоотверженного подвига, а в другом полное примирение с жизнью, как бы песнь торжествующей любви ко Христу и к людям.

Эти то два качества привлекают к русским людям и к русскому народу и к русской культуре даже диких инородцев Северо-Восточной Азии и даже бывшей русской Америки, т. е. Аляски.

Именно в Аляске русская культура настолько полюбилась тамошним иностранцам, что спустя еще много лет после перехода этой страны под власть Соединенных Штатов, местные иностранцы и слышать не хотели о том, что они уже граждане другого государства и продолжали писать всеподданейшие прошения нашему Государю Александру II, а иногда и прямые жалобы на невнимание и безсердечность своего нового правительства. Их нравственное тяготение к России и к русским не прекратилось до последнего времени и тем пронзало сердце наших добрых Государей двух Александров и Николая II, которые почти поневоле отдали чужеродным свое наследственное достояние за безценок.

Не думаю, чтобы обнаружившиеся потом золотые прииски на Аляске, доходы с которых значительно превысили ценность всех вырученных от продажи миллионов, более болезненно уязвляли царственные сердца, чем мысль о лишении таких любящих сердец, хотя и закутанных в звериные шкуры.

Нежность их сердец и тонкое нравственное чутье выясняется из известного предания о жизни религиозно-народного богатыря покойного митрополита Московского Иннокентия († 1873), который, начав свое миссионерское

служение в Аляске совсем молодым вдовым священником, а потом иеромонахом, там же получил сан архиепископа, а потом был рекомендован митрополитом Филаретом себе в приемника на Московскую митрополичью кафедру. Предание это писатель Лесков окрасил в сектантский дух, а Л. Н Толстой в антихристианский.

Предание говорит о том, что русский архиерей митрополит Иннокентий, посещавший на пароходе Алеутские острова, на одном из них нашел очень кротких и благоговейных трех инородцев, которые знали только одну молитву: «Трое Вас, трое нас, помилуй нас». Тогда архиерей похвалил их за любовь к молитве, которую они неоднократно повторяли с умиленными слезами, научил их общеупотребительным богослужебным молитвам, каковой урок они приняли внимательно и благоговейно. Но когда пароход с архиереем отошел от того острова, то сидевшие на нем с благоговейным ужасом увидели, что инородцы бегут за ними по воде. Быв приняты опять на палубу, они смиренно сознались, что забыли слова преподанных молитв и просили их повторить.

В благоговейном ужасе архиерей спросил их: «скажите о себе, как вы живете и как угодили Богу?» – ответ был таков: «мы живем очень дружно между собою, никогда не ссоримся и молимся Богу». «Скажите еще раз, как вы молитесь?» И вот, эти три инородца начали повторять эти немудреные слова, но уже с просветленными лицами и с восторженным умилением.

Тогда архиерей понял, что они приблизились к Богу, более чем лучшие наши догматисты и моралисты и предложил им и на будущее время довольствоваться этой краткой молитвой, сохраняя между собой мир и любовь.

Наши писатели постарались сделать отсюда противодогматические выводы, а мы, напротив, приняли уверенность в том, что сущность догмата Пресвятой Троицы была усвоена теми праведными инородцами, хотя и не в буквальном тождестве с тем, что мы усвоили из наших катихизисов, но по существу содержащейся в нем идеи со всей ясностью и нравственным величием православного догмата, ибо величие сего догмата в том и заключается, что три божественные Лица,

объединенная тождественным внутренним содержанием и взаимной любовью, уже не представляют собой трех Богов, но единого истинного Бога, и Господь наш не есть Бог разделения, но Бог согласия, как сказал Апостол.

Однако, не только чисто религиозные идеалы наших предков, но, если можно так выразиться, и мирские их чаяния и перспективы представляют собой тоже самое удивительное совмещение патриотизма и космополитизма, как и наш культ Николая Чудотворца и Алексия, Человека Божия. Высшая степень человеческого самоотвержения выражена в житии этого святого и только подвиг юродства во Христе может сравниться по силе самоотвержения с подвигом Св. Алексия: последний убил в своем сердце просившуюся в него ласку своей жене и родителям, а юродивый в борьбе со своей греховностью убивал в себе так называемое чувство собственного достоинства и обрекал себя на всевозможные унижения и оскорбления от людей. Прибавим еще, что такой своеобразный, почти исключительно русский подвиг проходил в России не только простолюдными, но иногда и просвещенными русскими людьми, которые могли бы иметь самую почтенную перспективу в своей жизни.

Таков был магистр богословия Оптинский иеромонах Мелхиседек, подвизавшийся в той обители в 60–70-х годах, совершенно неизвестный миру и признававшийся непроницательными знакомцами, как шут и плясун, до тех пор, пока другой подвижник благочестия, застоявшийся ночью на молитве под открытым небом, не заметил, что с ним молится в отдалении еще некто другой, открывший ему в эту достопамятную ночь все его личные тайны и снабдивший его мудрыми советами о том, как следует проходить подвиг молитвы.

Русские историки и словесники с благоговением повторяют знаменательный совет, с которым престарелый отец провожал на бранный подвиг своего сына Илью Муромца: «Не убей в чистом поле крестьянина, не помысли злом на татарина». Взялся бы любой иностранный бытописатель найти подобную высоту помысла в своих военных героях?

Когда я, в возрасте 23 лет, молодым иеромонахом, впервые посетил Киевские пещеры и целовал деревянные полированные гробы, то, как упоминал об этом ранее, я прочитал надпись: «Илья Муромец»; впоследствии эта надпись чьей-то неразумной рукой была переделана так: «Преподобный Илия из г. Муром», видимо шокируясь тем, что Киево-Печерский отшельник мог быть когда-то военным богатырем.

Между тем в древний русский рыцарский, или впоследствии казачий быт, издревле вошел обычай принимать монашеский образ по окончании своего военного подвига, что выражено в одной былине:

**"Смолоду много крови пролито,
Много было бито, резано,
Пора под старость душу спасти».**

Светские люди любят говорить о, якобы, бесполезности отшельнической жизни, о ее несоответствии человеколюбивому духу Евангелия, но такие речи свидетельствуют только о глупо самоуверенной неосведомленности таких горе-философов и о духе Евангелия и о духе монашества.

Не говорим уже о том, что достижение душевной чистоты и прочих добродетелей то единое на потребу, что определено Самим Господом Иисусом Христом, но укажем на другое слово Христово:

«Иисус сказал в ответ: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради Меня и Евангелия и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной» (Марк. 10, 29–30).

Что касается приобретения отшельником новых братий взамен покинутой семьи, то для подтверждения Евангельской мысли достаточно напомнить, что в далекой и суровой Египетской пустыне в 3-м веке преподобный Антоний и Пахомий объединили вокруг себя десять тысяч отшельников, а суровые и отдаленные от человеческого жилья острова – Соловки (на Белом море) и Валаам (на Ладожском озере) привлекли в свое братство по две тысячи отшельников.

Но что еще удивительнее того, и древние Египетские и почти современные нам русские отшельники, отрекшиеся от всего земного и отложившие всякия заботы о житейском, оправдали собою слова Спасителя не только о ближних, но и о селах и городах. Так и на Соловецком острове и на Валаамском давным давно как бы сами вырастали из земли огромныя постройки, доставлявшия и кров и пищу и разумный труд тысячам ревнителей благочестия и при том не только на суровом севере, где самая природа привлекает людей к аскетической жизни, но и на роскошном юге, а именно на старом и на новом Афоне, обогатившемся грандиозными заводами, водопроводами и фабриками.

Русский писатель Немирович-Данченко, по своему малоумию, даже сетует на то, что русский технический талант созидает такие чудеса искусства и техники – не иначе, как под эгидой религиозной, церковной идеи (см. его книжку «Крестьянское царство»), но мы в этом видим не недостаток социально-экономического развития русского народа и вообще православных племен, но их превосходство над уровнем обычного искательства счастья и следование Господнему глаголу: «ищите же прежде Царствия Божия и правды Его и сие вся приложатся вам».

Напротив, те люди, которые не искали Царства Божия, никак не могут добиться «сих всех», что видно из неудачных попыток устроить Ленинскую электрификацию Русской земли, равно из их пресловутых «Волховстроя» и «Днепростроя».

Здесь мы присутствуем при повторении безумных затей построения Вавилонской башни, окончившейся смешением языков.

Из Библии не видно, насколько образумились древние народы в своей неудаче, но будем надеяться, что новый народ русский православный скоро образумится и на нем оправдаются Евангельския слова о приобретениях теми разумными людьми, которые, подобно Апостолу, могут сказать Христу: «Се мы, оставихом вся и вслед Тебе идохом» (Марк. 10, 28)».

12. Приветствие собранию в день св. Владимира.

Русский народ.

В 1934-м году владыка Антоний прислал собранию русских православных людей в день св. Равноапостольного Великого Князя Владимира следующее приветствие:¹¹

* * *

«Приветствую именем Господним Владимирское собрание и, будучи слишком слаб, чтобы лично посетить его и принять участие в чествовании Св. Владимира, прошу всех участников принять мое сердечное приветствие с этим священным днем русских христианских воспоминаний и при этом хочу выразить надежду на то, что, несмотря на все ухищрения врагов св. Веры, она вновь прославится в русском народе, как это было после татарского ига.

Правда, то иго было несравненно более легкое, нежели иго современное для русского православного народа, ибо тогда все были верующими: одни – христиане, другие – магометане, третьи – язычники; но не было специальных врагов христианской и всякой другой веры, которых наплодили большевики.

Прежняя гонения, иногда тоже сопровождавшаяся убийствами верующих во Христа, мы избыли и при том настолько победоносно, что новая поколения, т. е. потомки безбожных татар и других полудиких инородцев, добровольно и постепенно покорялись слову веры, проповеданному христианскими пастырями, а современные враги Христовой веры, борющиеся против нея огнем и мечем и безбожной проповедью, являются нарочитыми ея врагами, вдохновляемые иудеями, потомками Христовых врагов, личных ненавистников Господа Иисуса Христа и Его св. Апостолов.

Не только примирения с ними, но и смягчения того злобного чувства, с которым они относятся к православным христианам, ожидать пока невозможно, ибо враги Христовы находят особое наслаждение именно в том, чтобы терзать невинные тела современных христианских мучеников.

Таковы были замученные ими блаженной памяти митрополит Киевской Владимир († 1918 г.), митрополит Петроградский Вениамин, еще сравнительно молодой иерарх († 1919 г.) и мн. друг. Пора и всем нам убедиться в том, что истинные христиане давно знали, т. е., что самое крещение в веру Христову связано с постоянной готовностью крещеных пролить свою кровь за Христа и верных Ему св. Апостолов, как говорится в Евангелии: «Кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником» (Лук. 14, 27).

Таких христиан, предпочетших мученическую кончину отречению, не мало было и среди мирян, преимущественно простолудинов, а также и среди духовенства и даже иерархов, облагодатствованных безстрашным исповеданием Христовой веры, в которой да укрепит и нас всех Господь, чтобы не стыдиться нам креста Господня и не быть сочтенными в полку Его врагов (Флп. 3, 18), о коих упоминает Апостол Павел в послании к Филиппийцам, а быть достойной паствой Св. Равноапостольного Князя Владимира».

13. О покорности русского народа воле Божией.

1/14 октября 1930 года, в день Покрова Пресвятыя Богородицы, владыка Антоний произнес поучение о покорности русского народа воле Божией. Это поучение было нами записано:¹²

* * *

«Праздник Покрова имеет своей причиной событие, происшедшее в Константинополе в X веке и заключавшееся в том, что праведный человек, юродивый Андрей видел на небе Божию Матерь с простертым омофором в то время, когда эта христианская столица была осаждена варварами со всех сторон. Вскоре после этого войска варваров были чудесным образом потоплены в Черном море и христианская столица была освобождена.

Нечто подобное в истории Церкви совершилось спустя много времени в том же Царьграде, осажденном русскими язычниками (скифами).

Вот это видение одного юродиваго человека и события, послужившая к поражению наших предков, и являются причиной нашего праздника. В настоящее время день этот празднуется только в России, причем русский народ так полюбил этот праздник, что приравняет его к двенадцатым праздникам, когда воспоминаются события нашего спасения и сошествия Св. Духа. Кроме того, русский народ по всей России соорудил множество храмов, посвященных Покрову Пресвятыя Богородицы.

Некоторые говорят – почему мы празднуем печальное событие нашей национальной истории, а именно поражение наших предков Киевлян. Но говорят это те, которые не понимают, что русский народ считает своими настоящими предками не тех, от которых он произошел по плоти, а тех, от кого он родился духовно, не взирая на различие рас и племен.

Чудесное избавление Константинополя от нашествия варваров и Киевлян напоминает чудесное избавление израильского города Доаима по молитвам пророка Елисея.

Город этот также был обложен со всех сторон врагами и защитник города спрашивал пророка Елисея: «Увы, господин мой, что нам делать?» Тогда, по молитвам пророка Божия, открылись умственные глаза защитнику и он увидел множество воинов и гору, наполненную множеством огненных коней и колесниц, и вслед за этим осаждавшие городь Сирияне ослепли и были отведены, как малыя дети в Самарию, столицу Израильского царства. Здесь царь хотел было их истребить, говоря Елисею: «Не избить ли их, отец мой?», но Елисей сказал: «Нет, не делай этого, разве своей силой ты взял их. Предложи им хлеба и воды, пусть едят и напьются и пойдут к государю своему». Так царь и поступил. И не ходили больше полчища Сирийския в землю Израилеву» (4Цар. 6, 15–23).

Так покорялись воле Божией богоизбранные народы. Русский народ до самого последнего времени также умеет покоряться воле Божией. Наш народ понимает, что все, что не случается с людьми, даже преждевременная смерть, направлено к вечному спасению, что человеку, кроме его самого, ничто не может повредить и что все должно приносить к ногам вечного спасения. Поэтому русский народ высоко чтит страдания праведников и из святых более всего почитает таких, как мученики Борис и Глеб, невинно пострадавших от своего брата, или преподобных Антония и Феодосия, добровольно обрекших себя на лишения и страдания, или преподобного Серафима, великими подвигами покорившаго страсти и бывшего другом народа. Все, что с нами случается не по нашей воле, направлено к вечному спасению. Апостол Павел, заботясь не о каких-либо внешних делах, а о душевном мире, просил Господа, чтобы от него отступил Ангел сатаны, т. е., чтобы его оставили искушения к греху. Но Господь ему открыл, что он должен переживать эту внутреннюю борьбу, опираясь на живущую в его сердце благодать Божию и всегда выходя из нея победителем.

Не будем распространяться о современных русских страдальцах в их терпении в отношении их рабства, но все же и здесь есть все та же великая черта русского народа –

покорность воле Божией. Конечно, черта эта ничего общего не имеет с беспечностью, соединенной с неверием в Бога.

Вот поэтому теперь, когда нашу святую землю пленили современные варвары, мы не должны роптать, но должны твердо знать, что пока мы возносим наши убогия молитвы, мы никогда не можем быть оставлены и что все, что с нами происходит, направлено к нашему спасению. Повредить себе мы можем только сами.

Преданность воле Божией составляет великую черту русского народа, единственного в мире, сознательно стремящегося к Богу, и поэтому русский человек сохраняет царственное спокойствие и в радости и в горе и считает себя внутренне свободным при самом жестоком и безчеловечном рабстве и унижении».

14. Главные отличительные черты русского народа в иконописи и в празднике Воскресения Христова.

В 1931 году владыка Антоний написал такую заметку о русском народе:¹³

* * *

«Русский народ создал чисто русскую национальную живопись и, главным образом, иконописание.

У современных народов никакого иконописания теперь вообще нет, оно относится к древности и только русский народ имеет таких современных гениев, как Васнецов и Нестеров.

Замечательно, что они являются не индивидуальными талантами, а выразителями чисто народного творчества.

Византийской средневековой живописи была чужда та черта, которой отличается русская живопись. На старческих изнеможенных ликах древне-русских святых – есть две замечательные черты – умиление и примиренность.

Есть замечательная картина Васнецова – Святитель Гермоген. Художнику удалось на открытом русском лице Святителя изобразить непреклонную волю и святое умиление.

Вот этих черт чужда первая в мире Византийская живопись. Русская живопись в этом отношении ее превосходит.

В Византии высшие таланты живописи обнаружили в XIII веке, в лице афонского монаха Мануила Панселина, оставившего по себе целую школу живописцев, но, однако, наши Васнецов и Нестеров нисколько не уступают тем великим художникам.

Другая отличительная черта русского народа среди прочих православных – это празднование Воскресения Христова.

Правда, и в Византии – этот праздник был велик и в Сербии сохранились великолепные пасхальные обычаи. Если мы теперь их не понимаем, то только потому, что мы отстали от высокого идеала в них вложенного. Однако, никто не может сравниться с русским народом в праздновании Воскресения Христова.

Народ, который воспел праздников праздник так горячо, всем сердцем, не может не иметь своей души.

Слова Пасхального поучения, читаемая в самой захолустной церкви, потрясали русские сердца:

"Воскресе Христос – и падоша демоны».

«Воскресе Христос – и ликовствуют ангелы».

«Воскресе Христос – и мертвый ни один во гробе».

Народ, живущий памятью Воскресения Христова и одушевленно верующий в победу жизни над смертью, должен и сам воскреснуть, т. е. возродиться к духовной жизни, как воскрес и Господь Иисус Христос».

15. Наше общественное призвание¹⁴.

О русском общественном призвании владыка Антоний написал следующую статью:

* * *

«Красноречивее всех и убедительнее всех говорил и писал об оторвавшемся от народа русском интеллигенте Достоевский.

С первого взгляда может показаться, что он в желаемом общении русской интеллигенции с народом видит лекарство от всяких общественных затруднений и даже как бы замену религиозного и нравственного развития человека.

Впрочем, чтобы оценить это необходимо принять во внимание тот почти суеверный страх, который питало русское общество ко всякому напоминанию о Церкви, о православной вере и отчасти вообще ко всякому напоминанию о наших человеческих обязанностях по отношению к Богу и ближнему.

Все это обстоятельно изобразил в четырех разговорах симпатичный писатель Гончаров.

Эти четыре разговора замечательны тем, что они весьма энергично подводят читателя к усвоению положительных и чисто христианских начал жизни, но все таки удерживают его как бы за фалды его сюртука от окончательного перехода в область Христова учения саркастическим замечанием некоторых собеседников в виде издевательского повторения четырех слов: Dueu, Dueu, Dueu, Dueu. Мысль тут такая, будто бы русские люди, попытавшись философски определить положительные цели жизни, тут же обнаруживают свое бессилие предложить какое-либо определенное содержание для охранительных начал и быстро обращаются к самому шаблонному благочестию.

Автор этого замечательного очерка только в своем эпилоге представляет попытку указать определенный путь для положительного общественного прогресса и находит его в православном панславизме, упуская, по-видимому, из виду вслед за другими талантливыми писателями, то обстоятельство, что панславизм для народа, разделенного на два борющихся между собою духовных лагеря (православие и

католичество), едва ли может быть положен в качестве проводника православного объединения. Поэтому лукавые католики-паписты уже вот около 100 лет стараются вырвать знамя Православия из рук русских мыслителей и вложить им против воли знамя римско-католическое, не стесняясь тех абсурдных выводов, которые следовали бы из такого рецепта. Это заметил даже такой скептик, как Некрасов в известном двухстишии:

"Помню я. Мне князь N.N. говорил:

«Я, душа моя, славянофил».

«А религия ваша?» – «Католик!»»

Небольшое дело два стишка Некрасовских, но они прекрасно объясняют, какое поверхностное отношение к Православию обнаружили эти «мыслители» и как неразумно полагаться на них в своих религиозных убеждениях.

Мы уже упоминали о том, что религиозные элементы в нашем обществе поставлены так слабо, что делать их исходным началом наших разсуждений о религии совершенно бесполезно. Здесь уместно будет привести изречение Некрасова:

"Суждены нам порывы благие,

А свершить ничего не дано».

При всем том душа русского человека не хочет мириться с таким приговором над лучшими русскими устремлениями, а русская мысль продолжает напряженно искать себе путей для выхода по ним на твердую почву сознательных воззрений на наше общественное призвание в жизни.

Более светлые надежды можем мы усвоить из области церковного искусства. Здесь мы встречаем больше согласованности и устойчивости в принципах.

Вот почему умнейший из плеяды князей Трубецких решился перенести свой призыв к возвращению к православным основам жизни в область литургическую и выступил в самый революционный момент взбалмошной жизни с замечательным, хотя и довольно кратким произведением, под названием «Идеи в красках», в котором с полным благоговением описывает лучшие произведения нашего искусства, при чем успевает дожидаться более безпристрастного отношения читающей

публики к названной теме, чем это можно ожидать в прямой проповеди в богословских и моральных истинах.

Читающая публика отнеслась к книге Трубецкого чутко и во всяком случае не враждебно. Такое же отношение к идеям в красках, т. е. к религиозной живописи, можно ожидать и от других представителей искусства, как это доказали Васнецов, Нестеров и другие мастера, объединившие до известной степени в этом интересе к церковному искусству столь враждебные лагеря, как православных и раскольников-безпоповцев.

Вообще, область искусства – живопись, музыка, пение и декламация – вот поприще, наиболее доступное для обратившихся к основам нашей русской жизни бывших отщепенцев Церкви и народа, и здесь то надо ставить мост между ними и Церковью.

А если суждено русским беженцам постепенно возвращаться к основам церковно-народной жизни, то в таком случае наше искусство достигнет, конечно, больших успехов, чем это удалось философии и науке.

16. Берегите народные сокровища. (О Васнецове и Нестерове).

В 1925-м году, когда в России свирепствовал жестокий голод, за границей были получены сведения о том, что в России находятся в большой нужде и чуть ли не умирают с голода великие русские живописцы Васнецов и Нестеров. Тогда владыка Антоний, под впечатлением этого известия, написал статью, под приведенным названием, в которой высказал свои мысли, как о творчестве этих знаменитых мастеров, так и о задачах русского церковного искусства.

* * *

«На сих днях я получил печальную весть о том, будто наши гениальные живописцы – Васнецов и Нестеров чуть ли не умирают с голоду. Неужели ко многим причинам позора русского народа суждено присоединиться еще одной причине тяжкого позора, если действительно окажется, что эти оба светила благороднейшего искусства умерли от голода. Да не будет этого!

Русская живопись, по общему признанию, – первая в современном мире, а названные два мастера – первые среди русских талантов. Оба они – возстановители православного, т. е. византийско-русского стиля живописи. Ими совершен поворот от итальянско-немецкого искусства, чувственного и горделивого, к православному, одухотворенному и смиренному.

Это громадная, вековая, многовековая заслуга перед искусством, перед православным христианством, перед Россией, перед человечеством, перед Богом, а Киевско-Владимирский собор, как главная сокровищница их вдохновений, должно признать восьмым чудом в свете. Прибавим к сказанному, что наши живописцы не только возстановили, но и усовершенствовали византийско-русский стиль. Они несколько разнятся и друг от друга и от прежних, тоже истинно православных иконописцев. Разумею, конечно, не только технику живописи, которая у последних была совершенно патриархальной, но и художественные идеи,

вложенные нашими гениями в изображения Спасителя, Богоматери, ангелов и святых.

Христос-Спаситель у византийских художников – всеведущий и справедливый Судия, взирающий на будущее сквозь мрак веков, и в сердце грешных людей, обличая их лукавство. У древних русских живописцев Он – кроткий Утешитель скорбящих, а Богоматерь и святые – не только образцы целомудрия и носители восторженного вдохновения, как у византийцев (например, у гениального Мануила Панселина, афонца 13-го века), но прежде всего умиленные сердцем и душой образцы глубокого смиренномудрия и печали о мировом зле и о собственных согрешениях.

Васнецов и Нестеров разнятся между собой; первый, как богослов по образованию, является более отрешенным от наличной жизни, второй – более национальным, русским, даже деревенским созерцателем. Конечно, при всем том, оба остаются чисто православными и национальными мастерами и совершенными в области научной техники. Восторженное вдохновение, духовность и чистота сердца – творчество Васнецова; тихая грусть, нежное умиление и преданность воле Божией – творчество Нестерова. Первый отрешает созерцателя своих картин от будничной жизни и увлекает к небу, второй – низводит небо на землю и раскрывает его влияние на жизнь народную, в частности – русскую. Васнецов берет идеи Иоанна Богослова и любит Апокалипсис; Нестеров воспринимает дух евангелиста Луки и постоянно воспроизводит идею притчи о блудном сыне, возвратившемся с раскаянием к своему милосердному отцу.

В 1917–1918 годах я беседовал с обоими. Тогда Васнецов читал в частном собрании 400 человек членов Всероссийского Церковного Собора полтора часовую лекцию «О превосходстве византийско-русской живописи над западно-европейской», в частности итальянской. Аудитория пришла в восторг от лекции и поручила мне приветствовать великого мастера; я говорил, что если и погибнет Россия, как государство, то не погибнет русский гений и не пропадут картины Васнецова до Второго Пришествия, если не в подлинниках, то в копиях. Вид его картин среди

нашей современной Вальпургиевой ночи является тихим светом и настойчивым призывом к покаянию и просвещению духовному, как в известном стихотворении А. Толстого о мелодии, сияющей вразумить своего глубоко падшего композитора:

"И в туманной дали рисовались
Берега позабытой отчизны,
Неземные слова раздавались
И манили назад с укоризной».

Убеждение Васнецова о задачах церковной живописи сводится к тому, чтобы искусство, сохраняя современную технику, возвратилось всецело к заветам XVII века, когда русская народная жизнь, достигши своего высшего расцвета, до которого нам пришлось и еще придется с усилием подниматься в области иконописания.

Его последняя грандиозная картина – Страшный Суд, где с особенным гениальным подъемом изображена Пресвятая Богородица, предстоящая Вечному Судии, как ходатайница за людей (село Гусь, Владимирской губ.).

Нестеров – чисто русский, с самым скромным мнением о себе, философ и художник. В захолустной, родной ему Уфе, я всматривался в его иконы, которые сияли, как светлая радуга, в скромной церкви учительской школы села Благовещенского, в 25 верстах от города. В последнее время он пришел к убеждению, что он не призванный иконописец, ибо на этой специальности художник должен не столько творить, сколько вспоминать и переносить на полотно опыты и переживание не свое, а обще-церковное. Его более притягивает та область религиозного искусства, где он может творить и воспроизводить преимущественно новые переживания людей, конечно, в области религиозной. Его картина «Святая Русь» облетела в копиях и гравюрах весь мир. Другая – «На пути ко Христу» воспроизводит ту же идею, что и первая: стоит Христос Спаситель посреди русского пейзажа, а к Нему идут, спотыкаясь и отклоняясь подчас от прямого пути, не только восторженные праведники, не только кающиеся, как на первой картине, но и колеблющиеся, и даже сошедший в сторону от спасительной

тропинки Лев Толстой. Художнику более всего удаются типы русских благостных старцев-отшельников и смиренных богомолков, примиренных с жизнью и со своими страданиями и лишениями. За последние 10 лет Нестеров стал писать портреты современных писателей, выразителей русских идей.

Великая слава этих гениев кисти, но современность наша при всех своих симпатиях к обоим, еще не доросла до достойной их оценки. Эти два гения – дар неба погибающей Руси и всему цивилизованному миру. Вот им приличествует этот ромб Некрасова:

**"Становись народ перед ним на колена,
Увенчай его кудри венком».**

Достойно оценит их потомство, как оно оценило Пушкина и Достоевского.

И эти два человека умирают от нужды, чуть не от голода.

Не умею я организовывать сборы пожертвований; сам, конечно, дам, сколько могу, и более того, ибо я сам полунищий; но я призываю общество, то есть всех русских эмигрантов, образовать во всех центрах комитеты и собирать суммы: 1) для поддержки их физической жизни и 2) для обеспечения обоим выезда за границу или, если они не пожелают, то для устройства им благоприятных условий для продолжения их гениального труда. Двоим не очень много надо. Васнецову уже более 70 лет, Нестерову более 60, это светлые лучи заходящего солнца. Стыдно будет русским, если такую задачу примут на себя иностранцы или иностранные государства, а последнее весьма возможно, ибо искусство торжествует над разделением национальными, даже над конфессиональными. Я прошу сербских и иностранных публицистов перепечатать приведенные сведения о великих художниках, целиком или, хотя бы, в выдержках».

17. О церковном искусстве и о русской литературе¹⁵.

В последующие годы владыка Антоний продиктовал нам ряд статей о церковном искусстве, в которых коснулся не только церковной живописи, но и других видов искусства в отношении их нравственного воздействия на души людей. Эти статьи были напечатаны нами в нашей газете. Следует также отметить, что в «Полном Собрании сочинений» владыки Антония, изданном в 1911 году в С.-Петербурге, в III томе, стр. 617 помещена очень ценная статья владыки Антония на эту же тему под заглавием: «Возрождение церковного искусства», выдержки из которой нами приведены во 2-м томе «Жизнеописания» стр. 132 и к которой мы отсылаем читателя.

I.

«Русское общество, даже в лице своих прямых отщепенцев от православной веры, не может поднять камень на церковное искусство, но в этой области обнаруживает и безкорыстную симпатию, и эстетический вкус и, вообще, хотя бы на время, готово бывает отказаться от своего безнадежного пессимизма в отношении ко всему русскому. Начните разговор даже в чисто светском нецерковном обществе о красотах наших храмов, икон и богослужебных напевов, и всегда найдете среди даже немногочисленного количества слушателей внимание и сочувствие.

Пишущий эти строки в 7-летнем еще возрасте, бывший проездом через Москву, восхищался совершенно непосредственно красотой храма Василия Блаженного, а впоследствии сочувственно присоединялся к отзывам знатоков о том, что этот храм может быть по всей справедливости назван 8-м чудом в свете, представляя собою попытку русской архитектуры соединить в одном здании все наши народные стили. Напротив, угроза большевиков разрушить памятники народного искусства встречала в совершенно различных кругах общества такое дружное негодование, как этого не было при осквернении двух грандиозных храмов – Исаакиевского и Казанского соборов в Петербурге; красоту этих храмов еще никто не решился отрицать, но и признавать их чем-то по преимуществу близким народному сердцу не решались ни знатоки в области искусства, ни простое благочестивое чувство народа, которое больше умилялось сравнительно убогими храмами в Москве, Новгороде и других древних церковных сооружений, а к названным монументальным святыням относилось с почтительным равнодушием.

Не будем уже говорить о том огорчении, которое вносилось в русския сердца видом совершенно католического типа соборной церкви Александро-Невской Лавры, а равно и прочих церквей эпохи Государя Александра I-го, во много раз

напоминавших собою больше костелы, а то даже лютеранскую кирху, нежели православный храм.

В заключение нашего литургического очерка скажем, что ни одна область церковного искусства еще не подвергалась такому безцеремонному искажению, как живопись и архитектура св. храмов, которые, все-таки, не могли окончательно оторвать православных сердец от благоговейной любви к своим святыням, хотя и не могли не оставить своего растлевающего влияния на внешний вид последних. Кстати упомянем о том, что борьба западного стиля архитектуры и живописи велась представителями искусства XVIII и XIX века с таким упорством и наглостью, что охранять священные памятники Православной Церкви от их растлевающего влияния пришлось представителям церковным только при помощи непростительных уступок, которые так и запечатлелись на этих памятниках. Так, в Исаакиевском соборе Петербурга изображения Деисиса совсем было постарались наши реформаторы обратить в грандиозную статую, но, спохватившись (вероятно под влиянием Высочайшего Двора), устроили еще менее терпимую пакость, отделивши рельефные изображения голов и лиц св. угодников и самого Христа Спасителя от их рельефных подножий и заменив их совершенно вопреки правилам эстетики **небольшими тарелочками**, на коих написанными оказались соответствующие священные изображения. Конечно, русский народ, русские богомольцы и духовенство все это претерпело и тем несколько смягчило негодование немногих образованных в церковном отношении посетителей св. храма, предпочтивших безобразие эстетическое пред слишком уже грубым нарушением церковного предания.

Еще менее был свободен от еретического (римско-католического) влияния другой грандиозный собор бывшей столицы, т. е. собор Казанский, в котором и рельефные статуи, окрашенные в черную краску, остались неприкосновенными и был упразднен тот исторический полукруг (алтарная апсида), который охранялся во всех православных храмах.

Увы, должно сознаться, что православное духовенство, тогда порабощенное «культурной» модой, не съумело, или не

посмело выступить в защиту общепринятой церковной традиции.

Заметим кстати, что православная живопись и вообще православное искусство, не допуская такого слепого подражания еретикам, но допуская в храмах Божиих живопись, но отнюдь не барельефы, свойственные вообще искусству язычников и еретиков, охраняет православных от идолопоклонства, что усвоил простой русский богомолец поклонник, который обыкновенно выходит из себя, встречаясь в церкви с барельефами и не скрывая своего крайне отрицательного к ним отношения, а называет даже наиболее терпимые отступления от православного метода священных изображений, при чем в простоте души доходит до педантизма. Так, взяв в руки еще неосвященное изображение – Господне Распятие, но заметив, что колени Божественного Страдальца несколько отделяются от самого креста, он отказывается принять эту святыню для поклонения и заявляет, что это вовсе не Господь Иисус Христос, а тельный «бог Эпикур».

Чтобы окончательно убедиться в своем, хотя бы ошибочном представлении, русский богомолец пропускает булавку между самым изображением креста и божественным телом и, убедившись в том, что оно представляет собой рельеф, с большим неудовольствием перестает взирать на такое изображение распятия. Впрочем, в самое последнее время представители русского искусства опомнились и стараются держаться строго церковной традиции.

II.

В чем же сущность православного стиля в церковном искусстве? – разумеем церковную живопись или иконопись, церковную музыку, церковную архитектуру и вообще русскую литературу.

Отвечаем сперва кратко: **в постоянном попечении о нашей душе, – в молитве об очищении души от греховных дел и помыслов, в постоянном тяготении к Богу, выражающемся в молитве об очищении сердца, о прощении грехов и в призывании помощи Божией. В этом смысл постоянно повторяемых христианином слов: «Боже, очисти мя грешного», которыми начинается всякая молитва христианина.** Мысль этой краткой молитвы становится постепенно постоянным настроением его и с нею он приступает ко всякому начинанию. Также во всех житейских предприятиях он всегда держит в душе своей такую мысль и это самый существенный признак, по которому верующий христианин отличается от безбожника.

Возвращаясь к изъяснению свойств православного искусства, мы должны сказать, что эта же мысль воплощается в нем во всех произведениях художественной кисти, резце ваятеля, в мелодии певца, в проэkte архитектора и в произведении литератора, если они имеют право назвать свое искусство христианским. Напротив, всякий мастер, охваченный страстями, вносит их с большей или меньшей долей своего греховного успеха в свои произведения. Вот почему Лев Толстой склонен находить во всякой музыке созвучия Крейцеровой сонаты, пробуждающей в грешном человеке чувственные пожелания.

Во всяком случае переход от звуков, красок и художественных образов к соответственным чувствам добрым или порочным, свойственен обычному человеку и усваивается быстрее и сильнее, чем теоретическое рассуждение. Вот почему и слезы, и другого рода волнения быстро охватывают зрителей, слушателей и читателей произведений искусства,

которые являются наиболее удобным средством для воздействия на воображение и волю участников.

Вспоминается мне басня И. А. Крылова: «Писатель и разбойник влияние деморализующей литературы, несравненно более губительное для людей, нежели профессиональные убийства и грабежи. Эта басня печатается не во всех изданиях своего гениального автора, о чем стараются наши издатели – нигилисты, помещающие эту басню в самом конце своих сборников, или даже вовсе ее опускающие.

Если бы мы вздумали перечислять по именам писателей, шедших по следам Крыловского отрицательного героя, то, конечно, получился бы огромный список, просто бесконечный, как поминание деревенских старушек, которые вписывают в него столько имен, что бывають не в состоянии припомнить даже половину их, – но, опасаясь «раздразнить гусей», переходим непосредственно к разсуждению об искусстве.

Мы уже упоминали о том, что самым сильным способом повлиять на волю и разум читателя считаются те произведения искусства, в коих так называемое «нравственное приложение» вовсе не приводится, а предполагается само собою понятным для читателя или слушателя.

Хотя такое понимание, вероятно, касается не всех произведений пера и художественной кисти, и мы не можем согласиться с теми, которые считают эти нравственные приложения известным минусом в литературе: но нам кажется, что одно при другом являются в удачном исполнении слогаемыми, а не вычитаемыми, особенно при краткости и силе выражения, как например, в Крыловской басне «Ворона и лисица», в которой мораль басни пишется в ее самом начале.

Тоже должно сказать и о крупных произведениях литературы.

Во всяком случае обличительная картина известного художника «Нана», лишенная нравственного приложения, так и оставалась непонятной зрителями, если допустить мысль о добром намерении художника, а равно и о том, что вредное влияние помянутой картины на зрителей не было плодом

недоразумения, но совпадало с преступным намерением живописца.

Преподаватели средней школы любят ссылаться на Гоголевских типов, коих описание не сопровождается обыкновенно нравственными выводами, каковые делать предоставляется самому читателю.

Действительно, во времена Гоголя, когда нравственное сознание читателя было в достаточной степени высоко, изложенная точка зрения была, вероятно, совершенно разумна, но в позднейшее время, авторам пришлось иметь дело с настолько развращенной средой читателей, что для большинства последних начал возникать вопрос: на чьей же стороне стоит сам автор, и какие типы – отрицательные или положительные, он желает начертать в своем произведении. И, если занявший читателей вопрос о том, правильно ли поступила Онегинская «Татьяна», отвернувшись от незаконной любви своего обожателя, разрешался большинством в положительном смысле, – то в «Обыкновенной истории» Гончарова подобный же вопрос в отношении к главному герою повести, едва ли разрешается настолько дружно.

Не говорим уже о позднейших повестях наших писателей, из коих многия, а может быть и большинство, любят представлять черное белым, а белое черным.

И, при всем том, мы настаиваем на той мысли, что для русских читателей наша классическая литература остается и по сие время самым сильным рычагом для воздействия на их нравственное сознание, а помянутая басня Крылова: «Писатель и разбойник», как бы нравственным катихизисом, с которым волей неволей соглашается большинство русских читателей и писателей.

III.

Уже сказано, что православное искусство должно выражаться или определяться как стремление души к всесовершенному Богу в борьбе со своими и общественными недостатками и страстями.

Игнорирование этой стороны дела повергает художника в самообольщение или так называемую прелесть. На этой отраве и развилось то постыдное явление, что поэзия религиозная и эротическая, несмотря на полную противоположность идей, которая в них вложены, довольно часто выплывали из одного и того же пера. В этом отношении погрешало и искусство итальянское и немецкое и даже испанское, в котором начала эротические и начала религиозные, как бы забывая о своей несовместимости, старались ужиться друг с другом вместе.

Не помню я хорошенько кому принадлежит выражение «красота спасет мир» и тут же другое «красота погубит мир».

На монашеском языке подобные промахи литературного или художественного творчества называются – **прелестью**, т. е. самообольщением, которое начинается у людей высказыванием разного рода парадоксов и завершается форменным помешательством. По этому пути пошли такие писатели как Розанов, Мережковский и многие другие, а отдельные симптомы такого печального явления свойственны большинству писателей так называемого мистического направления, и не дай Бог, чтобы все его представители закончили свое дело тем же способом, т. е. в качестве призреваемых душевной больницы.

Впрочем обратимся к более нормальному ходу поэтического творчества, при чем, не будем останавливаться над теми отклонениями от него, о которых мы вскользь упомянули, а пока скажем только о том, что так называемое декаденство в литературе и вообще в искусстве является наглядным примером помянутого нежелательного явления и при том в такой степени, безобразной и нелепой, что и говорить об этом стыдно и за русскую науку. Дело в том, что к прочим сомнительным свойствам писателей декадентов, издавна

присоединялась и русская лень, т. е. нежелание, а потом даже и неспособность, на чем-либо серьезно сосредоточиться в уверенности, что «кривая вывезет», т. е., что русские читатели по своему неисчерпаемому благодушию и по своему суеверному уважению к всякой напечатанной в типографии странице, не возложат на писателя обвинения в безграмотности и в крайнем недомыслии, а признают таковыя свойства плодом своей малообразованности. Под такое определение подходит нелепое стихотворение Блока «Двенадцать», в котором мы видим не просто бездарность, а кроме того и сознательное издевательство над читателями: «вот я им приподнесу заворченную в рифму чепуху: пусть над ней ломают свои пустые головы».

Нужно прибавить, что такие опыты были бы невозможны в другом народе, менее склонным благоговеть перед всяким печатным словом.

Менее явное, но подобное сему извращение русского языка и общечеловеческой логики, представляют собою творения Бердяева, а иногда и Булгакова и т. п. писателей.

Правда несовместимость этих писаний с православной верой совершенно бесспорна, но если вы о том заявите, то названные писатели начнут все-таки с вами горячо спорить, что для них вообще нетрудно, как и всякая вообще непонятная работа, прикрытая двусмысленными терминами. Помню я на выпускном экзамене в женской гимназии одна бойкая девица отвечала об известном литературном типе Рудине и заявила, что так как он во много раз превосходил своим развитием сотоварищей по училищу, то для большинства последних его речи и заявления были мало понятны. Тут уже я не утерпел и вступился: «так вы эту непонятность объясняете превосходством развития вашего героя над товарищами, а я утверждаю, что в подобных обстоятельствах, т. е. в непонимании обществом оратора проявляется не его превосходство, а его педагогическая бездарность: первое условие успешного преподавания должно признать удобопонятность речей преподавателя».

Эта простая фраза, по-видимому, очень удивила юную аудиторию и она, видимо, опечаленная устремила свои вопрошающие взгляды на меня и на учительницу.

В благородных искусствах, несмотря на самые неблагоприятные современные обстоятельства жизни, все таки продолжают существовать некоторые как бы аксиомы искусства и науки, – аксиомы, логические и этические, против них то **непринято** было до последнего времени возражать и тем менее их осмеивать.

Правда иногда такие обще-принятые квази-аксиомы еще до недавнего времени, не переставая быть спорными в области теоретической, не оспаривались с нравственной точки зрения. Наш великий Пушкин справедливо ставил себе в похвалу то, что он призывал милость к падшим но он все-таки признавал их, и вполне справедливо, падшими. Теперь эти падшие готовы поменяться местами с непавшими и замазывают рты всякой попытке пуристов обличать их.

Впрочем еще совсем недавно некоторые пороки и падения вызвали дружное осуждение в обществе и в печати, но теперь эти падения стали предметом похвальбы, а не падшие стали мишенью для всякого рода насмешек и издевательств. Самую крупную силу, завершившую подобное извращение, конечно, была печать, но и ее представители еще недавно не решались выступать в качестве апологетов наиболее грубых пороков и обманов. Теперь и этого уже нет. Нравственное безразличие, отрицание всякого нравственного обязательства по отношению к родителям даже и всем ближним становится почти всеобщим явлением. В тоже время, когда мы не находим слов для достойного обличения отвратительных поступков и суждений большевиков и их последователей, многие из наших современников вполне усвоили Карамазовское безразличие между добром и злом даже не утруждая себя тем, чтобы прикрыть такое моральное извращение каким-либо софизмом или прикрыть чем-нибудь собственную нравственную наготу, но показывают последнюю со смелым и дерзким лицом каждому встречному.

А что же литература? Правда и ее значительно замарали досужие писатели: однако, еще сохраняются такие области мысли и творчества, в которые не успела зайти эта общая деморализация и у безпристрастного читателя все-таки еще остается в душе какой то принцип различения добра и зла и если он становится на защиту последнего, то все же силится оправдать себя новыми софизмами, как бы протестующими против общественных предрассудков и предъявляющими некоторые нравственные требования читателям взамен того, что они знают и помнят из катихизиса и т. п. сборников морали.

В этом отношении наша литература стоит выше общественного настроения, если не признавать название литературы за произведениями революционными, большевистскими.

Помню, я, в раннем детстве, как старшие родственники негодовали на очень талантливую повесть «Петербургские трущобы», в которых бичевался порок со всею силою христианского одушевления и прославлялись христианские добродетели.

Однако, строгие читатели все-таки были недовольны на автора и не давали читать его книг подросткам обоего пола, опасаясь что бы обнажение всяких пороков не возымело бы вредного влияния на читателей.

Но времена переменялись, нравственная чуткость юношей и даже девиц стала настолько выносливая, что среди современной литературы эти самые трущобы приобрели прямо нравоучительный характер и приходится пожалеть о том, что некоторые осторожные родители и воспитатели до настоящего времени не допускают своих детей знакомиться с сочинениями Крестовского.

IV.

Не будучи специалистом в философской критике, но и не вполне чуждым ей, особенно в молодые годы своей жизни, мы, однако, утверждаем вполне убежденно, что церковная поэзия и живопись обнаружили довольно крутой и решительный поворот в сторону своих прежних исходов и прочь от декаденства. А ведь доходило до того, что изображение Благовещения удовлетворялось нарисованием прекрасного пажа в средневековом костюме, который с почтительным жестом передает запечатанный пакетик Пречистой Деве и церемонно раскланивается с Нею.

В другую сторону двинулась модернизация живописи лет 50 тому назад и более, когда библейские фигуры писались в современных европейских костюмах, хотя и при старании художника сохранить некоторые древние аксессуары прежней живописи. В этом отношении много погрешили художники-портретисты конца 18 и начала 19 века, перенесшие детали библейской живописи на некоторые современные картины Нового и Ветхого Завета. Особенно возмущали чувства такие картины навязанным туда трагизмом, что было особенно свойственно еще в самое недавнее время искусству католических мастеров.

Раньше мы упоминали о том, что живопись и вообще искусство дали первые примеры эмансипации русского таланта от заграничного рабства: теперь скажем, что едва ли не первым, но весьма решительным протестом против такого рабства заявил себя наш гениальный Грибоедов.

"Я одаль возсылал желанья
Смиренныя – однако, вслух, –
Чтоб истребил Господь нечистый этот духъ
Пустого, рабскаго, слепого подраженья,
Чтоб искру заронил Он в ком-нибудь с душой,
Кто мог бы словом и примеромъ
Нас удержать, как крепкую возжей,
От жалкой тошноты по стороне чужой».

Только в самое последнее время некоторые русские писатели решились с открытым сочувствием воспроизводить подобныя мысли того же Грибоедова, а равно и других писателей с нескрываемым восторгом над его патриотической декларацией, оканчивавшейся словом – «глядь» за которую воображаемые слушатели отвернулись от Чацкого, как от сумашедшего.

Надеемся, что в настоящее время подобныя картины извращеннаго сознания стали невозможными, а писатели и художники патриотическаго направления получили в литературном и ученом ареопаге честь и место.

Это о литературе, но мы обещали сказать несколько слов о живописи и других искусствах. Таким предполагаемым собеседникам мы предлагаем ознакомиться (надеюсь вновь ознакомиться) с произведениями Васнецова и Нестерова, которые дали себе задачу совместить в своих картинах и строгий реализм и безуступочный идеализм, что им удалось на 100%.

Тут я и вспомнил, впрочем и ранее незабвенное выражение Достоевскаго о Пушкине, как о таком исключительно гениальном совместителе этих, повидому, далеко отстоявших друг от друга стилей, при чем Достоевский находит в этой исключительной способности Пушкина перевоплощаться в дух любой нации, любого вероисповедания доказательство его и чисто национально русскаго и сверх-национальнаго вселенскаго таланта, котораго не хватало ни Шиллеру, ни Шекспиру, ибо у перваго все герои выходят немцами, а у втораго англичанами.

Переходим к церковной архитектуре. И здесь неблагоприятную задачу вандалов взяли на себя современники Государя Императора Александра I, подчиняясь отчасти иконоборной ереси ранняго лютеранства. Они прежде всего подняли гонение на лучшее украшение православных храмов и обратили внимание на наши иконостасы, решив по возможности изгонять их из храмов Божиих. Идея иконостаса заключалась в том, чтобы собрать во едино возможно полное разнообразие св. икон, как в иконостасах, так и в стенной живописи, но противоиконостасная борьба продолжала делать свое

греховное дело и довела ее до того, что, например, в иконостасе над дорогими нам могилами царственных особ совсем перестали ставить ряды икон, до того времени, начиная с 19 века и раньше, имевшие целью изобразить по возможности всю торжествующую на небе Христову Церковь.

Такое иконоборство началось вместе с началом 19 века и первый кафедральный собор того времени, св. Апостолов Петра и Павла в Петрограде, маскировал свою, чуждую церковного предания лютеранскую тенденцию, тем, что, в противовес православному преданию, сразу же устранил из храмов Божиих стенную роспись иконами, а напротив умножил без нужды орнаментику стен и потолков. В Петербурге же преспокойно стали, вопреки преданию Церкви, взамен икон ставить статуи, начав это нецерковное дело с знаменитых кафедральных соборов северной столицы, Исаакиевского и Казанского. Впрочем, наиболее церковный из Государей Александр III, видимо, старался положить конец этому греховному новшеству, возмущавшему православное чувство, которое не замедлило заявить против последнего молчаливый протест, назвав эти произведения «тельный бог – Эпикур».

Свою антипатию к тельным изображениям русский народ проявил вообще в своем недружелюбном отношении к **рельефным памятникам**, начиная с памятника Петра Великого.

Не менее дисгармонии внес в общий вид нашей северной столицы нелепый памятник И. А. Крылову. Перед нами стоит толстенький старичок, напоминающий собой куклу и представляющий собой явное поругание православно-русской традиции, будучи поставлен против древнего православного храма, задом к последнему.

Немногим лучше явились в Петербурге в начале 19 века статуи наших полководцев русских патриотов Барклай де Толли и Кутузова, с кощунственной надписью:

"Барклай де Толли и Кутузовъ
Морозили французовъ
За то и благодарный Росъ
Их выставил обоих на мороз».

Еще более обидная надпись появилась на памятнике Пушкина в 1880-ых годах. Сам по себе этот памятник был уже не изменою русскому патриотизму, а напротив выражением торжества последнего. Но народный юмор не мог удержаться и здесь, чтобы не опротестовать такого явления известным двустишием. Сарказм этот был вызван тем, что статуя изображала покойного поэта простоволосым, придерживавшим за спиной свой цилиндр.

Таков неизбежный протест народного таланта против своих нарушителей! Во всяком случае протест не имел целью ни омрачить славу Пушкина, ни тем менее авторитет Государей. Но и менее популярный у нас Государь Петр I с латинской под собою надписью, антипатичный для русского народа, но почти обоготворяемый нашею антинародной интеллигенцией, изображен на другом, весьма талантливом памятнике в римской тоге, почти босяком; обличительное же двустишие русского талантливого поэта Щербина под памятником значится так:

"Нет, не змия всадник медный

Растоптал, несясь вперед,

Растоптал народ наш бедный,

Растоптал простой народ».

Такое двустишие было внушено придворной дамой Дашковой, от которой осталось пространное письмо в одну из редакций, в котором она сетует на безцеремонное отношение названного Государя к русскому народу, из которого многия тысячи он уложил в сырую землю, исполняя свои инженерныя задания, требовавшия непосильных трудов от простого народа при построении Петербургской крепости.

С того времени прошло более 200 лет, но симпатии этот великий Государь все-таки не стяжал в простом русском народе, хотя едва ли не больше того, он не был обижен симпатиями большевиков, которые, предавая поруганию многие царские памятники, не дозволили пальцем тронуть Таганрогского памятника Петру I и при том заявляли:

«Этого памятника не трогать: он, т. е. Петр I, был наш государь, а не поповский».

Народная критика за одно не пощадила и симпатичного для простых людей памятника Крылова.

Уже в самые последние годы революции при проезде мимо этого памятника я спросил своего извозчика: «Это что за толстяк тут поставлен?» Извозчик, показывая кнутовищем на памятник, неохотно ответил: «да, батюшка, это они напрасно: ведь никакого антиресу нет в нем, да еще храм Божий загородили».

Какое объяснение подобным эпизодам нашей русской жизни?

Сказать с уверенностью не могу, но думаю, что тут сказалась неистребимая антипатия русского человека ко всякого рода статуям, которые поневоле напоминают ему языческих идолов.

Не следовало вовсе допускать статуй в русском городе!

Впрочем, особенно себя тяжело чувствовали русские люди, когда увидели перед лицом своим воздвигнутую статую равноапостольного Владимира в одной из центральных частей Киева.

Авось это будет первый и последний рельефный памятник равноапостольного мужа!

V.

Переходя к другим проявлениям искусства, на которых так называемое западничество наложило свою грязную руку, упомянем о песни и музыке.

Тут я тоже совсем не специалист уже потому, что с детства лишен я был музыкального слуха и даже не всегда могу заметить, когда певец или хор певцов возьмет фальшивую ноту, однако, не могу умолчать о том, что происхождение музыкальной стихии у нас определялось почти всецело подражанием Западу, где это благородное искусство получило все-цело эротический характер, оставив очень малую долю на пение и музыку национальную. Если войдете например, в оперный театр, там ваш слух сразу будет поражен чисто эротическим стилем всего того, что поется или разыгрывается на скрипке и других инструментах.

Припомните спор Петра Безухова с французом, которого он встретил в Москве, и хотя оба они говорили по-русски, но так далеко были их понятия от всего родного русского, как у героя «Горе от ума», прославлявшего Францию и французов и этим разогнавшаго всю свою аудиторию.

В самое последнее время наша опера самоуверенно принялась за разработку так называемых национальных пьес, но почти с самого начала их практики национализм в музыке, даже в церковной музыке, быстро отступил от этого характера, одевшись в лахмотья романтизма или же немецкой бравады, каковые, насколько это оказалось для них возможным, стали дружно вытеснять из своего репертуара все народное, все православное, либо примешивать к нему столь несродные мотивы эротизма и декаденщины, что во многих произведениях современного смычка мы опять встречаемся с немецкой меланхолией (зеензухт), а то и грубой эротикой. Не говорим уже о французских пьесах, занявших нашу оперу и к высокому сожалению – в значительной степени наши соборы.

Галичане и сербы сразу поняли этот нежелательный уклон от национального начала и доньше предпочитают ему

следовать средневековой симпатии к унисону, которого держатся более последовательно те, которые более уверенно хранят свои народные вкусы, а в данном случае вкусы общецерковные и не променивают пение демественное и унисонное на театральную моду. Скажем мимоходом, что здесь обнаруживается большая заслуга наших любителей церковной старины и даже раскольников-староверов, которые с дружным презрением относятся к пению оперному, театральному, или, как выражаются более смелые из них, – актерскому.

Даже робкие и запуганные европеизмом галичане и сербы отзываются о современном пении, модернизированном и подогнанном под итальянскую моду, с нескрываемым презрением.

Конечно, для сохранения древних православных напевов византийских и российских, нужна большая музыкальная образованность, чем для подражания итальянцам и немцам, которые впрочем за границей сами популизуют так называемые русские напевы, хотя на самом деле тоже модернизированные.

Все-таки иностранцы, более осведомленные в музыкальной специальности, смелее, чем наши соотечественники, стараются популяризировать наше древнее византийско-русское пение, наше православное крестное знамение, и это им удастся по мере того, как они в лице пока еще не многих, но лучших своих мастеров, стараются приблизиться к русскому духу и по возможности сделаться как бы настоящими русскими людьми.

В последнем нас убеждает их всеобщее преклонение пред Достоевским, в чем они опередили даже нас, русских, издавши в последние годы 17 томов того же Достоевского на немецком языке. Контакт нашего гения с немецким выразился прежде всего в немецком философском пессимизме (выражение русского философа Н. Н. Страхова) и вот здесь то когда-либо по милости Божией осуществится наша пока очень робкая надежда на полное сближение наших земляков русских с немецкими соседями.

Во всяком случае у нас с ними более общего, чем с французами и итальянцами.

Чтобы кончить речь о сближении русского гения с германским, сошлемся на их детскую педагогическую литературу, в которой германский гений придает ей религиозный характер, постоянно указывая на следы божественного Промысла, оставленные на страницах немецких классиков, коими зачитываются, или еще недавно зачитывались, русские дети-подростки, почерпавшие в этой иностранной литературе мысли о божественной праведности, как это мастерски изобразил тот же Достоевский в гениально начертанном им типе немецкого профессора Герценштубе. Упомянем кстати, что наш литературный гений Ф. М. в помянутом типе мастерски отпечатлел свои мысли о русском всечеловеке, хотя бы в проведении его через немецкую культуру.

По жизненности такого типа мог бы соревноваться Достоевскому только Пушкин, описавший встречу русских пленников у самозванца с немцами и с другими иностранцами. Впрочем Пушкин взялся указывать в данном случае характерный контраст между обеими нациями и их литературой, внеся в рассказец элемент политический и иронический.

Кстати сказать, что обычное литературное определение Пушкинского гения, как начала всеобъединяющего и всепримиряющего, показывает и резкую разницу двух соседних культур, и в этом смысле мы, преклоняясь пред гениальным остроумием А. С. Пушкина, должны еще ниже преклонить голову пред другим художником слова Ф. М. Достоевским, который нашел и указал не только на различие, но что гораздо труднее, и взаимное подобие между представителями помянутых культур, – немцами и русскими.

Некоторый тормоз в усвоении немецкой и французской моды представляет собою русская песня, что должен был признать даже такой неисправимый западник, как Тургенев. Также укажем на немногие сохранившиеся чисто русские певческие композиции.

В настоящее время и опера и театр с большим усилием стараются возстановить народные мотивы, постепенно смягчая резкие диссонансы с последними.

Впрочем там, где это удавалось перу поэтов и композиторов, западническая критика старалась эти вещи замалчивать. Так замалчивали долгое время нашего лучшего лирика Алексея К. Толстого.

За то самое безшабашное западничество всегда находило в нашей лирике горячих подражателей, не исключая и таких писателей патриотов, как помянутый А. К. Толстой. Не говорим уже о Пушкине и Жуковском, которые задались сознательной целью знакомить русских читателей с иностранной литературой. Впрочем, здесь было не столько даже подражание, сколько просветительная цель, тесно связанная с обще-человеческими интересами писателей и потому такое явление не только не предвзвездительно, но напротив весьма почтенно; и на этом поприще подвизались некоторые русские патриоты стихами и прозой, как например Жуковский, доныне, правда, недооцененный критикой, хотя и оказавший несравнимые услуги русским читателям, не только по богатству содержания его творчества и его стихотворных произведений в русском переводе, но и в самой очистке русского языка от варваризмов, и в этом отношении предупредивший работу А. С. Пушкина. Все-таки русская литература еще нуждается в довершении этого подвига наших великих писателей.

Не будем повторять из речи Достоевского 1880 года его восхвалений Пушкину, как яко бы первому национальному русскому писателю, ибо таковым первенцем мы считаем Жуковского, а затем всю плеяду русских талантов, а только скажем в заключение, что подражание иноземцам перешло в русской литературе, музыке и пении в новую фазу при тщетной попытке авторов охранять форму русской речи и вообще русского творчества, при извращенности литературного самочувствия еще более отдаляющего нас от чисто народного убеждения и настроения, чем исковерканные вирши Третьяковского и т. п.

Во всяком случае большое спасибо Императору Александру III за то, что под его влиянием, итальянская опера у нас была заменена русской. Пожелаем, чтобы и церковное пение освободилось от итальянских и других иностранных образчиков

и заменилось бы русскими и вообще христианскими взамен той западной декаденщины, которая затемнила русские умы и русские сердца.

Этим мы не выражаем сочувствия национальному шовинизму, но желали бы дожить до его уничтожения, хотя мало надеемся на такое долголетие, которое требуется для русских голов и сердец, чтобы выкарабкаться из тенет иноземщины.

В заключение припомним стихотворение Хомякова, в котором А. С. перечисляет наши пороки и уличает связанное с ними невежество.

Стихотворение это кончается молитвенным возгласом к Богу:

"Чтоб Он простил,
Чтоб Он простил».

VI.

Побледнели и потускнели призывные знамена различных учений, партий и предприятий в нашей общественной жизни.

Были у нас призывы со стороны славянофилов, более громкие, но менее искренние со стороны западников, далее еще более коварные и только фиговым листком прикрытые тенденции революционеров, в котором участвовали в своем большинстве писатели-литераторы и публицисты, впрочем обыкновенно нежелавшие, чтобы их называли проповедниками революции, но вполне заслужившие такое название.

Сюда надо отнести и Тургенева и Некрасова и очень много других второстепенных талантов, особенно из профессоров высшей школы, которые, впрочем, из опасения служебной ответственности, а еще более из некоторой своеобразной деликатности, избегали открыто признавать себя революционерами и едва ли всегда сознавали, куда они направляют слабые головы молодых читателей и читательниц.

Но все-таки предлагать последним какое бы то ни было произведение, чуждое «опозиционного элемента», как выражались редакторы, упрекая за эту отчужденность сотрудника, почиталось просто неприличным.

Впрочем, на сей раз мы хотим показать, что от ума и сердца наших писателей все-таки недалеко было народно-религиозное настроение, но они или робели или стыдились его обнаруживать. При всем том оно прорывалось в их произведениях при некоторых случаях, даже как бы против воли авторов. Таковы «Живые мощи» Тургенева, этого наиболее последовательного, хотя и деликатного, поносителя всего христианского и русского в нашей жизни.

Такое направление мысли проводилось им так глубоко, что он подчас умел находить нечто унижительное и отталкивающее даже в тех явлениях русского быта, которые в непредубежденном читателе должны были бы находить сочувствие и одобрение.

Не могу вспомнить, в какой повести или очерке он описывает почти безвинную порку одного крепостного, который, однако, на выражение ему сострадания автора, отвечает ему приблизительно так: «Нет, барин, наш господин без нужды наказывать не будет, а если и высекли меня, то значит за дело».

Мы сказали, что «Живые мощи» производят на читателя самое трогательное впечатление христианского долготерпения русской души в ее целожизненных тяжких страданиях и безнадежном калечестве.

Но и здесь автор иногда как бы отрешается от своего справедливого и благоговейного преклонения перед таким величием русской души и как будто не прочь, вместе с пресловутым Белинским, усматривать в подобных явлениях только рабскую подавленность русского человека, в данном случае русской женщины.

Помянутый же Белинский, ничего лучшего не усмотревший и в главном герое «Бедных людей» Ф. М. Достоевского, кроме его примиренности с бедностью и угнетенным положением, в коем он находился, весьма разумно критикует Гоголя, неукрывающего ничего в подобных типах кроме нравственной порабощенности.

Однако, те писатели, которые, как некоторые из вышеуказанных, относятся так отрицательно к русским народным типам, иногда вдруг сбрасывают с себя Печоринское оппозиционное настроение по отношению ко всему русскому и народному, и их сатира, как бы неожиданно для самих авторов, обращается, согласно нашему вышеприведенному замечанию, в похвальную оду, даже в дифирамбы.

С особенной силой подобное превращение хулителя в энтузиаста можно наблюдать у Некрасова в его поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Начав тоном сатирика, он в конце своей поэмы уже является энтузиастом русской жизни и русского народа и даже русского Государя. Прочитайте у него описание деревенского праздника. Предложив читателям отрадную картину русского народного благодушия, поэт заявляет, что после этого его странникам уже незачем было с огорчением искать кому на Руси

жить хорошо, но, отказавшись от безнадежного настроения, понять, что на Руси много есть прекрасного и умирительного, разгоняющего всякую безнадежность.

Такие проблески патриотического оптимизма, правда, были не чужды Некрасову и раньше, но они, видимо, умножались (как и у героя «Бесов» Степана Трофимовича) к концу его жизни, а ведь прежде, когда он начинал писать свою длинную поэму, он полагал в ней один ответ на основной вопрос, поставленный в заглавии – «Кому на Руси жить хорошо?» – «пьяному».

В продолжение своей земной жизни у Некрасова положительное патриотическое настроение появлялось лишь временами, как светлые блески на темном фоне.

Вот одна из таких блесков:

"Посмотри на эту равнину

И полюби ее сам:

Пять-шесть усадеб дворянских,

Двадцать Господних церквей,

Сто деревень крестьянских,

Как на ладони на ней»...

А вот начало гимна в честь Императора Александра II, который по словам поэта стал раздаваться по всей России:

"Славься народу давший свободу»...

Представьте себе, что и сосланный в Сибирь политический преступник, по словам его вдовы, узнав о манифесте, отменяющем крепостное право, в восторженном состоянии бросался во все стороны и повторял, вероятно, давно забытую молитву:

"Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко».

Даже нелюбивший Россию и постоянно издевавшийся над русским патриотизмом Тургенев, описанный в «Братьях Карамазовых», и тот дал себя охватить патриотическому порыву во время Русско-Турецкой войны 1877-го года и изобразил Королеву Victорию, играющую в крокет не деревянными шарами, а отрубленными головами православных воинов.

Как же после этого не преклониться перед славянофильским оптимизмом Достоевского, который в своей

Пушкинской речи уверял восторженных слушателей, что расхождение Западников и Славянофилов одно лишь недоразумение.

Эту великую мысль, которая с первого взгляда может показаться далекой от настоящего изображения жизни, сентиментальностью, мы понимаем в том смысле, что в уме и сердце русского интеллигента, а тем более всякого русского человека, до последнего времени сохранялась скрытая тяга ко всему народному христианскому, так что и монолог Чацкого в «Горе от ума» и известное Пушкинское признание: «Другия нужны мне картины» являются не несбыточными мечтами, а раскрытием тех светлых надежд на то, что мы избудем свою печальную безвременность и еще много раз повторим оду Некрасова Александру II и дождемся такого отрадного воскресения Левина, которого не мог дожждаться Лев Толстой, но дождался другой скептик Раевский Гончарова в «Обрыве», решившийся возвратиться к своей доброй бабушке, а затем к «другой великой бабушке» – России.

VII.

Нельзя скрывать греха, заключающегося в том, что люди науки, точнее выдававшие себя за слугителей науки, очень часто шли у нас в России против религии. Даже более того, они обыкновенно стыдились признавать себя верующими православными христианами и, когда им приходилось становиться в нравственно обязательное отношение к вере и Церкви, то обнаруживали неодобрительную двойственность, предоставляя читателям взирать на них, то как на друзей Церкви, то как на врагов ея.

Мы уже не говорим об авторах разных книг и статей в области Естественной Истории, – почти поголовно дарвинистах, но еще более печально и даже постыдно то, что представители отечественной истории то старались как бы не замечать ея чисто религиозной, чисто православной сущности, то обливали без всякого стыда грязью ея святое прошлое.

Даже такие серьезные и солидные ученые, как С. Соловьев и Д. И. Иловайский относятся к разряду таких же двуличных в этой области авторов и при том не только в книгах ученых, написанных для взрослых читателей, но и в детских учебниках.

Откройте курсы древней и средней истории Иловайского и вы увидите, что он приподносит нашим подросткам совершенно безразличный взгляд на православных и еретиков 7 и 8 века, именую первых иконодулами, а вторых иконокластами, избегая выражения – иконоборцы. И это в русском народе, который развил иконопочитание более всех православных народов, хотя временами и впадал и впадает в суеверия, но всегда вносил и вносит в поклонение св. иконам столько сознательного энтузиазма, что в изображения Спасителя, Богородицы и св. угодников внес особенно высокую черту **духовного умиления**, тогда как его руководители греки и отчасти молдаване, создавшие немало гениальных художников живописцев, могли усвоить своим изображениям только выражение духовного восторга, благоговения и нечуждую мучения победу над страстями.

Весной 1918 года лучший из тогдашних славянофилов Е. Н. Трубецкой во время большевистского беснования решился выступить с лекцией религиозного содержания в обезумевшей Москве: «Идеи в красках», в которой характеризовал византийско-русскую живопись православную и староверческую и был награжден дружными аплодисментами вместо ожидавшегося свиста и скандала слушателей, несомненно готовых изгнать всякого лектора с другою религиозною темою.

Нужно ли повторять, что в настоящее время Васнецов и Нестеров являются непревзойденными во всем мире гениями художественной кисти.

Тоже самое и, может быть больше того, должно сказать о русской литературе.

Однако, мы пока уклонимся от ее общей характеристики и об ее первенствующем месте среди литературы мировой; но укажем пока на ту черту русской поэзии, что она, иногда как бы поневоле, является столь дружественной христианству и в частности Православию.

В этом смысле в прошлой статье мы говорили о некоторых творениях Некрасова, Л. Толстого и др. А теперь скажем, почему в частности эта отрасль творчества является наиболее благоприятною для религии и, в особенности христианской; тут делу послужили даже враги христианства, именно, Белинский и другие писатели, настаивавшие на реализме литературы, т. е. требовавшие, чтобы она изображала жизнь, как она есть. Стихия же нашей народной жизни и даже жизни общества, есть стихия по преимуществу религиозная, христианская. Байронист Лермонтов, революционер Герцен и другие, вовсе не заботившиеся об усилении религиозного начала в народе, нет да и прорвутся на такие изъявления, которые принимаются читателями, как настоящая проповедь. Не говорим уже о Пушкине, которого необходимо признать писателем всецело религиозным, несмотря на некоторые даже кощунственные стихотворения его юности.

Жизнь говорит нам о том, что подъем этический необходимо переходит в религиозный, а от первого не отказывался и Лев Толстой, даже после того, как он объявил

себя открыто атеистом и в своей переписке с друзьями заявлял будто Иисус Христос был обычный еврей, которого высекли и повесили и Он умер и сгнил. Однако, все русские читатели знают его «Краткие Рассказы» вроде «Чем люди живы» и даже его большую повесть «Воскресение», задуманную с целью опровергнуть этот основной догмат нашей веры, но предъявившую читателю непобедимую силу последней, даже в тех, которые не хотели ей покориться.

Другая его повесть «Власть тьмы» со всей ясностью опровергает лжеучение его же о том, будто бы человек всегда делает то, что по указанию его ума ему представляется справедливым, она мастерски описывает постепенное усиление злых страстей в человеческом сердце, которому покоряется и воля человека.

Другой писатель Тургенев не полемизировал против религии, как Толстой, но он тоже не пачкал и не унижал религиозных и церковных типов нашего общества, хотя подобно нашим ученым, названным выше, никогда не проговаривался, как верующий христианин, а когда прикасался к религиозным темам, то либо уклонялся от своего решительного слова (эпизод к «Отцам и детям») либо обнаруживал себя как форменный пантеист (равняется атеист), таково его увещательное письмо к Льву Толстому об источниках литературного творчества.

«Не достанет ми время повествуящему» о тех литераторах и поэтах, которые прямо и неприкрасно, со свойственным им талантом или даже гением, вещали миру о Боге, Христе и даже о св. Церкви. Назовем здесь только старика Державина с его одой «Бог таланты и лишь всколзь упомянем о поэте-философе А. К. Толстом, авторе поэмы «Иоанн Дамаскин» и «Грешница», об А. С. Хомякове и его рассказе про молодого помещика, желающего церковно просвещать народ и устыдившагося собственного невежества перед народной мудростью.

А кто же не слышал или не читал Языкова, Баратынского, архиепископа Иннокентия (Борисова) и многих других, из коих одни изъясняли истины веры и благочестия, а другие рисовали картины усвоения этих великих начал жизнью русского народа и даже русского общества.

Не напрасно издана была в 80-х годах объемистая книга под заглавием: «Духовное содержание в наших светских стихотворениях» (привожу заглавие по памяти).

VIII.

Едва ли не единственным представителем церковной интеллигенции русского православного общества является школа Славянофилов.

Правда и в этой школе хранились элементы враждебные основному принципу Славянофильства, которые усматривали в последнем только любовь к славянским племенам без всяких дальнейших определений, совершенно упустив из внимания то обстоятельство, что определяющим началом помянутого направления явилось Св. Православие и при том не только как догматическая система, но как неизменное настроение любви и преданности прежде всего Христианскому Православию, а затем и все то, что определялось словом патриотизм, который пробуждается в нашем обществе только во времена войн и при том как явление по большей части довольно поверхностное и потому подвергавшееся злорадным насмешкам своих врагов.

Так западник Тургенев издевается над русским патриотизмом, вкладывая в уста раскаявшегося революционера такие приблизительно слова, над которыми тут же издевается:

«Хороша ведь наша Св. Русь. Что может быть лучше ея. Вот посмотри хоть на этих гусей. Большие, здоровые настоящие арзмаские».

Не мог подобрать этот писатель других достоинств нашего народа и нашей народной жизни.

Подобному же издевательству подвергались вообще все почти восторженные отзывы писателей о русской жизни.

Туда же относятся и опошленные в нашей литературе военные восклицания о России и русских:

"Шапками закидаем. Куда же им против нас».

Наверно в литературе немецкой вы не встретите такого, правда несколько увлекавшегося патриотического подъема, в котором сквозило не только сознание своей народной силы, но и добродушная готовность оказать милосердие и прощение зазнавшимся врагам.

Правда – 1812-й год, явившийся в эпоху крайнего пренебрежения нашей интеллигенции к России и ко всему русскому, не лишен подобных же изречений, в которых изредка проявляется как бы некоторая патриотическая похвальба и унижение предполагаемого противника, но последнее явление дружно уживалось в русских сердцах и умах с началом милосердия к врагу, запечатленное стихом Пушкина, приведшем в восторженное умиление читателя:

"И милость к падшим призывал».

Многие, несмотря на краткость и некоторую неопределенность этой похвальбы, признали ее шедевром Пушкинской поэзии и при открытии памятника нашему поэту, взбегая на эстраду с его статуей, повторяли ее восторженными голосами, хотя едва ли и помнили с какой поэмы, элегии или драмы она усвоена русскими читателями, хотя и тогда она не была чужда некоторой критики. Теперь уже все знают, как этот стишок читался Пушкиным:

"И долго буду я любезен тем народу,

Что в наш жестокий векъ

Возславил я свободу

И милость к падшим призывал».

Конечно, таких примеров, в которых Пушкин проявил свою любовь и уважение к русскому народу, а с ним и все прочие лучшие русские поэты, можно привести множество, но мы ограничимся сказанным, а желающих подробнее ознакомиться с характером поэзии Пушкина отсылаем к изданной нами в 1930 году брошюре, где собраны не только общеизвестные откровения Пушкина в этом роде, но и такие, которые никто не догадался использовать, пока один не специалист не указал им дорогу.

Особенно важно в этом отношении его стихотворение «В начале жизни школу помню я...», где противопоставляется Западно-Европейская культура – нашей, народной русской. Первая описана в изображении «Двух бесов», а весь отрывок представлен, как загадка, оставшаяся без истолкования у самого Пушкина, но вполне понятная его проправнукам.

Гениальность нашего поэта сказывается с особой силой в том, что он, не избегая возможного лже-толкования своих творений, мужественною рукою начертывал коллективный облик нашего прошлого и с особенным успехом достиг этого в своей исторической поэзии, например в «Борисе Годунове».

Простите меня за отвлечение, но мысль и чувство толкают меня еще на одно отступление.

В «Борисе Годунове» Пушкин не только не замалчивает теневых сторон нашего прошлого, но не стесняется слегка их осмеивать, и, что еще важнее, нисколько не боится указывать те положительные стороны нашей исторической жизни, упоминать о которых в продолжении Петербургского периода почиталось не только предосудительным, но и почти преступным, разумею упоминание о русском Патриархе, а также и о бросающемся в глаза предпочтении русских устоев жизни перед европейскими.

Вспомните разговор русских пленников с немцами, французами и англичанами и с тупыми и очень самоуверенными обнаружениями своего глупого самолюбия и чванства.

В этом отношении к Пушкину можно приравнять только Достоевского с его «Дневником Писателя».

Наиболее трудное дело для лирика – соединить в своих творениях, особенно в кратких, материалы комические и трагические, но и здесь Пушкин всегда был на высоте своего призвания и в этом отношении его «Борис Годунов» и «Димитрий Самозванец» представляют собой перл соединения трагического элемента с комическим. (Вспомните сцену в Пограничной Земской избе и тип монаха сборщика и противопоставленный ему тип русской верующей бабы).

Значительно выше мы упоминали о том, что Пушкин весьма успешно брался за обрисовку русского человека из всех кругов жизни, удачно сопоставляя интеллигентов с мужиками и иностранцев с русскими.

Теперь дополним эту картину изображением у Пушкина русских заграницей. О! он и там, в центрах Европейской цивилизации, и в частности Германской философской мудрости, позволяя себе нередко подчеркивать превосходство русского ума и русского характера над западно-европейским, хранит

сознание превосходства первого над последним в области интимных, а равно и внешних проявлений своего характера, не закрывая глаза перед русским легкомыслием, безхарактерностью и глупым преклонением перед женщинами.

В этом смысле особенно примечательны его «Вешняя воды», – которые только в самое последнее время стали останавливать внимание читателей над серьезностью своей проблемы.

18. Религиозное призвание русского народа¹⁶.

Владыка Антоний продиктовал нам целый ряд статей, в которых он развивал излюбленную им идею о религиозном и миссионерском призвании русского народа:

I.

«Русский народ принято считать открытым душою, умным, но безхитростным. Такую духовную физиономию сохранил он и в качестве сибирского переселенца и эти стороны своей славянской души не стеснялся проявлять среди плутоватаго торговаго мира природных азиатов, продолжая обвораживать их своею веселостью и неистощимым остроумием. В этом отношении он настолько превзошел своих новых соседей, что они, т. е. сибирские инородцы, установили между собою взгляд на русского человека, как на неуклюжаго увальня, котораго не грех и обмануть.

Сибирские инородцы любили подшутить над нашим братом и добродушно смеялись, когда их детские хитрости обнаруживались во взаимной дружеской беседе. Впрочем это не препятствовало им наживать солидные капиталы среди русских людей.

Так называемое обрусение края шло там быстрыми шагами вперед. Могу об этом засвидетельствовать, как уроженец другого русского края, пограничнаго с Финляндией, именно края карельскаго, уже, по-видимому, забывшаго свой природный язык в пользу языка русскаго. Карелы очень терпеливо принимают насмешки русских над собою.

Когда я был маленьким мальчиком (в Новгородской губерний) Каевской волости, тогда некоторыя бабы еще не понимали русской речи, а когда вырос, то они уже не понимали карельской речи. Это происходило в той местности, где со стороны господствующаго населения не было никакого старания обрусить край, но обрусение шло так сказать самотекой и в настоящее время, т. е. лет через 60 после моего поселения там у родителей, совершился этот этнографический перелом, хотя без всякаго насилия или гнета, причем обрусевшие инородцы, карелы, стали проявлять еще большую преданность Православной Церкви, чем природные русские.

Также быстро те самые карелы усвоили себе русский хозяйственный обиход, и если б кто захотел проследить, что в

них осталось чисто карельского в их религии, хозяйстве и нравах, то оказался бы в затруднении. Конечно, православная вера и православный обиход в немудренном сельском хозяйстве явился главной культурной силой, перерождающей постепенно этих инородцев в чисто русских православных людей.

Старообрядчество, присущее более инертной части населения, как русской, так и инородческой, довершило эту культурную мирную победу над племенным сепаратизмом Карелии, которого вовсе не было, так что теперь почти исключительно старики и особенно старья бабы помнят свой язык да и то с грехом пополам, а припомнить, какое село или какая волость должна по старой памяти считаться карельской, а какая русской, – удастся далеко не всем насельникам этого края. Помню только, что по старой памяти часть селений и поселков назывались у нас там Русью, а часть – Карелией; однако оба эти племена крестились и молились по-славянски, а разговаривали уже давненько исключительно по-русски.

Да послужать же они примером, как должно направлять нашу этнографическую тактику, а я с своей стороны полагаю, что главный стержень нашей народности есть – вероисповедный. Здесь мы, русские, будем совершенно неуязвимы: лишь бы нам не прозевать собственной нашей веры и народного обычая, как мы уже прозевали западные окраины, где народная стихия преклонилась в значительной степени к другой нерусской и неправославной культуре и движется в ту сторону, увлекаемая течением новой жизни.

В некотором отношении это же начало (принцип) должен быть применен и на окраине восточной против магометанского засилия, которое издавна давало себя чувствовать и, по-видимому, не спешит ни здесь, ни в б. Отоманской Империи сливаться с русской культурой и русским народом.

Во всяком случае должно помнить, что вопреки принятым предразсудкам, низы нашего населения становятся все менее враждебны православной русской жизни и, если не сейчас, то сравнительно в скором времени, готовы сближаться с инородцами татарами, чувашами, и мордвой, лишь бы с нашей

русской стороны они встречали бы более дружеской готовности протянуть им руку общения и даже иногда вместе молиться Богу.

В этом, отношении Кемаль-Паша оказал нам, русским, значительную услугу, ослабив магометанский фанатизм, правда не в сторону чисто христианских симпатий, а скорее напротив некоторого религиозного индеферентизма, хотя последнему магометане инородцы не поддаются и тем усугубляют наши добрая надежды на дальнейшее сближение наших вероисповеданий.

Итак, уклоняясь от всякой проповеди какого бы то ни было насилия (да оно уже и физически невозможно), мы должны заявить, что при теперешнем смягчении нравов (исключая большевиков) пред взором всякаго русскаго народолюбца открывается светлая перспектива племенного и религиозного сближения между различными народностями и вероисповеданиями, не взирая на общее колебание в народе религиозности вообще и христианской в частности.

Правда теперь уже трудно надеяться на то дружное одушевление, которое еще совсем недавно охватывало души людей при первом смиренном упоминании о Боге и все-таки уместно вспомнить отрывок из беседы молодого князя Мышкина, который быстро и не совсем понятно для наших интеллигентов открыл неожиданно целый фонтан патриотического энтузиазма в таких простых, но искренних словах Рогожину: «да, милый друг, есть над чем поработать у нас на Руси доброму человеку».

Это изречение, появившееся в светском романе, совершенно неожиданно для читателей, а может быть и для самых изображенных автором собеседников, указывает путь, которым немецкий воспитанник, только что вышедший из психиатрической больницы, обратил свой симпатический взор на русскаго полуобразованнаго кулака, начавшаго уже прозревать, сквозь кулаческие навыки мелкаго торговца, на просторы русской духовной нивы, куда в то-же время начали обращаться взоры его сверстников. Здесь можно вспомнить отрывок из стихотворения А. Н. Майкова по поводу манифеста

об отмене крепостного права. К стыду своему я не помню подлинных выражений манифеста, но запомнился мне такой отрывок из него:

«Смысл мудреных этих словъ
Темен им и ей (речь идет о 6-летней девочке, которая)
С трудом, читая слово в слово
Пальчиком водя,
По печатному читаетъ
Мужичкам дитя».

Вот где подлинный путь к сближению между различными религиями и племенами в нашем Отечестве; этому пути не могут противостоять надолго темные силы: оне способны только на время спутать здравые истоки народной христианской жизни, как это выяснено в стихотворении Некрасова под заглавием «Саша», где разделение современных понятий народных сравнительно с интеллигентскими так симпатично и искренно изобразил Н. А. Некрасов, которого душа, хотя обезображенная революционным духом и безнравственным поведением, могла так живо и горячо отзываться на народное горе.

Вообще в конце этой статьи необходимо упомянуть о том, что такая хотя непродолжительная, но ясная озарения русских умов и сердец отражались в душе наших лучших писателей яркими светочами, правда ненадолго, но глубоко симпатично, так что поименованные писатели, несмотря на свои революционные заблуждения, были наиболее близким элементом к народу среди нашего сбитаго с толку общества и литературы.

Где же ваша Уфимская ориентация, спросит меня, недовольный читатель? Ах, она всегда со мною – отвечу я: только не ищите ее запечатлеть по специальным признакам. Не анализ, а синтез нам нужен для понимания русского народа.

«В Россию можно только верить...».

Вот таков мой заключительный сказ в этой довольно безтолковой, но вполне искренней заметке.

И еще одна заключительная фраза. Эту веру мы сохраним, хотя и видим разрушающиеся руками дураков и негодяев священные древние храмы, выступления богохульников и

кощунников, оскверняющих своими преступлениями не только самые святыни христианские, но и св. нашу землю, которую целовать нам велит, обливаясь покаянными слезами пред Священной Отчизной нашей, Ф. М. Достоевский, что особенно ясно выражено им в фантастическом рассказе «Сон смешного человека».

II.

Замечательно, что простую истину о том, что главный стержень нашей народности есть вероисповедный, сохранили в своей душе и в своем уме не только типичные великороссы, но и те элементы русского населения, которых лукавые и лживые люди стараются противопоставить первым, тогда как писатели высокого таланта, как например, бессмертный наш Гоголь, старался науськать (хотя и не всегда) против великороссов и создать так называемый украинский сепаратизм. Впрочем, этот великий талант русского писателя был слишком светел и ясен, чтобы заключить себя в тесную пещеру глупаго сепаратизма: напротив, он с удовольствием подчеркивал ту несомненную истину, что православная стихия всегда отстоит себя против жалких попыток сепаратистов влить в нее отраву бытового и племенного разделения и воспрепятствовать ей в постепенном и быстром приближении к полному племенному и религиозному слиянию с главной массой русского народа, нисколько не умаляя, не тормозя свободного развития таких провинциальных течений, как например, наше украинство и даже церковный раскол, уже впитавший в себя **отчасти** элементы злобной вражды и взаимнаго недоверия.

Думаю, что наилучшим способом воздействия на разум и совесть народностей, населяющих русскую территорию, будет то, если применить к ним простой рецепт *laisser aller*: люди сами найдут себе пути для дальнейшего полного сближения и взаимнаго влияния одной народности на другую, и мы видим, что попытки так называемой украинизации до последнего времени поддерживаются только денежными взятками со стороны иностранцев и сепаратистов, не имея корней в душах и в быте самых народностей.

В 1896 году я было предпринял личное ознакомление с бытом Уфимскаго края (тогда с преобладанием по числу магометанскаго населения) и что же я встретил? Встретил целыя поселения, непонимавшия даже русской речи и преданныя магометанской религии. Русская речь, вместе с

русским бытом, всегда идущим впереди культурного обрусения окраин, обогрела диковатые души инородцев с сердечной симпатией к русским, а через них и к России.

Конечно, эти возрождавшиеся симпатии нередко наталкивались на взаимные враждебности, но подобные нежелательные явления все-таки постепенно смягчались и великому делу объединения русских христианских культур помех с каждым годом все оказывалось меньше и меньше.

Упрямее других помянутую враждебность поддерживало, хотя и не в очень решительной форме, разделение церковное. Разумею старообрядческий раскол с его церковною непримиримостью, особенно неуступчивый на окраинах. И если враждебную силою против Христовой веры должно признать религиозное невежество народа, то здесь оно тем опаснее, чем больше схватило верхушек богословских познаний.

К сожалению эти верхушки всегда соединены с потерю искренности и прямоты и уклонением человеческих сердец в слова лукавствия, на которых и опирается старообрядчество в лице своих грамотных начетников.

Слава Богу в России их сравнительно не так много и они не так глубоко развращены привычкою к софизмам, но все же добиться от них искреннего настроения довольно трудно, во всяком случае труднее, чем завести непосредственные переговоры, точнее беседы, с представителями так называемой народной толщи, т. е. простолюдинов инородческих народностей.

«Но почему вы ни словом не упомянули о положительном или, напротив, отрицательном отношении к этому делу со стороны православного духовенства?», – спросят меня духовные отцы. – Ответим, что в центральной России миссионерская отрасль церковной жизни была развита в достаточной или по крайней мере почти в достаточной степени, а среди магометан ее почти вовсе не существовало, да не все и сочувствовали такой отрасли церковной жизни. Причин тут было несколько: с одной стороны бытовая разрозненность простолюдинов от интеллигенции и полуинтеллигенции, с другой дисциплинированное искусство со стороны

магометанских начетников запутывать собеседника в дебри вского рода софизмом и их умение воспользоваться давно практикованными способами магометанской софистики с ее тысячелетней практикой. Не говорим уже о прочих неблагоприятных для миссии условиях, к числу которых относится, как это ни странно, порабощение магометанских женщин, всего менее могущих отнестись сознательно к вероисповедным предметам и, наконец, указанная Лермонтовым характеристика магометанского быта среди всех народностей, исповедующих учение Магомета и не без некоторого права характеризующего их так: «род людской там спит глубоко, уж девятый век».

Толстый слой предубеждений и обскурантизма, который тяжелым пластом лежит на пути к сердцам современных магометан в России, можно либо разрубить каким-нибудь острым орудием, либо расплавить теплотой обращения к ним. Однако, этот последний способ тоже не так то прост, как это может показаться с первого взгляда. И это по той причине, что в магометанском нравоучении и вероучении, хотя и не предписывается активная злоба и ненависть к иноверцам, однако, добившись возможной искренности со стороны собеседников, русский человек без труда заметит, что собеседник магометанин считает злобу на христиан вполне законною и, если в своих поступках на словах проявляет некоторую сдержанность к ним, то, во-первых, он всегда хитрит, а во-вторых боится полиции, не желая поверить нашей печальной действительности, но и награждает всячески враждебная нам, христианам, проявления со стороны магометан. А в магометанских руководствах достаточно сильно развита мысль о богоугодности страданий, получения насмешек за веру и сохранения религиозных обычаев магометанства.

Вот почему магометане любят молиться на глазах у христиан и, как будто бы даже довольными оказываются, когда наши недальновидные единоверцы, т. е. православные христиане, начинают осыпать их насмешками за их религиозные обычаи; они нарочно исполняют их со всею точностью на глазах у русских христиан.

Вероятно, с водворением революции это положение наших диссидентов значительно изменилось, но что бы сказать в какой степени, для этого надо предварительно возстановить свое близкое знакомство с иноверными соседями.

Напрасно думают, что религиозные идеи и обычаи нисколько не поддаются времени: нет, жизнь народов религиозных очень чутко отзывается на всякия воздействия, то в положительном, то в отрицательном смысле, и хотя собеседник Лермонтовского Казбека заявляет будто бы на Востоке народы спят уже «девятый век», но если это отчасти и справедливо, то все же в отношении религии инородческая среда издавна проявляет большую чуткость, постоянно созидая новые оттенки религиозного быта и религиозной мысли, что и выражается в возникновении постоянно между инородцами новых и новых лжеучений. Достаточно сказать, что магометанская литература в полтора раза превосходит литературу христианскую, несмотря на затруднения, предъявляемые арабским шрифтом, от которого не могут до последнего времени освободиться желтолицые авторы. К сожалению антипатии недальновидных европейцев к миссионерской деятельности, которая у них поставлена на почву экономическую, является самым сильным тормозом для обмена мыслями и чувствами представителей обеих религий.

Особенно печально то, что веками усвоено инородцами убеждение в преобладании религиозного начала именно у магометан, откуда идет несколько высокомерное отношение их к христианству.

Если современные новыя веяния внесут сюда иной дух, то мы будем молиться о том, чтобы доброе влияние всяких религиозных перемен оказалось бы в данном случае сильнее, чем влияние злое, которое впрочем при человеческом легкомыслии и лживости, обыкновенно перетягивало бытовую силу на свою сторону, оставляя современникам или ближайшему потомству только разочарование и досаду. Чтобы не оставить читателей без всякого ответа на возможный вопрос о положительных средствах к умножению христианского духа среди крещенцев, скажем в заключение этой немудреной статьи

хоть два три слова о том, какими средствами можно привлекать симпатии магометан к Христовой вере.

Должно осведомиться какая стороны нашей Божественной веры привлекают симпатии восточных иноверцев, хотя бы в малой степени

Кроме обще-человеческих смягчающих сердца людей влияний, должно указать на добрые черты магометанского быта – семейные добродетели, послушание к старшим, скромность женщин и т. п. Много испортили нам миссионерское дело представители академического просвещения, которых влияние на инородцев и магометан выражается пока только в разрушении крепости нравов и семейной сплоченности, а также весьма безтолковым либерализмом в отношении к благочестию, либерализму, который нередко вместо миссионерского влияния производит влияние отрицательное, соединенное с кощунством не только над благочестивыми религиозными обычаями населения, но и над основными истинами веры Христовой. Другого рода влияния, влияния положительного почти не наблюдалось вовсе, что повело за собою убежденное отрицание самого подвига миссионерства.

Как ни странно, но во главе такого направления, тормозящего всякий успех христианской проповеди, являлись иногда и ревнители последней, перетянувшие на свою сторону даже такого авторитета в этой области, каким был К. П. Победоносцев с его окружением. Среди последнего был известный профессор Н. В. Ильминский, трудившийся много лет среди казанских и вообще поволжских инородцев и сам по себе глубоко верующий христианин.

Вообще так называемое миссионерское дело должно быть поставлено на наших восточных окраинах на совершенно другую почву и изъято из рук штатского персонала, нередко ни во что не верующего, а иногда и сознательно тормозящего дело христианской проповеди.

III.

«А что вы скажете о деятельности или бездеятельности русского духовенства?», – спросят нас читатели. Во-первых русского православного духовенства на инородческих окраинах было совсем не так много, а во-вторых его голос слышался не часто, а только тогда, когда драма самой жизни этого требовала.

Как мы упомянули уже, в Уфимской епархии православного духовенства было менее чем 50% по сравнению с магометанами. Если теперь принять во внимание, что на эти окраины, преимущественно малодоходные, спускали наименее способных и менее образованных проповедывать слово Божие – священников, которые по силе инерции обыкновенно старались развязаться с инородческими и нередко полумагометанскими прихожанами и поскорее водвориться в старинную среду, то станет понятным, почему, попавши на подобные приходы, священники нередко полунищие и часто полуграмотные, стремились как можно скорее возвратиться домой, т. е. в старую совершенно русскую среду, к старым чисто русским обычаям с куличами на св. Пасху и с крещенской св. водой. «Вот и бедно, но свое по крайней мере», так говорили они, когда с огорчением наблюдали, что в таком-то новопросвещенном Христовой верой селе им плохо удастся наладить во всех избах или по крайней мере во всех деревнях, освящение воды, а равно и прочие общеправославные обычаи.

Упомянем о тех немногих сравнительно пастырях, которые могут явиться живым опровержением таких опасений за двусмысленное будущее народной жизни.

И теперь мне известно немногочисленное, но достойное уважения число таких священников, преимущественно сельских, у которых прихожане во всех случаях своей жизни считают священным долгом прежде всего справиться о том, как он смотрит на любое предположение, возникающее среди его паствы относительно новых условий общественной и хозяйственной жизни.

Когда на подобное явление указывали поборникам нашей революции, как на доказательство полной разобщенности сельской паствы с ее непрошенными современными радетелями и руководителями и ссылались на примеры того, как мужики принимали в кулаки последних, то наиболее наглые оппоненты смело и грубо отвечали: «рано или поздно народ перейдет на нашу сторону и отдаст себя в наше послушание». Впрочем теперь такая угроза, по прежнему отвратительная и маловероятная при усилившейся наглости политических и антиморальных пропагандистов, начинает внушать друзьям народа некоторую серьезную опаску о том, как бы помянутые развратители нашего народа не начали приводить в исполнение свои безбожные и отвратительные угрозы, хотя растлители нравов и хвастаются, что достигают своих преступных целей довольно успешно. Правда позднейшие газетные корреспонденции обыкновенно говорят о полной или почти полной безуспешности противорелигиозной пропаганды, но взирать на народную жизнь, сложа руки, уже не приходится более. Наш гениальный Достоевский в лице разбойника Федьки в нескольких штрихах показал печальную эволюцию русского мужика в духе Максима Горького и ему подобных типов и пока такой вопрос остается неразрешенным, нам во всяком случае нельзя закрывать глаза, встречаясь с высказанными опасениями.

Пока эти опасения касаются отдельных представителей простого народа, но возможно, что при продолжающейся нравственной анархии, точнее какарии, это неверие, проникшее уже в простой народ в значительной степени, пойдет двумя гибельными путями: во-первых будет окончательно отрывать от Христа легкомысленное юношество (впрочем Бог даст не надолго), а затем вырвет из его сердца и из его совести благоговение, уважение к отеческому быту и даже верованиям. Для многих такое предсказание уже совершившийся факт. Будем надеяться и молиться, что подобная явления не долговечны и что, если явится убежденная и сильная реакция, то заблудшие овцы церковно-народного стада возвратятся с покаянием к своим законным пастырям, а современное

лихолетие совершенно, или почти совершенно и на долго рассеется, как дым.

Подобное утверждение опирается на творение Островского «Вражья сила», где мастерски нарисован перелом от крайнего нравственного падения на путь покаяния и возрождения одного преступного человека. Наш автор не одинок в начертании таких картин пред сознанием своих читателей, ибо такие картины являются любимой темой другого, несомненно еще более талантливого писателя, Достоевского, который заключает их, т. е. картины, подобно приведенному упоминанию из «Вражьей Силы» Островского, там описан преступник всех нравственных законов, которого покаянный переворот застаёт *in fraglanti delectu* со словами его грозного обличителя:

«Поди же теперь к подножию Распятаго за ны».

IV.

Надо признаться, что типы, подобные каторжнику Федьке, за последние десять лет размножились в такой степени и настолько ожесточились в своих преступных замыслах и предприятиях, что у многих возникает вопрос, где же настоящий русский характер? не поглещен ли он помянутыми отрицательными типами, которые уже в сотнях тысяч наполняли Сибирскую каторгу, а теперь на общую беду поставлены во главу народной жизни и стараются все злое представить добрым и желательным, а все доброе – мрачным пережитком прежнего варварства?

Прав ли Достоевский со своею идеализацией или же его гордые и гнусные противники, получившие теперь государственные права широкой и безбожной пропаганды зла, как такового и открыто бросающее вызов на борьбу самому небу?

Достоевский не закрывал глаз перед этим ужасным явлением и, не взирая на постоянно повторяющиеся преступления уже не на поверхности народной жизни, а в самой ее толще, продолжал утверждать, что эта широко раскинувшаяся преступность русского крестьянства против VI и VII заповеди Божией не есть его подлинное лицо, но его инобытие, которое ожидает от служителя Божьяго горячей обличительной проповеди и когда последняя достигнет своей цели, то народ опомнится и жертвенно возьмет новый путь жизни, безстрашно подвергая себя и свою жизнь мученической смерти, за которою следует вечное спасение. Такую именно истину о русском народе начертал Достоевский, ставя все дело в связь с Евангельским повествованием об исцелении Христом бесноватаго в пределах Гадаринских. Подобно сему и весь русский народ, дожив до своего нравственного возрождения, оболченный и смыслящий сядет к ногам Спасителя и по Его слову будет поведать всем, что сотворил с ним Господь, освободив его своим чудесным прикосновением к его душе от легиона бесов в него вселившихся.

В этом повествовании св. Евангелия со всею ясностью раскрыта та истина, что порочность и преступность народная все-таки остается явлением наносным в русской жизни, ожидающим пришествия Милосердного Самарянина, дабы обратиться к Нему с теми же словами, как раскаявшийся Закхей, неожиданно посетившему его Христу Спасителю. Обратите внимание, что сей искупительный переворот в душе Закхея совершился в нем раньше, чем Христос обратился к нему со словами увещания.

Иначе происходило раскаяние и духовное обновление многих других грешников и в частности бесноватых. Эти бросались на Христа с угрозами, но сейчас же и отступали от своего безумного намерения оскорбить Господа, а такое безумное намерение осуществляли в полной мере Его непримиримые враги во дворце Пилата, где с человеческою злобою соединилось коварное лицемерие, неопустившее своих преступных рук пред добровольною жертвою Сына Божьяго.

И теперь нам не так страшен убийца и каторжник Федька, как те из врагов Христовых, которых Он называл лицемерами и на которых изливал Свой праведный гнев.

«Страшно впасть в руки Бога живого».

Впрочем, возвратимся к живому проповеднику покаяния и духовного возрождения Ф. М. Достоевскому.

В качестве ручательства за возможное для русских людей обращение на путь истины он указывал без всякого смягчения жестокой вины «великаго грешника» на то, что русский народ, погрязая в грехах, никогда грехов своих не оправдывает. Вот почему весьма реальным и художественно правдивым является запрос одного интеллигентскаго юноши к Поток-Богатырю: «уважаешь ли ты мужика, что смирением велик», а также и достойный ответ последнего: «если он не пропьет урожая, я того мужика уважаю».

Увы! Русский народ свои урожаи пропил и приложился к типу, по-видимому, безнадёжнаго каторжника Федьки, который был готов совершать свои преступления с наслаждением.

Нелегко вырвать из своего сердца преступность, так глубоко успевшую укорениться в душе падшаго человека, особенно,

если эти падения были у него неодиноким событием, а многократно повторяемым.

Однако, Достоевский, ссылаясь на исцеление Христом бесноватого, и в этом отношении утешает нас.

Когда вы встречаете на улице какого-либо бандита иногда даже с ласковыми речами, то с опаскою всматриваетесь в его фигуру и глазами отыскиваете куда заткнул свой нож, который он вот вот пустит в дело и будет говорить словами исторических злодеев по Шекспиру и т. п.: «О, я упьюсь кровью моих врагов».

Однако, наблюдательный человек знает, что и такой, как будто бы, нераскаянный злодей, носит на шнурке ключ, которым можете без труда открыть дорогу к его сердцу, хотя, конечно, такой переворот переживается им не без внутренней муки. Бурная будет картина его внутреннего переворота и греховная страсти будут временами еще вырваться в его сердце.

Что всего удивительнее, подобный рецидив злобы и богоборчества переживают в своей душе даже женщины и девушки, как это видно из повестей Достоевского. Опаснее других случаев в подобных обстоятельствах, когда на стороне обличаемого еще остается телесная красота и внешняя привлекательность. Иногда совесть такого человека уподобляется маятнику, который безостановочно отбрасывается справа налево и обратно, готовый наносить удары всему, что попадает на его пути. Указывать такому мыслителю на порочность его греховных увлечений часто бывает совершенно бесполезно, как это видно по типам Достоевского в лице его типов с бурною душою, как например, Грушенька, и т. п.

Однако и перед такими печальными картинами жизни не следует отступать. Напротив, поднимающееся в сердцах их раздражение, гнев и даже иногда попытки дать волю рукам, уже показывает начало победы добра над злом, как истерические выходы бесноватых, исцеляемых силою Христовою. Тот же Достоевский любил указывать на эти случаи нравственного превращения, как на доказательства безсилия злого начала сравнительно с благодатною силою Христовой. Поэтому не надо слишком смело надеяться на покаянные вопли и истерические выкрики исцеляемых, но в эти критические минуты их плачевной

жизни должно втайне молиться Богу, чтобы обращение грешника к покаянию было не кажущимся, а прочным и окончательным. Тогда он будет вам благодарен в продолжении всей своей дальнейшей жизни и в конце ее, а может быть и гораздо раньше, переломит себя окончательно, как те же бесноватые, исцеленные Христом.

Таков смысл божественного повеления злой силе: «изыди из него и к тому не вниди» и затем изречение Господне, что, когда изгнанный губитель, но без этого вторичного предостережения, оставляет свою жертву на некоторое время, а потом призывает еще семь бесов лютейших и находит свое прежнее помещение в душе грешника подметенным и вытертым, то бывает человеку тому последняя лесть горши первая (Матф. 12, 45).

Итак, напрасно господа медики, наткнувшись на загадочные случаи душевных болезней, нередко стараются доказать, будто в данном случае нет никакого участия бесовской силы, а просто физический психоз, ибо бывает большею частью одно при другом».

19. Миссионерское призвание русского народа¹⁷.

Ряд статей владыки Антония, также продиктованных им нам в разное время, был посвящен специально миссионерскому призванию русского народа.

I.

«Свою беседу на данную тему мы начнем издалека. В нашем годовичном Богослужении существует два оригинальных чинопоследования – многолетие на Царских часах в Рождественский и Крещенский сочельники.

Это единственный случай, когда в церкви возглашается полный титул русского Государя, конечно, это было до начала революции, а затем многолетие: – «Святейшим Патриархам Православным – Константинопольскому, Александрийскому, Антиохийскому и Иерусалимскому...» (Всероссийского тогда еще не было).

С особенным подъемом религиозного чувства певцы возглашали 12 раз «Многая лета», иногда вставляя слова «Сотвори им Господи, даруй им, Господи, многая лета. Кирие елейсон. Христе елейсон. Многая лета, многая лета, многая лета».

Не скажу, чтобы эти столь редко совершаемые Богослужения и при том в канун праздников, когда обыватели с утра до вечера заняты хозяйственными хлопотами, собирали несметные толпы народа, но среди последнего можно было всегда заметить в эти дни особенно сильно воодушевленные лица, а иногда и радостные слезы.

Это проявляли те православные христиане разных сословий, которые дорожили выше всего полнотою Христовой Церкви и ожидали в продолжении нескольких месяцев услышать эти дорогие христианскому сердцу многолетия, напоминающие нам слова Свящ. Писания: «блужи единение духа в союзе мира». (Ефес. 4, 3).

Действительно, для верного сына Церкви Христовой почти не существует деления православных христиан по народностям, а еще менее – по государствам, как для русских патриотов не имеет значения деление соотечественников по губерниям, но в сердце их всегда преобладает сознание всеобщего единства нашего в нашем обширном Отечестве.

С своей стороны мы изъявили в частных разговорах полную готовность принять сербское подданство, предпочитая иметь своим Королем Православного Государя Александра I, а не московских разбойников.

Впрочем, такого подданства никто от нас не требовал и не предлагал. Но вопрошавшим нашего совета по сему предмету мы отвечали в духе только что приведенной мысли.

Св. Писание в притче о милосердном Самарянине, которую мы слышали в церкви как раз сегодня, осуждает национальные разделения между людьми и призывает всех объединиться в одном братстве Христовом, «идеже несть эллин, ни иудей, обрезание и необрезание, варвар и скиф, раб и свободь, но всяческая и во всех Христос» (Кол. 3, 11).

В это братство не входят до своего покаяния только крайне порочные люди и еретики-иноверцы. Таков смысл слов Христовых «аще же и Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь». (Матф. 18, 17).

Нам скажут, что это добрые пожелания, воздушные замки, а на самом деле теперь всякий может видеть полное разделение православных христиан по народностям и государствам, доходящее теперь до военных столкновений, чего прежде не было между православными, правительства которых, в частности правительство русское, считало своей обязанностью выступать с оружием в руках не против своих, а против иноверцев.

Ну укажите, скажут нам, действительные примеры такого слияния православных народностей в одну духовную семью и в общую молитву. За примерами ходить недолго. Отправляйтесь в Иерусалим к Светлому празднику и вы найдете в тамошнем воскресенском храме богомольцев белых и черных, прославляющих Бога едиными усты и единым сердцем.

Все они мыслят в центре этого всенародного единения христиан народ русский, почитая его наиболее братолюбивым и чуждым шовинистических предрассудков.

Православные арабы в Палестине, встречаясь с русскими людьми, приветствуют их неправильною русской речью, но с сердечным чувством, хотя взирающим на эти приветствия со

стороны, трудно бывает удержаться от смеха или, по крайней мере, от улыбки, когда к пожилому русскому мужчине арабы и арабки, обращаются, скажем, в октябре месяце, с таким приветствием:

«Здравствуй, матушка, Христос Воскресе, с добрым утром!» (а на дворе уже темнеет).

С другой стороны наиболее благочестивые русские люди стараются всю жизнь о том, чтобы сподобиться увидеть св. Град Иерусалим и даже возможность там скончать свою земную жизнь, запасшись заблаговременно Лазаремою, т. е. написанною на полотнище как бы плащаницею для своего погребения.

Замечательно, что такое стремление русских душ к Иерусалиму началось у наших предков с самого начала их обращения ко Христу. Одной из древнейших рукописей на славянском языке было «Хождение игумена Даниила в Св. Землю».

В этой рукописи своей, автор с красноречивой непосредственностью описывает свои восторженные переживания при посещении св. мест, от которого его не удержало и то, что последние были в то время под властью латинян (вскоре после 1-го Крестового похода).

Затем от 13-го до 15-го века сохранилось еще несколько описаний подобных паломничеств и, можно сказать, что по своему количеству и размерам, а также по обстоятельности своего исполнения эти описания занимают одно из первых мест среди древнейшей отечественной литературы.

Св. и чудотворец Новгородский архиепископ Иоанн когда получил от Бога власть над диаволом и обещание от последнего сделать все, что он прикажет, то святитель ничего другого не пожелал, как только того, чтобы диавол отвез его по воздуху в Иерусалим и обратно.

Чудо это, хотя и имеет для себя подобие в Ветхом Завете и в деяниях Св. Апостол, однако столь необычно, что люди мало религиозные не хотят ему поверить.

Однако, любовь наших предков к св. местам и мировая широта их духовных симпатий явствует из этого повествования

с полной очевидностью.

Когда русские люди, а равно и наши предки по вере, жители православного Востока, исполнялись дерзновением пред Богом, то возносили усердную молитву за Царей и за всех христиан православных, причем, напр., Божия избранница св. Мария Египетская в молитвенном порыве поднималась от земли на воздух и продолжала молитву свою, держась на локоть выше земли.

Кстати нужно сказать, что только после-петровский полунемецкий наш шовинизм устранил в церковных молитвах упоминание о Православных Царях, заменив его «Царем», т. е. русским.

Такое нечестивое дерзание дошло до такой степени у наших синодальных чиновников, что они решили даже изменить текст Св. Писания и заменили «Царей», одним «Царем» и в таком виде предлагают вниманию молящихся Апостольское чтение на благодарственных Царских молебнах (Ср. 1Тим. 2, 2).

Наиболее типичные русские люди постоянно называли своей духовной родиной Иерусалим (по примеру преп. Антония Великого), а самый великий человек нашей истории патриарх Никон говорил так: «по телу я русский, а по душе грек», причем под греком он разумел не измельчавшую греческую народность, а отрешенное от национализма все православное христианство.

Ответим кратко еще на два вопроса: во-первых не уничтожается ли до конца приведенными словами всякий национальный патриотизм и не проповедуется ли полный космополитизм во имя Христа и Евангелия.

Ответ на такое недоумение мы находим в лице того же патриарха Никона, который совмещал в своем уме и сердце и сочувствие ко всем православным народам и одушевленную любовь к русской Родине, что кроме всего прочаго известно из его поведения во время чумы в Москве.

Впрочем, что же нам ссылаться на человеческие примеры, когда подобное же совмещение явил в своем лице Господь Иисус Христос, бывший одновременно и космополитом и иудейским патриотом.

«Иерусалим, Иерусалим, сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели» (Лук. 13, 34).

О скорченной женщине в Св. Земле Господь выразился так:

«Не отвязывает ли каждый из вас вола своего или осла от яслей в субботу, и не ведет ли поить? Сию же дочь Авраамову, которую связал сатана вот уже 18 лет, не надлежало ли освободить от уз сих в день субботний?» (Лук. 13, 15–16).

По поводу покаяния Закхея Господь сказал: «Днесь спасение дому сему бысть, зане и сей сын Авраамль есть» (Лук. 19, 9).

Такой же смысл имеет Его известный ответ Самарянке (Иоан. гл. 4).

Итак, наш православный патриотический космополитизм в сознании народа вполне соответствует учению Христову и Евангельскому, но, увы, эту любовь к единоверцам нашим почти утратили наши интеллигенты после Петровской эпохи. Когда они, лечась от ревматизма или худосочия, забираются в Египет, то, возвратясь домой, будут вам рассказывать о пирамидах и пальмах, а дамы о красоте молодых арабов, а если вы их спросите: «а православного патриарха Александрийского, имеющего титул Судии Вселенной, вы постарались повидать?» – то ваш собеседник или собеседница вытаращат на вас глаза и спросят: «а разве там есть патриарх? Первый раз об этом слышу».

Впрочем, русская интеллигенция не вполне лишена нравственного общения с Православным Востоком. С 1882 г. мы имеем весьма достопочтенное Императорское Палестинское о-во, обладающее разнообразными отраслями деятельности – поддержание св. храмов и духовенства в Палестине и в Сирии, собирание и издание исторических документов по истории Православного Востока, облегчение денежное и юридическое русского паломничества в Святую Землю и хозяйственная поддержка народных училищ на всем Ближнем Востоке.

Учреждение этого О-ва имело виновниками Вел. Кн. Сергея Александровича и его Высочайшей Супруги, а главным

труженником сего учреждения был один из основателей его В. Н. Хитрово.

Нужно ли говорить о том, что с самого начала *русской* революции Общество это была лишено своих доходов, которые прежде из добровольных пожертвований и церковных сборов доходили до 1 миллиона рублей.

Впрочем, упоминая обо всем этом, мы должны присовокупить, что и прежде не вся же русская интеллигенция обнаружила безучастное отношение к Православному Востоку. Книги с описанием Св. Земли и окружающих ее стран издавались постоянно, хотя и с большими промежутками и имели авторами весьма авторитетных и ученых представителей высшего сословия: разумею известные труды А. Н. Муравьева и бывшего министра Абрама Норова, которые можно сказать жизнь свою посвятили на изучение Православного Востока. А со времени учреждения Палестинского Общества таких трудов появилось несколько десятков.

Нужно признаться, что менее участия в таком святом деле обнаружили наши духовные лица, но и среди них были блестящие исключения во главе которых необходимо указать прежде всего покойного Преосвященного Порфирия (Успенского), бывшего викарным епископом в Киеве и почившего в глубокой старости лет 50 тому назад. Его «Книга бытия моего» издана Академией Наук и выдержала не одно издание.

Затем ветеран Палестинской службы архимандрит Антонин, тоже уже давно покойный, также много послужил Православному Востоку, изыскивая средства на приобретение в Палестине земельных участков, не говоря уже о других его многочисленных заслугах.

Замечательно, что обращенные из лютеранства христианки нередко усваивают не только православную веру, но и чисто народные русские привязанности к ее обнаружениям в более сердечной и сильной степени, чем исконные православные русские. Так Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, по примеру лучших русских людей, завещала себя похоронить в Иерусалиме вместе со своей подругою, что и было исполнено

после безчеловечного убийства большевиками этой поистине святой женщины.

В заключение нужно упомянуть о том, что самый великий русский писатель Достоевский в своем «Дневнике Писателя», разбираясь в Восточном вопросе, неоднократно указывает на то, что в подобном деле необходимо привлечь и Вселенского Патриарха и заинтересовать им православную паству Ближнего Востока. О Дальнем Востоке мы побеседуем в другой раз.

II.

Недавно мы писали о том, что призвание русского народа на Ближнем Востоке, которое пренебрегалось нашей интеллигенцией последних лет, заключается в полном слиянии нашем с православными инородцами и в признании нас с ними одним народом православным.

Другое дело на Дальнем Востоке: там живут язычники и магометане, которые постепенно либо присоединились к русскому Царству, либо напротив вели с ним оборонительную войну.

Конечно, при таком условии не может быть и речи о полном слиянии их с нашим народом, но русское общество и русское правительство должны были стараться о том, чтобы добрососедские отношения между нами, которые находили себе место, несмотря на возникавшие не очень редко военные столкновения, продолжали не только сохраняться между Россией и Дальним Востоком, но и крепили бы из поколения в поколение и подготавливали, хотя бы в далеком будущем, обращение тех народов ко Христу.

Правда такой светлой надежде был нанесен тяжелый и трудно поправимый удар в 1900 году, когда русское правительство в опасении нападения Китая, утопило в Амуре до 20 тысяч китайцев местных жителей, по приказанию какого-то генерала немецкой расы и тем поколебало воззрение всего Востока на Русь, как на страну милосердия, освещающую светом доброжелательства всю огромную Азию.

Так смотрели на нас и Китай и Индия, противопоставляя русский народ в указанном смысле и англичанам, и немцам, и французам, которых считали врагами Азии.

Вот почему я с сердечным сочувствием относился к евразийству, пока оно не обнаружило себя, как движение революционное.

Конечно, религиозные воззрения азиатских язычников совершенно иные, чем у православных христиан, но между ними и нами существуют не только точки соприкосновения, но и

большая область духовного единения, это сказывается прежде всего в том, что буддисты и магометане сходятся с православными христианами и расходятся с западными еретиками в том, быть может не всегда ясно сознаваемом убеждении, что настоящая жизнь есть только приготовление к будущей и если только люди не желают быть верны такому взгляду, то они находятся в постоянном заблуждении, как бы в бреде, принимая кажущееся за истинное и наоборот.

Конечно, те народы, которые читали Св. Евангелие, должны были бы смотреть также, но сыны западной культуры, не исключая и католиков, смотрят на самом деле на жизнь, как на наслаждение, как на право, а на главного врага нашего спасения, т. е. на самолюбие, как на нечто не только дозволенное, но и обязательное для образованного человека, «уважающего себя».

В таком непримиримом противоречии протекает жизнь каждого из них а их дикие правила, враждебные нашей вере, как например, самоуважение, благородное (?) самолюбие и т. п. деспотически подчиняют себе мысль и волю всякого западника и они даже каким-то чудом проникли в руководства по нравственному богословию и в наши, отрешенные от св. Церкви, но именующия себя церковными, школы.

Что делать? видимо и здесь осуществляются слова Ап. Павла о том, что называющие себя мудрыми, обезумели и такому приговору Св. Писания подчинили себя и лучшие русские люди, как Пушкин и Лермонтов и т. п., убитые на дуэли, т. е. на возмутительном диком предразсудке, внесенном в нашу жизнь средневековыми рыцарями, потомками германских варваров, а еще раньше – древних римлян, самых злых врагов Христа.

Конечно, верность таким предразсудкам ничего общего не имеет с духом русским и никогда не нашла бы себе места среди потомков русского народа, если бы иностранцы не овладели посредством лести и обмана воспитанием его детей и юношей.

Правда, кроме влияния Запада все подобные предразсудки имели почву и в общей греховности человечества, которое отпало от Бога, поддавшись горделивому непослушанию, но

культура Востока Дальнего и Ближнего не одобряет этого греховного настроения воли потомков падшего Адама и, подобно Евангелию, ставит во главу угла добродетель смиренномудрия перед Богом, согласно первому блаженству первого Евангелия.

Согласно первому правилу добродетели, т. е. смирению, к душе христианина, усвоившей эту добродетель, постепенно присоединяется и милосердие, и всепрощение, и доброжелательство.

Вот замечательные слова, которыми один русский богатырь наставлял другого, выходившего в поход:

**"Не убей в чистом поле крестьянина,
Не помысли злом на татарина».**

Это повеление давалось не изнеженному барченку, а воину, выходившему в поход против врагов своего народа. Они неизбежно должны были убивать и воевать, но не имели права помыслить злом, т. е. ненавидеть и злорадствовать.

Конечно, на практике такое правило часто нарушалось, но соблюдалось то, что люди никогда не считали своего греха справедливым и принимали покаяние за все грехи подобного нарушения.

А когда в 1900 г. состоялось избиение 20 тысяч невинных китайцев, то искренние мыслители говорили, что Бог также с Дальнего Востока покарает русскую землю за такое, хотя и не общенародное, но безчеловечное преступление, что начало сбываться с 1904 года и не окончилось еще доныне.

III.

Отношение русских к восточноазиатским инородцам не должно прежде всего исчерпываться борьбой или конкуренцией, хотя бы на почве материальных интересов, но выражаться в доброжелательстве не только отдельных лиц к отдельным лицам, но и к целой народности, к целой стране.

Святители Стефан Пермский, Препод. Трифон Печенгский, Кирилл и Мефодий справедливо почитались не только, как ревностные проповедники Христа и Христовой веры, но как друзья того народа, к которому они принесли проповедь Евангелия, в этом и заключалась сила их влияния на людей.

Зачатки такого дружественного отношения к чужим народам, которое, конечно, держится в полноте только подвигами молитвы и очищения сердца, даны изобильно русскому народу.

В то время, когда европейцы Запада колонизировали отдаленные земли Америки, Африки и Австралии, постепенно истребляя тамошних аборигенов, народ русский без насилия ассимилирует их себе, не лишая их этнографических особенностей и не препятствуя им размножаться.

Иногда эти особенности сохранялись, как в обычаях, так и в самом языке инородцев на целые века, иногда же они совершенно свободно во всем уподоблялись русским, т. е. во всем быту своем и в языке.

Мои родители жили в Крестецком уезде Новгородской губ. Когда я был мальчиком, то многие старики и старухи не умели говорить по-русски, а когда я возмужал, большинство их говорило только по-русски, а по-карельски перестали даже понимать.

Думается, что не только принуждать к руссификации, но и торопиться с нею по отношению к инородцам вовсе не следует: лишь бы они принимали и содержали православную веру.

Разумеется, это сказано об инородцах, живущих в русском государстве и православных, однако, общечеловеческий закон доброго влияния остается один, и русский народ является

лучшим колонизатором где угодно, а восточные народы ни к одной европейской нации не расположены в такой степени, как к русской, чуя в ней сочувственное сердце, отсутствие гордыни и доверчивость.

Медленен и тернист путь такого народного общения, но должно дорожить всяким шагом такой бытовой дружбы, не спеша воплощать ее в формы государственных законов и правовой гегемонии.

К сожалению наша государственность, а нередко и наша церковная администрация, вовсе не принимала во внимание вышеизложенного.

Конечно, призвание России на Д. Востоке не должно было и не должно будет ограничиваться одним только простонародным бытовым сближением. Промышленность, искусство, художество, наука и особенно Церковь наша должны придти на помощь сему большому делу, которое, как древесное семя, может обнаружить свои плоды только десятилетиями, а то и целыми веками. Ошибка деятелей сближения заключается обыкновенно в их торопливости. «Сколько ваших слушателей приняло святое крещение? Сколько из нашей литературы переведено ими на свой язык? Как печально, что прожив среди китайцев или японцев 10 лет, не мог привить им русских обычаев. Они по-прежнему веруют в своих ложных богов и чуждаются русских обычаев и т. д. и т. д.»

Гораздо ближе к настоящему пониманию дела, к успеху тот деятель, который говорит так: «Я счастлив, что мои знакомцы, хотя не оставили своей суеверной религии, но интересуются читать наше Евангелие, слушать русския песнопения, одеваться в русскую одежду, а главное восхищаться христианскими подвигами наших святых и целуют их изображения, хотя и продолжают держаться своих религиозных обычаев. Они с любопытством рассматривают картину из русской жизни, а некоторые даже задумывают съездить в Москву, в Киев и уже говорят целыя фразы по-русски».

Все сказанное касается *сближения* инородцев с Россией, с русским народом, но независимо от всякаго сближения русские люди должны принести туда светоч нашей благодати и

великодушия и смягчить языческий нрав примерами своей жизни и деятельности, борьбой с местными предрассудками.

Однако, то, что всегда было трудно в международных отношениях, стало вдвойне трудно в международных наших отношениях после того, как на Д. Востоке тамошние жители, как это бывает везде, воеприняли от европейцев не лучшие, а худшие стороны их жизни, т. е. непреодолимое самодовольство, шовинизм, соединенный с презрением и ненавистью к чужим, постоянное желание японца доказать, что он и его народ не хуже, а культурнее и умнее европейцев, а в особенности русских, которые были ими побеждены в 1904–1905 годах

За всем этим у нас остается сильнейшее незаменимое культурное орудие влияния на людей и на народности, это наша превосходная, привлекательная для всякого сердца и ума поэзия и вообще литература.

Это орудие влияния, конечно, более действенно для образованного общества, монголов и индусов особенно. Великие идеи Достоевского, Ал. Толстого, мечты Лермонтова, Майкова и других наших поэтов и писателей, воспринимаемые чуждыми нам народами просто, как интересные сказки, полагают в их душах начало полного возрождения, как песни Садко в подводном царстве морских чудовищ, или Майковский «Ямшан» в душе степного богатыря.

Если же на помощь к духовному свету русского характера придут и чисто культурные учреждения, насаждаемые на Дальнем Востоке пионерами нашей отечественной культуры, то откроется широкая дорога к истинному евразийству, т. е. к обильному насаждению и возрождению зачатков новой христианской культуры там, где пока почти все ей чуждо.

Переходя от индивидуальных указаний к обзору общегосударственных мероприятий, которые бы служили делу объединения с монголами и индусами, мы, конечно, не имеем ни возможности ни дерзновения что-либо рекомендовать правительствам, но упомянем о том, что уже сделано доброго в этом направлении.

При сем нельзя не вспомнить перспективы великого Достоевского, который за полгода до смерти, в последнем

выпуске своего Дневника Писателя (осень 1880 года) писал о необходимости провести две железнодорожных магистрали от наших столиц – одну к Восточному океану, а другую в Туркестан.

Помню, как злобно издевалась над этим тогдашняя печать, заявляя, что по этим дорогам будут ездить только медведи, а население России окончательно разорится переобременением государственного бюджета, истощаемого огромными расходами на мериадоверстные железнодорожные ветви, которые будут давать такой ничтожный доход, которым не покрыть даже и жалованья сторожам путей.

Правительство тоже с крайней осторожностью поручило разработку первого проекта (о Сибирском пути), утвердив только через 10 лет проект этой постройки. Для другой же Туркестанской ветки еще целых 40 лет понадобилось прежде чем она дождалась утверждения.

Но что же? Обе дороги оказались столь выгодными, что вскоре пришлось по обеим этим длинным путям прокладывать параллельно другие пути и признать, что дороги эти быстро окупаются.

Такова Россия. Не только чисто нравственные, религиозные и интеллектуальные предприятия заканчиваются и увенчиваются благословенным успехом, если в основании их лежит моральная, патриотическая идея, но ею подымается и материальное благосостояние края, которое так старательно силятся разрушить большевики и евреи.

Последним, скажем в заключение, особенно поперек горла стал храм Спасителя в Москве, ибо они его Спасителем не хотят считать, а ненавидят особенно за то, что Он своим учением разрушал их шовинизм и вводил в общечеловеческое братство.

20. Русский народ и православные племена за границей России.

Владыка Антоний не отделял в своем сердце русского народа от православных племен, находившихся за границей России – на Западе под властью б. Австро-Венгерской Империи – Буковину, Галицию и Карпатскую Русь, на Востоке греков и арабов, находившихся под властью магометан турок и православные государства Сербию, Болгарию и Румынию, нуждавшихся когда-то в поддержке России.

Чувства владыки Антония к карпато-россам, галичанам и буковинцам нашли особо яркое выражение в его послании по случаю сборов, предпринятых тогдашним архимандритом Виталием, впоследствии архиепископом, для устройства в Карпатской Руси в с. Владимирове на Словенску православной миссии. По этому поводу владыка Антоний опубликовал следующее послание.

Окружное послание.

Смиренный Антоний, митрополит Киевский Галицкий, благочестивым русским людям, проживающим в Югославии и других странах о Господе радоваться.

Известно ли, всем вам, возлюбленные русские люди, что кроме нашего современного разсеяния по лицу всей земли и кроме тех, которые живут на Св. Руси, – существуют сотни тысяч, даже миллионы русских православных людей, много веков проживающих не вдали от нас – на горах Карпатских и в Буковине?

Прежде они были в австрийском рабстве, а в последнее десятилетие получили от него свободу и часть их изъявила согласие проситься в дружественную нам Чехию, где и пребывают вот уже 10 лет в зависимости от католиков и униатов.

Обманом и насилием были они прежде оторваны от православной родины и в шестнадцатом веке, против своего желания, вписались в латинскую унию и содержались в тяжелом рабстве у австрийских поляков и мадьяр. Наша великая война, погубившая Россию, спасла, однако, их от этого рабства и они, оказавшись на свободе, начали тысячами возвращаться к православию: строить церкви и школы, и устраивать монастыри и воспитательные приюты для детей-сирот. – Святое это дело, но тяжелое и почти невозможное для бедняков сиромашов. – Дорожите же сугубо тем заброшенным краем: знаете-ли вы, что там русский дух и благочестие сохранились в неискаженном виде, как-бы в 17-м веке; оттуда может возсиять свет прежнего благочестия на всю Русь, как это еще было во время крещения св. Владимира.

Теперь они поднимают умоляющие руки к нам, хотя тоже бедным эмигрантам, требуя помощи на достройку церкви и приюта в селе Владимирове на Словенску и на покрытие долгов, за которые стоит угроза об отобрании у них церкви, приюта и миссии. Там работает создатель сего св. храма русский просвещенный подвижник архимандрит Виталий, почти

30 лет защищающий грудью своею Святое Православие и пребывающий в добровольной нищете среди гонений от врагов нашей веры. – Двадцать лет он трудился в нашей Почаевской Лавре, а когда она перешла под власть Польши, он водворился в Карпатской Руси, в Чехии, и там основал типографию и св. обитель с церковью Св. Архистратига Михаила в память убиенных русских воинов, которых могилы по близости от того места насчитываются многими тысячами.

Мне, пишущему эти строки, дело это особенно дорого. Проживая в 1886 году близко от тех мест, я вот уже почти 45 лет пребываю в постоянной тревоге о народе нашем православном. Со времени ига татарского, он уже 700 лет стремится слиться со всею державною Русью и частями возвращался к единению с нею, но, видимо, Господь испытывает его терпение и усердие, хотя частями, и весьма значительными, Русь постепенно объединялась еще со времени Царя Алексея Михайловича, потом – Петра I-го, Екатерины II-й и до последней войны. Только треклятая революция опять раздробила было Св. Русь, опять оставила под чужеземною и неправославною властью значительные пределы русского расселения и доныне оставила наш народ раздробленным между различными государствами неправославной веры.

Итак, оплакивая нашу родину, обезглавленную, разоренную, с разоренными храмами Божиими и обращенную в огромную тюрьму, куда нет входа, ни выхода; я теперь, и уже с 23 летнего возраста своей скитальческой жизни, подойдя к концу седьмого ея десятка, и, следовательно, к собственной могиле, так и не могу спокойно думать о наших бедных братьях, оторванных от общей жизни бедной Руси нашей и влачащих в нищете и невежестве свои печальные дни.

Я призываю теперь свою бедствующую паству, но уже обогревшуюся под попечительным покровительством великодушной Югославии, принять участие в судьбе этих единомышленных, а с прошлого года единоверных братьев наших Карпатской Руси. Борясь с нищетой и голодом, она все-таки тянется к Православию и просвещению и умоляет нас подать ей прежде всего руку помощи для уплаты долгов,

сделанных ею для построения храма св. Архангела Михаила в память убиенных около него русских воинов. Шел было и я сам с готовностью помолиться среди них и проповедывать там Православие, но меня не допустили; и теперь сердце мое рвется туда и готово бывает разорваться на части, когда я думаю о тех страдальцах заграничных – русских людях, и вот, вопреки своему обычаю, я обращаюсь к своей благочестивой пастве – эмигрантам в Югославии и других странах – с мольбою о денежных сборах на восстановление православия и на просвещение в Карпатской Руси. Собирателем таких средств является о. иеромонах Серафимъ¹⁸, по любви к русскому народу переменивший почетное положение профессора на нищенскую суму, чтобы собрать пожертвования и обезпечить ими церковь, типографию и школу во Владимирове, где трудится в труде и бедности его руководитель и мой дорогой друг архимандрит Виталий с братией, академик, три раза уже отказавшийся от архиерейского сана ради служения простому народу русскому и Православной Церкви.

Знаю, что многим уже наскучили тебе, моя дорогая паства, постоянные сборы, и я избегал в них участвовать, предпочитая отдавать свои собственные последние скудные динары, чем просить других. Но, продолжая поступать так до последних дней, теперь я вижу, что без общей помощи добрых людей ничего там сделать невозможно и потому с низким поклоном снова стучусь в ваши сердца, добрые люди. Помните, что не один век бедный брат наш Лазарь лежал у ворот нашего богатого русского царства, которое ходило в то время освобождать ненужный нам иноверный Париж, а оставляло без участия своих братьев по крови и по вере.

Долго терпел Господь такое безучастие русского народа и русского правительства, да, наконец, и наказал нас строго, повергнув народ в то положение нищих странников, в котором были пренебрегавшиеся нами братья галичане, карпаторуссы и буковинцы.

Будем же каяться пред Богом и пред народом, но не бесплодными воздыханиями, а так, как прежний богач, раскаявшийся корыстолюбец мытарь Закхей, сказавший: «Се

пол имения моего, Господи, дам нищим: и аще кого чим обидех, возвращу четверицею» (Лук. 19, 8).

Тогда и мы услышим сладчайший глагол Христов: «днесь спасение дому сему бысть» (Лук. 19, 9).

21. О гонениях на Русскую Православную Церковь и об архиепископе Иларионе.

22 марта 1931 года в г. Белграде при открытии основанного нами Института Изучения России¹⁹ владыка Антоний произнес следующую речь.

* * *

«Теперь уже ни для кого не оказывается тайной, что в бывшей России происходит постоянное, совершенно безстыдное и последовательное гонение на Церковь. Гонение это не стесняется никакими нравственными законами: арестуют и ссылают в Соловки и на крайний север Сибири церковных духовного и мирского чина только за то, что они не скрывают свое православное христианское настроение. О том, как живут в Сибири ссыльные митрополиты, епископы, священники и монахи, об этом было уже довольно сообщений в русской и заграничной печати, так что большевистские борзописцы уже лишились возможности опровергать эти известия, которые оказались не только не преувеличенными, но напротив они обнаруживают лишь часть подобных злодеяний и при том в гораздо более слабых тонах, чем это происходит на самом деле.

Впрочем, безстыдство и цинизм до такой степени стали привычными в большевистской печати, что участники последней не очень-то считают нужным замалчивать о своих кровавых преступлениях. Они намечают жертвы своих насилий преимущественно среди наиболее авторитетных, талантливых и популярных духовных лиц и только непростительное невежество нашей интеллигенции во всем, что касается жизни Церкви и духовенства, является причиной тому, что подобные события, как безпричинные аресты церковных светил, остаются незамеченными в печати. Из этих церковных светил некоторые настолько превышают уровень обычного богослова и иерарха, что, если бы подобные личности пострадали от большевиков в кругах светских, то вокруг них поднялся бы такой же шум, такой же «аларм», как после смерти Достоевского и Пушкина,

пострадавших, конечно, не от правительства, но составивших долго невознаградимую потерю русской жизни.

Система гонений на богословско-философские таланты и ученые авторитеты у большевиков-обскурантов приблизительно такая: эти господа, присмотревшись к авторитету иерарха-проповедника или богослова-мыслителя, убеждают его выступить публично на какой-либо богословский, философский или литературный диспут, обещая ему полную неприкосновенность и стараясь его подзодорить предстоящей трудностью словесного состязания в виду осведомленности и искусства его противников-атеистов.

Конечно, наши иерархи богословы – епископы, архимандриты и священники, преподававшие богословско-философские предметы в духовных академиях в священном сане, а и то просто в мире «кроют» своих оппонентов, «как пригото́вишек», по выражению одного из моих правдивых корреспондентов из России, и после первого или второго диспута эти «пригото́вишки», хотя бы и с седыми бородами, с злобными лицами и со значками всякого рода техников до того робеют, до того теряются перед доводами и запросами апологетов веры, что по завету своих красных шефов, сами же отказываются от дальнейших собеседований и представители религии тщетно вызывают к дальнейшему диспуту смелую, но обыкновенно невежественную в предметах веры и богословской науки, оппозицию.

Эта самая богословская наука недавно лишилась одного из самых сильных своих представителей, еще совсем молодого, но высокоталантливого, чтобы не сказать гениального, мыслителя архиепископа Илариона (Троицкого). Названный молодой архипастырь, уморенный в декабре 1930 года, когда он был в ссылке на Соловках, был уже пред самой смертью лицемерно возвращен из ссылки в Петроград, где и скончался 15 декабря, не имея еще 40 лет от роду, передвигаясь на костылях последние годы своей молодой жизни, хотя смолodu отличался цветущим здоровьем, имел юношеские румяные щеки.

Для большевиков он был особенно опасен, потому, что, имея веселый характер и изумительную для его молодых годов

всестороннюю начитанность, он всюду собирал вокруг себя огромную аудиторию, особенно из молодых людей, чего более всего боятся и не любят господя большевики, надеявшиеся именно чрез молодежь укреплять свое влияние на умы.

Владыка Иларион особенно выводил их из себя тем, что в своих блестящих лекциях, речах обосновывал и отстаивал самый ненавистный для них догмат о непогрешимости Св. Церкви, каковой догмат он мастерски связывал с толкованием Священного Писания Нового Завета, т. е. именно Евангелия, Деяний и Послания Апостола Павла и Апостола Иоанна, т. е. тех именно священных книг, которые лукавыми и упрямыми протестантами злобно противопоставляются церковной дисциплине и аскетическим настроениям нашей Церкви.

У немцев есть удачное выражение: «Epochenmachendes Buch».

Вот такой именно книгой явилась за несколько лет до революции журнальная статья, а затем довольно обширная брошюра тогда еще архимандрита Илариона, под заглавием «Христианство или Церковь», где он неопровержимо доказывает, вопреки принятым в науке предразсудкам, господствующее или доминирующее значение этого догмата не только в Священном Предании – нашем, которое лютеране и другие протестанты спешат назвать монашеским, но и у Апостола Павла, на которого они больше всего любят ссылаться, и в Св. Евангелиях, и даже в Апокалипсисе.

К сожалению, наша богословская профессура настолько состарилась, если не годами своего возраста, то своей связанностью со средневековой схоластикой, перекачнувшейся к нам чрез Катихизисы Лаврентия Зизания, Петра Могилы и митрополитов Филарета и Макария Московских, что стала почти неспособной, даже отзываться на всякую свежую богословскую мысль и, скрежеща зубами от досады, обходит таковую молчанием на радость большевиков. Казалось бы это замалчивание было трудным, особенно в отношении трактатов Преосвященного Илариона, который подкрепил свою книжку «Христианство или Церковь» огромным томом своей

диссертации: «Учение о Церкви в первые три века христианства».

И вот эта книга, как и предварившая ее брошюра, осталась без специального отзыва в нашей литературе, если не считать оффициальных оппонентов на диспутах. Эти оппоненты, хотя и расточали похвалы, тогда еще совсем молодому автору, но кончили дело только тем, что заявили о сверх-магистерском, а прямо докторском достоинстве помянутой диссертации. Правда, автору была пока присуждена только магистерская степень, во-первых, потому, что дарование докторской степени помимо магистерской было в Академии явлением безпримерным, а во-вторых, потому, как чистосердечно признавались оппоненты, что они желали сохранить крепкое побуждение автору приняться за докторскую диссертацию в качестве отдельного труда.

Автор помянутых сочинений Преосвященный Иларион, уже почтенный от Патриарха и Синода, несмотря на свои молодые годы, саном Архиепископа и званием Патриаршаго помощника или заместителя по управлению Московской епархией, продолжал свои диспуты с большевиками с прежним жаром и все с возрастающим успехом. Он побеждал их не только своим блестящим умом, неотразимостью доводов и фактов, но и пленял их своею обаятельной личностью и непосредственной ласковостью.

Поняли господа большевики, что мудрено будет уничтожить религию при таких мощных защитниках ея и без дальних слов арестовали молодого Архиерея, хотя он был в высшей степени легален по отношению к т. наз. советской власти.

Такой же акт грубого насилия и нарушения своих собственных «законов» они проявили в отношении к другому молодому ученому Архиерею Преосвященному Прокопию, епископу Елисаветградскому, почти равеснику владыки Илариона.

Не знаю жив ли он, или его уморили подобно первому и прочим 30 епископам, умершим в холоде и голоде на Соловецкой каторге или в Сибирских тундрах, где и поныне томится уже престарелый Местоблюститель Патриаршаго Престола, близ устьев Оби, на острове Хэ, митрополит Петр

(Полянский), также вполне легальный даже с советской точки зрения иерарх.

Не будем уже упоминать о полтысячи с лишним архимандритов и монахов либо уморенных в ссылке на далеких окраинах России, либо зверски замученных, как архимандрит Височановской пустыни Харьковской губернии, которому с головы содрали кожу, или уже о немолодом епископе Никодиме, котораго в продолжении нескольких часов большевистский комиссар Саенко колотил железным прутom по голове, пока он не умер под его ударами. Подобною же медленною смертью замучили в Астрахани члена Государственной Думы архиепископа Митрофана и епископа Леонтия (барона Вимфена), которых трупы, брошенные в помойную яму, были нескоро опознаны и при том по чисто случайным признакам. Из представителей белого духовенства было разстреляно, задушено и замучено от 2 до 3 тысяч душ²⁰, а благочестивых мирян без числа.

Кровь христианских мучеников по древне-отеческому выражению являлась всегда семенем для духовного рождения новых христиан. Но если и пшеничное семя вырастает не так скоро после своей смерти, согласно Апостолу Павлу, то духовное рождение целых поколений не может вырасти так скоро из крови православных страстотерпцев, а мы, еще живущие на земле, должны бережно хранить их святую память с молитвою и надеждою, что по их богоугодному предстательству благодетельная рука Божия удалится от нас не навсегда».

22. В чем сказывается сила Православия²¹.

Как бы заключительным аккордом к мыслям владыки Антония о России и русском народе, являются его две статьи: 1) «В чем сказывается сила Православия» и 2) «Патриарх Никон и Россия», в которых он, перестрадав сострадательной любовью все великия бедствия русского народа, провидит его возрождение и светлое будущее.

* * *

«Если бы такой вопрос [«в чем сказывается сила Православия?»] нам был задан лет двадцать пять, то легко было бы указать на то, что славнейшая Держава Российская преклонила голову свою, т. е. власть могучаго Русскаго Царя и Его синклита, под власть Христова ига так, что интересующиеся могли по несколько раз в год видеть в церкви Императора и весь Его двор преклонившими колена свои пред Богом и какою-либо православною святынею, например, пред чудотворным образом Божией Матери или Николая Чудотворца.

Если же Господь открывал Свою волю о прославлении какого-либо новаго угодника, хотя бы в глубокой Саровской глуши или, напротив, в блестящей столице – белокаменной Москве, то к подножию новоявленных святынь стекалось без всякаго приглашения по сто тысяч и более народу во главе с самим Государем и Его Высочайшим Двором.

Тысячепудовые колокола оглашали своим трезвонем воздух на несколько верст, а пение клира заглушалось усердными восклицаниями наиболее одушевленной части народа, перемешанными с восторженными рыданиями благочестивых душ.

Все это бывало так недавно, менее двадцати лет тому назад: православные умилялись, а инославные изумлялись и говорили: «теперь мы понимаем почему эта земля называется Святою Русью».

Увы, с тех пор много изменилось и Православная Церковь оказалась в России в жестоком гонении. Гонители называются большевиками, а на самом деле они исконные враги Христовы –

иудеи и еще более ожесточенные отступники от веры, пошедшие в след за Иудой Предателем и долженствующие унаследовать его плачевную участь.

Поверхностные наблюдатели скажут, что сила Православия изсякла, а мы утверждаем, что сила эта равно сияет на Руси и теперь, как тридцать лет тому назад. Она равно прославляется и в победах Константина и Владимира, и в гонениях Диоклетиана и Юлиана Отступника.

Недавно еще на Руси славили Христа цари и митрополиты, а теперь Он прославляется в страданиях мучеников за веру и всего забитаго, униженного и опозоренного народа.

Да! Когда еще на нашей памяти некоторые наши мыслители предсказывали возможность новых гонений на Христову веру, то мало кто доверял такому предсказанию, а теперь, когда перед нами убиенные тела Царя, Царицы и Чад Их, двух митрополитов русских и замученного патриарха, многочисленных архиереев и свыше двух миллионов смиренных христиан, а также разоренные и сравненные с землей соборные храмы и ободренные от драгоценных риз чудотворныя иконы, теперь поневоле навязывается вопрос: «это ли сила Православия? это ли Святая Русь?»

Отвечаем словами Христовыми: «Сила Моя в немощи совершается» (2Кор. 12, 9).

В чем же она совершается? В добровольном мученичестве за веру великаго множества мужей и жен, богатых и нищих, вельмож и простолюдинов, прославляющих Бога своими страданиями.

Если бы знать, когда больше стало на Руси людей праведных, преданных воле Божией и безкорыстных, – теперь ли в гонении или раньше, когда Русь была в славе и силе, то, конечно, окажется, что в настоящее время их больше, чем тогда, когда мы жили в славе и довольстве.

Не только молиться русские люди стали усерднее, чем в недавнее прошлое время, но, как стало теперь известно, и в других добродетелях большинство русских людей возросло и укрепилось. И прежде всего укрепилась и возросла в них

любовь, преданность и послушание своим пастырям и сердечное попечение об их нуждах.

Одни, слабейшие, правда, перестали ходить к божественным службам страха ради Иудейского за то другие, переставшие было молиться Богу в церквах, теперь с опасностью для своей свободы и даже для жизни стараются не пропускать ни одной церковной службы.

Но вот грянул гром хвастливой победы врагов Божиих и большинство русского простого народа, как православного, так, и старообрядческого, схватилось руками за сердце и воскликнуло: «братцы, свиная доля выходит нам; не поддадимся духу антихриста. Пострадаем за Христа и вспомним слово Его: «Иже бо аще постыдится Мене и Моих словес в роде семь прелюбодейнем и грешнем, и Сын Человеческий постыдится его, егда приидет во славе Отца Своего со ангелы святыми!» (Марк. 8, 38).

На короткое время запуганный народ русский может быть стесняется проявлять свое благочестие под опасением жестоких кар, как ученики Христовы при приближении вражеской силы разбежались, оставив своего Учителя одного, однако, в тот же день начали собираться к Нему снова и уже более не покидали Его, запечатлевая своею кровию свою верность и через два дня начавши исповедывать эту веру смело и неотступно.

Вот в чем сила Православия, которая устояла и против татарской неволи и против угнетения малороссов католиками в юго-западном крае и остзейскими баронами в северо-западном крае, а равно и в заброшенном состоянии своем на Аляске и в других окраинах нашего обширного государства, а в настоящее время – по всему миру, через наших беженцев нищих и безправных, но не желающих лишиться права именоваться православными христианами и поступающими по слову Апостола (2Кор. 6, 3–6. 10): «мы никому ни в чем не полагаем претекания, чтобы не было порицаемо служение, но во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнании, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благодати, в Духе Святом, в

нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и безчестии, при порицаниях и похвалах; нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот мы живы, нас наказывают, но мы не умираем, нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем».

Такова сила, таково могущества христиан. Вышеприведенные слова св. Апостола Павла как будто предусматривали положение нас, русских, в современном греховном богоборческом мире!

23. Патриарх Никон и Россия.²²

«Паче блудницы, Блаже, беззаконновахом, слез тучи никакоже Тебе принесохом: но молчанием молящися, припадаем Ти, любовию облобызающе пречистеи Твои нозе, яко да оставление нам, яко Владыка, подаси грехов, зовущим: Спасе от скверных дел избави нас смиренных рабов Твоих».

В дни Рождества Христова православные христиане, прославляя Виновника этого великого события, стараются доставлять друг другу духовные радости, напоминая людям о Божественных благодеяниях, которые ниспосланы им из Вифлеемской пещеры. В этот день церковные пастыри, не только совершают службы в храмах, но и с крестом в руках и с славословием Христу Спасителю на устах объезжали дома прихожан за несколько дней до Праздника, заранее вводя всех в радость Рождества Христова.

Желал бы и я оторваться от своей убогой жизни и хотя бы мысленно посетить мою возлюбленную паству, моих многочисленных друзей и вместе с ними прославлять грядущаго в мир Спасителя. Жаждет также мое сердце обнять наше священное Отечество вместе со всеми скорбно в нем страдающими моими дорогими соотечественниками и поклониться нашим великим, ныне поверженным, святыням. Особенно рвется мое сердце к гениальным созданиям величайшаго человека русской истории патриарха Никона – Воскресенскому монастырю (Новому Иерусалиму), как бы сходящему с неба, Крестному монастырю на Белом море и Валдайскому Иверскому монастырю в Новгородской губернии.

Иверский монастырь белеет среди озера с синими куполами и величественным иконостасом, который едва ли не превосходит все иконостасы на Руси.

Великолепная празелень иконостаснаго тела и фонов придает особенную духовность многоярусному сочетанию священных изображений: не только сами святые кажутся поднимающимися к небу, но будто поднимают за собою и богомольца. В этом иконостасе замечателен образ Спасителя:

лик его кроткий, благостный, выражающий чувства умиления и мягкости, которые так свойственны русской душе. К кроткому Спасителю припадают и облобызают Его пречистые ноги с одной стороны, справа, в сиянии, святитель Московский Филипп, а с другой стороны, слева, патриарх Никон, над головой которого написаны приведенные мною слова кондака Великой Среды. По моему глубокому убеждению, этот вдохновенный образ следовало бы нам воспроизводить с некоторой переделкой в том смысле, что изображение патриарха Никона окружить таким же сиянием, каким окружен святитель Филипп, а надписанные им слова отнести ко всем нам – сынам России, ибо в личностях святителя Филиппа и патриарха Никона и заключается разгадка всех постигших нас несчастий.

Великая культура, великая страна, которая споткнется в своем призвании, утратит в лице ее руководящих кругов ясное понимание своего назначения, должна потерпеть крушение.

Внутреннее содержание русской жизни было создано киевскими, московскими и всея Руси митрополитами, которые брали пример с великих греческих иерархов, были ревностнейшими пастырями, никогда не споря из за первенства власти, но всегда проповедуя правду без страха. Последним и самым великим из этих богатырей духа и был патриарх Никон. После него у нас на столичных кафедрах бывали преимущественно иерархи-вельможи, искушенные в политике и тонкостях придворной жизни. Они должны были действовать больше хитростью, нежели правдой Божией, которая все больше и больше тускнела на русской земле, пока, наконец, вся она покрылась непроходимой тьмой.

По убеждению патриарха Никона призвание России заключалось в том, чтобы насадить царство Божие на земле, чтобы сделать Россию мировым центром христианской культуры, просвещения и высшего благочестия. Поэтому он поставил задачей своей жизни ослабление русского церковного провинциализма. Это была светлая эпоха русской истории. В Москве существовал замечательный кружок пламеневших высокими идеями реформаторов. В умах этих людей зрели

самые широкие планы церковных и общественных даже, можно сказать, мировых перестроек и преобразований. Это были самые светлые мечтатели, думавшие сделать всех инородцев в России христианами, освободить греков и славян от турок, устроить Церковь на строго канонических началах. На почве таких идеальных предприятий разгорелась в высокий пламень дружба двух девственных по чистоте душ – царя Алексея Михайловича и патриарха Никона. Царь и патриарх были два глубоко и нежно любившие друг друга человека. Дружба царя и патриарха исправила священные книги, возстановила благообразие общественной молитвы, присоединила к России Малороссию, привлекла к нам восточных патриархов и восточных ученых, побеждала поляков и шведов, а если бы Никон оставался патриархом до конца своей жизни, то были бы снова возвращены под власть русских государей исконные русские области, северо-западный и юго-западный край, славяне были бы освобождены много раньше и не было бы причин ни для последней войны, ни для крушения России, а вслед за сим сохранялось бы благоденствие и во всем мире во главе которого стояло бы Россия.

Вообще Россия была бы действительно возведена на степень величия третьяго Рима и возростание нашего Отечества как в духовном, так и в политическом отношении – было бы необозримо.

Однако, до понимания таких великих отечественных задач не могли подняться современники и всем этим светлым и прямо сказочным перспективам не суждено было сбыться.

Лживые и низкие бояре, которых постоянно смирял патриарх, придворная раболепная знать, люди дутые, своекорыстные и с холопской душой успели оговорить патриарха, озлобить царя, их нежную дружбу превратить в многолетнюю ссору, сослать великаго патриарха в ссылку «на вечное покаяние в Ферапонтов Белозерский монастырь» и затемнить истинное призвание России, которую с тех пор постигают одно несчастье за другим.

Царь Алексей Михайлович умирает не достигнув 50 лет, тревожась духом на смертном одре, что лишен благословения

заточенного патриарха, раскаиваясь в его низвержении и испрашивая у него себе прощения.

Царь Петр вводит у нас чужебесие, на святительские престолы восходят характеры преимущественно эластичные, могущие ужиться при всякой власти и интригах, умеющие хитрить и лицемерить.

После Петра ряд наших царей проникается немецким духом. Император Павел I стремится сделаться народным царем, но падает жертвой предательства, Император Александр I попадает в тенета Священного Союза и хотя оставляет после себя красивое сказание о добровольно поднятом им подвиге, но не оставляет России того прямого пути, по которому ей надлежит идти. Император Александр II умирает от руки убийцы. Император Александр III загадочно умирает в полном расцвете своих сил и, наконец, благочестивейший Государь Николай II принимает мученическую кончину со всем своим Царским семейством от руки злодеев

Думаю, что читатель не может заподозрить меня в недостатке преданности русским монархам. Я желал бы, чтобы власть благочестивых русских царей была бы превыше всех мирских властей на земле и чтобы благоденствие и слава их была безпредельной, но взирая на крестный путь, которым идет наше Отечество после патриарха Никона, невольно приходишь к убеждению, что России невозможно уклониться от пути, который ей предугазан великим «Никоном патриархом, заточенным за слово Божие и за св. Церковь», а вернее самым Промыслом Божиим.

Литература о патриархе Никоне у нас была довольно обширная. Мне не раз приходилось ссылаться на нее и указывать, что большая часть ее – была недоброжелательна к великому Никону, но вот в последнее время появилось замечательное 3-х томное исследование проф. М. В. Зызыкина: «Патриарх Никон, его государственные и канонические идеи» (Варшава, 1935 г.). По оригинальности, убедительности и свежести материалов это лучшее произведение о патриархе Никоне, после которого, надеюсь, уже никто не посмеет порицать патриарха Никона.

Гений этого великого человека заключался в том, что он глубоко проникал в народную душу, в сокровеннейшие ее тайники, он сливался с народом. Считая же главной задачей своей жизни ослабление русского церковного провинциализма, он тем самым сливался и со всем христианским миром.

Патриарх Никон был полный демократ, собственно говоря простой русский мужик, обогатившийся богатыми дарами – он был аскет, народный вождь, правитель и отшельник, художник и хозяин, друг двора, патриот своего народа, вселенский святитель, поборник просвещения и строгий хранитель церковной дисциплины, нежная душа и грозный обличитель неправды.

Я убежден в том, что русская земля, давшая такого гения, имеет великое и светлое будущее. После всех пережитых испытаний она вернется к своему прямому призванию, которое будет стоять в центре церковной и политической жизни.

Задержкой к наступлению этого светлого времени является только наше нераскаяние и мы должны с усердием припасть к родившемуся Спасителю «любвию облобызая пречистеи Его нози и зовуще, Спасе от скверных дел избави нас, смиренных рабов Твоих».

24. Слова Владыки Митрополита Антония о России, продиктованные нам в 1935 году.

Должен сознаться, что чем больше Господь терпит моим грехам и продолжает мою дряхлеющую жизнь, тем больше расширяется мое сердце любовью и участием к русскому народу и русскому обществу.

По всей вероятности мне уже не придется в какой-либо значительной мере осуществить своих пламенных симпатий к нашей священной Родине, но все же я, не погрешая против христианского и монашеского смирения, дерзаю повторить от себя на старости лет, тот отрывок личной исповеди Алексея Толстого, которым одним он обезсмертил свое имя среди русских людей:

"Благословляю вас леса,
Долины, нивы, горы, воды
Благославляю я свободу
И голубыя небеса».

...«В Россию можно только верить».

...Эту веру мы сохраним, хотя и видим разрушающиеся руками дураков и негодяев священные древние храмы, выступления богохульников и кощунников, оскверняющих своими преступлениями не только самая святыни христианския, но и нашу святую землю, которую целовать нам велит, обливаясь покаянными слезами перед Священной Отчизной нашей, Ф. М. Достоевский...

...Весь Русский народ, дожив до своего нравственного возрождения, оболченный и смыслящий, сядет к ногам Спасителя и по Его слову будет повествовать всем, что сотворил с ним Господь, освободив его своим чудесным прикосновением к его душе от легиона бесов, в него вселившихся...

II. Об Евразийстве

Наше лже-либеральное направление общественной жизни, охватившее руководящие круги русской интеллигенции и ввергнувшее Россию в страшные бедствия, не поняло величия владыки Антония, жизненности его светлых идеалов, и оклеветало его, изобразив его «мрачным реакционером», врагом демократии, свободы и общественного прогресса. Действительно, владыка Антоний был открытым врагом революции и лже-либерализма, но он был лучшим другом всего живого и светлого, что могла бы и должна была дать русская жизнь. Показателем его светлых чаяний и надежд может служить его отношение к возникшему за границей новому русскому течению, которое получило наименование «Евразийства».

В 20-ых годах, вскоре после расселения русской эмиграции, в Вене вышла в свет книга талантливого русского молодого мыслителя проф. Н. С. Трубецкого: «Европа и человечество», которая имела своей целью поставить на новых началах русское национальное философско-политическое сознание и найти верные пути для русского возрождения.

Проф. Н. С. Трубецкой утверждал, что европейская цивилизация не является обще-человеческой культурой, а на самом деле «есть культура лишь определенной этнической группы романских и германских народов», русский же народ должен иметь свою самобытную национальную культуру. В этой книге были поставлены следующие вопросы: 1) Можно ли объективно доказать, что культура романо-германцев совершеннее всех прочих культур, ныне существующих или когда-либо существовавших на земле? 2) Возможно ли полное приобщение народа к культуре, выработанной другим народом, притом приобщение без антропологического смешения обоих народов между собой? 3) Является ли приобщение к европейской культуре (поскольку такое приобщение возможно) благом или злом? Дав отрицательные ответы на эти вопросы, он ставит другие вопросы: 4) Является ли всеобщая европеизация

неизбежной? и 5) Как бороться с ее отрицательными последствиями?

Талантливая постановка этих вопросов, крушение и разочарование в прежних русских общественных идеалах и вызвали к жизни движение, получившее наименование «Евразийства», как выражение той мысли, что Россия сочетает в себе элементы и Европы и Азии и призвана быть носительницей новой одухотворенной культуры. Православие, как динамический фактор, искони пронизывающий все поры народной жизни, создало «бытовое исповедничество», которое выразилось в крепком социальном укладе русского народа. Религия, неповторимая бессмертная душа, стихия православной творческой жизни, организация тела нации и государства, культура сильной национально творческой личности и весь строй современного аппарата технической культуры раскрывают перспективы для русского самобытного возрождения.

В разработке евразийских идей приняли участие ряд талантливых молодых русских ученых нового поколения. Кроме упомянутого проф. Н. С. Трубецкого в этом движении приняли участие Н. П. Савицкий, С. Л. Франк, Н. Н. Алексеев, Г. В. Вернадский, Л. П. Карсавин и другие высокообразованные лица. Издавались периодические издания «Евразийская хроника» и «Евразийский Временник» и был издан ряд капитальных трудов – Н. Н. Савицкого «Географические особенности России», «Россия особый географический мир» Н. Н. Алексеева: «На путях к будущей России», Г. В. Вернадского: «Начертание русской истории», С. Л. Франка «Религия и наука» и мн. друг.

Движение это с самого начала своего возникновения вызвало резкую критику, как со стороны левых, так и со стороны правых кругов. Однако, не так к порыву молодых ученых отнесся владыка Антоний и он написал статью «В защиту евразийства».

1. В защиту евразийства ²³.

Я хотел браться за перо после первых же литературных выступлений против евразийцев, выступлений одновременно появившихся в правой и левой прессе. Однако, поджидал пока они сами за себя скажут. Но вот не далее, как вчера, мне дали небольшую брошюру их корифея князя Н. С. Трубецкого, в которой он отказывается выступать с противниками в печатную полемику.

Начав с самой вежливой и убедительной, чисто объективной речи, молодой и высокоталантливый писатель, как бы незаметно сам для самого себя, постепенно разгораясь, оканчивает самым безотрадным приговором своим критикам и тем, увы, скрепляет узел уже видимо зародившейся вражды.

С чисто светской точки зрения он имеет на то право, потому что противники евразийства, и справа и слева, вовсе не ограничивались объективной критикой, а сразу начали выражать различные подозрения почти полицейского характера и можно сказать внесли с своей стороны атмосферу кухни и базара в нашу прессу, которая впрочем уже давно насыщена этой атмосферой.

Однако, с своей стороны, питая самые искренние симпатии к евразийцам, я желал бы, чтобы они то сами не сходили никогда с высоты литературного благородства даже в брошюрах, изданных «на правах рукописи», как озаглавлена помянутая брошюра князя Н. С. Трубецкого.

Существуют предметы обсуждения несравненно более высокие, чем не только личные счета или споры о том, какому лагерю писателей принадлежит будущее литературы – предметы более ценные, чем даже сама Европа и Азия и все, что связано вообще с государствами, наречиями, культурами. Существует Господь Бог и Господь Иисус Христос; лежит перед Его последователями задача отстаивать святую веру и связывать с Его учением все вопросы жизни как личной, так и общественной, государственной и научной.

Вот в этой-то области с евразийцами единомысленны многие из писателей, набросившихся на их молодое движение с обидными предостережениями и незаслуженными подозрениями.

Правда, еще давно замечено, что расхождения в частностях возбуждают несравненно более горячую полемику, чем радикальное расхождение во всем: однако, справедливость и даже благожелательность к чистому идеализму нравственно обязательна для всех прикосновенных к благородному делу пера и мысли.

Отступление от этого принципа со стороны глубокоуважаемых мною писателей я приписываю влиянию парламентаризма, который есть ничто иное, как борьба за общественный успех. Современный писатель или редактор напоминает собой драчливого мальчика, который, увидя издали других детей, сейчас же считает нужным засучить рукава и крикнуть: «а нутко выходи» и стать в позу дуэлянта. Особенно обидно, что в полемике по поводу евразийства полемисты с обеих сторон колят друг друга – одни молодостью, другие – старостью. Между тем еще премудрый Соломон указал на незаконность таких споров: «Старость бо честна и немноголетна, ниже в числе лет исчисляется. Седина бо есть мудрость человеком и возраст старости житие нескверное».

Эти слова должно помнить противникам евразийства уже потому, что в своем теперешнем направлении они очень молоды и сами заявляют, что ужасы революции открыли им глаза и они во многом существенно изменили свои убеждения. Если вы спросите хорошего монаха, сколько ему лет, то он отвечает не о годах жизни, а о годах после пострижения, каковые он только и признает действительною жизнью. Если бы такому обычаю *mutatis mutandis* последовали бы наши публицисты, то они должны были бы признать себя еще младенцами.

При всем том сами евразийцы должны помнить, что убеждения и умы даже великих гениев, как Пушкин и Достоевский, и огромное большинство наших мыслителей, определялись в зрелом возрасте после многочисленных

отклонений и колебаний, от коих да оградит их Господь, сподобивший их в ранние сравнительно годы познать истину жизни, причем и молодость то их весьма относительна, превышающая канонический возраст епископа, какового разрешено Вселенским Собором поставлять в 35 лет от роду.

В общем было бы особенно желательно, чтобы полемика эта не кристаллизовалась в те формы, как в 70 и 80-х г.г. прошлого [XIX] столетия. Там на одном фланге православных русских патриотов стояли: Катков, Победоносцев, а на другом К. Аксаков и Достоевский. Не упоминаем других тоже славных имен.

Первые выше всего ставили идею русской колоссальной Империи, отдавая великую честь Церкви и нравственным идеалам, как основам государственной жизни; вторые выше всего ставили православную религию и нравственный идеал и с этой точки зрения высоко ценили русскую монархию. Сообразно сему те и другие выработали себе совершенно различные характеры, различные приемы деятельности, а личная дружба между ними часто не могла установиться. Однако, они благоразумно избегали полемики и тем более взаимных укоризн.

При всем том позволю себе так выразиться, что, если уже кого и винить в революции (кроме, конечно, нигилистов и вообще левых), то, конечно, писателей и деятелей первого типа, которые не были евразийцами, но также не могли вполне слиться и с русским простым народом. Разумею не внешний быт, а близость убеждений, единство симпатий и чувство нравственного родства с народом.

Евразийство имеет свои минусы, дающие критику логическую возможность находить в них элементы анархизма и революции. Этот минус заключается в слишком общих, подчас напоминающих простую фразу, указаниях будущему русскому правительству и всем вообще руководителям жизни. Впрочем они собирают весьма интересные материалы по сему предмету: этнографические, экономические, исторические и т. п.

Эти материалы, а еще более самая руководящая статья, ясно показывают, что евразийцы суть глубоко-православные

русские патриоты и монархисты, с другой стороны они – высокопросвещенные и высоко-культурные европейцы, но не идолопоклонники западной культуры.

2. Евразийство в его зарождении и теперь.

Однако, по мере развития Евразийского движения евразийцы все более и более увлекались теми процессами, которые происходили в самой России, поработанной коммунистической властью и сами, будучи теоретиками и неопытными политическими деятелями, подпадали под влияние идей о яко бы национальном возрождении русского народа, под властью большевиков, которые распространяли сами большевики, для достижения своих революционных целей и закрепления своей власти над русским народом. Этот процесс в конце концов привел к крушению евразийства, как организованного общественно-политического и научного движения, после которого остались лишь весьма ценные идеи и довольно богатая литература, которая ждет своей дальнейшей разработки и применения в русской жизни при более благоприятных для этого условиях.

Внимательно присматриваясь к евразийскому движению, владыка Антоний приблизительно через год после своей первой статьи написал вторую статью об Евразийстве²⁴.

* * *

Несколько лет тому назад группа молодых ученых с богатою для их возраста эрудицией в различных областях знания и с самых благородным приемом писательства взялись за огромное дело. Они решили освободить русское образованное общество от двухвековых предразудков, на которые сетовал еще Грибоедовский Чацкий и первые славянофилы, включая сюда и великого Достоевского. Это отрицательная негативная сторона евразийских устремлений и деятельности. А что-же они противопоставляют западничеству положительного?

Во-первых, они требуют обоснования всей русской культуры на Православной Церкви и введения в Церковь, конечно, свободно и постепенно, всех отраслей жизни на русской территории, включая сюда и теперешних магометан и язычников. Это, конечно, очень хорошо, хотя и мудро исполнить: за последние годы мы более знаем случаев

отпадения истинных православных христиан в бывшей России в магометанство и иудейство нежели обратных явлений.

Однако, такими благими надеждами и стремлениями вождения евразийцев не исчерпываются: они проектируют и политические и экономические и другие способы в подмогу философским и религиозным перспективам. Какие же именно? вот тут читатель натывается на бомбу, которая того и гляди разорвется перед его носом и разорвет его самого. С первого взгляда можно подумать, что речь идет не более не менее, как о сотрудничестве с большевиками.

Если бы мы имели дело с совсем юными мечтателями теоретиками, то конечно, за это негодовать нельзя, а можно только смеяться, но перед нами, хотя и молодые, но уже зрелые писатели профессора и притом мыслящие себя реальными политиками...

Естественно, что подобные проект вызвал взрыв негодования не только в отзывах типичных господ кадетов, которые ничему не научились со времени Писарева, Тургенева и Михайловского, но и в сознании искренних людей, которые наверно всей душой сочувствуют православным идеям евразийцев, таков, например, Н. Е. Марков, читавший доклад в Париже с критикой евразийства за его якобы симпатии к большевизму. Тогда я перемолчал, но был очень опечален: теперь вижу, что уважаемый докладчик был прав, но только условно.

Последнее ограничение я, повторяю и теперь, хотя известные, чисто внешние симпатии к большевицкой революции и к большевизму в некоторых евразийских статьях начали выражаться совершенно открыто, тогда как в начале своей литературной деятельности евразийцы давали о себе понятие, как об охранителях Церкви и отечества, даже более – как о более патриотических мыслителях, чем правительственные элементы русского общества, которые были ими справедливо укоряемы за оторванность от народа и Церкви, словом за западничество.

Н. Е. Марков в своем Парижском докладе предсказывал сближение евразийцев с большевиками и в известной мере

оказался прав. Впрочем, по-видимому, сами евразийцы вовсе не желают признать себя сменившими свои знамена или вехи: они по-прежнему ставят во главу государственного строительства, во главу народной жизни, принцип церкви, как главный ствол российской культуры, и, видимо, надеются приобщить к нему и большевиков, и восточно-российских инородцев магометан и язычников.

Конечно, все это не невозможно, но эту идею можно держать только, как далекий маяк своего длинного пути, и невозможно забывать, что в своем настоящем положении большевики и революция, как февральская, так и октябрьская, главное устремление своей вражды и бешеной злобы направляли и направляют именно против Христовой веры и Церкви, причем руководители их, т. е. теперь большевиков, являются, конечно, иудеи. Они готовы даже с царским абсолютизмом мириться лишь бы он не был церковным. Так они уважают Петра Первого и говорят: «он наш».

Посему возстановить нормальную жизнь России с помощью большевиков, не значит-ли поручить волкам стеречь и пасти овец? Это так иррационально, так грустно читать друзьям евразийства, в числе которых я всегда состоял и состою, что приходится волей, неволей упереться в одно из двух предположений. Первое, которое им будет противопоставлено со всех сторон и с которым я безусловно не согласен, есть предположение о тайном подчинении евразийцев большевикам прежде всего на почве денежной, а второе, которому я пламенно желал бы верить, – это тайное – встречное движение большевизма, или вернее русских народных масс, к евразийству, соединенное с раскаянием в своих злодеяниях и с отречением от богоборчества и гонения служителей Божиих.

В последнем случае я приветствую их евразийский почин, тем более, что он соединен с их положительной программой, т. е. с требованием духовного общения с Азией и с проживающими в России инородцами.

Я вполне присоединяюсь к их мысли, которая многим писателям покажется парадоксальной о том, что нравственные и религиозные идеалы магометан и язычников Азии во многих

отношениях ближе к русским, т. е. к чисто христианским, чем латинство и протестанство. Еще ближе к нам, чем европейцы, по своим религиозным воззрениям и религиозной жизни, давно отлученные от Церкви еретики Ближнего Востока и Юга армяно-григориане, сирийцы несториане и евтихиане, копты и абиссинцы, отвергавшиеся нами с непростительным безучастием.

Преимущественная близость их, а равно и ортодоксальных иудеев, магометан и соседей язычников, к православному христианству заключается в том, что они все взирают на религию, как на самоотверженный подвиг, как на аскетизм, тогда, как западные наши соседи только в самое последнее время отстают от чисто утилитарного отношения к религии.

Они берут от Христова учения и требуют от своей паствы почти только то, что совместимо с установившимся современным строем жизни, чувственным, горделивым и самолюбивым, тогда как восточные еретики, а в значительной степени и магометане индусы озабочены тем, как должно изменять, и переламявать нашу жизнь для того, чтобы она согласовалась с требованиями религии. Католики успокоили свою совесть тем, что они во главу своей общественной жизни поставили служителя религии, но перелицевали и его и самую религию на светский лад, а протестанты заглушают свою совесть учением о спасительной вере, т. е. теоретической убежденности, которой впрочем тоже не имеют.

Евразийцы не выражают вполне определенно только что высказанных здесь мыслей, но столь симпатичный наклон их воззрений на еретический Запад именно таков, – вообще в области религиозного мышления, в области богословской и моральной, они приводят читателя в восхищение. Особенно восхитительна их смелость, их нравственное мужество в противопоставлении своих христианских убеждений громаде европейских и петербургских предрассудков. Смелость эта, как плод преизливающейся убежденности, дает высокую нравственную ценность 1) их настроению, 2) их научной образованности и 3) их умственным талантам.

Я желал бы верить и верю, что их надежда превратить врагов Христовых в Его служителей, Савлов превратить в Павлов, не имеет иных внутренних оснований, кроме этого энтузиазма, или, как они выражаются, пафоса. Древние отцы Церкви в Египте и Палестине имели обычай чтить только что начинающих иноков земным поклоном, просить их молитв за себя, полагать их руки себе на глаза и т. п. и тем побуждали их воспламеняться ревностью о стяжании действительных добродетелей. Евразийцы берутся за нечто большее: они применяют такой способ даже к неверующим: помоги им Господь! Возможно, что они в этом ошибутся, но их искренности я вполне верю.

III. Братство Русской Правды

После окончания гражданской войны в России, и разселения эмиграции за границей, в 20-ых годах, в эмиграции было организовано «Братство Русской Правды», которое поставило своей задачей освобождение русского народа от коммунистической власти через вооруженную борьбу. Главным основателем «Братства Русской Правды», предоставившим материальные средства на его деятельность, был Герцог Георгий Николаевич Лейхтенбергский, обладавший в Германии имущественными владениями и фамильными драгоценностями значительной стоимости. В организации и руководстве Братством принимали деятельное участие ген. П. Н. Краснов и писатель Соколов-Кречетов, которые вдохновляли и составляли всю литературу Братства, направлявшуюся в советскую Россию. Главными представителями Братства были: в Париже – Бурцев, в Прибалтике Светлейший Князь Л. П. Ливен, на Дальнем Востоке Д. В. Гондатти, в Югославии С. Н. Палеолог и сен. С. Н. Трегубов, в Соединенных Штатах А. А. Вонсяцкий. Деятельное участие в работе Братства принимал гр. В. В. Мусин-Пушкин, впоследствии принявший священный сан и скончавшийся в 1958 году в звании строителя и настоятеля Св. Владимирского Храма Памятника в Кассвиле, в С. Ш.

Братство действовало с ведома и одобрения Великого Князя Николая Николаевича и ген. П. Н. Врангеля и продолжало белую борьбу с узурпаторами власти в России, приостановившуюся с эвакуацией Русской Армии за границу.

В своей внутренней жизни Братство было строго секретной организацией. Во главе Братства был Верховный Круг, а его исполнительным органом был Основной Круг. В различных странах были представители Братства, так называемые «общественные гаранты». «Братчики не знали друг друга и получали свои директивы только от своих непосредственных руководителей. На всех границах советской России, а также внутри ее были устроены братские пункты, с которыми были связаны центры Братства.

1. Послание владыки Антония о вооруженной борьбе с большевиками.

В связи с деятельностью «Братства Русской Правды» владыка Антоний в 1930 году опубликовал следующее свое послание²⁵.

Архипастырское послание ко всем православным Русским людям в Подъяремной России и в Зарубежье.

Православные христиане! Много уже лет Антихристова красная власть терзает нашу Родину-Мать, великую Россию, стремясь выжечь, словно каленым железом, из русского народа его русскую душу, дабы обратить его в свое покорное стадо. Все русское отнимают у народа: – русскую совесть, русский предковский быт, русское славное прошлое, самое имя русское.

Однако, всего ненавистнее для власти Антихриста есть русская Христианская вера, ибо в этой вере заключена последняя и величайшая твердыня и крепость русского духа. Та твердыня, что помогла русскому народу, в течение его тысячелетней истории, выстоять победно против величайших невзгод и испытаний и развернуть державу российскую в самую большую державу всего света.

От самого начала коммунистического господства над Россией разбойная шайка не прекращала гонений против веры, и за годы красного лихолетья Церковь Христова в России просияла паче солнца безчисленным сонмом священномучеников, – епископов, иноков, иереев и мирян, – приявших от красных рук нетленные мученические венцы за светлое имя Христово.

Кроме сих погибших, другие столь же мужественные исповедники веры томятся во множестве в тюрьмах и в ссылке.

Ныне, пред лицом все растущаго гнева народного, Антихристова власть повела последний и решительный бой против веры Христовой.

Тысячами закрываются святые храмы. Целыми горами сжигаются насильственно отбираемые святая иконы. Отнимаются в красную казну колокола. Уничтожаются священные книги. Оскверняются последние уцелевшие святая мощи. Разгоняется, ссылается и лишается прав духовенство. Запрещаются священные службы. Закрываются церковные общины. Снимаются даже кресты на кладбищах.

Видя это страшное зрелище и слыша об этих еще небывалых гонениях, проснулась религиозная совесть всего мира: – во всех странах высшие представители всевозможных религий, начиная с Папы Римского, главы католиков всего света, и кончая даже нехристианскими религиями, возвышают свой голос против красных гонений на веру и призывают свои паствы молиться об избавлении русского народа.

Весь мир ждет, что русский народ сумеет сам встать на защиту своей попираемой веры.

Весь мир вправе ждать и того, чтобы сама Подъяремная Церковь Российская, в лице своих высших духовных правителей, возвысила свой голос против красных гонений. Но в безсилии и в плену Подъяремная Церковь Российская. Не долетит из тюремных подвалов голос мужественных пастырей. А те, что приняли на себя кормило духовного правления, либо безмолствуют, либо, что хуже, допускают красным угрозам вынудить от них малодушную хвалу власти красных гонителей. Господь Бог да будет им Судьей!

Если скованы угрозами и безсилием те, кто в плену, тем паче перед Богом и совестью обязаны действовать те, кто на свободе.

Я, смиренный Антоний, Митрополит Киевский и Галицкий, старейший из русских Архипастырей, находящийся волею Божией на свободе от красного плена, возвышаю свой голос, дабы возвестить русскому народу:

Православные христиане! Вставайте все против красного Антихриста! Не слушайте ничьих призывов примириться с ним, от кого бы сии призывы не исходили! Нет мира между Христом и Сатаной. Властью, данной мне от Бога, благословляю всякое оружие, против красной Сатанинской власти поднимаемое, и отпускаю грехи всем, кто в рядах повстанческих дружин или одиноким народным мстителем сложит голову за русское и Христово дело.

Первое же всего благославляю оружие и боевую работу всенародного Братства Русской Правды, которое уже немало лет словом и делом ведет упорную борьбу против красного Сатаны во имя Бога и России. Милость Господня да почует над

каждым, кто вступит в Братские ряды либо придет на помощь Братству! Будьте безстрашны вы все, идущие против Антихриста и его приспешников, ибо говорит Св. Писание: – «Не бойтесь убивающих тело, душу же не могущих убить». Радость на небе – тем, кто погибнет. Радость на земле – тем, кто уцелеет».

В 1932 году Верховный Круг Братства благодарил владыку за присылку лично освященных им нательных крестиков для братьев, идущих на боевую работу в Россию, за молитвы об успехе дела и об упокоении душ братьев, погибших в борьбе за Святую Русь. Владыка Антоний ответил Верховному Кругу письмом, в котором, между прочим, было сказано следующее.

* * *

«Любезные во Христе Братья Русской Правды с Вашими сотрудниками. Сегодня я получил Ваше дружественное послание с выражением мне благодарности за молитву и сочувствия. Общую молитву за подвижников русской идеи я посильно возношу постоянно... Я уверен и в Вашем добром расположении ко мне и в не хладеющем порыве за спасение Родины и за процветание Православной Веры... Светлая надежда на победу над врагами должна крепнуть в Ваших православных сердцах при уверенности, что с Вами души всех Ваших честных соотечественников, которые с нетерпеливым любопытством следят за ходом Ваших дел, радуются Вашими успехами и молятся о Ваших душах, как усопших, так и здравствующих, а особенно о раненых страдальцах, желая им скорого выздоровления и возвращения в ряды сражающихся героев».

IV. Об А. С. Пушкине

Владыка Антоний, сам будучи проповедником «нравственного монизма», почитал великого русского поэта А. С. Пушкина, как «гениального моралиста» в его художественном творчестве, и поэтому даже считал его религиозным писателем. В 1899 году в своем слове²⁶, сказанном в церкви Казанского университета, по случаю юбилейного Пушкинского торжества, владыка Антоний дополнил знаменитую речь Достоевского о Пушкине следующими словами:

«Великий Достоевский объясняет любовь русского народа к Пушкину тем, что он вмещал в себе в степени высшего совершенства ту широту русской души, из которой эта последняя может перевоплощаться в умы и сердца всех народностей, обнимать собою лучшие стремления всякой культуры и вмещать их в единстве нашего народного и христианского идеала. Определение Пушкинской поэзии вполне справедливое; но оно недостаточно, чтобы объяснить близость Пушкина ко всякому русскому сердцу, хотя бы и совершенно чуждому международных интересов. Перевоплощение Пушкинского гения не ограничивалось своим международным значением. Он мог перевоплощаться в самые разнообразные, иногда в самые исключительные настроения всякого вообще человека, любого общественного положения и исторической эпохи. Читая драматические и лирические творения Пушкина, сколь часто каждый из нас узнает в них свои собственные душевные настроения, свои колебания, свои чаяния. Исключительное свойство художественного таланта Пушкина, столь глубоко захватывающего всю внутреннюю жизнь своего читателя, заключается именно в том, что он описывает различные состояния человеческой души, не как внешний наблюдатель, метко сватывающий оригинальные и характерные проявления жизни и духа человеческого: нет, Пушкин описывает своих героев как бы изнутри их, раскрывает их внутреннюю жизнь так, как ее опознает сам описываемый тип. В этом отношении Пушкин превосходит других гениальных писателей,

напр. Шиллера и даже Шекспира, у которых большинство героев являются сплошным воплощением одной какой-нибудь страсти и потому внушают читателю ужас и отвращение. Совсем не так у Пушкина: здесь мы видим живого цельного человека, хотя и подвергнутого какой-либо страсти, а иногда и придавленного ею, но все-таки в ней не исчерпывающегося, желающего с ней бороться и во всяком случае, испытывающего тяжкие мучения совести. Вот почему все его герои как бы они были порочны, возбуждают в читателе не презрение, а *сострадание*. Таковы его – Скупой Рыцарь, и Анджело, и Борис Годунов и его счастливый соперник Димитрий Самозванец. Таков же и Евгений Онегин, самолюбивый и праздный человек, но все же преследуемый своею совестью, постоянно напоминающей ему об убитом друге. Так, самое описание страстей человеческих в поэзии Пушкина есть торжество совести»...

«...Да, к нравственной свободе, к духовному совершенству тяготел дух нашего поэта и вовсе не понимают его те, которые хотят наложить на его имя ярлык какой-либо политической доктрины, вызывать от его имени к каким-либо политическим предприятиям»....

Владыка в этой статье подтверждает свои мысли обширными выписками из Пушкинской поэзии и заканчивает, ее такими пророческими словами:

«...Все русское общество отобразилось в личности Пушкина. Пушкин понял в чем ложь и в чем истина для него самого и для России. Понял, но далеко не всегда и не во всем следовал своим убеждениям: напротив весьма часто вновь возвращался к служению страстям и предразсудкам и закончил свою жизнь ужасным преступлением поединка, который сам называл нелепым заблуждением слепого и греховного самолюбия. Подвергнувшись этому заблуждению, он совершенно освободился от него пред кончиной, умирал добрым христианином, в искреннем покаянии и, надеемся был принят в небесное царство, куда первым вошел раскаявшийся разбойник».

«Что ожидает нашу Русь, отразившуюся в жизни поэта? Ей также открыты пути истины: история, литература и современный

опыт вещают ей о том нравственном предназначении ея, которое понял для себя Пушкин но она отступает от него снова и снова, обнаруживая гораздо более сильную раздвоенность, чем ея любимый поэт. Ужели ее ожидает когда-либо такое же неразумное самоистребление, которое постигло нашего несчастного народного гения?»..

Заканчивает владыка свое горестное восклицание светлой надеждой на русское возрождение:

«...Нет, горячая любовь нашего общества к русской поэзии, проповедующей ему христианское возрождение, ручается, думаем, за то, что оно не даст отлететь от нас христианскому духу, – и когда противоречие между ложными устоями нашей жизни и теми светлыми заветами евангельской веры обострится настолько, что придется волей-неволей выбирать одно из двух, тогда русский человек, многократно отрицавшийся от Христа, как изменивший, но покаявшийся снова ученик, воскликнет: «Ей, Господи, Ты веши, яко люблю Тя"».

В развитие этих идей о Пушкине владыка Антоний в эмиграции продиктовал нам нижеприводимую статью, которая была нами напечатана в июньских номерах «Царского Вестника» за 1929 г. (№ 45, 46 и 47) и издана отдельной брошюрой, являющейся теперь библиографической редкостью.

1. Пушкин, как нравственная личность и православный христиан.

Обширная литература о Пушкине почти всегда старалась обходить такую тему и всячески старалась выставить Пушкина либо как рационалиста, либо как революционера, несмотря на то, что наш великий писатель был живой противоположностью таким понятиям.

В 1899 году, когда Казань и в частности Казанский университет праздновал столетие со дня его рождения, я был приглашен служить там литургию и сказать речь о значении его поэзии. Я указал на то в своей речи, что несколько самых значительных стихотворений Пушкина остались без всякого толкования и даже без упоминания о них критиками.

Более искренние профессора и некоторые молодые писатели говорили и писали, что я открыл Америку, предложив истолкование оставшагося непонятым и замолчанным стихотворения Пушкина, оставленного им без заглавия, но являющегося точною исповедью всего его жизненного пути, как например чистосердечная исповедь блаженного Августина.

Вот как оно читается:

"В начале жизни школу помню я:

Там нас, детей беспечных, было много –

Неравная и резвая семья;

Смиренная, одетая убого,

Но видом величавая жена

Над школою надзор хранила строго;

Толпою нашею окружена,

Приятным, сладким голосом, бывало

С младенцами беседует она.

Ея чела я помню покрывало

И очи светлые, как небеса;

Но я вникал в ея беседы мало:

Меня смущала строгая краса

Ея чела, спокойных уст и взоровъ

И полныя святыни словеса.

Дичась ея советов и укоров,
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смысл правдивых разговоров.
И часто я украдкой убегалъ
В великолепный мрак чужого сада
Под свод искусственный порфирных скал:
Там нежила меня дерев прохлада;
Я предавал мечтам мой слабый ум,
И праздно мыслить была мне отрада.
Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.
Все – мраморные циркули и лиры,
И свитки в мраморных руках,
И длинные на их плечах порфиры –
Все наводило сладкий некий страхъ
Мне на сердце: и слезы вдохновленья
При виде их рождались на глазах.
Другия два чудесныя творения
Влекли меня волшебною красой
То были двух бесов изображенья
Один (Дельфийский идол) лик молодой,
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал от силы неземной.
Другой женообразный, сладострастный
Сомнительный и лживый идеал,
Волшебный демон – лживый, но прекрасный».

Не однажды, предлагая вниманию слушателей на литературных вечерах и на студенческих рефератах это стихотворение, я спрашивал слушателей: «О какой школе здесь говорится, кто упоминаемая здесь учительница и что за два идола описаны в конце этого стихотворения, подходящего и под понятие басни и под понятие загадки»?

Сам автор такого толкования не дал, но смысл его исповеди в связи ея со многими другими его стихотворениями совершенно понятен.

Общество подростков школьников – это русское интеллигентное юношество, учительница – это наша Св. Русь, чужой сад – Западная Европа, два идола в чужом саду это два основных мотива Западно-Европейской жизни – гордость и сладострастие, прикрытое философскими тогами, как мраморные статуи, на которых любовались упрямые мальчики, нежелавшие не только исполнять, но даже и вникать в беседы своей мудрой и добродетельной учительницы и пристрасно перетолковывшие ее правдивые беседы.

Истолковав с своей стороны в печати эту мудрую загадку нашего писателя, и конечно, замолчанную, вместе с моим истолкованием, современною критикой, я тем самым все-таки понудил ее в рецензиях моей речи, а также и в других статьях о Пушкине, коснуться этого стихотворения, но их авторы лицемерно замалчивали (не имея возможности отрицать) главный вывод из Пушкинской загадки, а ходили вокруг да около ее смысла, не вникая в ее существо.

Итак, молодое общество, нерасположенное к своей добродетельной учительнице, и перетолковывавшее ее уроки, это русская интеллигентная молодежь (и если хотите также старики, которые при всяком упоминании о религии, о Церкви и т. п. только отмахивались и начинали говорить о мистицизме, шовинизме, суевериях и, конечно, об инквизициях, прилепляя ее сюда ни к селу ни к городу).

Наши толстые журналы, начиная с 60-ых годов [XIX в.], шли по тому же пути «превратных толкований» всего соприкосновенного со св. Верой и манили читателя – «в великолепный мрак чужого сада» и под названием «просвещения» держали его в этом мраке туманных и уже вовсе ненаучных теорий позитивизма (агностицизма), утилитаризма, полуматериализма и т. д. и т. д.

Гордость и сладострастие, вечно обличаемые нашей учительницей, т. е. Церковью в данном случае, наполняли постоянно буйные головки и «слабые умы» нашего юношества и лишь немногие из них в свое время вразумлялись и изменяли свое настроение как например, герои Тургеневского «Дыма», Гончаровского «Обрыва» и большинства повестей Достоевского.

Не подумайте будто приведенное стихотворение Пушкина является единственным в своем роде. Напротив, можно сказать, что эти настроения беспощадного самобичевания и раскаяния представляются нам преобладающими в его творчестве, потому что оно красной нитью проходит через все его воспоминания и элегии.

Историко-критическая литература Пушкина не поняла. Белинский преимущественно ценит его, как поэта национального, но в чем национализм его убеждений (а не просто подбора тем) Белинский тоже не объясняет. Не объяснил этого и Некрасов так искренне преклонявшийся перед силою Пушкинского слова и воображения. Ничтожный Писарев ценит его только как стилиста, а тот единственный критик, точнее панегирист, который понял его глубже прочих, профессор Духовной Академии высоко талантливый В. В. Никольский, открывший Пушкинскую Америку в своей актовой речи в Петербургской Духовной Академии под заглавием «Нравственные идеалы Пушкина» (1882) и приведший в бурный восторг огромную аудиторию во главе с полным почти составом Св. Синода, остался злостно замолчанным в литературе. Я даже не знаю, вышла ли эта речь Никольского отдельным изданием.

Однако, благодаря Богу явился человек, котораго замолчать уже было физически невозможно, – именно Ф. М. Достоевский, выступивший на торжественном чествовании нашего поэта в «Пушкинские дни» в Москве 1880 года, когда был поставлен ему памятник в Первопрестольной столице.

Неоднократно мы упоминали о том колоссальном восторге, который охватил тогда слушателей этой речи Достоевского и отразился на всей современной литературе. Мало распространенный до того времени «Дневник Писателя», в котором Достоевский отпечатал свою речь, был раскуплен в несколько дней; затем понадобилось второе и третье его издание.

Достоевский представлял себе Пушкина тоже как писателя патриота и как человека высоко религиозного, но в своей речи и в не менее талантливом приложении к ней, он рассматривал

Пушкина с одной определенной точки зрения, как гениального совместителя национального патриотизма с христианским космополитизмом.

Справедливо утверждал он, что Пушкин показал себя гениальнейшим писателем мира, обнаружив такое свойство ума и сердца, до которых не дошли мировые гении – Шиллер, Шекспир и проч.; ведь у последних герои повестей и поэм почти вовсе теряют присущия им национальные черты и Шекспировские итальянцы и испанцы являются читателю, как англичане, а герои Пушкина являются типичными выразителями характеров их родных, национальных; примеры приводить на это излишне.

Речь Достоевского о Пушкине настолько глубоко проникла в умы и сердца нашей публики, что рабствовавшая ей критическая литература, которая прежде унижала Достоевского и презрительно издевалась над ним, начиная с 1881 года, после нескольких безсильных выпадов на него, совершенно изменила свой высокомерный тон и стала отзываться о Достоевском с таким же почтением, как и о Пушкине; кратко говоря с этого времени оказалось НЕПРИНЯТЫМЪ говорить о Достоевском, как раньше и о Пушкине, без уважения, даже без благоговения.

Читатель, конечно, заметил, уже, что центральный интерес наш к личности и поэзии Пушкина сосредотачивается в другой области нежели в речи Достоевского, хотя и соприкасается с последним. Именно мы ведем свою речь о Пушкине прежде всего, как о христианском моралисте. Приведенное стихотворение «Жизненная Школа» свидетельствует о том, что даже независимо от своих политических и национальных симпатий, Пушкин интересовался прежде всего ЖИЗНЕННОЮ ПРАВДОЮ, стремился к нравственному совершенству и в продолжении всей своей жизни горько оплакивал свои падения, которые, конечно, не шли дальше обычных романических увлечений Евгения Онегина и в совести других людей последнего столетия не оставляли глубоких следов раскаяния, а нередко даже отмечались у них хвастливыми воспоминаниями своего бывшего молодчества. Не так, однако, настроен Пушкин:

**"Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье;
Но, как вино, печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильнее
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе».**

Пушкин постоянно думал о неизбежном исходе
человеческой жизни.

**"Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу-ль во многолюдный храм,
Сижусь-ль меж юношей безумных, –
Я предаюсь моим мечтам.
Я говорю промчатся годы,
И сколько здесь не видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды –
И чей-нибудь уж близок час.
Гляжу-ль на дуб уединенный,
Я мыслю: – патриарх лесовъ
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.
Младенца-ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости,
Тебе я место уступаю –
Мне время тлеть, тебе цвести.
День каждый, каждую минуту
Привык я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину,
Меж них стараясь угадать:
И где мне смерть пошлет судьбина:
В бою-ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?
И хоть безчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все-ж хотелось почивать.
И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть**

И равнодушная природа
Красою вечною сиять».

Однако, мысль о смерти не внушает ему уныния, а покорность воле Божией и примирение со своим жребием. См. его стихотворение:

"Вновь я посетил тот уголок земли,
Где я провел отшельником два года незаметных»...

Религиозное чувство Пушкина не имело только строго индивидуальный характер: перед его сознанием носился образ вдохновенного пророка, к которому он обращался не однажды. Не однажды мы уже читали перед публикой и печатали о том потрясающем впечатлении, какое производила декламация Достоевского Пушкинского «Пророка». В эти минуты оба великих писатели как бы сливались в одно существо, очевидно прилагая к себе самим то видение пророка Исаии, которое Пушкин изложил в своем стихотворении:

Пророк.

"Духовной жажду томим,
В пустыне мрачной я влачился
И шестокрилый серафимъ
На перепутьи мне явился;
Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещия зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дальней лозы прозябанье.
И он к устам моим приникъ
И вырвал грешный мой языкъ
И празднословный и лукавый
И жало мудрыя змеи
В уста замерзшии мои
Вложил десницею кровавой

И он мне грудь разсек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежалъ
И Бога глас ко мне воззвал:
"Возстань пророк и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей"».

Мы заявили, что приводим те религиозные переживания поэта, которые были ему присущи независимо от национальных и общественных взглядов. Однако и в этих переживаниях Пушкин сказался не только, как православный христианин, но и как русский человек, которого наиболее любимая молитва, повторяемая в Церкви с многочисленными земными поклонами, была любимой молитвой Пушкина.

Молитва.

"Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его сред дольних бурь и битв,
Сложили множество молитв;
Но не одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всех чаще мне она приходит на уста –
И падшаго свежит неведомою силою:
"Владыка дней моих, дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не даждь душе моей;
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья;
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи"».

С любовью воспроизводя мотивы русского христианского благочестия в типах Бориса Годунова, старца Пимена и Патриарха Иова (современника Годунову), наш поэт не

повторяет, конечно, насмешливых оговорок других писателей, когда они касаются древне-русской истории. Из его поэм и драм видно, что он считает религиозное настроение древности более духовным, более Евангельским, чем настроения современного ему общества и последнему предпочитает благочестие простого народа русского.

**"Когда за городом задумчив я брожу
И на публичное кладбище захожу –
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стесненные кругом,
Как гости жадные за нищенским столомъ
Купцов, чиновников усопших мавзолей
(Дешевого резца нелепая затея)
Над ними надписи и в прозе и в стихахъ
О добродетелях, о службе, о чинах;
Ворами со столбцов отвинченные урны
Могила слизкия, зиющая тут,
Которая жильцов к себе на утро ждут –
Такая смутная все мысли мне наводит,
Что злое на меня уныние находитъ
Хоть плюнуть, да бежать. Но как же любо
Мне осеннюю порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое:
Там неукрашенным могилам есть простор,
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харить
Стоит широкий дуб над важными гробами,
Колебясь шумя....».**

Религиозные и даже церковные идеалисты интеллигентного сословия не часто оближаются с представителями нашего высшего духовенства; не слышно относительно Пушкина, чтобы он имел много друзей из духовных лиц, ибо латинская и

сословная кастовая школа поставила тяжелую перегородку между обществом и духовенством, которую пробивает, да и то не всегда, народное неистребимое благочестие, хотя там пастырский союз встречает еще одно затруднение, в виде подати на священников, которая может охладить к ним народное сердце.

Впрочем Пушкин силою своего светлого ума и благожелательного чувства тоже пробивает помянутую перегородку и находит дорогу даже в довольно черствое сердце покойного митрополита Филарета. Остановимся на следующем стихотворении поэта.

**"Дар напрасный, дар случайный
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью
Ум сомнением взволновал?
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум».**

Митрополит Филарет ответил на эти стихи следующим стихотворением:

**"Не напрасно не случайно
Жизнь от Бога мне дана
И без воли Бога тайно
И на казнь осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Ум сомнением взволновал.
Вспомнись мне Забвенный мною
Просияй сквозь сумрак дум –
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум».**

Пушкин, в свою очередь, ответил на это следующим стихотворением:

Стансы. (Митрополиту Московскому Филарету).

"В часы забав иль праздной скуки

Бывало лире я моей

Вверял изнеженные звуки

Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой

Невольно звон я прерывал,

Когда твой голос величавый

Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,

И ранам совести моей

Твоих речей благоуханныхъ

Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной

Мне руку простираешь Ты

И силой кроткой и любовной

Смиряешь буйныя мечты.

Твоим огнем душа согрета,

Отвергла мрак земных суетъ

И внемлет гласу Филарета

В священном ужасе поэт».

Не позволяя себе шуток над благочестием чисто церковным, наш поэт негодовал на интеллигентное ханжество, в котором религиозность сливается с самолюбием, и ясно понимал, насколько народное благочестие, проникнутое от начала до конца смиренномудрием, возвышеннее и чище барского и купеческого благочестия. Прочтите уже цитированное нами стихотворение, в котором он сравнивает городское и сельское кладбище.

Это же глубокое понимание нашей Божественной веры, как постоянной борьбы с гордостью и восхвалением смиренномудрия, обнаруживает Пушкин в своей сказке о рыбаке и рыбке. Пока злая старуха жена рыбака, просила себе: 1) нового корыта, 2) новой избы, 3) дворянского достоинства и 4) наконец, царского звания, Золотая Рыбка все это ей давала,

хотя и с неудовольствием, но когда она пожелала быть морской богиней, то рыбка только плеснула хвостом и исчезла в волнах моря, а с ней исчезли все ее дары и старуха осталась в прежней нищете при разбитом корыте.

Пора сказать несколько дополнительных слов о других нравственных перспективах Пушкина, здесь прежде всего поражают нас его частые мысли о смерти и связанной с нею тщетности всех человеческих общественных стремлений. Заметьте при этом его полную примиренность со жребием смертных и нечасто встречающееся отсутствие зависти к живым. Замечательно, что стихотворения с такими мотивами написаны в молодые годы, когда он пользовался крепким здоровьем.

Впрочем такое сосредоточение своего чувства на своем покаянии и на неизбежности смерти несколько не закрывает сердце поэта к ближним: к России, к своему лицу и к школьным товарищам. Любить Отечество это свойство, конечно, большинства людей, но любить свою школу и товарищей, не только во время совместного обучения и воспитания, но и впоследствии во время разлуки и не столько обличать их, сколько подчеркивать добрые стороны их характера, для этого нужно быть в некотором смысле тем великим Пименом, который, при всей своей правдивости, носил к сердцу примиренность с жизнью и самое благожелательное отношение к современникам при всех их грехах и слабостях.

"Сей повестью плачевной заключу
Я летопись свою; с тех пор я мало
Вникал в дела мирския. Брат Григорий,
Ты грамотой свой разум просветил,
Тебе свой труд передаю. В часы
Свободные от подвигов духовныхъ
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны –
А мне пора, пора уж отдохнуть

И погасить лампаду»...

В продолжении нескольких лет Пушкин ежегодно писал нечто вроде Оды в честь своего Лицея. Самые замечательные, скажем более, нежные тона слышатся в его поздравлении своей alma mater. Она не идеализирует своих товарищей и наставников, но подчеркивает их добрые качества и высокую задачу жизни русской интеллигенции в тогдашнем еще крепостническом русском строе. Нежное чувство к своей школе распространяет он и на все Царское Село, где она помещалась и одно из своих стихотворений в честь лицея он оканчивает словами:

"Отечество нам – Царское Село»

(на 19 окт. 1825 года).

Доступность такого поэтического отношения к своему лицу современникам Пушкина и особенно его товарищам обуславливалась тем, что в то время все просвещенные русские люди как бы нравственно обязывались быть поэтами и сочинять стихи. Пушкин, конечно, не мог не сознавать нравственного превосходства своей музы над маленькими талантами своих школьных друзей, но благородство его души сказывалось в том, что он не дает этого почувствовать последним и признает их как бы своими сотрудниками по вдохновению, о чем свидетельствует только что указанное праздничное приветствие его лицу, где он поименно обращается то к одному, то к другому своему товарищу из своей Псковской ссылки. Тон обращения грустный, но чуждый всякой зависти.

Можно, конечно, толковать о сентиментально-романтическом направлении той эпохи, которая будто бы отразилась на светлом уме Пушкина, но здесь мы видим нечто гораздо более высшее. Романтизм Тютчевского устремляет свои нежные чувства не к ближним своим, а, как выражается Достоевский, – к дальним, или к случайным встречным гостям. Пушкин же любит и ласкает своих друзей и невольных сотрудников по учению и службе.

Особенно замечательно в его жизни то, что он не более, как 15 лет от роду, дал сам себе правдивую, но может быть

слишком строгую характеристику, в которой чувствуется не мальчик-подросток, а глубокая душа и зачаток гениального наблюдателя.

Моя эпитафия.

Здесь Пушкин погребен: он с музой молодою,
С любовью, ленью провел веселый век,
Не делал добраго – однако ж был душою,
Ей Богу, добрый человек.

2. Пушкин – патриот.

Об этом тоже старались умалчивать большинство его критиков, тем более, что быть патриотом считалось до эпохи беженства почти постыдным и только во время военных походов у нас приветствовали героев, да и не без насмешек.

Несомненным патриотом был Чацкий у Грибоедова, но и он подтрунивал над тем, как встречали в Москве гвардию:

"Кричали женщины «ура!»

И в воздух чепчики бросали».

Напротив Пушкин не только не стыдился показать себя патриотом, но и прославлял непопулярного среди литераторов Императора Николая Павловича:

"Нет я не льстец, когда царю

Хвалу свободную слагаю:

Я смело чувства выражаю

Языком сердца говорю.

Его я просто любил:

Он бодро, честно правит нами:

Россию вдруг он оживилъ

Войной, надеждами, трудами.

О нет, хоть юность в нем кипит,

Но не жесток в нем дух державный:

Тому, кого карает явно,

Он втайне милости творит.

Текла в изгнании жизнь моя,

Влачил я с милыми разлуку;

Но он мне царственную руку

Подал – и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье,

Освободил он мысль мою, –

И я-ль в сердечном умиленье

Ему хвалы не воспою?

Я льстец? Нет, братья, льстец лукав:

Он горе на царя назовет,

Он из его державных правъ

Одну лишь милость ограничит.
Он скажет: презирай народ,
Гнети природы голос нежный.
Он скажет просвещения плод –
Разврат и некий дух мятежный.
Беда стране, где раб и льстецъ
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певецъ
Молчит, потупя очи долу».

Критическая литература о Пушкине иногда с ходульным негодованием, но иногда с сочувствием напоминает об отношении Императора к нашему народному гению. Действительно, властный Самодержец относился к юному поэту отечески. Смирив его ссылкой и дав ему литературную работу, покойный Император нравственно поддерживал его до самой смерти и своим христианским участием облегчил его последние дни на земле.

Понятно поэтому, что и Пушкин ценил не только личность Государя, но и самый принцип монархии, даже когда протестовал против наших строгих законов и в частности крепостного права:

"Увижу ль вновь народ освобожденный
И рабство павшее по манию Царя».

О том, как Русский Царь может совмещать неприкосновенность власти с дружелюбным отношением к своему народу можно учиться у Пушкинского Бориса Годунова; но еще более ясно свои глубокие симпатии к Самодержавию и презрение к революции Пушкин изобразил в Капитанской дочке в изображении Екатерины II и в описании тогдашней Пугачевской революции, которое он заключает словами:

«Ужасен вид русского бунта, жестокого и безмысленного; те, которые у нас обсуждают перевороты, либо ничего не понимают, либо относятся к разряду тех людей, для которых жизнь – копейка, а чужая душа – полушка».

Конечно, эти мудрые слова гениального писателя не **приводятся** во многих изданиях его творений. К удивлению

своему я не нашел их и в издании Авенариуса для юношества (издание 1888 г.).

Много можно еще сказать о патриотизме Пушкина, который с особой силой сказался в стихотворении «Клеветникам России» и в панегирике Кутузову, но это мало входит в нашу задачу и может составить содержание особого очерка. А пока укажем на ту тоже драгоценную, но почти незамеченную критикой особенность Пушкинского творчества, что он, по-видимому, почти целых два года 1832 и 1833 посвятил Песням Западных Славян, т. е. оказался славянофилом, раньше появившагося у нас славянофильства. Под Западными Славянами он понимает дружественных нам сербов, которым приписывает высоко-геройский дух и православное благочестие.

Самое замечательное из этого рода стихотворение о Карагеоргиевиче, решившемся убить своего отца за намерение предать сербское войско туркам.

За всем тем остается вопрос, почему же Пушкин, столь правильно уразумевший православно народное мировоззрение, не мог не поддаться влиянию гнусного европейского предрасудка, унаследованного нашим обществом еще от эпохи рыцарей и окончил жизнь свою на дуэли, сподобившийся, впрочем, по особой милости Божией, предсмертного покаяния и Св. Таинства причащения. Предрасудок этот, узаконенный и Европой и русским дворянством, а затем и всей интеллигенцией – **гордыня**, та самая гордыня, которую он, согласно Христову закону, изображает, как одного из двух бесов; соблазнявших его еще юную душу. Не так думал кончить свою жизнь наш поэт по одному из лучших его стихотворений:

Монастырь на Казбеке.

"Высоко над семьею гор,

Казбек, твой царственный шатеръ

Сияет вечными лучами.

Твой монастырь за облаками,

Как в небе реющий ковчег,

Парит, чуть видный над горами.

Далекий, возделенный брег!

Туда-б, сказав «прости» ущелью,

Подняться к вольной вышине!
Туда-б в заоблачную келью,
В соседство Бога, скрыться мне».

Такой исход был бы последовательным завершением его жизни, постепенно отрешавшейся от тех заблуждений, которые начертал на лице: «художник варвар кистью сонной».

Совершенно освободиться от остатков гордыни, закрепившейся в нелепом предразсудке дуэли, это самое трудное в христианством подвиге человеческой души и сего достигает она после долгих лет духовной борьбы с собою. Достиг бы этого и Пушкин, если бы Бог продлил жизнь гениального поэта до старости.

V. О Ф. М. Достоевском

Владыка Антоний в течение всей своей жизни, начиная от юношеских дней и до самой своей кончины, горячо любил великого русского писателя Ф. М. Достоевского и его бессмертное литературное творчество. В начале своего труда²⁷ мы писали о том, как владыка, еще будучи юношей, увлекался Достоевским и эти чувства восторженного почитания русского литературного гения сохранились в нем, как мы сказали, до конца жизни. Такое необычное отношение к мирскому писателю со стороны архиерея и богослова даже соблазняло некоторых лиц, которые с неудовольствием замечали, что не подобает архиерею так увлекаться светской литературой. Однако, в этом увлечении не только не было никакого отступления от основного призвания владыки Антония, как служителя Церкви и проповедника Евангелия, но, наоборот, через Достоевского владыка Антоний находил путь для того, чтобы озарить светом Христова учения русское общество.

«Достоевский открыл русскому обществу Господа Иисуса Христа, которого раньше знало только духовенство, простой народ и отдельные одиночные мыслители нашего общества», так говорил владыка Антоний. Действительно, в 18 и 19 веке русское просвещенное общество, русская интеллигенция были весьма далеки от Христа Спасителя и Царкви. Русская университетская наука была построена исключительно на западно-европейской философии, совершенно чуждой Св. Православия. Русские юристы были выученики языческого римского права и материалистической, и даже марксистской, политической экономии. Женские институты были под сильным французским и католическим влиянием. Вообще все образованные русские люди получали образование неправославное. Духовенство было отделено от русского общества непроходимой глухой стеной. Богословская литература не вызывала решительно никакого интереса в русском обществе и была достоянием узкого круга богословов специалистов, которые сами при этом находились под

влиянием западного богословия. И вот, на фоне такого печального и безнадёжного состояния русской действительности, появляется мощный гений – Достоевский, который привлекает внимание русского общества к вопросам духовного возрождения, Русской Православной Церкви и к Христу Спасителю, как их основе. Вековую пропасть, образовавшуюся между русским обществом и русским народом, силой своего гения Достоевский зарывает и показывает, что как в русском народе, так и в русском обществе, хранится непочатый край духовных сил. Он предвидит своим пророческим умом и сердцем неизбежность русской революции, но и провидит и духовное возрождение России после революции. Вот за все это владыка Антоний и горячо любил Достоевского.

Владыка Антоний о Достоевском написал пастырско-богословское исследование: «Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Ф. М. Достоевского», которое в первый раз было напечатано в журнале Московской Духовной Академии «Богословский Вестник» за октябрь месяц, 1893 г., как внеклассная лекция студентам Московской Духовной Академии в бытность там владыки Антония ректором и профессором Пастырского Богословия. Статья эта вошла во 2-ой том Полного Собрания Сочинений владыки. (С.-Петербург, 1911 г., стр. 463). Затем, во время своего пребывания в плену в Бучаче, владыка написал книгу о Достоевском «Словарь к творениям Достоевского», изданную в Софии в 1921 г., имевшей целью предложить русскому обществу программу положительной русской жизни, и в разное время и по разным поводам написал много статей о Достоевском.

Еще в бытность свою в С.-Петербургской Духовной Академии, в первые годы своей службы в ней, в 1888 году, в седьмую годовщину со дня кончины Достоевского, владыка Антоний написал статью: «В день памяти Достоевского», которая была напечатана в журнале «Русское Дело» за январь месяц 1888 года и затем вошла в «Полное Собрание Сочинений» (т. 3-ий, стр. 369).

В этой статье владыка Антоний, вспоминая день кончины и погребения Достоевского, свидетелем которого он был сам, писал:

«Когда разнеслась весть о том, что умер Достоевский, то каждый непосредственно почуял в своем горько опечаленном сердце, что умерший был для него гораздо ближе, чем он предполагал прежде. Все весьма многочисленные и разнообразные суждения, картины и вопросы, которые он встретил в трудах почившаго, в этот горестный день слились в нечто целое, в некую единую истину великую для сознания и притом самоочевидную. Евангелие, вечная жизнь, самоотвержение и любовь – вот те идеи, которые вместе со смертью своего провозвестника, как то особенно ярко начертались сами собой на сердцах, ясно возвещая о своем бессмертии, о своей продолжительности в сознании того, кто носил и исповедывал их, о бессмертии своего проповедника.

В те, воистину священные дни, стали верующими христианами многие из всегдашних отрицателей: многочисленная толпа студентов, курсисток, юнкеров, гимназисток и других учащихся пели «Святой Боже», тогда еще не освященное обычаем; пели и те, которые никогда не молились прежде; подобные же люди были между читавшими над гробом псалтирь, не прекращавшими чтение даже ночью. Смерть такого человека как-то вдруг раскрыла им глаза и воззвала к жизни для Бога. Произошло нечто, подобное Голгофе: воскресли мертвые духом, били себя в перси, исповедуя божественное достоинство дотоле отвергаемого ими Христа, о Котором учил умерший... Да, эпитафия с заглавия «Братьев Карамазовых», перенесенная на памятник Достоевского, в день смерти его осуществилась явно. **«Истинно, истинно говорю вам, если пшеничное зерно, упавши на землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода».** И мы тогда видели и свидетельствуем, что не стадное увлечение толпы, а ясное пробуждение совести отражалось на лицах, они плакали и молились.

«Каждый человек, при всем разнообразии характера и положений, имеет образ Божий, который, облекшись в свойства его индивидуальной природы, должен создать индивидуальный, но в то же время и идеальный характер. Однако, осуществление этого идеала, или накопление и уничтожение его зависит от самого человека. Достоевский прозревал в каждом этот его идеальный образ и умел полюбить его; это так называемая «любовь человека в Боге», – любовь христианская в отличие от мирской, которая относится к наличному состоянию человеческого духа. Последняя выражается в простом стремлении к любимому существу, а первая – в стремлении возсоздать в нем его идеал; она есть любовь воспитывающая.

Эта-то любовь не только научила Достоевского найти искру добра во всяком заблуждающемся, во всяком злодее: но она возвышала его анализ над творениями даже тех талантов европейской и американской литературы, которые поставили себе целью описывать святые чувства в самых безсердечных типах. Дело в том, что Достоевский при таком (конечно уже, само по себе великом) проникновении начертывал, кроме того путь, по которому это, присущее всякому, доброе начало может развиваться все сильнее и сильнее до борьбы с подавившими было его страстями, до победы над ними, до полного отождествления с собою всего человека. Но что еще замечательнее, это реализм Достоевского при таких высоких идеалах: он не игнорировал злой воли человека, злой действительности. Все его романы, особенно три последние²⁸ постоянно рисуют нам, как на каждой ступени развития каждого характера представляется путь к усилению этого доброго начала, в какой образ оно стремится вылиться, и как затем человек снова извращает его, снова отворачивается от истины и добра, и как, наконец, даже здесь, в его самом низком падении, опять не потухает еще искра присущаго ему добра, освещающая ему путь восстановления. Какого-бы из героев этих трех романов вы не взяли, какую бы сцену ни открыли, везде встретите ту же идею, те же две проведенные дороги – к спасению в человеке образа Божия, или к уничтожению. С этою

идеей Достоевский прошел по всем слоям общества: по монастырям и церквам, по университетам и низшим школам, по гостинным и гуляньям, по ученым кабинетам и судам, по улицам и больницам, по кабакам и блудилищам, наконец, по тюрьмам и каторжным шахтам.

Указывая везде добро в людях, показывая этих людей на самом процессе развития их нравственного возрождения, Достоевский как бы против воли заставляет читателя полюбить всякого ближнего этою христианскою любовью, прозревая во внутреннюю сокровищницу его души.

Но среди многих своих разнородных типов, разнородных и по внутреннему характеру, и по положениям, и условиям жизни, Достоевский с особенною любовью и гениальным умением рисовал различные разновидности типа русского интеллигента идеалиста – искателя правды. Подобными типами наполнены «Бесы», три таких типа найдете в «Униженных и Оскорбленных», целые романы, как: «Подросток», «Преступление и Наказание» и «Братья Карамазовы» вращаются на главном герое подобного типа, окруженном такими же второстепенными героями. В этом отношении Достоевский стоит во главе целого ряда писателей, начиная от Пушкина»...

Вышеприведенные строки, взятые из самой ранней статьи владыки Антония о Достоевском, вполне объясняют то совершенно исключительное внимание, которое он в течение всей своей жизни уделял творчеству Достоевского.

13 статей о Достоевском, которые мы печатаем ниже, были написаны владыкой в период времени между 1929 и 1934 годами. Бóльшая часть этих статей была продиктована владыкой автору этой книги и с его слов записана, часть из них была произнесена владыкой на собраниях в честь Достоевского и точное содержание их было записано автором книги и потом одобрено владыкой и некоторые из них владыка написал сам своей рукой. Все эти статьи были напечатаны в нашей газете «Царский Вестник» в указанный период времени. Не взирая на то, что размеры нашего труда расширяются, но мы считаем своим долгом перед памятью великого святителя привести эти

статьи полностью, так как они не только характеризуют литературное творчество великого писателя, но и раскрывают внутренний мир самого владыки Антония, а также его патриотические воззрения на Россию, причины ее крушения, надежды на ее возрождение и на действительные задачи русской жизни. Однако, главная цель нашей работы состоит в том, чтобы возможно полнее описать личность и духовный мир того великого человека, которому посвящен наш труд. И мы уверены в том, что эти статьи являются драгоценным материалом для понимания личности и воззрений владыки Антония. Статьи эти мы располагаем не по времени их написания, а по их логическому содержанию и так как они были написаны без определенной системы, а просто изливались из богатой сокровищницы духа владыки, то их скорее следовало бы назвать «Мыслями владыки Антония о Достоевском». Некоторые повторения, которые в них встречаются, свидетельствуют о тех наиболее ярких сторонах в творчестве и жизни Достоевского, которые привлекали особенное внимание владыки Антония.

1. Генезис в творчестве Достоевского²⁹.

(Принцип нравственного совершенствования, как основа жизни).

За границей мне приходилось в различных городах и странах предлагать свыше 20 рефератов о Достоевском; не раз читал я о нем и в Югославии, но его творчество представляет собой настолько неисчерпаемый источник для размышлений, что я вновь предлагаю свое слово о нем моим Белградским слушателям.

Достоевский был воспитателем целого поколения. Он предлагал свои воспитательные идеи обществу постепенно, по мере усвоения этих идей обществом. Такую постепенность можно легко проследить в его творениях, почти по томам. Сначала он осторожно указал на ценность нравственных начал жизни, затем он смелее заявил о вере в Бога и в Христа и, наконец, только впоследствии указал практический путь для достижения этой веры через Церковь, частнее через монашество, или же через общение светского общества с монастырями и монахами. Вообще у каждого талантливого писателя можно усмотреть генезис, но обычно этот генезис начинается и заканчивается в одной и той же повести, в развитии ее главнейших героев. Так у Гоголевского Плюшкина постепенно растет страсть корыстолюбия, у Тургеневского Санина, у Шекспировских героев постепенно развиваются порочные, главным образом, половые страсти, или же месть. Особенность же Достоевского, сравнительно с другими великими писателями, заключается в том, что генезис проходит через все его творчество.

В русском обществе принято было говорить, что холодность к религии происходит не от порочности и лжи самого общества, а главным образом от недостатков духовенства и поэтому взывали, чтобы в религии на первое место была поставлена нравственная сторона, а обрядовая и догматическая сторона религии отводилась на второе место или же совсем отрицалась. На деле же сводилось к тому, что, кто отрицал догматическую

сторону религии, тот не мог держать и ее нравственных требований. Верховенский-отец был не лишен идеалов и в общепринятом смысле мог бы быть назван христианином, однако, Верховенский-сын, воспитанный им, оказался настоящим извергом. В Библии есть замечательное место, в котором изображается, как из змеиных яиц вылезает ехидна, а всякий, кто съест эти яйца, умирает (Ис. 59, 5). Вот, точно также Достоевский изображал постепенное рождение злодеяний из злых плодов.

В нашем материалистическом обществе особенно подвергалась осмеянию заповедь смиренномудрия, вообще еще со времени Екатерины в русском обществе осмеивалось не только внешнее, но и внутреннее благочестие. Однако, в русском обществе появилось и другое течение, которое все смелее и смелее подымало свою голову. Эти два течения русской жизни были подобны Волге и Суре: в разстоянии четырех верст одна река течет с севера на юг, а другая в противоположном направлении, с юга на север. Течение противоположное западническому, материалистическому были славянофилы. Существенное свойство славянофилов заключается не в любви к славянам, **а в признании ими принципа нравственного усовершенствования, как основы жизни.** В последнее время Достоевский и возглавил это течение. После этого уже никто, кроме несчастных газетных шавок, не осмеливался открыто смеяться над славянофилами. Создание нового типа интеллигентного человека было главной заслугой этого течения. Несколько отдельно от них стоял А. С. Пушкин. Он своим всеобъемлющим гением и показал, что нельзя Россию хаять, что в ней было много хорошего. Ужасное явления русской жизни под названием нигилизма не было присуще всем западникам, но Ф. М. прорицал, что появившиеся террористы – прямые предтечи большевиков, не были чем то новым в русской жизни. В своем письме к Цесаревичу Александру Александровичу, при коем он посылал свое творение «Бесы», Ф. М. писал, что эти террористы являются родными духовными сыновьями таких писателей, как Белинский, Грановский и им подобные. Некрасов когда-то

сетовал, что русский мужик покупает на базаре наивные сказки Бову Царевича и выражал пожелания, что бы русский мужик приобретал Белинского и Гоголя, о Гоголе ничего сейчас не скажем, о Белинском же скажем, не дай Бог, чтобы русский мужик когда-нибудь его покупал. В романе «Бесы» Достоевский описал, как на одном литературном вечере один из либеральных профессоров, рассказывая «о безобразиях предшествующих эпох русской жизни», заявил, что все-таки Россия никогда не была в таком глупом положении, как сейчас, и при том привел пример, что в Новгороде поставили бессмысленный шар (памятник в честь 1000-летия России) против бесполезной Софии (собора) и при этом оратор ударил с гневом кулаком по столу. Зал завыл от восторга, покрывая позором все, что было в России дорогого и доброго.

Представители либерализма заявляют, что они отрицают догматы и обряды, но уважают мораль. Достоевский показал, что это ложь, что тот, кто отрицает бытие Божие, тот не может твердо держаться моральных принципов и в тех случаях, когда он него потребуются не теоретическое изложение морали, а практическая борьба за нее, он не удержится в ее принципах. Не понимая заповеди смиренномудрия, наше общество добродетель терпения смешивало с рабством и ему постоянно грезилась конституция. Наши либералы не могли понять, какое значение для общественной жизни может иметь личное усовершенствование. Они говорили: что хорошего в том, что если Гоголевская Коробочка будет молиться и бить своих крестьян. Они не понимали, что законами государства далеко не исчерпывается необходимый для общества нравственный минимум, что законы карают лишь выдающиеся преступления и что характер общественной жизни определяется наличностью доброй воли, имеющейся в данном поколении, которую создают возвышенные души. Эти души, даже совершенно не занимаясь общественными делами, являются светом для общества, их или все любят, или ненавидят, как ненавидели Христа Спасителя Его современники.

Под влиянием таких людей общество преобразуется, начинает философствовать и богословствовать и объединяется

на принципе нравственного совершенствования. Вот эту великую идею Достоевский неизменно и проповедывал в течение всего своего литературного служения. Все его униженные и оскорбленные светили миру, а его идиот был единственным не идиотом в обществе действительных идиотов. Толстой, необычайно завистливый, ко всякому гению, признавался, что самое лучшее, что создал человеческий ум во всей мировой литературе – не только в русской, но в европейской и американской – это «Братья Карамазовы».

Один из героев Достоевского Макар Алексеевич (в Подростке), на вопрос о христианстве сказал: – не мудри, помни 10-ую заповедь, а за ней и остальные. Это великая мысль, 10-ая заповедь, единственная в десятиисповедии, касается внутренней стороны человека, остальные же внешнего поведения.

Один из немецких ученых думал, что он сделал великое открытие, установив сходство заповедей Моисея с индийским сборником Гумораби. Конечно, всякое общество может существовать только тогда, когда будут соблюдаться правила внешнего поведения, заключенные в заповедях, но Божественное происхождение заповедей Моисея доказывается именно 10-ой заповедью, касающейся внутренней стороны человеческой жизни – настроения его души.

Есть у Достоевского некоторые неясности (пропуски), которые однако становятся вполне понятными при последовавших открытиях о его творчестве. Так для читателя не вполне понятно, почему Сердюков убил своего отца и почему Ставрогин был так мрачен и чем-то подавлен. Казалось, что в описании их жизни есть что-то недоговоренное. Только теперь выяснилось, что по первоначальной рукописи Смердюков был подвергнут Содомскому осквернению своим отцом Федором Павловичем, эта часть рукописи была упущена автором по настоянию его друзей Победоносцева и Каткова, а Ставрогин изнасиловал малолетнюю девочку, которая затем повесилась. Достоевский самоубийство русского человека изображал, как результат борьбы с самим собой, страшной борьбы добра со злом, завершившейся победой зла.

Смерть Достоевского была завершением его праведной жизни. Он, умирающий, просил свою жену читать над ним Евангелие и когда жена прочла слова Евангелиста: «Иоанн же удерживал Его», Достоевский произнес: «и ты меня не удерживай, мне пора в путь» и с этими словами скончался.

Кн. Мышкин перед припадками эпилепсии переживал восторженное чувство любви ко всему миру. Это было содержание души Достоевского. Напрасно говорят, что Достоевский был жестокий талант (Михайловский). Когда он скончался мне было 18 лет и через его близких я лично знал, что Ф. М. был человек мягкой, нежной, любящей, почти сентиментальной души, он лишь воспламенялся против зла и порока; так же поступали и все пророки древности.

Когда говоришь об этом великом человеке, теснятся мысли одна на перебой другой, но время и место побуждает нас закончить наше краткое слово, посвященное светлой памяти Ф. М. Достоевского.

2. Откровение в творчестве Достоевского³⁰.

Не помню, какой именно левый литератор, однажды, возвратясь в свое общество с литературного вечера, очень удивил своих собеседников таким характерным сообщением: «поздравляю вас, Достоевский сошел с ума». Затрудняюсь сказать, было ли это произнесено со злорадством или сочувствием, но, во всяком случае, с известной долей искренности. А когда собеседники потребовали от него разъяснения этой новости, то он с запальчивостью ответил: «да представьте себе, когда один из наших сказал, какое это несправедливое дело было ваше осуждение и ссылка, то Достоевский, потеряв себе лоб, ответил: «Нет! справедливое: русский народ осудил бы нас, разузнав в чем дело».

А дело было в том, что Достоевского и его компанию приговорили было к смертной казни, заменив ее, по милости Государя, ссылкой на каторжные работы в Восточной Сибири, а затем этот срок сокращали до 4 лет и заменили ссылкой без принудительных работ и, наконец, совсем освободили писателя от строгой кары, приняв во внимание его раскаяние и некоторые благодетельные манифесты, изданные в благодарность Богу за некоторые радостные события в Царской фамилии.

Вообще нужно сказать, что уже в то время, а тем более во времена позднейшие, всякую судебную кару публика принимала, как выражение произвола и жестокости правительства, не желая даже вникнуть в существо дела.

Когда уголовный суд объявил приговор по делу Димитрия Карамазова, то по всей судебной зале раздался визгливый голос барыни: «это еще что такое?».

При этом автор заметил, что по настойчивому тону той дамы можно было заключить, что она уверена будто все это еще можно переменить и исправить.

Я был свидетелем этого, будучи еще 16 летним юношей, но помню, как тогда последнее охватило собою взволнованное внимание интеллигентной публики и надолго стало предметом общих разговоров, споров и разнообразных предположений.

Да, Достоевский владел умами и сердцами русского общества еще задолго перед тем, когда последнее начало давать себе отчет в степени влияния великого писателя.

Надо при этом прибавить, что самое его влияние было признаваемо, как факт в обществе и в литературе, только значительное время спустя после его Пушкинской речи, смиренной кончины и торжественнейшего погребения.

Как объяснить такую медленность усвоения правильных взглядов? как понять, что Достоевский и при жизни и еще лет десять после своей кончины, считался в нашем обществе, хотя и талантливейшим писателем, но только лишь одним из писателей, а находить в его творениях целое откровение, целую безду свет, как бы ворвавшегося в темную комнату, люди решались так постепенно и робко, пока им не сказали о том авторитеты их, начиная с Л. Н. Толстого, который при всей своей осторожности на похвалы, заявил печатно в 1881 году, что он вновь перечитал «Бр. Карамазовых» и пришел к убеждению, что это лучшее из всего прочитанного им, т. е. из всей русской и иностранной литературы. – «Увидите Достоевского и скажите, что я его люблю» – заключил свое письмо об этом помянутый автор.

Правда, с того же 81–83 года явились в русской публике и печати восторженные и смелые панегиристы Феодора Михайловича, среди которых отличался достойнейший профессор университета, славянофил О. Ф. Миллерь³¹, выступивший с целым рядом лекций о Достоевском, которых он говорил или читал при огромном стечении публики в различных общественных залах. Это был высоко искренний, христианского направления публицист и оратор с душою кристальной чистоты, всегда окруженный восторженными слушателями студентами, которые во главе многочисленной публики, почтили профессора поднесением огромного венка с надписью: «Достоевскому и его истолкователю». Публика долго и радостно рукоплескала, приветствуя своего трибуна.

Невольно приходит на мысль, насколько искреннее и честнее была тогдашняя публика, особенно сравнительно с позднейшей.

Найдутся ли теперь, среди современников, подобные общественные трибуны и при том в такой же степени чуждые всякого низкопоклонства и лести пред слушателями.

Кстати упомянуть о том, что лет через 5–6 после описанного события, сам Орест Федорович был погребен на Смоленском кладбище, претерпев пред смертью несправедливое гонение от министерства народного просвещения по поводу одного неосторожного выражения, которое так жестоко сократило его жизнь.

Прибавим от себя, что он был глубокий христианин, любивший читать в университетской церкви паремии и часы, правда тоном декламатора, несколько шокировавшим часть наиболее строгих слушателей, но не лишавшим самого чтения непосредственной искренности.

Он, как родился, так и умер, чистым девственником. Думаю, что ему теперь было бы лет 90–95 от роду.

Пора нам возвратиться к ответу на вопрос о столь медленном проникновении новых идей в умы и сердца публики.

Садоводы и земледельцы знают, что благородные зерна на хорошем черноземе не так скоро дают ростки, как сорные травы на песчаной почве, посыпанной по камению.

Зато это влияние, это усвоение новых идей, постепенно, как «зерно горюшнее» усиливается все крепче и крепче, дает прекрасные ростки, которые, по слову Христову, разрастаются постепенно в пышный куст и даже дерево, укрывающее своими ветвями птиц небесных и зверей земных.

3. Достоевский – любящий друг человечества³².

О Достоевском я печатался не однажды, но все-таки его творения, как неисчерпаемое море, еще далеко не все разъяснены мною, а другие публицисты, писавшие о нем, особенно левые, только затемнили смысл его идей, его образов, его моральных и богословских рассуждений. Большинство последних удовлетворялось тем, чтобы как-нибудь опачкать его память и не могло удержаться на почве безпристрастия, а прежде всего обнаруживало свою личную злобу на этого несравненно великого человека и писателя, который подобно другим гениям-гигантам, то бесил атеистов своими вполне объективными рассуждениями, то примирял между собою идейных врагов и возвращал их к вере во Христа и к любви к России и к русскому народу.

Мы уже упоминали в печати, что ряд его повестей можно уподобить всенародному училищу с классами низшими, средними и высшими, через которые он проводит читающее русское общество. Он начинает с того, что чувства добрые он пробуждал не «лирою», а печатным словом. Затем, взяв в свои авторския руки сердце читателя, он влечет его к признанию высших качеств в русском народе взамен того презрения, с которым к последнему относился наш интеллигент 60-х и 70-х годов. В дальнейших своих повестях он укреплял читателя, уже отдававшегося в его нравственное руководство, – укреплял в том убеждении, что русский народ и добрее и лучше представителей «просвещенного общества», которое на самом деле погружено в глубокую тину сословных предрассудков, хотя и утверждает свою полную от них отрешенность.

Вспомните его «Идиота», «Униженных и Оскорбленных» и «Бесов» да еще раньше того изданную автором повесть «Бедные люди» и сопоставьте содержащиеся там идеи с церковными песнопениями в честь Св. Иоанна Златоуста, которому мы поем:

«Усть твоих яко же светлость огня возсиявши благодать, вселенную просвети: не сребролюбия (безкорыстие) миру

сокровища сниска, высоту нам смиренномудрия показ».

Достоевский доказывает в своих типах, что смирение, вопреки общему мнению о нем, не есть только индивидуальная добродетель, и при том в глазах многих современников сомнительная, а и сила общественная, оказывающая громадное влияние на окружающую среду, влияние по большей части незаметное для последней, а иногда и для того, кто его оказывает.

Вот кн. Мышкин, скромный молодой человек, только что вышедший из психиатрической больницы. Он не читает собеседникам нарочитой морали, даже сам стесняется их, но они, почуяв благодатную струю его откровений, волнуются, смягчаются сердцем, переживают внутреннюю бурю борьбы и, наконец, лед застарелой гордыни и сердечной черствости незаметно тает и освобождает их сердце для восприятия высших Евангельских настроений, сначала довольно поверхностно воспринимаемых и даже с рецидивами прежней порочности и злобы, а потом постепенно усваиваемых ими, как подлинного содержания своей души. Подобный же внутренний процесс переживают под пером автора и другие типы, то быстро и бурно, как центральный тип другой повести «Подросток», то чрезвычайно медленно и несознательно для самих себя, как Раскольников в «Преступлении и наказании» – то в своем внутреннем сознании, то при участии и даже под активным воздействием или даже под прямым влиянием по христиански настроенных идеалистов, таково нравственное возрождение «Подростка» под влиянием Макара Алексеевича, Дмитрия Карамазова под влиянием его брата Алеши, наконец, мальчика Коли Красоткина под его же влиянием.

Конечно, такому благодетельному возрождению в повестях Достоевского являлись нередко способствующие обстоятельства со стороны, например, болезни, смерть близких, семейные несчастья и т. п. («Подросток», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», «Униженные и оскорбленные»). Можно и должно сказать, что такое нравственное возрождение, предваряемое мучительной внутренней бурей в человеческом сердце, является центральной и главной темой всех повестей

нашего автора, его любимой темой, и не «жестокий талант», каким хотел изобразить нашего писателя глупый и лживый публицист Михайловский, а любящий друг человечества открылся в гениальной личности Достоевского.

Да. Он любил прежде всего человека, как бы глубоко не искажен был в нем образ Божий, как бы не упорны были его заблуждения и развращенность его души.

Эта любовь к человеку, как к таковому, и была основным свойством нашего писателя.

Он был прежде всего человеколюбом, а затем уже, не по нисходящей градации его симпатии, а по постепенности обнаружения этих свойств для читателя, – христианином, православным христианином, русским патриотом, славянофилом, монархистом и т. д. Последние три качества имели в его душе значение выводных из первых трех, как абсолютных и совершенно свободных.

Итак, далеки от истины, а по большей части и от искренности те критики и публицисты, которые видят в нашем писателе либо политического, либо клерикального трибуна.

Свободно предавший свою душу Христу и страстно работая над проповедью нравственного возрождения человечества, Достоевский делал это великое дело не потому, что был сыном Православной Церкви, славянофилом и монархистом, но самое Православие и славянство и русского царя и Св. Церковь он любил потому, что считал эти начала во-первых согласными с истиною, а во-вторых потому, что считал их действенными для нравственного возрождения человека вообще и согласными с народно-патриотическими стремлениями, сохраняющимися в благороднейших душах лучших людей.

Перейдем же теперь поближе к самому содержанию его повестей и выскажем те выводы, которые замалчивает наш великий писатель, предоставляя делать эти выводы самим читателям, что свойственно вообще наиболее талантливым писателям, как например Крылову, в большинстве его басней, Грибоедову в его «Горе от ума», далее Пушкину в его «Онегине», Лермонтову в его «Странном человеке», Гончарову в его «Обыкновенной истории» и «Обрыве» и т. д.

Прав был далеко несимпатичный нам критик Белинский и многие другие писатели, нетерпевшие в литературных произведениях прямой морали, но требовавшие, чтобы моральные выводы из их писаний делали сами читатели: такой способ – предоставление выводов на волю читателя, конечно, доступный только крупным талантам литературы, является самым действенным и прочным. Такого правила держался и Достоевский, который долгое время удерживал свое перо от прямой проповеди религиозных истин в повестях и романах и допускавший ее наряду с проповедью патриотическою только в тех немногих публицистических статьях, которые выходили из под его пера в «Дневнике писателя» и в знаменитой Пушкинской речи, но не в повестях и романах.

Самое упоминание о христианской религии он допустил только в позднейших своих повестях и рассказах, начиная с «Подростка» (около 1870 года), а раньше о Боге и Христе за и против говорили только его герои, а сам он заговорил о Них и о Православной Церкви только в «Братьях Карамазовых», да и то словами своих литературных героев, когда его влияние на умы и полное доверие к нему читателей достигли уже полной силы, а критика, хотя подчас и грубая, приняла участие Моськи, лающей на слона; большинство же, огромное большинство читателей, было настроено к нему так, как выражался Некрасов о гениальных талантах:

**"Становись перед ним на колени,
Увенчай его кудри венком».**

Мы упомянули о том, что основной идеей Достоевского была идея религиозная, православная и на ней-то основывались все его политические и патриотические симпатии и идеалы. Таковы его статьи по Восточному вопросу, а равно и те, которые касались внутреннего строительства России, преимущественно в «Дневнике писателя», где он писал о походе Скобелева в Ср. Азию и о проведении в Сибирь и Туркестан железной дороги, что осуществилось только через 10 и 20 лет со времени выхода соответствующей книжки и журнала, оказавшейся его предсмертной исповедью.

4. Религиозные убеждения Достоевского³³.

Прошу заочного разрешения у читателей остановиться еще на некоторое время на личности Достоевского.

Мы подчеркнули руководящая идеи его религиозно-философских взглядов и упомянули о том, что автор избегал до выхода «Бр. Карамазовых» излагать свои религиозные убеждения, подводя к ним читателя, как бы добровольно, через выясняемую связь событий жизни своих героев и через указание их жизненных исходов – обыкновенно трагических, но иногда светлых и примиряющих.

Но мы намеренно умолчали пока о двух малозаметных его очерках фантастического характера – «Сон Смешного Человека» и еще менее заметного краткого рассказа «Бобок».

Между тем, в этих двух литературных очерках автор более открыто излагает свои религиозные убеждения, прикрывая их фантастической вуалью, дабы отклонить от себя обвинение в тенденциозности.

Позволим себе остановиться на этих небольших рассказах нашего автора, через которые раскрываются под светскою формою его чисто церковные убеждения высокого философского и психологического достоинства. Своего «Смешного Человека» автор издал в виде очередного номера журнала «Дневник Писателя» извиняясь, однако, перед читателями в том, что вследствие переутомления и недомогания, он отступает от программы публицистического издания в область безбрежной фантазии, но и в этой области автор проводит совершенно определенно идеи своего религиозно-философского мировоззрения.

В «Сне Смешного Человека» наш автор прикровенно излагает христианское учение, следуя за повествованиями Библии о падении наших праотцев, Вавилонском столпотворении и других откровений Божьего Домостроительства.

Этот Сон был для автора реакцией против одного черствого поступка и направил его волю к искуплению последнего.

Именно Достоевский представляет себя отказавшимся от требовавшегося благодеяния сироте, а весь его Сон заключается в раскрытии мировых судеб, которые призывают людей к сердечному участию, причем этот принцип является под его пером двигателем Божественного мироздания и совершенно исцеляет его желчное настроение на сентиментальное, так что, когда автор проснулся от своего сна, то первым его решением является «непременно разыскать того сиротку и устроить его участь».

Самая повесть представляет автора летающим по эфиру между планетами и восторженно приветствующего дорожную родную землю.

Как это далеко от взгляда на него, как на сурового пессимиста, и обладателя «жестокого таланта!»

Падение рода человеческого автор представляет несколько подобно Льву Толстому, как отступление от непосредственного послушания Творцу в область самочинного умственного развития, а последствием такового падения являются у него исторические заблуждения людей, война и другие явления ложной цивилизации, за которыми ослепленные люди гонятся «в надежде славы и добра», а встречают вечно разочарование.

«Сон Смешного Человека» явился как поправка к Тургеневскому рассказу «Довольно», на каковой рассказ наш автор написал едкую сатиру в «Бесах», изобразив Тургенева под видом Кармазинова, а его фантазию «Довольно» под видом тоже фантастического очерка «Мерси».

Что касается до другого фантастического рассказа «Бобок», то здесь автор изображает себя задремавшим на городском кладбище и вслушивающимся в разговоры недавно умерших покойников под землей.

Трагизм тут перемешивается с комизмом. Покойники жалуются на неудобство своего положения и на невыносимый смрад, которым они обдают друг друга. Но смрад этот не физический, а духовный, выражающий их нравственную порочность.

Самое же положение этих покойников, на которое они приговорены на 40 дней, является по рассказу последним

увещанием к покаянию. Однако, никто из них каяться не желает и они единодушно решают эти последние дни своего сознательного существования в полусгнившем состоянии провести как можно веселее и для этого развлекаются автобиографическими рассказами при условии «отнюдь ничего не стыдиться, а говорить все откровенно». Конечно, содержание их рассказов оказывается еще более отвратительным, чем тот смрад, который исходит из их могил. Читатель, вероятно, понимает, что здесь раскрыта нераскаянность грешников и их ожесточенность в зле.

Мы проговорились, что Достоевский в этих двух рассказах, написанных им, в разное время, вполне определенно выразил свои церковные верования, хотя и в шуточной форме.

Наконец, пора нам обратиться и к его главной повести «Братья Карамазовы», в которой он уже совершенно неприкровоенно излагает свои религиозные идеалы, однако, ни на шаг не отступая от задачи объективного описания жизни. Он смело приводит читателя в монастырскую обстановку, которую и раскрывает во всей ее духовной красоте, впрочем не замалчивая и тех уродливых явлений монашеской жизни, которые, однако, изображаются автором именно, как отступление от нормы монастырского быта под влиянием человеческих недостатков или ложно понимаемых задач монашества, а равно и общенародных суеверий.

Совершенно не права критика этого обширного романа, обвиняющая автора в том, будто он искусственно противопоставляет жизнь монастырскую жизни светской, находя в последней только одно злое, а в монастыре только одно доброе.

Конечно, такие типы, как Ф. П. Карамазов и его компания при самом безпристрастном описании их встреч с монахами не могут не обнаружить резкого контраста, но и монастырь не чужд отрицательных типов в роде изуверенного о. Ферапонта, лукавого и льстивого монашка из обители Сильвестра Обдорского (читай – Павла Обнорского) и т. д.

Впрочем, обходя второстепенных героев повести и в частности притекавших в обитель глупых барынь, а также и

противоположных типов народных, т. е. глубоко верующих смиренных женщин-богомолков, исполненных високаго стремления души к христианской праведности, пора нам уже сосредоточить внимание на главном авторитете монастыря – старце Зосиме.

Уже писано было в нашей литературе, что в этом старце Достоевский объединил два реальных типа – старца Макария († 1860) и старца Амвросия († 1892), а самый монастырь с его скитом возстановляет и свнутри и снаружи Введенскую Оптину пустынь Калужской губернии, сосредоточившую в своих стенах не только деревенских простецов, но и людей интеллигентных – благочестивых юношей, офицеров, оставивших военную службу ради спасения души, а также и некоторых писателей (К. Н. Леонтьев), а частнее – целый кусток молодых идеалистов, собравшихся в 50-х годах под крылышко старца Макария сперва в качестве простых послушников, а потом разосланных Синодом в духовныя миссии в Палестину, Константинополь и др. места.

Они-то и собирали в Оптиной пустыни большую святоотеческую и вообще богословскую, а отчасти и философскую библиотеку и пользуясь знаниями греческаго и других восточных языков, переводили с них на язык русский некоторыя святоотеческия творения, привлекая к своей работе внимание даже такого високаго авторитета, как блаженной памяти митрополит Филарет, дававший на отзывы Оптинских старцев некоторыя переводы святоотеческих творений, сделанные профессорами Московской Духовной Академии.

Вот почему нельзя согласиться с критиками Достоевскаго, не признававшими возможности пребывания в монастыре «высокоученых монахов» и находивших в упоминании о них только тенденцию автора восхвалять и превозносить монашество.

Должен прибавить к этому, что самые симпатичные и возвышенные типы среди русскаго монашества – это те представители последняго, которые совмещали долголетный подвиг в суровых простонародных монастырях с богословским образованием.

Наше светское общество относилось к ним с исключительным уважением и даже благоговением, а их сочинения духовного, аскетического содержания расходились по рукам даже мирских людей с гораздо большим успехом, чем сочинения профессоров Духовной Академии, обыкновенно невыходившая за пределы кругов духовного сословия.

Именно Оптиная пустынь соединяла в своих стенах представителей обоих разрозненных сословий – дворянства и простого народа, как это мы видим в населении монастыря, описанного в «Братьях Карамазовых». Духовный возглавитель этого разнородного монастырского братства старец Зосима изображен, как бывший офицер, оставший военную службу по влечению своего сердца, причем последний толчок, выведший его из военного строя, был его отказ принять участие в глупой дуэли.

Такой автобиографический рассказ этого старца содержит в себе еще и указание на непосредственно последовавшее после его удаления из привилегированного сословия теснейшее сближение его с простым народом в лице своего бывшего деньщика, а затем и всех добрых христиан, жителей деревни.

Кстати сказать, подобный переход, как бы из одного лагеря в противоположный, описывается Достоевским и в более ранних его повестях, когда он еще ничего не писал о монастырях и монашестве, но последнее заменялось в подобных картинах вообще народом, как живущим на совершенно других основаниях сравнительно с образованным обществом. Так в «Бесах» один из центральных героев повести Степан Трофимович, покинувший интеллигентную среду, сейчас же принимается народом, как свой человек, а в еще более ранней повести «Идиот», кн. Мышкин, удаленный из общества в психиатрическую больницу и вышедший оттуда нравственно возрожденным, привлекает к себе симпатии уже огрубевшего и порочного полуинтеллигента и полумужика Рогожина, да и множество других примеров подобной ассимиляции ренегатов общества с простым народом можно привести из повестей Достоевского.

Оторванность общества от русского простого народа была для Достоевского постоянною болью, а сближение с простым народом ему представлялось как панацея разнообразных, скажем более, – всяких нравственных аномалий в жизни русского интеллигента.

Эту мысль с особенною силою и красотою наш автор изложил в «Пушкинской речи», подведя под такое определение и Пушкинского героя Алеко в «Цыганах» и Евгения Онегина и многих других.

Сближение с народным типами оказывает по Достоевскому благотворное влияние на оторвавшегося от народа интеллигента, даже на каторге при произвольном сближении революционера нигилиста с уголовными преступниками.

Любил Достоевский указывать и на обратное влияние потерявших веру интеллигентов на простых людей, которых первые сознательно или безсознательно развращали и губили; таковы некоторые типы в «Бесах», в «Братьях Карамазовых» и других повестях нашего автора, ламентации которого о разделении русского народа на интеллигенцию и простецов производили даже тягостное впечатление на первую и считались преувеличением, но совершенно напрасно, в чем читатель убеждается из чистосердечных автобиографических признаний автора, настолько искренних, что устраняется всякая возможность возражать против его принципов.

«Благородный пансион в Петербурге отнял у меня веру, а каторга Сибирская в лице своих узников мне ее возвратила». Таковы слова великого писателя.

5. Добро и зло в душе человека по Достоевскому³⁴.

На сих последних днях мы возвратились к изложению идей и идеалов Достоевского и, оставаясь верным его воззрениям на жизнь, обнаружили известную дедукцию его убеждений, которым он оставался верен в своей разнообразной писательской деятельности и как романист, и как мыслитель, и как христианин. Именно мы упоминали о том, что его авторская мысль была сначала совершенно чужда не только политической, но и религиозной тенденции, хотя убеждения его были самые определенные, а центром его внимания были живые люди, так что он выступал из области нраво-описательной в область публицистическую только тогда, когда его к тому нудила логика вещей; следовательно, какия бы то ни было его религиозныя и политическия суждения были не предпосылкой нраво-описательных эпизодов, а только выводами из того разнообразного материала, которым наполнялись страницы его творений.

Другое дело в его чисто публицистических сочинениях: здесь уже невозможно было ему уклониться от решения **по существу** различных нравственных и общественных проблем. Но и к таковым решениям он приближался с великою постепенностью, помещая их в своих толстых романах, иногда как бы не охотно, но по возможности, предоставляя читателю самому делать соответствующие в этих случаях выводы. Впрочем и здесь он по возможности отдалял такие выводы от предшествовавшего им материала, так что в некоторых случаях читатель даже затруднялся отвечать на вопрос, на стороне какого героя лежит симпатия автора и начинал понимать это только уже в конце повести, потому что автор долго долго держал читателя на эпизодах, хотя всегда характерных, но настолько отдаленных им от окончательных выводов этического характера, что только широко развитой ум читателя мог безошибочно раскрывать план многочисленных драм его романов.

Задержим нашу мысль на некоторое время на одной чисто специальной теме автора.

Не сомневаюсь при этом, что любимой темой его творений была христианская истина, именно бытие Божие, как всеправедного управителя жизни человеческой и пастыря человеческих душ. В этом смысле особенно интересно для читателей Достоевского дать совершенно определенный ответ на вопрос, на который постоянно наталкивались его читатели. Это вопрос не о бытии Божиим, а о бытии дьявола. По сему вопросу заявлялись различные и с большой горячностью высказывавшиеся мнения и сомнения в том, признавал ли Достоевский реальное бытие дьявола, о котором он довольно часто и довольно пространно писал в своих романах: – или же не касаясь этого предмета по существу, наш автор с соответствующей ему глубиной мысли, ограничивался тем, что преимущественно перед всеми писателями русскими и иностранцами, рисовал дьявольские элементы в душах своих героев, и хотя представлял на страницах своих романов как бы совершенно реальные явления злого духа среди человеческого общества, но олицетворял в них безличную человеческую жестокость, злобу и лживость.

Русским читателям в большинстве, особенно женщинам, весьма хотелось находить доказательства, что наш автор желал внушать читателю веру в личного живого дьявола, искушающего людей, но такое стремление читателей не было увенчано успехом, и при внимательном перечитывании повестей и романов Достоевского не трудно убедиться в том, что явления дьявола, или как он выражался чорта, своим героям, обыкновенно в состоянии горячечного бреда, или глубокого сна, наш писатель сумировав внутренние процессы таких лиц, как Иван Федорович Карамазов, Свидригайлов и т. п. В наиболее сильном изображении автор обращается к этой теме, озаглавленной «Чорт» в Бр. Карамазовых, когда описывает горячечный бред Ивана Федоровича и изображает такой бред в виде продолжительного разговора с явившимся ему дьяволом. Он делает это с такою жизненною правдою, что многие даже вполне серьезные читатели, остаются в недоумении, было ли

это явление реальным, или оно служило только изображением той внутренней борьбы, которую переживал Иван Федорович, уже решившийся на тяжкое преступление Божией заповеди.

Подобное же состояние то бреда болезненного, то глубокого сна нервно потрясенного героя изображено автором в «Бесах» в лице (кажется) Свидригайлова, переживавшего бурную борьбу голоса совести своей с богохульным замахом.

Бес-искуситель является на страницах Достоевского еще не один раз, хотя там тоже нет последнего слова автора (по крайней мере в большинстве подобных эпизодов), взирает ли он на эти явления, как на реальные, или как чисто субъективные переживания его героев, — но в этих второстепенных самооткровениях нашего писателя уже легче понять, что он имеет в виду только субъективные состояния своих героев, а не явления мира сверхестественного.

С своей стороны мы не разделяем страха большинства нашей публики признаться в своей вере в нечистую силу, а напротив, заявляем совершенно спокойно, что мы признаем ее реальное существование в качестве личных и сознательных злых духов и с своей стороны даже сожалеем, что Достоевский смотрел на эти вещи иначе, т. е. считал их субъективными состояниями своих героев. Однако, не можем отказать себе в преклонении перед тою глубиною анализа духа человеческого и гнездящегося в нем часто зла, которое автор объективировал в вымышленных им явлениях бесов перед греховным сознанием его порочных героев.

Глубоко запускал Достоевский нож своего анализа в порочное человеческое сердце, но всякий раз извлекал его неповрежденным теми преступными картинами, в которых погружалась душа его героев.

Эти картины греха и богоборчества предъявлялись сознанию последних и при том не только ожесточившихся в своих пороках и грехах, как Карамазовы, но и в людях меньше испорченных, даже почти невинных, как подростки девочки в «Бесах», не говоря уже о таких типах, как Ставрогин и ему подобные.

Большинство этих людей, связавшихся с бесами, кончают свою жизнь самоубийством и при том обыкновенно в кощунственной позе, как Кириллов и, сколько помню, тот же Свидригайлов, но во всяком случае представить этих грешников, как совершенно чуждых нам, обыкновенным людям, и провести глубокую грань между ними и нами, скромными обывателями, это значит погрешить против истины. Элементы преступности гнездятся в душе человека, даже искренно верующего и потому считать Достоевского пессимистом нет достаточного основания. Напротив, повторяем, что он был определенный оптимист, но справедливо говорят те писатели, которые утверждают, что большинство героев Достоевского ходили между двумя безднами – доброю и злою, а его гениальность выражалась в том, что он съумел показать постепенность роковых колебаний и роковых падений и постепенного благодатного возрождения человеческого духа из тенет греха, неверия и злобы. Подобная опасность нашего нравственного положения на этом свете есть высшая мораль, начертанная гением нашего единственного мирового писателя и гениальный вариант древнего изречения, т. е. «memento mori».

Впрочем более глубокое проникновение читателя в творения Достоевского успокаивает наши души светлою надеждою в неистощимое милосердие Божие и нравственное возрождение человека.

О таком возрождении Достоевский писал, конечно, гораздо реже и короче, чем о падении и гибели грешников и особенно самоубийц, но его очерки о покаянии до того умирительны, реальны и привлекательны, что назвать его «жестоким талантом», – как это сделал Михайловский, – это значит воспроизводить картину злой Моськи, лаявшей на слона, при чем побуждения этой Крыловской Моськи и господина Михайловского совершенно одинаковы: «ай Моська знать она сильна, что лает на слона».

Если бы картины человеческого возрождения писал сладкоречивый Григорович, или подобный ему писатель, то это была бы еще небольшая диковина, но так как таковыя писал гениальный знаток человеческой души и человеческого порока

Ф. М. Достоевский, то такой факт возлагает на него венец неувядаемой славы.

Переходить ли теперь на описание картин нравственного возрождения в жизни обще-народной, русской и государственной?

При жизни своей, окончившейся более 50 лет тому назад, Достоевский нисколько не смягчал своих обличений окружающей жизни русского общества и народа. Об этом распространяться мы не будем, но он утверждает при том, что русский народ имеет то огромное преимущество перед прочими народами, что он предавался злу, т. е. разврату, жестокости и даже богохульству, только в страстных увлечениях, а из глубины совести не мог никогда похвалить злое начало ни преклониться перед ложью и пороком.

Нечто подобное утверждал и его антипод Щедрин-Салтыков в своем эпизоде: «Мальчик в штанах и мальчик без штанов».

Если же мы переведем свой взор от всех таких нравственных низин на возвышенные ландшафты жизни русских праведников, то найдем здесь такое огромное по числу и такое мощное по силе количество праведных душ, в чем нам поможет тот же Достоевский со своими положительными героями, – что взамен оплакивания людей порочных мы получим полное право заключить наш очерк словами поэта:

**"В надежде славы и добра
Вперед смотрю я без боязни»**

6. Плодотворность проповеди добра по Достоевскому³⁵.

Достоевский был, вопреки заявлению его критиков, оптимист, непоколебимо веровавший в победительную силу добра и плодотворность проповеди последнего.

Под проповедью, как уже сказано, мы разумеем не прямое наставление, но раскрытие того прагматизма, который на внутренней борьбе человека с самим собой и с окружающими его влияниями обнаруживает победу добра над злом.

При этом не должно думать, что наш автор считает доброе начало всюду побеждающим, как это делал в своих повестях один из главных его почитателей, тоже писатель и довольно талантливый, но черезчур сентиментальный, Д. Григорович.

Отношение к возрождающему влиянию моральных начал у людей двоякое, потому что свобода воли не может быть отрицаема, а потому наряду с картинами нравственного вразумления, покаяния и исправления, у Достоевского встречаются типы, упорствующие в своих пороках и заблуждениях.

Как же они реагируют на проповедь нравственного возрождения?

Одни борются против нея долго и только тогда уступают, когда к этой проповеди присоединяется жизненная школа в виде семейного или личного несчастья, разорения или тяжелой болезни. В продолжении такой внутренней борьбы люди допускают самые резкие выходки, нередко озлобляются и если так и останутся в своем ожесточении, то кончают помешательством и нередко самоубийством. Самый характерный тип такого озлобленного человека это Кириллов в «Бесах», маниак своей борьбы с религиозным чувством, объявивший борьбу с Господом Богом и при том семинарист.

Позволим себе сделать маленькое отступление. Многие писатели из духовного сословия не возлюбили Достоевского, как якобы недоброжелателя духовенства и духовной школы, каковым Достоевский, конечно, не был, и если он изобразил

несколько весьма антипатичных типов духовного сословия, то это были у него не священники и не монахи, а так называемое серое духовенство, т. е. лица с духовным образованием, но непожелавшие принять духовного сана, а обратившиеся в чиновников-карьеристов, как водится с самым лжелиберальным флагом.

Таков был, кроме Кириллова, который был впрочем искренним нигилистом, еще другой тип, мало на него похожий, но очень характерный представитель этого самого «серого духовенства» – Михаил Ракитин (в «Братьях Карамазовых») давший повод недоброжелателям автора обвинять его в антипатии к духовной школе и к сословному духовенству, впрочем такой тип в многочисленных повестях Достоевского, как вполне обрисованный, является единственным, чего не было бы, если бы антипатия автора касалась всего духовного сословия и духовной школы, о которой он ничего не говорит.

Справедливым остается только то, что положительные типы духовного звания у Достоевского берутся не из духовно-наследственного сословия, а из мира монастырского, и типы эти иносословные, т. е. бывшие военные, или юноши-гимназисты, как например, Алеша Карамазов.

Остановившись на таком отступлении от главной темы статьи, мы должны оговориться в том смысле, что остаемся глубокими почитателями духовной школы, как безусловно самой лучшей в России, хотя далеко не чуждой глубоких нравственных ран.

Кроме того нужно сказать, что великие церковные авторитеты, даже те, которые проходили не духовную школу, а военную или гражданскую и вообще стали выше всяких случайных симпатий, относились к первой с полным уважением и благодарили Бога, если они прошли, хотя бы часть этой школы.

Впрочем излюбленный Достоевским и его последователями Оптинский старец о. Амвросий был студентом духовной семинарии и сохранил к ней самое сердечное отношение.

Не говорим уже о духовных авторитетах, прошедших полный курс духовной школы, как например тот самый,

созданный Достоевским тип на покойного епископа Тихона (Задонского), а равно и живые действительные воспитанники духовной школы, ставшие впоследствии народными нравственными трибунами, как о. Иоанн Кронштадтский, при всяком удобном случае восхвалял духовные семинарии и академии и посещая их, изливал самые нежные чувства к их питомцам.

Чтобы не отвлекаться еще дальше от нашей темы мы воздержимся здесь от подробной характеристики последних, представляющих собой совершенно оригинальный тип, а скажем только, что антипатичные фигуры из их среды, описанные у Достоевского, хотя и характерны, но отнюдь не являются преобладающими в духовной школе, а некоторым уродливым явлением, без которого не обходится ни одна среда.

Мы остановились на одном типе, который в противовес Раскольникову, так и не подчинился возрождающему влиянию доброго начала и после бурной борьбы с самим собой наложил на себя руки.

Тип этот не единственный у Достоевского: он же воспроизводится у него и в других литературных героях, хотя бывших в совершенно иных условиях жизни, чем Кириллов. Таков Свидригайлов в «Преступлении и наказании», тоже умертвивший самого себя, а в «Братьях Карамазовых» Смедряков, которого загубили, т. е. лишили веры в Бога и довели до самоубийства, высокообразованные сверстники, а именно Иван Карамазов. Самоубийством же окончил свою земную жизнь и главный герой «Бесов» – Ставрогин, долго колебавшийся между верой и неверием и в конце жизни склонившийся в сторону последнего. Его-то и уговорил положительный герой той же повести Шатов, покаявшийся атеист и революционер, пойти на совет к заштатному епископу Тихону, но не воспринявший его увещаний.

Кстати сказать эта картина беседы заштатного Владыки с нигилистом Ставровиным не была введена автором в свой печатный роман, но хранилась в рукописи с некоторыми другими повествованиями, подвергшимися той же участи и

нашедшими свое место в печати благодаря участию оттуда, откуда всего менее можно было его ожидать, т. е. от немцев.

Приходится опять сделать отступление, благодаря которому мы имеем возможность обобщить все эти самоубийства героев Достоевского, описания которых вошли в его сочинения в урезанном виде или не вошли вовсе.

Мы уже печатали о том сообщении, которое мы слышали от почтенного старца Ефрона (крещеного еврея), сделавшего мне последнее уже на смертном одре. Он лично хорошо знал Достоевского и многих других литераторов и раскрыл мне интимную сторону некоторых описанных автором событий, в том числе и о причине злобы Смердякова против своего отца Федора Карамазова, чего автор не ввел в печать по дружескому совету К. П. Подедоносцева и М. Н. Каткова. Возможно, что они же отсоветывали Достоевскому печатать о посещении Ставрогиным Епископа Тихона, но уже, конечно, по другим побуждениям, для меня пока неизвестным, ибо в беседе покойного архиерея со Ставрогиным ничего, конечно, неприличного не было, что имело место в отношениях Феодора Карамазова со Смердяковым.

Все-таки тот факт, что эти драгоценные страницы романа появились в печати первоначально в немецком переводе должен заставить покраснеть издателей русских, отдавших в чужия руки такое драгоценное литературное достояние.

Впрочем такое постыдное явление далеко не единственное в истории нашей литературы, ведь и известная апология величайшего русского человека Патриарха Никона осталась ненапечатанной на русском языке, а появилась на английском языке в 6-томной истории Патриарха Никона, составленной английским богословом Пальмером.

Но возвращаемся к Достоевскому. Роковая участь его отрицательных героев, приговоривших себя к самоубийству, обуславливается в повестях Достоевского не только их ложными взглядами, но и тяжкими преступлениями, в которых они не хотели покаяться по своей гордости, таковы и Свидригайлов и Ставрогин, изнасиловавший двух малолетних и таким же оказался бы и Раскольников, тоже убийца, если бы его

не привела к покаянию Соня Мармаладова, тоже грешница, но каявшаяся в продолжении всей своей молодой жизни.

Такова схема жизненной драмы у героев Достоевского: или покаяние и возвращение к христианским началам, или ожесточение, неверие и самоубийство. Эта схема господствует в большинстве его творений и совершенно освобождает автора от обвинения его в том, будто у него было «розовое христианство», как писал неустановившийся до старости в своих убеждениях Константин Леонтьев, хотя и проводивший последние годы своей жизни в чине монашеском и отпетый мною в Троицко-Сергиевской лавре в начале 90 годов.

Кстати сказать совершенно непонятно, почему К. Н. Леонтьев привлек к себе внимание публицистов Парижской ИМКИ, вероятно, именно вследствие своей незаконченности и неопределенности, которою характеризуются названные современные «философы» разных возрастов и положений. Во всяком случае участь Леонтьева разрешилась гораздо более благоприятно и достойно, чем его почитателей.

Немногим судил Бог возникнуть от колебаний молодости и даже преступлений в ту высокую гармонию духа и в то искреннее общение с Церковью и русским народом, которого достиг Достоевский.

По его словам его духовное возрождение и нравственное общение с верующим народом началось на каторге в 60-ых годах 19-го столетия и завершилось еще задолго до его кончины, выразившись в своей совершенной форме в его «Дневнике Писателя».

7. Победа Христа над злом по Достоевскому³⁶.

Еще много, очень много можно писать и говорить о Достоевском, и хотя то, что до последних дней пишется о нем в самых разнообразных журналах по большей части также мало относится к делу, как например, известный трактат 18 века о пользе стекла, но это происходит по той причине, что в головах и сердцах рецензентов просто не хватает регулятивных понятий, определяющих значение нашего писателя и даже самое содержание его убеждений: но все же нельзя отрицать ни живого интереса большинства таких статей, ни той несомненной пользы, которая оказывает ознакомление с ними читателя.

Я прекрасно сознаю, что мои очерки не только не исчерпывают содержание этого великого ума и великаю духа, но оставляют нетронутыми еще огромного запаса идей, образов и, скажем прямо, откровений, разбросанных на его бессмертных страницах. Однако, держась принципа лучше что-нибудь чем ничего, мы взяли на выбор несколько особенно потребных для нашего общественного сознания уроков этого единственного человека, которому с полным правом можно отнести вдвойне, то приветствие, которое группой русских поэтов было направлено к личности покойного Жуковского:

**"Будь нам путеводной,
Будь вдохновительной звездой,
Дух целомудренно-свободный,
Умевший все соединить
В нерушимом полном строе
Все человеческое благое
И русским чувством подкрепить».**

Действительно, такого совмещения нравственного космополитизма и русского патриотизма наше общество стыдилось, и хотя оно далеко было от нигилизма, но, чтобы опознать свое духовное родство с чисто русской народной жизнью и народными верованиями, понадобились особенно потрясающие события, к которым нужно отнести во-первых Отечественную войну 1812 года, затем войну Балканскую 1877

года, а равно и поразившие нас в самое сердце народныя бедствия, как например, зверское убийство благодетеля нашего народа Императора Александра II, а равно и кончину самого Достоевского, последовавшую через полгода после Пушкинских торжеств в Москве и через год после кончины незабвеннаго Государя.

Многосторонни были откровения и открытия Ф. М. Достоевского. Колумб открыл Америку, а Достоевский открыл русскому обществу Господа Иисуса Христа, котораго раньше знало духовенство, простой народ и отдельные мыслители нашего общества.

Силу влияния христианских идей и Христова учения Достоевский наглядно показывал в совершенно объективно раскрытых им картинах русской жизни. В них он не уменьшает силу человеческого зла и его упорство в покорении своей воли Христу и Евангелию. Напротив, никто из писателей русских не мог так картинно и глубоко описать упорство, с которым горделивая душа человека долго борется против благодатнаго воздействия на нее Христа и его проповедников.

Наиболее сильныя картины подобной роковой борьбы вы найдете в его романах: «Бесы», «Преступление и Наказание», «Униженные и Оскорбленные», скажу прямо – во всех его произведениях почти без исключения.

Вот почему одни из его рецензентов и критиков (правда неискренние) так и застряли своим неглубоким умом на картинах этой борьбы и, закрывая глаза на то, что она кончается у Достоевского победой добра и веры (смерть Стефана Трофимовича в «Бесах») и разрешается либо в искреннем покаянии грешника, либо в его полном отчаянии и самоубийстве, если он не послушался призывающаго голоса Божьяго и сам на себя наложил руки. Такова печальная участь Свидригайлова, Ставрогина и других, о которых мы уже упоминали.

В таком двояком исходе нравственной борьбы в человеческом сердце Достоевский показал себя строго объективным мыслителем и писателем.

Конечно, он мог повести за собой доверившихся его авторитету читателей и довести всех своих типов до раскаяния и спасения душевного, как это было свойственно писателям 19 века сентиментального направления, но дорожа истиною, как самым драгоценным достоянием литературного гения, Достоевский не мог закрывать глаза на то, что среди его современников, да и вообще среди людей, несомненно есть погибающие на веки, как это ни грустно признать. Сюда относятся все случаи самоубийства его героев, так мастерски им описанные, что побудили одного из недалеких, хотя и с большими претензиями писавших критиков его, признать Достоевского в качестве – «жестокого таланта» вопреки другим его критикам, упрекавшим его за сентиментализм.

Еще другим преимуществом Достоевского пред прочими писателями психологами является то обстоятельство, что он рассматривает своих героев не только в определенный момент их жизни, их внутренней борьбы, но и в продолжении целых периодов последней до самой гробовой доски, и даже пытается в нескольких штрихах коснуться их посмертной участи, как например в фантастическом рассказе «Бобок», написанном под влиянием некоторых церковных преданий, а еще более – под влиянием анализа их душевного состояния перед смертью.

Чтобы оградить себя и свое перо от кощунственных насмешек, наш писатель вводит в этот рассказ фантазию – сатиру, но глубокий богословско-философский смысл его при всем том сохраняет свое непоколебимое значение.

Чтобы освоиться с богословскими убеждениями Ф. М. Достоевского, должно внимательно прочитать «Сон смешного человека», затем монолог Мармеладова в «Преступлении и Наказании», а в особенности предсмертную беседу старца Зосимы в «Братьях Карамазовых», которую я никогда не мог читать без слез; надеюсь и вы прослезились любезный читатель.

Итак, не закрывая своих глаз над печальной участью нераскаянных грешников, Достоевский везде и совершенно справедливо видит победу Христа над злом, либо в виде

окончательного раскаяния его врагов, либо в безутешной и бессильной гибели последних.

Более отрадное будущее наш автор предусматривает в жизни русского народа. Он постоянно подчеркивает ту особенность народной совести, что она всегда готова признать зло – злом, а добро – добром. Призвание же Божиих избранников в роде старца Зосимы, Алеши Карамазова и других заключается по Достоевскому в том, что они имеют силу и врожденную способность вызвать к жизни то таящееся в глубине человеческих сердец или бессильно борющееся в них **доброе начало**, которое, получив опору в сочувствии искреннего ближнего, быстро крепнет и вызывает своего носителя, хотя бы еще неустановившегося подростка, на активный бой за правду, за веру, за добродетель. Таково было влияние Алеши Карамазова на Колю Красоткина и к подобной же эволюции подводил наш автор и другого Колю в «Бесах» и, наконец, Подростка.

Касательно приближавшегося революционного переворота Достоевский не разделял того самоуверенного мнения большинства русского общества, которое по поводу всякого неудавшегося покушения на Высочайших особ горделиво насмехалось над затеями революционеров, признавая эти затеи бессильными угрозами, как лягушка на вола. Напротив, в «Бесах» он хотя и с презрением, но и с признанием опасности этих затей, заявляет, что, если даже революция будет иметь успех в России, то ее разрушительные действия не оставят глубокого следа на жизнь нашего государства и народа, но через несколько лет эти следы безрезультатно исчезнут, а жизнь народа, вразумленного горьким опытом, пойдет вновь по своему историческому руслу и русский народ, как исцеленный Евангельский бесноватый, усядется к ногам Спасителя оболченный и смыслящий и будет по примеру того исцеленного поведать всюду, как исцелил его Господь от беснования.

Первая часть пророчества Достоевского, как мы видели, исполнилась во всей силе: исполнится ли вторая – отрадная часть этого предсказания, на то надо ждать указания свыше.

Все это касается событий политических и вообще событий, а внутреннее вразумление народа нашего следует признать уже совершившимся. Теперь все поняли, что никакого освобождения революция народу не дала, а напротив подвергла его, еще недавно свободного и смелого, тягчайшему рабству своим же подонкам, отнимающим у него не только насущный хлеб и жилище, но и то, что всего ему дороже, т. е. св. веру и Православную Церковь. Будем надеяться, что народ наш вскоре разогнет богатырскую свою спину и покажет поработителям своим «суковатую дубину».

И чем глубже и всесторонне постарались большевики подавить в нашем народе все святое, тем сильнее он, как река, опрокинувшая запруду, сбросит с себя постыдное иго рабства и заживет широкою свободною жизнью, завещав своему младшему поколению не верить впредь лукавым обольстителям, а дорожить самому данною ему законностью и свободой.

8. Опровержение Достоевским возражений против Евангелия³⁷.

Пора спросить самого Достоевского, что он особенно ценит в своих произведениях, — какую идею и в частности философскую, он в них отмечает. Об этом мои более усердные читатели должны знать, но к сожалению на такой вопрос до последнего почти времени никто не брался отвечать. Да и я сам ответил на него как бы вскользь, в своей книжке о Достоевском (Словарь е. т. с.), подавленный огромным материалом идейного содержания его творений. Именно я упоминал о таких его словах, которые привожу теперь по памяти.

Мерзавцы упрекали меня за простонародную мужицкую веру, а того не понимают, что вера моя прошла через огонь таких возражений против нея, до которых не додумалась вся современная Европа. Первое возражение — сравнительно малая распространенность христианских истин, их сравнительная непопулярность, а также то обстоятельство, что сила общественная действует все по-прежнему эгоистическим мотивом, как бы игнорируя те разъяснения и указания, которые даны нам в учении Евангелия. Напротив учения политические и моральные направляются по прежнему языческому руслу, не желая считаться с Евангелием и вообще с учением Спасителя.

Вот это и составляет предмет первого возражения, высказанного Великим Инквизитором против Евангелия, возражения повторенного и опровергнутого нашим писателем.

Второе возражение — наличность в мире тяжких страданий и при том незаслуженных, страданий невинных младенцев.

Первое возражение составляет содержание «Бунта Ивана Карамазова», а второе, — его рассказа о смерти Ильюшечки и прочих повествований из жизни детей, из последних можно заключить, что так называемая детская невинность — вещь весьма условная, что злое начало вкрадывается в детскую душу вместе с пробуждением сознания, хотя на первых порах земной жизни добрых начал в детском сердце несравненно больше, чем злых.

А что касается сетований героев повестей Достоевского о слишком узком якобы влиянии Евангельских идей на общественную жизнь, т. е. о том, что христианство не удалось и остается достоянием только немногих нравственных героев, то здесь справедливо лишь указано на последнее обстоятельство: нравственных героев действитель на земле немного, но именно через них Евангельские идеи широко разливаются по поверхности человеческих сердец. Их немного этих героев, но куда бы они не появились, везде происходит религиозно-нравственное брожение, последствием которого является раскаяние одних, мучительная борьба в сердцах других и нравственная смерть, а то и прямое самоубийство третьих, нежелающих исправиться и немогущих оставаться носителями этой борьбы. Таковы типы Ставрогина, Смердякова, Кириллова и вообще всех немалочисленных самоубийц, выведенных на страницах повестей Достоевского. Последний прямо заявляет, что ответом на оба радикальных возражений против христианства служит весь его роман «Братья Карамазовы».

Критика не бралась кажется ни разу пояснить читателям, в чем заключается его опровержение обоих возражений против Евангельского учения, но мы категорически убеждены в том, что иного объяснения названных опровержений и быть не может. Кратко формулируя их, должно установить так – невинных страданий среди людей нет, а Христова вера и Евангельские идеалы всепобедительным потоком наполняют жизнь и преодолевают встречающиеся препятствия, но обыкновенно не непосредственно через своих первоначальных проповедников, а через их учеников и последователей.

Таковы были Алеша Карамазов, а впоследствии Коля Красоткин и еще раньше, и в высшей степени, старец Зосима (бывший прежде офицером), а косвенно многие другие герои Достоевского, не исключая женщин вроде Сони Мармеладовой, далее подруги Ставрогина и других. К числу их относятся менее отчетливо начертанные типы, например, мать главного героя «Подростка», а также светлые, хотя и недорисованные типы, «Бедных людей» и вообще второстепенных положительных героев и героинь, которые являлись главными симпатиями

автора, как проповедника, правда осторожного, но нередко возвращающегося к своей излюбленной идее христианского смиренномудрия. Кто лишен последнего, тот является не учителем, а мучителем своих друзей, как например, тот ростовщик, влюбленный в свою жертву, но своей гордостью доведший ее до самоубийства.

В этом смысл основного вопроса, который усвоен автором для всех поборников добра и правды: «взять ли силою или смиренною любовью»; надо отвечать: «возьму смиренною любовью».

Отсюда вывод общего характера – разницы между общественными добродетелями и добродетелями личными не существует, но усвоенная добродетель, даже независимо от решения ее носителя, вырывается из его внутреннего мира, как светлый светильник и привлекает к себе окружающих, как сказал Господь об отшельнике Иоанне Крестителе: «Он был светильник горящий и светящий, а вы хотели малое время порадоваться при свете его» (Иоан. 5, 35).

Заметим кстати, что слова эти были сказаны о суровом отшельнике, обличителе, которого популярность была, однако, так сильна, что авторизовала другого высшего учителя Иисуса Христа, неоднократно ссылавшагося на указание Своего Предтечи.

Искренние почитателя Достоевского должны были бы прежде всего узнать, какая заслуга перед человечеством он сам себе приписывает, но в их многочисленных изданиях сочинений нашего автора и в их статьях о нем, нам не удалось найти даже намеченной задачу разгадки его идеалов: последние просто обходились и разбор их заменялся обсуждением вопросов весьма второстепенных, а расписаться в своей неспособности проникнуть в глубину помянутых идеалов, о! для этого у наших публицистов и критиков не хватало – ни глубокомыслия, ни честности.

Вообще, если Достоевский на Пушкинском юбилее справедливо закончил свою вдохновенную речь словами, что Пушкин оставил нам после своей смерти загадку о значении

своего творчества, – то Достоевский таких загадок оставил нам по несколько в каждой своей повести.

Искренние читатели его произведений усваивали себе хотя некоторую часть его идеалов и даже проникались его энтузиазмом, но выразить причины своих восторгов они не умели главным образом по двум причинам. Во-первых самая речь светских людей так бедна терминами, определяющими духовную жизнь человека, что обычный читатель, хотя и чувствует высоту и трогательный характер авторских идей, но чтобы повторить их, не находит соответствующих выражений. Другая причина того, что главные принципы великого писателя остаются невыясненными, заключаются в антипатичности их для поверхностных и шаблонных мыслителей, которые чувствуют себя неудовлетворенными пока не обнаружат пресловутаго «оппозиционного элемента» в своем творении. Нам известно, что многие редакторы наиболее распространенных журналов и газет отказывались иногда печатать прекрасные по их же отзыву произведения пера только потому, что не находили в них «оппозиционного элемента».

9. Отношение Достоевского к детям и женщинам³⁸.

Свою любовь к ближним вообще и к русскому народу в особенности Достоевский изливал прежде всего на русское юношество, начиная с маленьких детей и кончая взрослыми молодыми людьми.

Вторая персона его главной повести «Братья Карамазовы» был 13–14-летний мальчик Коля Красоткин, души которого успела уже коснуться преступная рука озлобленного нигилиста и завистника Ракитина.

По своей детской доверчивости Коля повторял его фразы атеистического характера, но высоко ценя нравственное начало жизни и русскую правдивость, этот мальчик не дал скверному нигилисту вросли в свою душу, но как натура богато-одаренная, он носил в своем сердце зачатки высоких идеалов, ненавидел ложь и притворство, заступался за страдальцев и вообще за правду, и хотя он мог бы совсем пропасть, если бы не встретился с Алешой Карамазовым, но привязавшись к последнему всей силой своей молодой души, он начал быстро и глубоко усваивать его убеждения и, по-видимому, даже отказался от всех догматов нигилизма.

Кроме того, этот живой и подвижной, как ртуть, юный подросток, являвший собою пример необыкновенно раннего развития, был исполнен непосредственного глубокого сострадания ко всем обиженным людям и даже к домашней собачке.

Подобные черты Достоевский указывал и в «Подростке» и в несколько напоминавшем такой тип мальчике Иволгине, а в ранних его повестях – в «Маленьком Герое», а равно и в товарищах умиравшего Ильюши, которых он всех объединил в комнатке последнего, сперва живого а потом умершего.

Вообще в изображении детей и подростков Достоевский превосходил самого себя в живости изложения и в поразительном реализме бытовых картин детской жизни.

Кто любит детей и юношей, тот никогда не забудет таких страниц его последнего романа, как те, в которых описана

смерть и погребение Ильюшечки и знаменитая «Речь у камня» Алеши Карамазова.

Наш автор так любил эту зеленую молодежь, быть может главным образом потому, что в ее лице более сохранился чисто русский характер и русские убеждения, чем в людях зрелых и пожилых.

Он выражался прямо: «я на молодежь нашу надеюсь», т. е. как на будущее возрождение русского общества; в ней неистребимое стремление к правде жизни, хотя иногда оно же и повергает более нетерпеливые натуры в дебри нигилизма и революции.

В «Дневнике Писателя» Достоевский прямо выражается так: «если читатель вас подчас охватывает какое-либо сладкое воспоминание о пережитых высоких моментах молодой жизни, то я вас горячо поздравляю».

Алеша Карамазов в своей «Речи у камня» увещевает своих молоденьких слушателей вспоминать часы, проведенные у болезненного одра, а затем у гроба Ильюшечки и говорит так:

«Если кому-либо из вас суждено развратиться душою и низко пасть в безнравственность, то такие воспоминания, которые связаны, с последними днями и с погребением нашего друга, могут поднять из самой глубокой нравственной пропасти всякого человека».

Гоголь, которого по замечанию известного философа Страхова, Достоевский дополнял и исправлял, тоже черкнул однажды эту же мысль: глубоко павший скупец Плюшкин, когда случайно вспомнил о своем школьном товарище, то его черствая душа моментально согрелась мягким светом и в голосе появился оттенок даже некоторой нежности.

Вот почему нам думается, что перечитывать детские рассказы и вообще повести о детях должно предлагать не этим последним, а напротив людям совершенно зрелым, пожилым и даже престарелым.

Во всяком случае те недалекие и неискренние люди, которые называли Достоевского жестоким талантом и меланхоликом, должны устыдиться такой бессмысленной клеветы и, прочитав хотя бы эти главы «Братьев Карамазовых»,

признать, что Достоевский, пережив столько страданий и проживший 4 года в обществе каторжников, сохранил нежную душу и остался неизменным оптимистом.

Так наш автор сам сознается, что свою первую повесть «Бедные люди» он писал «с восторгом и со слезами», а его глубоко-сочувственное отношение ко всем типам, податливым на благородное волнение, показывает, что такое же отношение к жизни ближних было свойственно ему и в дальнейшие годы и до самой смерти.

Чтобы закончить очерк об отношении Достоевского к детям, заглянем еще раз в один из более ранних его романов «Идиот».

Мы видели, что симпатичный характер русских детей Достоевский представляет как черту национальную, которая сохраняется в молодом возрасте отчетливее, чем в пожилом.

Но в отношении к детям Достоевский готов находить те же свойства и в иностранцах, особенно когда они войдут в соприкосновение хотя бы с одним русским человеком.

Такое соприкосновение испытали швейцарские дети, познакомившись с «Идиотом», под влиянием которого они совершенно изменились и из самолюбивых эгоистов обратились в добрых христиан с нежным сердцем.

Здесь уместно будет заметить, что патриотизм Достоевского, его восторженное поклонение всему русскому не только не суживали его симпатий и не удаляли последних от иностранцев, но наш автор не только не лишал своего сочувствия иностранцев и иноверцев, но умел привлечь таковое к самым типичным, например, немцам и притом не только в области чисто моральной, но и религиозной.

Таково его описание судебного доклада немецкого доктора Герценштубе о Димитрии Карамазове, который десятки лет помнил и с любовью повторял свой рассказ о том, как этот с виду глубоко разращенный человек растрогал его старческое сердце, неожиданно возвратив ему подаренный им Димитрию мешечек с орехами и со словами – Gott der Vater, Gott der Sohn, Gott der Heilige Geist.

Вообще Достоевский объединил в этом типе все черты характера благочестиваго лютеранина и типичнаго немца.

Даже в чисто отрицательном типе смешного, ходульного полячка автор нашел симпатичную черту и в его горячем патриотизме.

Несколько затруднительно мне писать об авторе, как о почитателе русской женщины, хотя несомненно, что и об этом предмете Достоевский открыл высокоценные страницы для читателей. Именно он начертал громадную силу женского сердца и его способность к безкорыстной самоотверженной любви супруги и матери, и что особенно ценно, – любви совершенно отрешенной от романтического начала и направленной к опекаемой ею родственнице или просто подруге.

Только когда эта совершенно безкорыстная и сверхприродная любовь сталкивается с любовью чисто женскою, тут возникает мучительная борьба, а иногда и проявление черствости и даже жестокости.

Несколько омрачающим значение этой любви является то обстоятельство, что женщины нередко живут воображением и принимают любить или даже обожать не действительный характер своего возлюбленного, но того воображаемого героя, которого они создали в своей фантазии.

Такова любовь Аглаи в «Идиоте», Грушеньки в «Братьях Карамазовых», неудавшейся невесты Ставрогина в «Бесах» и невесты князя Алеши в «Униженных и Оскорбленных». Это столкновение симпатий бывает для женщины источником тяжких мук, наполняющих горькою чашею иногда всю их жизнь.

Во всяком случае привязанность женского сердца и глубже и постояннее, чем у мужчин, почему и обрекает первых на тяжкие и продолжительные страдания то ревности, то сострадания порокам и падениям любимого человека.

Особенно замечательна в этом отношении привязанность Сони Мармеладовой к Раскольникову, долго и постепенно, но неуклонно смягчавшей и, наконец, растопившей его ледяное сердце.

10. Пушкинская речь Достоевского³⁹.

Особенную злобу критики возбуждало уважение Достоевского к монастырям и монашеству, а его заявление, высказанное устами старца Зосимы о том, что из монастыря выйдет спасение России, приводило их прямо в бешенство. Напротив, самое неприкрытое издевательство над Россией вызывало в либеральной публики дикий восторг и доставляло ругателям отечества бурные овации. Вспомните лекцию одного полупомешанного оратора в «Бесах», который, упомянув о новых сравнительно гуманных порядках в современной ему русской жизни, высоко поднял кулак над головой и, покрутив им в воздухе, заключил свою нелепую речь такими словами: «но никогда Россия не доходила до такого безумного позорного положения, в коем она находится в настоящее время». –

«Зала завывала от восторга, продолжает автор, ибо что может быть отраднее слышать для русского интеллигента, как не подобныя слова, которыми топталось в грязь его отечество». Оратора на руках вынесли из залы, но он продолжал выкрикивать подобныя же ругательства при неумолкавших аплодисментах публики. А все это происходило в 60-ых годах 19-го века, каковая эпоха считается в либеральных кругах временем высокого подъема русской мысли и благородных чувств.

Перейти ли нам к лебединой песни Феодора Михайловича Достоевского, т. е. к его Пушкинской речи и последовавшему за нею номеру «Дневника Писателя», которым и закончилось его литературное творчество.

О Пушкине писали давно и много. Его единодушно восхваляли, как поэта национального, великолепного стилиста (таково выражение о Пушкине отвратительного критика Писарева) и даже (впрочем сравнительно редко) как русского патриота, но Достоевский обнаружил в нем нечто гораздо большее и прямо потрясающее, нечто такое, что ярким светом освещает через Пушкина дальнейший путь русской мысли и жизни в их устремлении к совершенству.

Достоевский указывает на то, что гений Пушкина был столько же национальным, сколько и всемирным. Он, едва ли не он один, умел так перевоплощаться в души своих героев, что в них сказывались для читателя все национальные черты последних, и в то время, когда все герои Шекспира, Шиллера и др. гениальных писателей представляются читателю, как переодетые англичане, итальянцы или турки. На страницах повестей Пушкина они являются характерными выразителями своих собственных народных черт. Особенно характерно в этом отношении, прибавим от себя, изображение Пушкиным в «Борисе Годунове» немцев, поляков и французов, заставляющее читателя как бы перед собственными глазами видеть целую разнообразную толпу, собранную Самозванцем.

Описатель Пушкинского гения, т. е. Достоевский, справедливо утверждает, что в этом умении перевоплощаться в дух и быт любой национальности Пушкин обнаружил в себе чисто русское национальное свойство, по которому русский человек, оставаясь пламенным патриотом, умеющим талантливо уловить характерные свойства всякого чужестранца, не только не становится чужд последнему по своей душе, но напротив умеет всегда оттенить все то, что заслуживает сочувствия в любом иностранце и инородце, не исключая евреев, татар и цыган. Поэма с заглавием «Цыгане» известна всем, но у Пушкина имеется и менее известная картина благочестивой жизни верующего иудейского семейства, сидящего над Библией.

Отсюда выражение Достоевского о Пушкине, как о всечеловеке, к удивлению моему больше всех разсердившее тех, которые бы должны ценить эту всечеловеческую симпатию нашего писателя выше чем прочие народы, т. е. евреев. Между тем мои товарищи по гимназии из евреев более всех негодовали на Пушкинскую речь автора и заявляли, что понятие «всечеловек» также мало осмысленно, как сказать «всезаяц» и т. п.

А какое впечатление произвела эта речь на русских слушателей? Лично я ее не слышал, но хорошо помню, что целые номера «Новаго Времени», тогда еще

неопределившегося окончательно, как газеты патриотической, от первой до последней страницы были наполнены прославлением нашего автора, при чем заявлялось, что Достоевский является божественным пророком русскато христианства и русского разумного патриотизма. Там же сообщалось, что непосредственные слушатели этой речи бросались друг другу в объятия и целовались, как во дни Св. Пасхи; враги торжественно мирились друг с другом и открыто заявили Феодору Михайловичу, что его Пушкинская речь открыла им новый мир, в котором уже нет места их многолетней вражды друг против друга.

Однако, это временное просветление русских голов и сердец не осталось без временной реакции. Следующия же книжки месячных толстых журналов и отрицательные типы профессоров, вроде А. Градовского, не постыдились обливаться помоями того, перед кем за две недели раньше чуть не становились на колени.

Только почтенный, хотя и западнического направления, публицист Евгений Марков, не отрекаясь от своих прежних убеждений, пытался в длинной статье (если не ошибаюсь) «Русского Вестника» написать не опровержение, а некоторые разъяснения смущавших его мыслей и предъявил читающему миру обстоятельное изложение того, какова должно быть безпристрастная критика. Его достойнейший сын Николай Евгеньевич стал непоколебимо на почву правдивости и искренности в писательском деле.

11. Нравственное возрождение русского общества⁴⁰

(Статья владыки Антония по случаю 50-летия со дня кончины Ф. М. Достоевского (28 января 1881 – 28 января 1931 г.г.)

«Вознесите лето, пятидесятое лето» (Лев. 25). – Итак, единственно законный юбилей – число 50, а все тридцатипятилетние, сороколетние и т. п. юбилеи – незаконные и являются плодом человеческого тщеславия. Вот почему прежний Синод Российский давал разрешения архиереям и иереям праздновать только 50-ти летний юбилей своей службы. Мы же теперь предполагаем отметить 50-ти летний юбилей от кончины Ф. М. Достоевского, последовавшей 28 января 1881 года.

Скажут: это едва ли согласно с установлениям Св. Библии: под юбилеем разумеют 50-летие какого-либо радостного события, а не смерти. Смерть же не имеет юбилеев; тем более, что кончину Достоевского горько оплакивала Северная столица, да и вся Русь 50 лет тому назад. Да, оплакивала, но тут же она убеждалась, что эти траурные дни являются воскресением новой жизни русского общества, его духовным возрождением. Здесь мы не будем воспроизводить явлений, точнее говоря событий, сопровождавших дни его кончины и погребения. События эти, впрочем, начались еще раньше смерти великого писателя, великого человека, а их кульминационное проявление имело место более чем за полгода до его кончины на торжественных поминках Пушкина, по случаю освящения его памятника в Москве летом 1880 года. Тогда Достоевский выступил с такой гениальной, патриотической и миссионерской речью, которая потрясла сердца не только его слушателей, но и читателей по всей России. Не будем повторять описания тех впечатлений, которые производились на слушателей всякими выступлениями Достоевского за последние три-четыре года его жизни, – самая бурная театральная овация примадоннам итальянских опер и русской драмы ничто сравнительно с тем, как русское общество встречало и провожало Ф. М.

Достоевского, когда он показывался на ораторской трибуне, даже просто в положении декламатора стихотворений Пушкина, Ал. Толстого и других.

Но весь этот энтузиазм собрался вместе и вылился в необыкновенную, единственную за последнее столетие картину при его погребении, о чем мы не будем распространяться теперь, ибо неоднократно говорили и писали о сем раньше. Приведем только слова одного русского публициста об эпохе, последовавшей за его смертью: «Всем казалось, что Россия вступила в новую эру христианского возрождения и что впредь уже не будет нигилистов, – и Базаровых, и Ракитиных, – а если будут, то останутся одинокими».

Конечно, так и должно было бы быть и преступное убийство добрейшего Государя Александра II не ослабило, а усилило это нарастание, точно усилило преданность народа русскому Царскому Престолу, а дерзкая, но искренняя выходка тогда еще не падшаго Вл. С. Соловьева на литературном вечере, через три четыре недели после Цареубийства, не нарушила тоже общего настроения. Именно Соловьев требовал во имя христианства, чтобы к преступникам не была применена смертная казнь. В зале поднялся шум и оратор прекратил свою реч кратким и сбивчивым объяснением о том, что он не требовал амнистии, а только неприменения смертной казни, которая, конечно, состоялась, при сочувствии огромных толп зрителей. Нужно добавить, что тогда Соловьев был под обаянием личности и учения Достоевского, о чем свидетельствуют его прекрасные «Три речи в память Достоевского», сказанные и отпечатанные около того же времени в Петрограде (1881–1883 гг.).

Да, то были идеальные годы, когда высшие принципы славянофильства готовы были овладеть умом и сердцем общества. Началось все это с героической войны 1877 года, даже несколько ранее, с возстания христиан в Херцеговине и Боснии, к которому примкнула значительная часть русского юношества в качестве добровольцев под управлением генерала Черняева (с 1876 г.). Тогда же начались ораторские выступления Достоевского и издание им «Дневника писателя» приобрело

шумную известность и общия симпатии, не взирая на нападки его врагов и яко бы серьезной критики, каковы, например, отвратительныя статьи Михайловскаго, этого литературнаго ничтожества, под заглавием «Жестокий талант». Но, как мы упомянули, те явления начавшейся славы Достоевскаго были ея предтечей, а явление миру его гения, его победы над сердцами и умами русских людей совершились на Пушкинском торжестве в Москве и в дни погребения его тела в Петрограде 1 февраля 1881 года.

Итак, не юбилей смерти того великаго человека, а юбилей нравственнаго возрождения русскаго общества празднуем мы на этих днях. Увы, все это было, но надолго ли? Приходится припоминать читанное в Второзаконии. Вот умирающий Моисей передает старейшинам и всему народу иудейскому свое предсмертное завещание, а народ в духовном восторге обещает ему вечное послушание Божиему Закону, но Моисей все-таки сказал им: «Я знаю, что по смерти моей вы развратитесь и уклонитесь от пути и впоследствии времени постигнут вас бедствия за то, что вы будете делать зло перед очами Бога, раздражая Его делами рук своих». (Второзаконие 31, 29).

Вот то самое произошло с совестью народа русскаго, православнаго. Пятьдесят лет тому назад он в лице своих передовых слоев был предан воле Божией, был предан Христу, а нигилисты, социалисты, сектанты и революционеры казалось совершенно освободились от еврейскаго влияния и православный философ Ф. М. Достоевский был поставлен во главу угла русской мысли и русской жизни, и так длилось лет десять, и только, а потом опять потянул гнилой смрад нигилизма, и второй авторитет русской мысли, уже обратившийся в зрелаго летами мужа, но потопивший в вине свой разум и совесть, В. С. Соловьев, громче других стал говорить и писать «развращенная» кощунственныя статьи и едва ли не кончил тем, что перешел в латинскую ересь (1891 г.). Об этом пагубном переломе в его душе я писал в «Царском Вестнике» под заглавием: «Ранняя знаменитость». Прошло еще десять лет и появился ядовитый бурьян первой революции 1905

года, принятый к исполнению в одном заграничном собрании революционеров в 1899 году. Что было дальше – это все знают, – дай Бог, чтобы какой-либо пророк предсказал нам вторичное возстановление, после нынешняго юбилея Достоевского.

Приходилось нам говорить, что наши газетные моськи печатно лгали на великаго писателя при его жизни, а замолчали только после его смерти, точнее после его Пушкинской речи, да и то покойный сетовал на такое непостоянство русской публики: превозносили-де выше небес, а спустя малое время опять залаляли. Впрочем, после его погребения, соединеннаго с таким триумфом, и те замолчали и теперь осталась только одна, продолжающая лаять и теперь, напоминающая Крыловскую поговорку. Впрочем, более, чем погребальный триумф наших мосек удержал... пример иностранцев, в частности немцев, по подражанию коим русские публицисты стали восхищаться Московским Собором Василия Блаженнаго, также геометром Лобачевским, чего раньше не делали, а только прочитав отзывы об этих двух совершенно разрозненных предметах в немецких книжках. И вот теперь никто иной, как те же немцы окончательно объединили русских в благоговейном почитании к личности и к литературному гению Достоевскаго, котораго восхваляют и усердно читают и французы, и итальянцы, и славяне всех времен, и даже восточныя народности. Немцы же сделали нечто большее: они розыскали, купили за большия деньги, перевели на немецкий язык и отпечатали (в 17 томах) все оставшияся в рукописях творения Достоевскаго, так что его вариант на «Бесов», «Братьев Карамазовых» читаем по-немецки. При сем должен оговориться, что сравнительно с другими читателями я удостоен особаго счастья – получить объяснение происхождения этих вариантов от близкаго человека покойному писателю и вообще литературному миру. Это крещеный еврей Эфрон, один из издателей энциклопедии «Эфрон и Брокгауз», старый иудей, почти умиравший во время нашего знакомства, потом умерший в сербском монастыре Петковица. Он был друг и сотрудник Гилярова-Платонова и близкий знакомый К. П. Победоносцева, Т. И. Филиппова, М. Н. Каткова и других.

Вскользь я уже упоминал о том, на каком-то своем чтении, что в «Братьях Карамазовых» остается не совсем понятным, почему Смердяков убил своего незаконного отца Ф. П. Карамазова, который держал его при себе лакеем. Если читать этот роман без пояснений, то дело представляется так – будто Смердякова к преступлению отцеубийства побудили отвлеченные разсуждения о том, что внушал ему атеист Иван Федорович: «все дозволено и преступления нет». Этого мало, согласитесь, чтобы решиться на уголовное злодеяние с опасностью быть обличенным на суде. Эфрон объяснил мне, что Смердяков имел достаточную причину, чтобы ненавидеть Карамазова, ибо подвергся от него содомскому изнасилованию и хотел отомстить, – тогда все становится ясным и художественная правда повести сохраняется во всей силе. Это пояснение, насколько мне известно, не вошло в состав печатных вариантов у Достоевского, но передававший мне его, Эфрон, рассказывал, что выпустить из своих рукописей эту подробность упростили автора Победоносцев и Катков. Они же еще раньше повлияли на Достоевского, чтобы он не ввел в свой роман «Бесы» обеих бесед Ставрогина с заштатным епископом Тихоном (несомненно, Тихоном Задонским), коего беседы уместны только в духовных книгах, а не в светских, а равно и признания Ставрогина об обезличении и изнасиловании им девятилетней девочки, которая после этого повесилась. Вот эти-то признания не попали в печатный вариант романа и без них остается для читателя непонятным надменный загадочный характер Ставрогина, этого преступного типа по преимуществу. На этом его преступлении, как и на Смердяковском отцеубийстве, сказалась пагубная последовательность безбожному правилу: «Все дозволено», каковое автор считает убеждением всякого последовательного атеиста. Наши большевики своими безчеловечными жестокостями показали тому многочисленные примеры, в качестве последовательных атеистов. А ведь когда я еще был мальчиком, сколько раз мне приходилось слышать от старших меня молодых людей: «я могу совершенно не верить в Бога и быть честным и порядочным человеком». Таков начинал быть Тургеневский Базаров, но

догадался умереть в молодости, – таков был, вернее, таков стал бы Верховенский-отец, тоже умерший в день своего прозрения, но не таков был Верховенский-сын, более последовательный отрицательным убеждениям, но поэтому же совершенно безсовестный.

Вообще убеждение в том, что религия есть единственная и ничем незаменимая основа для честной жизни, вот одно из главных положений нашего великого писателя.

В дополнение к своей статье о Достоевском, считаю долгом благодарного чувства добавить еще несколько о упомянутом писателе, крещенном иудее Эфроне. Именно он был, хотя и верующий христианин, но последовательный христианин из евреев, – таковых я высоко уважаю и страшно негодую, когда после крещения новообращенным ставят в вину их происхождение. Я был глубоко опечален, когда однажды, в силу только что изданного неразумного закона, уже окрещенному иудею, студенту Г. отказали в праве поступить в военное училище, хотя он окончил курс гимназии первым учеником с золотой медалью, чем и озлобили его и из русского патриота сделали революционера. Впрочем, возвратимся к Эфрону. Этот почтенный старец искренне признавал все догматы нашей Христовой веры, но всегда хранил в своей душе следующие слова Апостола Павла: «Великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих родных мне по плоти (т. е. израильтян), которым принадлежит усыновление, и слава, и заветы, и законоположения, и богослужения, и обетование: их и отцы, и от них Христос по плоти, сущий над всеми Бог, благословенный во веки» (Рим. 9, 3–5). Это писал тот Павел, которого иудеи гнали всю жизнь и довели его до обезглавления, что он и предвидел (2 Тит. 4, 6). Многие наши глупые современники утверждают, будто Ветхий Завет вовсе не Боговдохновенная книга, а некоторые дошли до такого безумия, что говорят, будто Господь (Иегова) Ветхаго Завета есть сам диавол и тем наводят хулу и на Господа Иисуса Христа и святых Апостолов, которые говорили, что «все Писание боговдохновенно и полезно для научения, для обличения, для

исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек ко всякому доброму делу приготовлен». (2 Тит. 3–17).

12. Общественный подъем в России и погребение Достоевского⁴¹.

Гоголевский волостной старшина, о чем бы не рассказывал, всегда сводил свою речь на повествование о том, как он возил однажды Императрицу Екатерину. В моих жизненных воспоминаниях подобное отчасти место занимают воспоминания о годах с 1876 по 1883-ий, когда мыслящее русское общество, и особенно русское юношество, было увлечено возманием Балканских Славян против Турок, затем войной русских с турками, далее трагическою кончиною Государя Александра II и, наконец, воспоминанием о том же Достоевском наших наиболее видных литераторов и профессоров.

Эти воспоминания о нем, а дальше об исторических событиях в нашем отечестве, приводили меня, неопустительно посещавшаго литературныя собрания в столице, в восторженное состояние, начиная с 14-го л. возраста моей жизни, впрочем с тою разницею против Гоголевскаго волостного старшины, что у последняго эти воспоминания были, по-видимому, единственно ценными в его жизни, а моя ранняя юность была чрезвычайно богата ценными впечатлениями, при чем воспоминания из литературнаго мира оставались в моей душе далеко не на первом плане, уступая свое место воспоминаниям церковно-богослужебным, школьным, деревенским и т. д., и если я теперь так сравнительно много времени посвящаю первым, то главным образом, – уступая желаніям своих друзей, интересующихся исторіею новейшей русской литературы и столичной Петербургской жизнью. Эта жизнь, говоря без преувеличений, в указанный семилетний период ничем так не интересовалась, особенно в среде школьной и литературной, как теми событиями, о которых мы упоминали выше. Пусть читатели не удивляются безсвязности настоящих сообщений; пишу о том, что меня самого интересовало, а не научно исторический трактат, а потому позволяю себе перейти к описанию моих знакомств с

некоторыми личностями, особенно ярко впечатлевшими себя на картинах общественности *той* эпохи. Но прежде нужно отметить тот несомненный подъем серьезности, патриотизма и религиозности, который имел место в указанные годы русской жизни.

Подъем этот обнаружился прежде всего (не по времени, а по своему общественному значению) в жизни Высочайшего двора и сказался в взаимном сближении различных слоев общества между собою, чему благой пример дал молодой тогда Царь Александр III. Впрочем не помню, он ли или еще покойный Государь Александр II, не в пример прочим, определил пенсию «вне правил» семье Достоевского по 2 т. рублей в год, что было встречено русским обществом с таким восторгом, что хулиганские выходки оппозиции не могли ни на минуту ослабить последнего, а выходки эти выражались в бессильной попытке подменить народное настроение такими, например, неудачными способами.

Когда центральные улицы Петербурга бывали покрыты в продолжении трех дней – дней смерти и погребения Достоевского огромной толпой движущагося народа между Кузнечным переулком и Александро-Невской Лаврой, где и был погребен наш писатель, то на вопрос публики: «кого же это хоронят», некоторые разставленные на перекрестках хулиганы, (впрочем тогда такого слова еще не было) отвечали с вызывающей резкостью: «бывшаго каторжника»; однако, проходившие участники процессии благодушно отмахивались рукой и отвечали: да, покойник был и на каторге, а перед смертью удостоился нарочитой Царской пенсии и в надгробных панихидах по нем участвовало несколько великих князей, а митрополит Исидор и братия Лавры отвели безвозмездно на Невском кладбище место для его могилы, расценивавшееся в 2 т. рублей.

Кстати о митрополите Исидоре. Этот старец на 9-м десятке лет своей жизни, вдруг обнаружил небывалую прежде участливость к событию.

Совершенно чуждаясь каких бы то ни было отношений к обществу и тем паче к так называемой светской литературе,

никогда не покидая своих роскошных покоев в Невской Лавре, кроме выездов в Синод или в церкви на богослужения, – он накануне погребения Достоевского, которого тело лежало уже в гробу, в Духовской церкви Св. Лавры, вдруг появился в шубе и в белом клобуке у дверей названной церкви поздно вечером, но не мог войти в нее, припертою изнутри толпою народа, переполнившего храм, да так бы и не вошел, если бы не догадался обойти двором смежную Благовещенскую церковь Лавры и взобраться, несмотря на свои преклонные годы (ему было тогда 82 г.) в ее верхний этаж, выходивший окнами в Духовскую церковь, где стоял гроб, пред которым люди всех возрастов и сословий, а преимущественно студенты, вслух читали Псалтирь над покойником, сопровождая чтение многочисленными поклонами, к немалому удивлению маститаго старца, который после погребения Достоевского выражал свое сочувственное удивление о происшедшем вдове и маленькой дочери писателя; эта самая дочь – Людмила внесла это краткое повествование в свой печатный некролог о почившем.

Когда наступил девятый, потом двадцатый, сороковой, полугодовой и годовой день после его смерти, церковь Св. Духа вновь и вновь наполнялась толпой народа и потому говоривший слово о почившем протоиерей Янышев пред панихидой в Казанском соборе, заказанной обществом литераторов, имел полное право сказать, что погребение Достоевского, собравшее к его гробу почти весь Петербург, было похоже не столько на траурную процессию, сколько на шествие триумфатора. Явление это особенно замечательно потому, что такой «триумф» устроился совершенно неожиданно для всех и безыскусственно, ибо раньше того Петербург, да и вся Россия ничего подобного не устраивали, но самое погребение Достоевского явилось примером и поводом таких чрезвычайных печальных торжеств, которые постепенно становились привычными для русского общества.

Исключительное значение Достоевского для русских людей, да и для всей Европейской интеллигенции, сказывается еще в том, что в то время, как прочих знаменитостей постепенно забывают после их смерти, – но интерес к творениям

Достоевского после его смерти все возрастает до настоящих дней, и при том не только в русском обществе, но и за границей. Едва ли не более десяти изданий его творений вышло в протестантской Германии, стране совершенно нецерковной и казалось бы по своему Лютеранскому вероисповеданию, отрицающему всякий аскетизм, едва ли могушей иметь тесное отношение к идеям Достоевского. Кроме того его творения переведены на все европейские языки и на разных языках выдержали уже несколько изданий.

В заключение скажем, что уже давно не принято в обществе как бы то ни было унижать или обезценивать талант нашего писателя, каковой участи удостоился только Пушкин, и то в значительной степени благодаря прославлению его Достоевским.

13. О старцах по Достоевскому.

Достоевский ознакомил русскую читающую публику с тем, что такое монастырское старчество и старцы, о которых он пишет, уже не обинуясь, краткий, но обстоятельный доклад.

Старчество, так пишет он, современно по своему происхождению с восточным православным монашеством, но в России оно появилось только около 100 лет тому назад, хотя еще раньше в чин пострижения помещалась особенная краткая молитва на вручение новопостриженного брата старцу, к которому настоятель обращается с такими словами: «се вручаю тебе пред Богом сего новоначального, его же во страхе Божии и во всех добродетелях жити поучай, блудый опасно да не нерадения ради твоего, погибнет душа его: имати бо ответ дати Богу о нем в день судный», новопостриженному же настоятель говорит так: «ты же, яко Христове во всем повинуйся старцу и во всем терпелив буди, смирен же, послушлив, кроток и молчалив и обрящеши благодать перед Богом и спасешися».

В большинстве монастырей эти слова остаются только словами и отношения новоначального монаха к старцу становятся такими же, почти формальными, как и отношения крестника к крестному отцу.

Однако, знаем мы все и те монастыри, в которых это **вручение старцу** имеет полную силу и новоначальный монах, даже послушник, принимает их буквально и почитает над собой власть старца выше всякой власти, согласно преданию древних обителей, дающему примеры такого безусловного послушания старцу, что всякое его слово выполняется учеником без всякого сомнения и колебания. Предание говорит, например, что один старец повелел своему ученику взять и принести к нему некую вещь, брошенную в море. Тот, не усумнившись пошел прямо в воду и она не поглотила его и превратилась как бы в стеклянный пол и послушливый ученик, проходя по воде, как по суху, исполнил данное ему поручение в точности.

В России дух старчества возстановлен был в некоторых монастырях в царствование Екатерины II, когда монашество

гнали и преследовали.

В то время явится один гениальный старец игумен Паисий Величковский, принужденный несколько раз переменить монастыри, в которых он спасался, пока не водворился в Румынии в Новонямецкой Лавре, где он и скончался в начале 19 века.

Он воспитал целую группу своих учеников и единомышленников, которые эти правила старчества, т. е. безусловного послушания старцу, наряду с обязательным изучением Святоотеческих творений и Священного Писания преподавали своим ученикам; а эти, по мере ослабления гонений на монастыри и монашество, передали помянутые правила и самый дух монашества через своих учеников в некоторые русские монастыри, до того времени с трудом влачившие свое существование, а после благодетельного влияния этих, так называемых молдавских старцев (хотя они были русские люди), процветшие теперь обилием братства, как духовным, так и хозяйственным.

К помянутым монастырям, возродившим русское монашество, должно причислить следующие, – безусловно лучшие русские обители: Саровскую пустынь (Тамбовской губернии), Валаам, Глинскую пустынь, (Курской губернии), Белобережскую пустынь (Орловской губернии), Св. Горы (Харьковской губернии), а впереди всех Оптину пустынь (Калужской губернии) и некоторые другие обители, из коих одни были преобразованы по неписанному уставу Паисия Величковского во всем своем быту, а другие прославились одним или несколькими подвижниками того же духа и подвига, но не распространили последнего на все устройство монастыря. Перечислять мы их не будем, ибо современные читатели потеряли из своей памяти эти второго рода монастыри и из нашего очерка усвоят себе только ряд имен.

Конечно, Карамазовский старец Зосима имел в виду именно эти, духовно возрожденные монастыри, возродившие самое монашество для России, когда говорил, что из монастыря выйдет спасение Русской земли. Замечательно, что не знаменитые обители, прославленные находившимися в них

святынями, – чудотворными иконами и нетленными мощами угодников, а убогия и сперва мало людныя, на ладан дышавшия и мало известныя обители были призваны Промыслом Божиим к духовному и внешнему возрождению русского монашества.

Впрочем Божий Промысел обычно направляет свою десницу так, что спасение Его получается оттуда, где люди его не ожидали. Так родиною предков Христа Спасителя явился скромный малый Вифлеем, а в самом Вифлееме прославился младший сын Иессея, пастушек Давид, о котором отец его вспомнил только по настоянию пришедшего к нему пророка Самуила. Подобных же примеров по Священной истории и по истории церковной можно насчитать многия сотни: Господь показывает людям, что не по их расчетам, а по Своей воле Он посылает Свои милости на землю.

Возвращаясь к очерку возрождения монастырей в России, укажем на то, что, если они не были в чести у земных властей, а недедко и у властей церковных, то православный народ всех сословий с замечательной чуткостью, отзывался на их призыв к духовному просвещению, не книжному, а благодатному, и монастырские старцы без помощи телеграфа и даже железных дорог становились известными всем верующим, которые все умножающуюся толпой и при том по преимуществу пешою, протапывали дороги к этим новопрославленным святым местам.

В эту толпу богомольцев, конных и пеших, вступали нередко и представители и литературы и науки, широко распространявшия сведения о Божиих подвижниках и учителях веры и благочестия. Во главе их бывали и крупные таланты и вельможи, покидавшие за воротами обители свою важность и всякую надменность.

Вот все это движение, которое в последнее время воспроизвел знаменитый Нестеров на своей картине Св. Русь, изображает Достоевский в «Бр. Карамазовых».

Здесь у него и «верующия бабы» и помещик-нигилист, уже близкий к покаянию, и исковерканный, оторванный от народа дворовый человек; наконец, здесь появляются и монахи

прежней формации с недоброжелательством взирающие на «это новшество», т. е. на введение старчества.

Сам Достоевский изучал все эти явления церковной жизни через личное ознакомление с бытом возрожденного старцами монашества; изучал он его настолько усердно и добросовестно, что решился раскрыть этот быт только в период полного расцвета своего влияния на русские умы и сердца, лет за пять до своей кончины, а до того времени хранил свои записи у себя в столе, так что часть из них появилась в печати только после его смерти и при том в заграничном издании на немецком языке.

Замечательно, что именно этот философский народ, т. е. немцы-лютеране, явились лучшими оценщиками изобразителя русского монашества, чем литераторы русские, запуганные нашими нигилистами и полунигилистами, у которых суетный страх перед тем, «что́ будет говорить княгиня Мария Алексеевна» сковал уста и приклеил пальцы к перу так, что они писали для своих соотечественников обо всем кроме того, что было «едино на потребу».

Совсем другое непонимание или нежелание понять нашего великого писателя обнаружили некоторые крайне правые элементы нашей литературы в роде Константина Леонтьева, называвшего мировоззрение Достоевского «розовым христианством».

Впрочем в том и другом нежелании ценить нашу литературную драгоценность сказалось крепостническое верхоглядство наших литераторов-господ, обусловленное прежде всего леностью избалованных барычей, нежелавших научно проверить свои вековые предрассудки.

Отдельно стоит от них наш талантливый диллетант, но нравственно разстроенный В. С. Соловьев, сперва безусловно благоговевший перед Достоевским и написавший о нем самые ценные очерки под заглавием: «Три речи в память Достоевского», а потом поклонившийся золотому тельцу, чтобы избавиться от разорения, причиненного ему нетрезвою жизнью.

Читатель с полным правом может поставить мне упрек за то, что я, обещав писать о старцах и старчестве, уклонился

опять в сторону литературы светской и светских литераторов, но я допустил это не потому, что последние меня интересовали более чем старчество, а потому, что я сомневаюсь в должном внимании читателей к намеченной теме, а более усердным из них рекомендую опять же взяться за «Братьев Карамазовых» и еще раз перечитать то, что пишет в них о старчестве сам Достоевский.

К сожалению не могу вспомнить в точности его выражений, но сущность последних в том, что старец совершенно сливает свою душу с душами учеников.

В заключение этого очерка приведем слова из Пролога на 29 мая:

«Глаголаху старцы, яко подобает коемуждо яже искренняго своего сотворити, якоже имать: якоже облачитися в он плотию, и всего носить человека, и страдати с ним о всем, и радоватися, и плакати: и просто рещи: быти с ним яко туюжде плоть носить, и туюжде душу и яко о себе скорбети, аще когда прилучится ему печал. Тако писано есть: яко едино тело есмы о Христе. И многим веровавшим бе сердце и душа едина».

Вот так то относился старец Зосима к своим ученикам, а потому его духовная природа переливалась в душу и Алеши Карамазова и послушника Порфирия и втягивала их, а отчасти всех встречавшихся со старцем в его духовную жизнь и нравственно возрождала.

VI. Царская власть и Св. Православие

Один из упреков, который выдвигали против владыки Антония его недоброжелатели – это был тот, что будто бы владыка Антоний церковные интересы приносит в жертву интересам политическим и больше заботится о восстановлении монархии, чем об интересах Церкви.

Такой упрек исходил главным образом из тех кругов, которые погубили Россию, которые были весьма далеки от Церкви и от русского народа и которые совершенно не понимали ни истории Русской Церкви, ни истории России.

Монархические идеи владыки Антония на самом деле проистекали из его глубокой преданности Святой Православной Церкви, дороже которой для него ничего не было на земле и из его пламенной любви к русскому народу, который он считал лучшим народом мира.

Владыка Антоний действительно был убежден в том, что Россия не может существовать без православной монархии, но при этом отнюдь не закрывал глаза на те стеснения, которым подвергалась Православная Церковь в России при Царях и открыто указывал на те роковые ошибки в отношении Православной Церкви, которые допускались в различные царствования, начиная с Императора Петра 1-го, допустившего одну из самих роковых ошибок – отмену Патриаршества и насильственную европеизацию России. Об этом мы уже более подробно писали в 1-м томе «Жизнеописания». Теперь же приведем одну из статей владыки Антония которую он написал в 1928 г. в связи с полемикой, возникшей между проф. Л. П. Карсавиным и ген. Гурко по вопросу о взаимоотношениях Церкви и государства.

1. Общественная неосведомленность о жизни Церкви.

Ни об одном предмете не говорят и не пишут у нас на Руси при такой неосведомленности в теме, как о делах церковных, богословских и богослужебных. Вот вам для примера выписка из полемики г. Гурко с Карсавиным.

«По закону Св. Синод представлял на Высочайшее утверждение трех кандидатов на освободившуюся должность высшей церковной иерархии».

Какой закон имеет в виду автор нам неизвестно, но факт тот, что подобное представление практиковалось у нас в Синоде, до и то прежде, до XX века, при назначении нового епископа, конечно, викарного, ибо епархиальные архиереи, могущие иметь хоть некоторое влияние на общественные дела, никогда не утверждались таким порядком, а представлялись Синодом Государю в единичном числе; причем надо сказать правду, почти не бывало случаев, чтобы представление не утверждалось. Однако, порабощение Церкви государством сказывалось гораздо сильнее и обиднее при назначении не простых епископов, а более значительных церковных деятелей, т. е. 1) митрополитов (их было в России трое) и 2) членов Синода.

О новоназначенных митрополитах и о новых членах Синода их сочлены по Синоду узнавали только из газет одновременно со столичными дворниками и кухарками, через день после почталионов и типографских наборщиков. Об этом я писал, печатал еще при Государях, но при удивительном безучастии наших интеллигентов к церковной жизни, никто этих сообщений не читал, и они, как видите, до сего дня продолжают повторять несообразности.

Помянутые назначения совершались якобы по непосредственному усмотрению Государя, который в большинстве случаев даже по имени не знал ни митрополитов, ни прочих членов Синода, а подписывал заранее приготовленный обер-прокурорский Высочайший указ (даже без

представления), который и опубликовывался во всеобщее сведение.

В Англии это делалось проще: там архиепископа примаса официально назначает первый министр без всякого сношения с духовными лицами.

А что говорят канонические правила Вселенских соборов?

«Аще который епископ или иной клирик мирских начальников употребив, восхитит себе священный сан, таковой да извержется и посвятивший его».

В последнее время, т. е. с начала XX века, даже к сану епископа не представляли «трех кандидатов на выбор», а только одного, а кого именно, об этом не была заинтересована не только Высочайшая власть, но и даже обер-прокурор, ибо в глазах той и другого значение викарного епископа было столь ничтожно, что правительство и не вникало в такое дело.

Вот ввиду этого-то факта рекомендуем г.г. Гурко и Карсавину пересмотреть свои положения об отношении Церкви к государству, но отнюдь не направлять их в сторону конституции или республики, ибо при всем печальном положении сего дела у нас, порабощения у нас было значительно меньше, чем в конституционных, или республиканских государствах: ибо у нас иерархия знала Царя и обер-прокурора, а с введением конституции приходится по всякому церковному делу заискивать и в парламентах и у министров и у товарищей министров и т. д. и т. д. К тому же дело шло и у нас с 1905 г.

Вот почему мы удерживаемся от суждения о принципах обоих полемистов, но желаем остановиться только на нескольких выражениях г. Гурко, высказанных им по обычаю и прочих светских писателей с оттенком издевательства: «князя церкви».

Это выражение можно встретить в любой газете, но приводящие помянутое выражение совершенно не знают откуда оно берется. Пусть они откроют книгу Псалтырь или же Библию на 44 псалме. Там говорится «поставивши я князи по всей земли».

Церковь отнесла это пророчество к св. Апостолам и пересыпает такими словами величание 12-ти и 70-ти учеников Христовых, понимая под «княжескою» не начальственную (Иоан. 18, 36) власть, а духовный авторитет и отнеся эти слова не только к непосредственным ученикам Христовым, но и к их преемникам, т. е. епископам Церкви. Итак, приводя это выражение в саркастическом тоне, печать наша издевается не только над ними, но и над нашим богослужением и над св. Библией.

2. Благочестие и Самодержавие.

Итак, владыка Антоний отстаивал необходимость Православного Самодержавия для России потому, что был убежден в том, что при всякой другой государственной власти Православная Церковь будет находиться в неизмеримо худших условиях, чем при наличии в государстве православного Царя. По этому вопросу владыка Антоний написал статью «Благочестие и Самодержавие»⁴² в которой сказал следующее.

* * *

«Русские всегда называли православную веру благочестивой верой и самое учение православного христианства учением благочестия, как оно и в Свящ. Писании называется (1Тим. 3, 16 и мн. друг.). Под благочестием же все разумеют жизнь, посвященную духовному совершенствованию, как своей главной цели.

Конечно, такая жизнь доступна бывает ревнителю добродетели при любом правлении в государстве и даже при полном отсутствии всякой государственности, как спасались преподобные отшельники. Но чтобы благочестие стало не единоличным только подвигом, а общественным, общенародным, при каком правлении это бывает более доступным для людей?

Лицемеры и глупцы любят говорить будто для нравственной и даже для духовной жизни необходима прежде всего политическая свобода, причем сейчас же подменяют понятия, отождествляя свободу с республикой или с парламентаризмом.

На самом же деле именно нигде так не стесняется нравственная свобода, как при подобном общественном устройстве. В государствах республиканских и парламентских нравственное духовное начало отодвигается на самый задний план и жизнь общественная приобретает характер общей погони за властью, а, следовательно, и за деньгами, и превращается в борьбу всех против всех.

Такое настроение общества в Западной Европе и в Северной Америке развилось до такой степени, что люди, даже

образованные, перестали понимать, что такое, например: смирение, всепрощение, братолюбие, долготерпение, покаяние, целомудрие и разработали **философию утилитаризма**, в которой отрицается для человека даже возможность безкорыстного служения добру, а приводимые примеры таких явлений считаются обманом или самообманом. Так думают, так учат знаменитейшие моралисты современности Милль, Спенсер и друг. в Англии, а в России Сеченов (1829–1905) и другие тоже популярные писатели и мыслители Европы. А за ними политические деятели давно уже стали на том взгляде на общество, что оно всегда будет да и должно, прежде всего добиваться своего удовольствия, своей пользы; и на таком мотиве разрабатывают планы государственного устройства, устройства принудительно ограждающего людей от взаимного самоистребления и взаимных обид, и дающего простор для достижения всеми целей честолюбивых и самолюбивых. Отсюда пошли все конституции, парламенты и республики.

Однако, невозможно исторгнуть из человеческой души и из души народа противоположных стремлений к самоотвержению, уступчивости и послушанию.

Если подобное побуждение преобладает в данном обществе, то естественное желание славы, богатства и всяческих удобств переносится с личности на весь народ, или на все вероисповедное или национальное общество, а личность обязывается послушанием и служением тому, кто управляет народом. Такова в общем концепция общественности патриархальной и в частности русской и вообще православной. Отсюда благоговейное и безкорыстное уважение к распорядителю общенародным благом, требование для него освящения свыше и сыновняя к нему любовь.

Конечно, бывают явления преступного злоупотребления такими полномочиями и послушанием народа, но гораздо менее, чем в государствах, построенных на началах узаконенного себялюбия, в государстве правовом, парламентарном, где (в большинстве случаев) двигателем является себялюбие и самолюбие.

Конечно, этих мотивов совершенно чуждыми бывают только святые, но, как и недобрый по душе человек, став отцом семейства, смягчает свое сердце, ибо его благо естественно совпадает с благом семьи, а во вторых устремленное к нему почитание и любовь вызывает взаимное расположение и сердечное участие: так и властелин единоличный не может не любить своих подданных, хотя и в различной степени, в зависимости от своих личных свойств.

Ни к министру, ни к городскому голове, ни к штату чиновников русский, например, народ не считает Себя обязанным питать сердечную преданность и вообще нежные чувства, но все это он почитает своим долгом по отношению к монарху, который несет на себе и на своем потомстве ответственность за вверенный ему народ. Бремя это опознается, как тяжкое иго для души, но неотложное. Величайшего народолюбца Моисея, который готов был отказаться от своего вечного спасения ради спасения Израиля, эта подавленность сознанием ответственности чуть не подвигнула на спор с Господом Богом: «Для чего Ты мучишь раба Твоего? и почему я не нашел сего? разве я носил во чреве весь народ сей? разве я родил его, что Ты говоришь мне: носи его на руках своих, как нянька носит ребенка и т. д... Я один не могу нести сего народа, ибо он тяжел для меня. Когда Ты так поступаешь, то лучше умертви меня, если я нашел милость пред очами Твоими» (Числ. XI, 11, 12, 15).

В некоторой степени всякий монарх, даже человек не свободный от порочной воли и невозвыщающийся по своим способностям над уровнем средняго человека, как бы поневоле бывает причастен к такому возвышенному сверх человеческого настроению. В области же чисто духовных отношений пастырской душе свойственно бывает настроение известных слов Апостола Павла: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, пока не вообразится в вас Христос» (Гал. 4, 19 ср. 1Кор. 4, 15).

Перейдем к фактической стороне дела. У нас на Руси царя называют отцом, батюшкой, Царем. Такого названия и с таким чувством удостоиваются только священники, т. е. духовенство.

Ни одно государство в мире не было объединено такой великой идеей, как государство русское. Его идея: «да приидет Царствие Твое». И ни один государь не стяжал себе такого сыновняго отношения народа, как государи русские, самодержавные. Царских чиновников народ уважал только, как поставленных Царем согласно Писанию (1Петр. 2, 14) и требовал от них хотя бы некоторого сходства с отношением Царя к народу. Писатели западнического направления, напр. Тургенев и Островский высмеивали это чувство, это стремление народа, но насмешки не достигали цели. «Судить ли вас по совести или по закону?» Спрашивал простолюдинов городничий у Островского. «Суди по совести родимый», единодушно отвечал народ.

И теперь народное сердце устремляется к православному царю: «Суди нас по совести родимый». Вот это Русь, это христианство, и этот дух от высоты Царского престола проникал собою всю русскую жизнь».

3. Царь и народ.

Владыка Антоний с сердечным умилением любил вспоминать об отношении русского народа к своему Царю. Так на общественном собрании в Белграде 12 октября 1930 года владыка среди других воспоминаний рассказал следующее:

* * *

«...В г. Искорости, где Святая Ольга, до принятия христианства, мстила за смерть своего мужа, я был свидетелем того, как представлялись Государю либеральные интеллигенты и простые мужики. Либерал, земский начальник, который перед этим учил волостного старшину, как надо держать себя при представлении, был бледен, как полотно, и дрожал, как лист. А простец мужик, совершенно спокойно с радостными глазами отвечал Государю «Так точно, Ваше Императорское Величество. Никак нет, Ваше Величество».

Вот в этом-то и сказывается характерная особенность воззрений русского народа на царскую власть и на личность Царя. Русский народ считает всю Россию как бы большой семьей, в которой Царь является отцом, призванным охранять нравствениую сторону жизни и быть носителем и выразителем правды. Конечно, в каждом человеческом установлении на земле могут быть злоупотребления, но, по представлениям русского народа, Царь не может иметь злой воли и поэтому Царь Иоанн IV назван не Царь злодей, а Царь Грозный. Народ убежден, что, если Царь применяет жестокия меры и строгия наказания, то, очевидно, это так и нужно для искорения крамолы и подавления мятежей. Зато сын Иоанна IV – Царь Феодор Иоаннович устами Пушкина назван – Царь-Ангел. Ни в одном народе носитель верховной власти не имеет такого именованя, как Русский Царь, – Царь-батюшка, Царица-матушка. Те, кто хочет понимать русскую верховную власть формально и ограничивать ее тем, что составляет высший идеал для европейской жизни, а именно юридическими нормами, никогда ничего не поймут в русской жизни, основа

которой формируется по другим, нравственным законам, которые давно уже оставила европейская жизнь.

Некрасов, который был в общем настроен оппозиционно, задумал свою повесть «Кому жить на Руси хорошо» с тем, чтобы доказать, что на Руси жить хорошо только пьяному, но в нем победило художественное чутье и он, поддаваясь поэтическому вдохновению, должен был в конце своей поэмы воспеть дифирамбы Государю Александру II («Славься свободу давший народу»). Также и Лев Толстой, когда он отдавался своему художественному гению и освобождался от глупых немецких пантеистических теорий, рисовал дивныя картины русской бытовой жизни в указанном смысле («Власть тьмы»), а с другой стороны описывал развитие греховных страстей в духе противоположном его предвзятому рационализму.

Вот таким же Царем-Ангелом был и наш последний Государь Николай Александрович. И вот этого нравственного брильянта русской жизни мы лишились по собственной беспечности, лишились потому, что слушали нелепые бессмысленные речи наших лжелибералов, которые завели весь русский народ в современную яму».

4. Благословение «Царскому Вестнику».

В 1928 году, задумав в г. Белграде издавать «Царский Вестник», который поставил своей задачей тщательную разработку идей православной русской монархии для приложения ее древних незыблемых основ к современной жизни, редактор обратился к владыке с просьбой дать благословение на это дело. Владыка Антоний ответил на это следующей статьей⁴³.

* * *

«Редакция «Царского Вестника» обратилась ко мне с запросом, преподам ли я благословение на издание газеты православного, строго царского направления, признающего самодержавную в России монархию и православную культуру.

Не минуты не колеблясь, я призвал Божие благословение на такое доброе дело, глубоко убежденный в том, что другого способа установить в России прочное христианское благополучие и христианское усовершенствование нет и не будет. Всякия конституции выдумывала наша оторванная от народа интеллигенция и обманом навязывала ее народу, который никакому Петербургскому начальству никогда не верил, кроме только своего русского Царя.

Он только оплакивал убийство Александра II и остался при убеждении, что его убили господá за то, что освободил крестьян от крепостной зависимости. Такие ответы мне давали школьники в Уфимской и Казанской губерниях, когда я посещал школы по наиболее отдаленным уездам нашего Поволжья. После 1864 года, когда произошло Каракозовское покушение на Государя Александра II, мой отец бывший членом Новгородской Губернской земской управы, слышал от крестьян из самого отдаленного Белозерского уезда Новгородской губернии вот какие слова: «счастье ваше, барин, что убийца промахнулся, а то, если бы Царь был убит, то мы бы вас, дворян, прикончили».

Так и взирал народ вплоть до самой революции, что интеллигенция была средостением между Царем и крестьянином. И чем больше первая духовно отрывалась от

народа, тем глубже укоренялся такой враждебный взгляд на нее при сохранении сыновей любви к личности Государя.

Лучшие русские мыслители, искренние патриоты и философы, те, на которых молиться нужно – Достоевский, Аксаков, Хомяков, Самарин и Киреевский, будучи поклонниками свободы слова и противниками бюрократизма, все стояли за Самодержавие и вложили в уста нашим западникам, которых называли лжелибералами, такое четверостишие:

"Конституцию мы эту
Из Европы перейдем,
Поведем Царя к ответу,
А народ опять скуем».

«**Все** это пожалуй можно было говорить и писать раньше, но после революции **возврата к прежнему нет**», торжествующе заявляет вам русский псевдоинтеллигент и победоносным взглядом окидывает окружающих. Робеющий перед нахальством наш обыватель пугается и старается умиловить строгий приговор, указывая полумеры, такими полумерами действовало наше правительство 12 лет после 1905 года, да и загубило Россию.

Русские люди! Не робейте перед громкими неосновательными выкриками, перед напыщенным глупым лбом и перед носовым произношением, которое усвоили себе наши дутые авторитеты и отвечайте спокойно: «нет, возврат к прошлому в основном направлении русской жизни есть и будет». Смутное время тоже разорило страну нашу, потом, одумавшись, весь народ возстановил и государственный порядок и самодержавие, и династию утвердил настолько непоколебимо, что, когда она оскудевала в мужском поколении, то предоставлял престол царей женщинам той же династии, лишь бы не нарушить прежнего строя. Так он одолел и Разина и Пугачева и расширил границы царства до шестой части вселенной.

Да, народ понимал и понимает, что разноплеменная, раскинутая по необъятному пространству, Россия никакой другой формы правления принять не может кроме самодержавия, как и древний Рим, который удовлетворялся

республикой пока ютился на Апеннинском полуострове, а когда начал захватывать целые государства на востоке и юге, провозгласил самодержавных императоров, оставив от республики одно только имя. Когда же государство объяло почти весь тогда известный мир, пришлось авторитет самодержцев поднять еще выше и император был провозглашен богом. Русский народ, как христианский, не поддавался такому искушению, которое погубило скороспелую царицу в Пушкинской сказке: он с умилением взирал на бывший у нас обычай – принятие состарившимся царем монашеской схимы и главной обязанностью царей считал защиту православной веры не только в своем государстве, но и во всем мире.

Русский народ взирает на русское Царство, как на Царство Божие и любит Отечество, как Русь Святую, как исполнительницу Божией воли на земле и потому видит в силе государства силу духовную церковную. Он не желает подчинить эту государственную жизнь верховному пастырю Церкви, ибо соединение двух властей понуждает носителя их пренебрегать первую в угоду второй, но требует влияния церковной власти на совесть самодержца и конституция наша русская заключается в том, что, принося венчание на царство, Царь читает в церкви исповедание православной веры. Такой порядок держался у нас слишком 900 лет, а всякий другой порядок, т. е. конституция с парламентом или республика не продержится и 9 лет, потому что всякое правительство, начиная с Временного 1917 года (которое лучше бы назвать кратковременным правительством), опирающееся не на святое таинство, не на Св. Церковь, а на понятие пользы и выгоды, не будет в глазах народа дорогим и священным, как и само государство, увенчанное земным расчетом, а не общим стремлением к благу, к совершенству, к царству Божию. Не стало русского Царя, не стало и России, и вот ее уже нет 10 лет, и только слепой или сознательный обманщик не поймет, что ее и не будет пока она не пожелает быть святою Русью с помазанником Божиим во главе и с православным первосвященником блюстителем его сердца.

Только при таком управлении Россия будет дорогá народу, а все прежния термины – единая, неделимая⁴⁴ без этого условия не привлекут к себе народной души.

Посему, следуя примеру Св. Патриарха Гермогена, я обращаюсь к распыленному русскому народу с увещанием, которое уже обращал к нему Великий Заграничный Собор 1921 года о том, чтобы все русские граждане умножили молитвы к Богу о возвращении нам законного Русского Самодержца, конечно, из Дома Романовых и оказывали бы сему посильное содействие сообразно с возможностями каждого гражданина».

5. О русской монархии.

Вскоре после этой статьи, владыка Антоний продиктовал нам другую статью «о русской монархии».

* * *

«С детства я начал протестовать против захвата церковной власти в царские руки; избегал приходить на церковные службы, где светская власть встречалась с духовной, которая принуждена была искажать богослужебный чин в угоду Двору, даже незамечавшему этих раболепных искажений. Я так был уверен в преимущественном авторитете духовной власти у русского народа в его большинстве, что, прочитывая еще в молодости с законным негодованием страницы Л. Толстого и его злобные сетования на одоление церковной власти гражданской, я с большим удовольствием остановился на одной его мысли о том, будто мирская власть гораздо больше нуждается в поддержке своего существования властью церковной, чем церковная власть гражданской и военной. Может быть оно так и было до 20 века; хотя и то было сомнительно, но все же довольно вероподобно. Но в 20 веке народное разращение довершило свое дело, то дело, которое начали декабристы на 100 лет раньше, а потом продолжали высшие интеллигентские круги, а временами даже круги придворные, призванные законом защищать православие. Не без вины в таком подтачивании православия и круги духовные, конечно, прикровенно.

Не будем пока толковать об отношении всех этих частей населения к Православной Церкви (ради Бога не смешивайте этого понятия с понятием духовенства); это отношение к Православной Церкви было во всяком случае не дружественное, а только терпимое; скажем же пока о третьей части нашей патриотической триады – православие, самодержавие и народность.

Казалось бы, это понятие в наше, яко бы либеральное время, должно быть очень популярно и безспорно, на деле же далеко нет.

«О чем эти жалкие молятся люди?» – Так проговорил один демократ-стихотворец:

«Но как гаденько дышат их впалыя груди.

О, как ненависты вы мне!»

И когда после революции те-же демократы стали якшаться с простолюдинами, как с равными, я всегда чувствовал, взирая на их собрания, фальшь их соединившую, при полной внутренней отчужденности, которая продолжается и донине.

Слово патриотизм в 70 годах [XIX в.] вызывало насмешливую улыбку на их устах, а в устах молодежи казалось даже просто неприличным и конфузным.

Только во время войны 1812 года в повествованиях Л. Н. Толстого, также в 1855 году, в 1877-м (но не в 1904, когда совесть русских людей совсем уснула) пробуждается у нашей интеллигенции здоровый патриотизм из сонного застенчиваго сокрытия, а затем снова прятался под пелены французского космополитизма, русского нигилиза и Толстовскаго непротивленчества.

И вот только после окончательнаго поражения России просыпается снова патриотизм русскаго общества.

Наш патриотизм издавна имел две главныя формы. Один патриотизм Достоевскаго, Аксаковых, и других славянофилов. Другой патриотизм Каткова, Победоносцева и других государственников.

Первые любили прежде всего содержание русской жизни, русскаго характера и при том не столько потому, что все это русское, наше, а потому, что все это имело и имеет высокую нравственную ценность.

Другие, Катковскаго духа, тоже любили все русское, но потому именно, что это наше, свое; они во всех суждениях оттеняли народное мирское начало и ставили его, как критерий своей оценки.

Они негодовали на то, что у нас поется псалом – «Хвалите имя Господне...», где восхваляется Израиль; они не могли понять, для чего в Киеве издревле поется Акафист Божией Матери за то, что Она еще в IX веке разорила языческия

капища наших предков: «и онаго Скифского когана с воинством его в море вреющемся разварила есть».

Либералы же западники и потом даже большевики являлись всегда великими почитателями Петра I. Так в Таганроге в 1918 году, подойдя к его памятнику, г.г. большевики говорили: «этого Царя мы не тронем, он был наш». За то руки их не дрогнули убить действительно народолюбца Царя Николая II.

Все-таки должно сказать, что монархизм для ближайших годов России обеспечен в смысле общенародного и общественного сочувствия. Остается другой, на первый взгляд более легкий, а по существу едва ли не труднейший вопрос: как он, т. е. монархизм, осуществится.

Мы, современники, недостойны ставить себя в параллель с нашими предками 1613 года: тогда все русские были православные христиане и признавали только одну Русь – Святую и Царскую, руководимую Кормчей Книгой и чуждой всякого нигилизма. Конечно, все-таки то было делом милости Божией, что новая династия водворилась на Руси без самозванцев, на что в настоящее время надеяться невозможно: лишь бы такой крови было не слишком много и лилась бы она не слишком долго.

Но самое плохое будет для России, если крови прольется много, а Монархии мы не добьемся. Но и это возможно и очень возможно, а вот без Царя России возродиться уже совершенно невозможно: она обратится либо в немецкую колоссальную провинцию (это даже лучший исход, если не суждено будет нам иметь Царя и Самодержавие); или Россию разделят между собой англичане, поляки (это, впрочем, не надолго), немцы.

Вот тогда уже не с улыбкой, а с горькими слезами, если они не сгорят у нас на лицах, будем повторять слова Ал. Толстого о смутном времени: «поляки, казаки, казаки, поляки нас паки жмут и паки, мы же на мели, как раки, сидим без Царя».

Ну, а при наличности намечанного Царя, разве будет лучше, спросят нас скептики? Конечно лучше.

Наша неудача в деле самозащиты зависела от неопределенности и неточности навязанных нам лозунгов: –

одни самозванные учителя навязывали нам лозунг – «Отечество»; – другие – «единая и неделимая» (по-видимому – Россия); далее пошло несколько определеннее – «монархия», причем некоторые прибавляли еще определеннее – «из Дома Романовых».

Слава Богу и на этом, но все-таки всего этого мало для того, чтобы люди шли на смерть за идею: для сего нужно иметь на сердце не просто династию, но определенную личность.

Что же касается неопределенной **единой неделимой**, хотя бы и России, но без определения – Православной, то нам такой России и не нужно, ибо ей дольше 5-ти лет не пришлось бы существовать, а раскололась бы она на много частей, которые пойдут друг на друга с ножами, пока их не подберет под себя немец или лях.

Да и независимо от этого разделения кому будет приятно становиться под знамена Керенского, Милюкова и им подобных политических проходимцев?

Впрочем теперь уже стало заметно, что «строители» будущей России, точнее самозванные кандидаты на подобное положение, поняв свое одиночество в подобных предприятиях, **начинают соглашаться**, чтобы Россия была продолжением уже существующей державы и народности, конечно, при желательных реформаторах коррективах, определить которые им очень трудно даже в области фантазии, а на деле окажется совершенно невозможным.

Теперь спросим, почему значительная часть реформаторов – не хотят и слышать о Государе и Великом Князе Кирилле Владимировиче, как о будущем Императоре Всероссийском?

Ведь едва-ли кто из прежних наследников так откровенно и убежденно в первом же своем манифесте решился **клятвенно** заявить, что Он будет всеми силами поддерживать и охранять Православную Веру и Церковь.

Конечно, многие именно из за этих слов манифеста тогда же прониклись враждебным чувством к Его автору; но зато, когда это дойдет до ушей и сердца народа, то все русские люди воскликнут: «Таков то нам подобаше Царь». – Непостыдный

исповедник Православия и, следовательно, брат во Христе православному народу.

Большими шагами каждое царствование, после мученической смерти Императора Александра II, приближалось к Св. Церкви и народу русскому; приблизился к ним незабвенный Государь Александр III, постепенно освобождавшийся от напускной холодности и искусственной величавости своего полунемецкого воспитания, а Его сын и наследник Николай II со своей державной супругой уже открыто перешел в чисто русский лагерь жизни, и Их ошибка заключалась только в том, что Они решили принять к себе в руководители русских простолюдинов, не приняв во внимание того, что самый лучший простолюдин хорош до тех пор пока он простолюдин, а как сделается барином и даже сверхбарином, то почти всегда сразу же воспринимает отрицательные черты богача и аристократа, впадая в грубые пороки невоздержания и в еще худшее.

Так и загубили себя высокодобродетельные супруги – Государь Николай II и Государыня Александра Феодоровна, доверившись развращенному и непросвещенному мужику.

Спрашивается, что же положительного осталось от последнего царствования? Скажем – очень многое, во-первых после этого царствования уже невозможно будет попираť ногами церковно-народные верования и идеалы, невозможно будет презрительно отзываться о самом учреждении монашества и о церковных обычаях, что стали признавать волей-неволей даже наши Парижские псевдорационалисты; наконец, сам народ русский, простой народ, теперь может и должен требовать к себе бóльшого уважения и это требование уже исполняется и будет исполняться на практике. А определять жизнь народа, как одно только невежество, станет и уже стало психологически невозможным.

Это все ответ на толки о мистическом нерациональном последнем царствовании, политическая же оценка последней эпохи не входит в нашу задачу, упомянем только о том, что все отрасли государственной жизни усовершеншались за последние 30 лет с удивительной быстротой и всесторонностью. Впрочем

невозможно умолчать о том, что покойный Государь явился возродителем русского церковного иконописания, пения и устройства всяческих церковно-богослужебных предметов и в этом смысле шел впереди духовенства и нередко даже против несколько протестанских стремлений последнего.

Да дарует Господь, чтобы дальнейшия царствования продолжали это святое дело покровительства церковному искусству.

Но возвратимся к нашей теме, к которой нас привязывает кроме всего вышесказанного еще и то обстоятельство, что ожидаемый русскими патриотами Государь Кирилл Владимирович, Его Супруга Государыня Виктория Феодоровна являются также любителями церковного искусства, которому Государыня посвятила уже несколько собственноручных работ.

Пусть же русские люди, любящие свою Родину и ее святые храмы, из коих, увы, половина лежит в состоянии поруганности и разорения, подумают, каких благ для общенародной жизни и для жизни государственной могли бы мы достигнуть по возвращении на Престол этой Царственной Четы, и чего мы лишаемся, если народ русский снова повергнется в свое безумие и, поддавшись лицемерному шипению своих развратителей, отвергнется от Царского призыва».

Владыка Антоний постоянно возвращался к изложенным выше его мыслям.

Так в своей статье «Похвала Царскому Вестнику» по случаю издания сотаго номера газеты, владыка Антоний написал следующее⁴⁵.

* * *

«Не велика была заслуга перед отечеством восхвалять царей и царское управление пока оно крепко стояло на Руси, и я настолько уклонялся от сего восхваления, что многие считали меня либералом, чуть ли не революционером. Но, когда царский престол начал шататься, то большинство скорыми шагами стало отступать от верности царям и восхвалять революцию или, по крайней мере, республику. Конечно, это не делает им чести. Напротив, особой похвалы из уст Христовых удостоились те, которые мужественно следовали за Ним во

время Его бедствий. «Вы пребыли со Мною в напастях Моих и Я завещаю вам, как завещал Мне Отец Мой царство» (Лук. 22, 28–29). Также и Апостола Фому Он удостоил прикосновением к Своим Божественным ребрам за то, что блаженный Фома ободрил собратьев, колебавшихся следовать за Ним, сказав ученикам: «пойдем и мы, умрем с Ним» (10. 11, 16).

Все, имеющие царя в голове, русские люди, отлично понимают, что без мощного самодержавного и не случайного, а законного царя, не будет спасения России, но не смеют высказать этой самоочевидной мысли. Такова уже бессмысленная русская робость: что я заговорю, когда все молчат. Конечно, многим нет и дела до спасения России. Так, Карамазовский Смердяков выражал сожаление, что русские в 1812 году одолели французов, – иначе умная нация покорила бы глупую, то есть Россию, и всем было бы лучше. Однако, в настоящее время, намучившись в своем добровольном рабстве, русские взялись за ум и в откровенной беседе на 4 глаза, признают, что нам нужен самодержавный царь из законной династии, но сказать это открыто большинство боится просто по русской безхарактерности, по русской стадности.

Прожив все детство в Новгородской деревне, я был свидетелем, как наши крестьяне боятся проявить личную инициативу даже в мелочах. Например, пора выезжать на посев озими. По всей деревне на дворах стоят заготовленные возы; стоят день, стоят другой, но никто не берется за хомут. «Как мир, так и я», говорят. Наконец, наш приятель молодой мужичек Василий Иванов запрягает лошадку, кладет на воз мешки и едет. Что-же не успел он за деревню выехать, как видит, что все 25 крестьянских возов его окружили и едут по тому же направлению сеять озимую рожь.

Честь и слава Василию Иванову, а то соседи так и прозевали бы подходящее для посева время.

Большая честь и большая слава «Царскому Вестнику» и его редактору за то, что он первый вышел на посев среди русской ошалевшей пустыни, что он поставил на твердую иглу Колумбово яйцо, чего никто не догадался сделать.

Впрочем, разница между средневековым мудрецом и нашим дорогим современником еще в том состоит, что первый в указанном случае ни чем не рисковал, а последний пошел мужественно и самоотверженно навстречу великой опасности – быть разоренным и приобрести множество смелых и злобных врагов – без всяких честолюбивых надежд, как Фома пошел за Христом.

Если суждено возродиться русскому народу и противостоять большевикам и евреям, то это возможно только под монархическим знаменем; без последнего русские всегда будут считать себя сиротами и никогда не наберутся необходимого для сего мужества. Все эти термины: единая, неделимая, далее – русская культура, русские идеалы и т. д. и т. п. в глазах народа одно празднословие, если не будет перед глазами людей живаго воплощения единства Руси в лице православнаго и самодержавнаго Царя. Только Царю и своему священнику верит русский народ, а все другия инстанции он не очень дружелюбно называет подъячими и, согласно Апостолу Петру, готов их признавать только под условием их полномочия от Царя. «Будьте покорны всякому человеческому начальству для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли как от него посылаемым» (1Петр. 2, 13). Вот на каких началах обосновывается авторитет общественных деятелей, а вовсе не на выборном. Напротив выборные земцы признаются, что их менее чтит народ, чем полицию.

«Царский Вестник» проповедует опору народа в наследственном Царе.

Да будет ему честь и слава!.. и тем бóльшая, чем скромнее внешний вид издания и безкрыстных его сотрудников, начиная, с редактора».

6. Ошибки монархии.

Владыка Антоний, признавая монархию единственным возможным строем русской государственной жизни, в тоже время указывал на те исторические ошибки, которые были допущены в русской жизни и которые способствовали торжеству революции. Главнейшей из этих ошибок, по разъяснению владыки Антония, это было упразднение Патриаршества при Петре I и вызванные им последствия – прекращение созыва Поместных Соборов Русской Церкви, почти полное отсутствие деятельного общения Русской Церкви с другими Автокефальными Православными Церквями, упадок миссионерского дела Русской Церкви в отношении восточных народностей в самой России и восточных народов вне России, углубление старообрядческого раскола, схоластическое направление русской богословской науки, отход от Православной Церкви русской интеллигенции и другие особенности русской жизни после Петровского периода, приведшие к революции.

Однако, владыка Антоний считал эти недочеты русской жизни поправимыми при наличии русской православной монархии и при восстановлении патриаршества.

В своем письме к П. Н. Краснову в связи с признанием владыкой Великого Князя Кирилла Владимировича российским Императором, владыка Антоний писал⁴⁶:

* * *

«Приходилось мне печатать о том, что бедствия, постигшая Династию и Россию, явились Божиим отмщением за ея посягновения на Церковь, завершившиеся безумным провозглашением Царя главою Церкви в 1797 году. Тогда Господь, как перед Всемирным потопом сказал вторично в Себе: «не вечно духу Моему быть пренебрегаемым человеками, потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет; и вот Я наведу на землю потоп водный, чтобы истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни под небесами. Все, что есть на земле лишится жизни» (Быт. 6, 3. 17). Так ровно через 120 лет

после 1797 года наступила всеуничтожающая большевицкая революция. Все это предвидел патриарх Никон и английский ученый Пальмер в своем шеститомном труде о патриархе Никоне. «Но с тобою, – продолжает Господь Свое откровение Ною, – Я поставлю завет Мой, и войдете в ковчег ты и сыновья твои, и жена твоя и жены сынов твоих с тобою» (ст. 18) Да будет семья нашего нового Царя таким ковчегом, который сохранит жизнь Ея для народа после потопа революции. Я лично в этот ковчег не войду: моя смерть за плечами, но как Моисей умер с покорностью воле Божией, утешенный созерцанием обетованной земли и высшей горы Нево перед своей смертью, так и я радостно умру, если увижу уже начавшееся спасение русской Церкви, русского народа».

В другом случае, в своей речи, по случаю 25-летия бракосочетания Государя Кирилла Владимировича и Государыни Виктории Феодоровны владыка говорил так:

* * *

«Всем известно, что наша высшая иерархия была очень удалена от Высочайшего Двора, она только в лице двух митрополитов появлялась при Дворе на Рождество и на Пасху, причем дело ограничивалось официальным поздравлением Высочайших Особ. Так было при Императоре Николае I, так было при Императоре Александре II, но, что еще удивительнее, так было и при Александре III. Я лично впервые удостоился представиться Государю Николаю II, в 1906 г., через 9 лет после рукоположения меня в Епископы, при этом Государь сказал мне с улыбкой и укоризной: «Мы, кажется, видимся с вами первый раз». Победоносцев, который вообще твердо отстаивал православные основы русской жизни, почему-то не сочувствовал появлению иерархов при Дворе».

В том же письме П. Н. Краснову владыка Антоний объяснил, почему Церковь так нуждается в поддержке Царской властью.

* * *

«В одном я должен признаться (или похвалиться), я убедился в том, что наше русское духовенство (духовенство не Церковь) неспособно вести церковные дела без поддержки со

стороны Трона. Вот этого я не думал до начала революции, но воображал, что освобождением от царского попечения Церковь, через своих духовных пастырей может поддерживать авторитет святой веры. С 1917 г. я вижу, что этого нет. Двухсотлетнее рабство иерархии и духовенства принизило их волю и их убежденность настолько, что им необходима стала опора государства, чтобы не превратиться Церкви в небольшую секту добровольных мучеников среди огромной массы предателей, обманщиков, сребролюбцев, льстецов и клеветников. Конечно, эта «секта» осталась бы единою, святою, соборною и апостольскою Церковью, но три четверти людей отпали бы от нея».

7. Должные взаимоотношения между Царем и Православной Церковью⁴⁷.

Владыкой Антонием был разработан проект для установления норм взаимоотношений между Самодержцем и церковной властью и этот проект был изложен в следующих пунктах.

1. В Российском Государстве, как государстве христианском и православном, Православная вера есть первенствующая и господствующая.

2. Император Всероссийский почитает себя верным сыном Православной Церкви и не может исповедывать никакой иной веры, кроме Православной.

3. Император Всероссийский, яко Православный Государь, есть Верховный защитник Православной Церкви и охранитель ея веры и всякого в Церкви святой благочиния.

4. Император Всероссийский, как глава русского православного народа, считается защитником и покровителем всех православных христиан во вселенной и имеет попечение об их нуждах.

5. Император Всероссийский, в ближайшее время по восшествии на прародительский Престол, сподобляется, по обычаю древних христианских государей и Боговенчаных Его предков, Священнаго Миропомазания по древнему чину Православной Церкви.

6. По установленному при Царе Алексее Михайловиче чину, должно совершаться поминование Его Императорского Величества и Его Августейшей Семьи на богослужении, а равно и погребение умирающих Высочайших Особ.

7. Порядок избрания Патриарха будет установлен в России Императором совместно с Архиерейским Собором в согласии с древним обычаем. Император об избрании Патриарха оповещает Высочайшим Манифестом, награждает Патриарха орденом Андрея Первозванного и жалует ему полное патриаршее облачение.

8. Православные иерархи, начиная с Патриарха, должны быть верноподанными Российского Императора.

9. Епископы не могут умалять чести Императора. В противном же случае они подлежат ответственности по правилам Карфагенского и иных Соборов.

10. Православная Церковь в России в учении веры и нравственности, богослужения, внутренней церковной дисциплины и сношениях с другими Автокефальными Церквями независима от государственной власти и, руководясь заповедями Божиими и своими догматико-каноническими началами, пользуется в делах церковного законодательства, управления и суда, правами самоопределения и самоуправления. Все акты и определения Церковной Власти, в пределах, в сей статье указанных, имеют законную силу.

11. Дела церковно-государственные, требующия издания нового закона, дополнения, изменения или отмены существующаго закона, а также новых или дополнительных от казны ассигнований, разрешаются по соглашению с государственною властью.

12. Патриарх имеет непосредственное сношение по делам Церкви с Императором. С высшими государственными установлениями Патриарх сносится через Референдария. Референдарий избирается Патриархом и утверждается Императором, после чего Патриарх совершает над ним хиротесию. Патриарх имеет древнее право печалования пред Государем Императором за всех опальных, заключенных и невинно страждущих.

13. Император сносится и объявляет свою воля Патриарху чрез своего личного представителя, несменяемаго при смене кабинетов.

14. Император обращается к Патриарху по делам государственным в форме – «повелеваю», а по делам церковным «сыновне прошу». Патриарх обращается к Императору в форме – «всеподданейших докладов» по делам государственным, а по церковным почтительно извещает.

15. К Всероссийскому Священному Архиерейскому Собору Император, если пожелает обратиться непосредственно, то

пишет по делам церковным – «сыновне прошу». К Императору Собор обращается в форме – «всеподданнейших просьб».

16. В Российском Государстве, все не принадлежащие к Православной вере подданные, природные и в подданство принятые, также иностранцы временно в России пребывающие, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной, а также правом проповеди, в частных или особо к тому установленных зданиях.

Примечание: Свобода вероисповедания не распространяется на лиц, исповедующих учения явно безнравственные или антигосударственные.

17. Свобода вероисповедания присвоится не только христианам инославных исповеданий, но и всем иноверцам: да все народы в России пребывающие, возносят молитвы разными языками по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствования Российских Монархов, моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укрепления силы Империи.

Примечание: Все инославные и иноверные религии, коим присвоится свобода вероисповедания, будут своевременно указаны в особом перечне.

18. Лица, не исповедающие никакой религии или принадлежащие к религиям, государством не признанным, подвергаются некоторым ограничениям в государственных законах указанным, но во всяком случае они лишаются права вступать в церковный брак с православными христианами и не могут занимать должности по военному, гражданскому и судебному ведомству, а также педагогическая.

В пояснение к этому Положению владыка Антоний писал:

«Мы неоднократно сетовали в печати на царский деспотизм и произвол в церковной жизни, но и указывали на то, что такая зависимость церковной жизни от Самодержца далеко не так унижительна и не так сильна как при конституциях разного рода и тем менее при республиканских, когда высшая церковная власть находится в полном рабстве у 1) министра духовных дел, 2) у совета министров, 3) у парламента и 4) все-таки монарха. Затруднения помимо злой воли и враждебности к

религии со стороны светской власти заключается еще в трудности самой задачи, самой проблемы об отношении церковной власти к государственной. Об этом написаны целые книги еще со времен Златоуста, но воспроизводить эти исследования и программы в историко-каноническом смысле мы не будем, а ограничимся приведением нашей краткой формулировки в восемнадцати параграфах, составленных по поручению представителя прежней государственной власти.

Правда, упомянутое затруднение о разделении властей в этом проекте не вполне устранено. Собственно затруднение это двояко – одно пожалуй устранено в проекте – о способе назначения главы Церкви, т. е. Патриарха, но не устранено второе – об утверждении дел, касающихся одновременно и церковной и государственной жизни, здесь определенное разграничение в законодательном акте или проекте едва ли возможно, ибо навсегда останется неразрешенным вопрос о том, к какого рода делам должно относить некоторые вопросы, связанные с церковной и государственной жизнью, например, о преподавании Закона Божия в светской школе, о содержании духовенства и т. п.

Правильное разрешение таких вопросов зависит от доброоовестного отношения к ним обеих властей и в частности от того, согласны ли они следовать слову Апостола Павла: «друг друга честью больша творяща». Конечно, за уступчивостью представителя Церкви дело не станет и никогда у нас не стояло, но ведь это не разрешение вопроса. Справедливо писал И. С. Аксаков († 1887), что наши высшие иерархи возбуждали огорчение и даже негодование не попыткой к расширению своей власти в государстве (как, например, католики), а непрекословной уступчивостью подчас существовавшим правам и требованиям церковного права и церковной пользы.

В вышеизложенном проекте, хотя не безусловно, что невозможно (но по крайней мере по возможности) устанавливаются нормы взаимоотношений между Самодержцем и церковной властью».

8. Русский народ и монархия⁴⁸.

Владыка Антоний постоянно обращал свою мысль к России. Особенно была яркой его речь, произнесенная на собрании монархистов в Белграде 11/24 мая 1930 года, в которой он сказал следующее.

* * *

«**Р**усский народ в своей толще от начала русской истории и до последних времен был всегда настроен монархически и я убежден, что если бы перед революцией устроили в России народный плебесцит, то русский народ в своем подавляющем большинстве высказался бы за Самодержавного Царя.

Однако, в прошлом [XIX] столетии в 60–70 годах под влиянием европейского воспитания, чужой философии и литературы патриотизм в руководящей русской интеллигенции совершенно упал и был в загоне. Рядовой обыватель тогда не смел заикаться о любви к Отечеству и в интеллигентном обществе об этом говорили только с насмешкой и с оттенком презрения. Русское общество всколыхнулось в конце 80 годов под влиянием Восточной войны за освобождение славян оружия, патриотические статьи, имена военных героев, ликующия народные собрания – все это сделало то, что о патриотизме невозможно было замалчивать. Убийство же Императора Александра II дало русскому обществу еще более сильный толчек вправо. Оппозиционеры должны были замолкнуть. В обществе перестали рассказывать со сладострастием анекдоты о нарушениях 7-ой заповеди во дворце и любовь к Царю стала обнаруживаться всюду. Как сейчас, я помню панихиду по Императоре Александре II, совершавшуюся в Петербурге протопресвитером Янышевым. Я был тогда студентом 1-го курса Духовной Академии. Молящиеся горько плакали, а протопресвитер Янышев говорил о том позоре, который падает на Россию за злодейское убийство Государя.

Новый Император Александр III сразу овладел народными сердцами, заявив себя чисто русским царем своим отеческим отношением к подданным. В многочисленных резолюциях по

различным делам стало сказываться его отеческое попечение о русском народе. Особенно мне врезалась в память резолюция Царя на докладе о сооружении часовни на месте убийства Александра II. Государь написал: «Мне кажется, нужно построить там церковь». Церквей тогда в Петербурге было очень мало и это явилось как бы началом руссификации Петербурга, до того времени бывшего почти иностранным городом, наполовину говорившим по-немецки. Действительно, если посмотреть в плане Петербурга на том сегменте, которого основанием служит Невский проспект, а дугою Нева от Адмиралтейской площади до Фонтанки, а также от Знаменья до Лавры, то в этом большом пространстве до 1881 года не было ни одной церкви. И вот на поле первого сегмента произошло убийство Государя. Император Александр III всюду стремился вносить сердечную заботливость и отеческое попечение. Очень трогательным был установившийся тогда обычай назначать в Царские дни в столичных театрах патриотические пьесы, для посещения коих разсылались билеты во все учебные заведения. Среди юношества в эти дни появлялись Царь и Царица, окруженные всеобщим восторженным почитанием. Вообще тогда казалось, что в русской жизни наступила новая эра, причем во главе возрождения стал Петербург. Туда повалил настоящий русский мужик. Сама Николаевская железная дорога сделалась проводником чисто русского движения. На многих ее станциях становились громадные иконы, путешествующие возжигали перед ними многочисленные свечи, а перед отправлением поездов служились длинные молебны. Попутно с этим росли литературные патриотические силы. Это время было расцветом Достоевского, тогда процветали славянофилы, действовали братья Аксаковы. Лучшие представители высшей интеллигенции возвысили свой голос против уже умиравшего атеизма и ложного космополитизма. Таков между прочим был мало известный теперь, но безусловно просвещеннейший русский ученый и публицист Н. Н. Страхов, выступивший через лучшую в России газету Аксакову «Русь» со своими «Письмами о нигилизме». Сама «Русь» была как бы горящим факелом, освещающим русскую жизнь. К этому периоду

относится и начало деятельности великого праведника земли русской о. Иоанна Кронштадтского, имевшего могучее действие на народ, который встречал его более восторженно, чем самого Царя. Таков был расцвет России. Но не дремали и революционеры. Они лишь притихли, объединяя и сосредоточивая свои силы вокруг толстых научных и литературных журналов, как например, «Вестник Европы», в университетах, в земских учреждениях. От поры до времени они подымали свою голову. Мне врезалась в память одна карикатура, появившаяся в Петербурге. Последними словами Императора Александра II были: «Домой, домой». Аксаков написал в «Руси» статью, в которой эти слова истолковывал, призывая русское общество вернуться в Москву. И вот вскоре появилась карикатура, на которой был изображен Аксаков стоящий в боярском костюме у жалкой избушки, зазывающий проходящую публику «в Москву», публика же направлялась к большим европейским зданиям, изображавшим культурную Европу, на Аксакова же и его жалкую избушку никто не обращал внимания.

Царствование Императора Александра III было непродолжительным и завершилось трогательной кончиной, последовавшей в присутствии о. Иоанна Кронштадтского. Новый 26-ти летний Царь Николай II сразу обнаружил себя сторонником православия и благочестия. Однако, ближайшия задачи России в новое царствование были мало поняты. Это сказалось между прочим в таких начинаниях, как учреждение Гаагской конференции, которая сама по себе дело благородное, но для России совершенно бесполезное. Неудачным, например, было учреждение народных домов, с большими сценами, на которых хотели было показывать для народа различные драмы и трагедии, однако, результат получался совершенно неожиданный – в самых трагических местах, когда актер убивал свою возлюбленную, народ отвечал дружным смехом. Происходило это оттого, что русский народ, отличаясь искренностью и правдивостью, никогда не примет всерьез того, что делается на сцене и трагедиями его не растрогаешь. В царствование Императора Николая II наши оппозиционеры кое-

чему научились и поняли, что революции достигнуть можно не столько террористическими актами, сколько злобной критикой, введением конституции, развращением народа и проч. На службу революции пошли почти все университетские профессора и такой талантливый человек, как Лев Толстой, всю свою жизнь бывший рабом демонического тщеславия. Во всем своем творчестве, как философском, так и художественном, он одинаково разрушал веру и государственный порядок, изображая человека не свободной личностью, а каким-то всплеском или волной мировой жизни (смерть Андрея Болконского, сон Пети Ростова). При казавшемся внешнем благополучии в России уже назревал кризис, его предчувствовал такой праведник, как о. Иоанн Кронштадтский, который, будучи горячим поборником самодержавия, весьма печалился тем, что во дворце стали свивать себе гнездо теософия и оккультизм и он перестал к огорчению Государя и Государыни посещать дворец. Светлым лучом последнего царствования было прославление 6 угодников, осуществленное по инициативе Царя, который шел в этом отношении далеко впереди нашего духовенства, скептически было относившагося к прославлению новых угодников. Самым близким народному сердцу из прославленных угодников оказался преп. Серафим Саровский, человек не очень ученый, но наделенный таким сердцем и такой верой, что он не пасовал перед самой грешной душой, но принимал каждого в свои распростертыя объятия, как любящий отец.

Две последние неудачные войны подсекли Россию, революционеры добились своего и ее свалили. **Теперь я не имею надежд на быстрое возстановление России: она должна искупить страданиями свое нравственное падение. Еврейский народ странствовал в пустыне 40 лет пока возвратился в землю обетованную. Мы не знаем сколько лет назначено странствовать в смуте русскому народу пока не возвратится он к законному обетованному устроению своей жизни, но всеми мерами, всеми способами и всеми силами содействовать его освобождению и возрождению неотложный долг всех нас.**

Самым великим вождем человечества был Моисей. Слово Моисей означает взятый от воды, потому что тот вождь был найден в воде дочерью Фараона. Государь Кирилл Владимирович является также взатым от воды, будучи чудесно спасенным на воде в Японскую войну, – пусть же он будет нашим Моисеем и приведет нас в землю обетованную.

9. Православная Церковь и Император Николай II⁴⁹.

С глубоким почитанием и любовью относился владыка Антоний к памяти Царя Мученика Императора Николая II, о котором он много раз писал и говорил. Одну из речей владыки об Императоре Николае II приводим здесь.

* * *

«Нравственный облик покойного Государя, облик трагический. Его облик на целые века будет причиною слез и стыда для народа за себя и благоговейной благодарности Богу за Покойного.

Есть исторические личности, которым суждено глубоко страдать за себя и других. Таким был наш покойный Государь. Родившись в день многострадального Иова, Государь считал и сам обреченным себя на страдания. Мы надеялись, что на Государе исполнятся и последние годы Иова, когда ему было возвращено его благополучие, но этим надеждам не суждено было осуществиться.

Был у нас в России и другой Иов, угодник Божий, Иов Почаевский, почивший в 1651 году. Он написал собственноручное письмо царю Михаилу Феодоровичу, в котором, выражая свою радость Русскому Самодержавию, указывал, что Русский Царь должен быть не только автократом, но и монократом, т. е. Царем всей вселенной. В ходе исторических событий это пожелание было близко к осуществлению, но несчастья, выпавшие на нашу Родину, остановили развитие этих событий.

Царствование Государя Николая II началось и окончилось несчастьем. Известное несчастье на Ходынке во время коронационных торжеств вызвало злорадство со стороны врагов Самодержавия, которые всегда радовались, когда трон шатался. Великий Князь Сергей Александрович, человек очень благочестивый, введший в среде нашей аристократии земные поклоны, вместо католического реверанса на одно колено, подвергался тогда наглому осмеянию; в некоторых случаях в Москве, где он был Генерал-Губернатором, по его адресу

кричали, «князь Ходынский». Государь с самого начала своего царствования обратил свое внимание на тех, кто нуждался. Вероятно, по примеру о. Иоанна Кронштадтского Он стал по всей России учреждать Дома трудолюбия, которые наши либералы также стремились превратить в дома праздности. В отношениях с о. Иоанном Кронштадтским который присутствовал при кончине Императора Александра III, у последнего Государя не было близости, так как о. Иоанн, несмотря на неоднократные пожелания Государя в последние годы Его царствования, уклонялся от посещения дворца. О. Иоанн был большой враг всякой конституции и понимал, что с колебанием Самодержавия колеблется и Россия.

Царствование Государя Николая II ознаменовалось открытием в России мощей св. угодников и их прославлением. Насколько в России это дело в последнее время было трудным, видно из того, что после открытия мощей Св. Тихона Задонского в 1861 году, сопровождавшихся народным энтузиазмом и многими чудесами, по России распространился слух, что будто бы Император Александр II выразился, что это будет последний святой в России. Я не верю, что Государь мог сказать такую фразу, но самый факт распространения подобного слуха достаточно характеризует тогдашние общественные настроения. В царствование Государя Николая II были открыты мощи Свят. Феодосия Черниговского (1896 г.), преп. Серафима Саровского (1903 г.), Свят. Иоасафа Белгородского (1911 г.), Иоанна Тобольского, Анны Кашинской, Питирима Тамбовского. Я помню, как в одном из заседаний Св. Синода один из иерархов заметил, что нельзя же до бесконечности продолжать прославление святых. Взоры присутствовавших обратились на меня и я ответил: «если мы верим в Бога, то мы должны быть рады прославлению св. угодников».

Из этого видно насколько велико было благочестие Государя, который почти первый решился на это дело.

Государь обратил свое внимание на положение старообрядцев и раскольников. Хотя спасительна только одна Св. Православная Церковь, но то, что сохранилось у раскольников от древности делает их весьма близкими к

вечному спасению. Надо сказать, что Государ любил простых людей и простых монахов. Эта любовь особенно сказалась при одном из посещений Государя с семьей Киево-Печерской Лавры. В то время как с иерархами Государ здоровался, целуясь рука в руку, при посещении Киево-Печерской Лавры Государ взял под мышку свою фуражку и стал подходить смиренно под благословение к выстроившимся иеросхимонахам, за ним последовала Государыня и дочери. Приняв благословение от всех иеросхимонахов, Государ подошел к простым схимникам старцам и здесь настоятель монастыря доложил Государю, что эти старцы, не имеющие священного сана, не могут давать благословение. Вообще Государ имел особое свойство смиренномудрия. Прежние Государи обыкновенно видели из высшей иерархии только Петербургского Митрополита и то два раза в год во время официальных поздравлений на Рождество и на Пасху. Государ же Николай II повидал почти всех иерархов и огорчился, что иерархи говорили с Государем не на духовные темы, а вели обычный разговор, принятый при официальных придворных приемах.

Я лично избегал посещения дворца, тяготясь тем установленным этикетом, который унижал высших представителей Церкви. Первый раз Государ высказал пожелание видеть меня в 1906 году. Я явился к Нему в установленный день. Государ с укором сказал мне: «Мы встречаемся с вами в первый раз». Государ был настолько милостив ко мне, что я решился обратить внимание Государя на необходимость религиозного воспитания военного юношества и войск. Государ мне ответил, что этим делом у Него ведаёт Вел. Кн. Константин Константинович и что Он укажет ему, чтобы мое пожелание было исполнено.

Началась страшная революция 1904 года. Многие, многие русские люди потеряли тогда не только голову, но и совесть, и вот тогда нашего благостного Государя постиг удар в самое сердце. Во дворце свило себе гнездо страшное суеверие. Государыня, недавно принявшая православие, находившаяся

без опытного духовного руководства, превысила меру в своем духовном искании и подчинилась власти суеверия.

Такое явление в религиозной жизни приводит к катастрофе. Вот, например, теперь в Париже прочно укоренилось совершенно ложное религиозное направление, которое ищет какого-то мистицизма и «чудес в решетке». Подобное явление есть типичная духовная прелесть. Они не хотят идти путем постепенного, трудного духовного усовершенствования и поэтому терпят катастрофу.

Склонность к суевериям усиливается во время опасностей. Государь, согласившись на учреждение Государственной Думы, прекрасно понимал, что Россия идет к гибели и чувствуя постоянную опасность, также подчинился власти суеверия.

Влияние Распутина, столь губительно отразившееся на России, усиливалось еще через болезнь Наследника. Я думаю, что чудодейственная сила Распутина, при помощи которой он будто бы останавливал кровотечения у Наследника, была на самом деле простым обманом, осуществляемом при помощи придворных. Влияние Распутина упрачивалось благодаря тому, что во дворец проникли теософические взгляды на переселение душ, которые будто остаются возвышенными и святыми даже при отрицательных поступках их носителей. Поэтому сведения о разгулах и разврате Распутина не могли поколебать доверия к нему, как к носителю какой-то мистической силы.

Не могу скрыть того, что Государь при всех высоких качествах своей души и ума, не был к сожалению расположен к идее восстановления Патриаршества и прямого отношения к сему делу не имел. Ужасная идея о том, что Царь будто бы является главой Церкви, восторжествовавшая еще при Павле I, который в другом отношении был чисто народным Царем, не была изжита и в царствование Государя Николая II-го.

Памятным для меня осталось представление Государю в составе депутации от Волынской губернии в 1908 или в 1909 году. Волынские жители представили Государю 17 толстых переплетенных томов, исписанных своими подписями, в которых умоляли Государя сохранять Самодержавие и не сдаваться на конституцию. Помню, как после представления

Государь спросил: «кто из вас Шульгин»? Шульгин назвал себя. Государь благодарил г. Шульгина за патриотическую речь, произнесенную в Государственной Думе. Шульгин со слезами умиления на глазах ответил: я рад тому, что моя речь понравилась Вашему Величеству. Через несколько лет тот же самый Шульгин явился к Государю с позорной миссией требовать отречения Его от Престола. Sic transt gloria mundi.

В 1913 году мне довелось провожать на вокзале уезжавшего из Петербурга Сербского принца Георгия; его сопровождал принц Александр, ныне благополучно царствующий Король Югославии, бывший тогда камер-пажем Государя. Тогда уже собирались тучи на небосклоне Сербии.

Я имел случай высказать принцу Александру свое сочувствие Сербскому народу и подтвердить об исторической миссии России защищать Православный Сербский народ.

Через несколько времени после этого я был принят Государем. Государь был весьма милостив ко мне и я тогда сказал Государю что России необходимо принять активное участие в судьбе Сербии и Галиции. Государь при этих словах взялся за голову и ответил: «дело это трудное, но пусть знают, что на границе Австрии стоит 370 тысяч наших штыков». Вообще с большой любовью Государь относился к Сербии, его особым покровительством пользовались Сербский Митрополит Михаил, затем Митрополит Димитрий, ныне Сербский Патриарх, Его особенно чтит недавно скончавшийся Антиохийский Патриарх Григорий.

Наш Государь имел сердце широкое, нежное, почти женственное и в то же время неустрашимое. Он обнимал своей любовью не только русский народ, не только православных славян, но и все человечество и делал это не из честолюбия и не для славы, а от полноты искреннего сердца.

В делах альтруизма безкорыстного и прямого, Россия занимала безусловно первое место в мире, но и в технической области Россия часто занимала первенствующее место. Так например, лукавые европейцы замолчали, что электрические лампочки были впервые изобретены **русским** инженером а **развитие** авиации произошло благодаря работе И. И.

Сикорского. Так все хорошее русское тщательно замалчивается. Не нашел Себе справедливой оценки и наш любвеобильный и благостный Государь Николай II.

Да упокоит же Господь Его светлую душу и да научить всех нас и русский народ искупить страшный грех и возстановить Российское Православное Царство».

10. Император Александр III⁵⁰.

Для характеристики монархических воззрений владыки Антония весьма важное значение имеет слово, произнесенное им на кончину Государя Императора Александра III, последовавшую в 1894 году. Сам владыка Антоний, тогда едва перешагнувший 30 летний возраст и бывший еще в сане архимандрита, говорил, однако, обращаясь ко всей России с такой силой и властью, какие могли проистекать только от одушевленного пророка грядущих бедствий.

13-летнее царствование Императора Александра III после злодейского убийства Императора Александра II укрепило Россию и возстановило ее поколебленное зарядами революции могущество среди великих держав мира. Однако, это царствование рассматривалось лже-либеральной русской общественностью, как время застоя и реакции. Владыка же Антоний тогда чувствовал, что Россия стоит на краю пропасти и он пытался всеми силами своего вдохновения вернуть ее на народный и исторический путь, что он неизменно и осуществлял до самого последнего дня своей жизни. Но голос его оказался «гласом вопиющего» в русской лже-либеральной пустыне.

* * *

« *Вот день! Вот пришел, наступила напасть*» (Иез. VII, 10).

Итак наступил тот горестный день, когда Господь определил отнять у нас нашу радость, оставить нас сиротами. Взято ныне Господом **«дыхание жизни нашей, помазанник Господен... о котором мы говорили: под тенью его будем жить среди народов»** (Плач. VI, 20).

Вот тот, кого шесть лет тому назад чудесно возвратил нам Господь из когтей погибельных⁵¹. Тогда Всевышний поднял над Русью Свой угрожающий перст, призывая ее к покаянию, а ныне опустил на нее Свою карающую десницу, увидев, что первая угроза недостаточно воздействовала на сердца. Впрочем, и та угроза была не первая: сколько раз Господь спасал из рук злодеев Государя Александра Николаевича, показывая этими

устрашениями, что Россия виновна пред Ним, но до тех пор мы не одумывались, пока Бог не отвратил Свою защитительную десницу и потрясенная Отчизна должна была омыться слезами покаяния искаженный ранами труп царя-страдальца. Однако и это временное просветление умов, выражавшееся в самоукорении и в исправлении жизни многих, оказалось настолько непрочным, что даже и тот великий день, когда Господь грозил оставить нас не только без Царя, но и без потомства его, это незабвенное 17-е число сего месяца⁵² не могло вразумить нас. Пусть же теперь русские люди изменят дни радости на дни скорби, мучений совести и стыда пред Богом. Да, именно стыда пред Богом, праведно отвергавшим нас. Ибо спросят нас теперь многие: где-же Святая Русь твои прославленные молитвы? где твоя вера? где твоя любовь к твоему Государю? Или ты так оскудела всеми сими дарами, или настолько прогневал Бога народ твой, что даже сзятые мужи в тебе не могли умолить Его и отвратить гнев Его от тебя? Да, поистине последний укор справедлив. Господь показывал нам делами Своего Промысла то, что говорил в древности народу Своему через пророка: **«Я готовлю вам зло и замышляю против вас; итак обратитесь каждый от злаго пути своего и исправьте пути ваши и поступки ваши. Но они говорят: не надейся; мы будем жить по своим помыслам и будем поступать каждый по упорству злаго своего сердца»** (Иер. XVIII, 11–12). **«Ты не молись о народе сем во благо ему. Если они будут поститься Я не услышу вопля их»** (XIV, 12). **«Хотя бы предстали пред лице Мое Моисей и Самуил, душа Моя не преклонится к народу сему»** (Иер. XV, 1 и Иез. XIV).

Тщетны были для нас вразумления Божии, хотя были они многочисленны и разнообразны, ибо в последние годы уже не человеческою рукою устрашал Он нас за Царя нашего не ею спасал его, а Своею простертою мышцею избавлял нас, пока не истощилось долготерпение Его и ниспала на нас сегодняшняя праведная кара.

Образумимся-ли мы хотя ныне? Возненавидим-ли свои отступления от духа евангельского и духа народного? – Смотрите у нас на лицах как бы вина какая, как бы смутное

ощущение того, что не взял бы Господь от нас утехы очей наших, лучшего украшения нашей отчизны, еслиб мы сами ценили дар Его благодатного о нас промысления.

Не случайны только падения воли нашей возстановили против нас Всевышняго, но то дерзостное попрание духа Христова, то полное нежелание созидать в себе евангельскую жизнь, содержащуюся предками нашими, та общая ложь, то блудное растление, которыя проникли от высших кругов общества уже и в простой народ. Охладели русские люди ко святой вере, возлюбили иноземный обычай жизни, горделивый, сухой и холодный, и не только перестали стыдиться своего греховного ожесточения, но начали похваляться им, что уже не порок стал предметом презрения и насмешек, а целомудрие, набожность и смирение, сохранившееся у немногих. За это Господь и обездолил нашу землю, за это и обрушил на нее сей удар и отнял тот залог нашего благополучия, пред которым стали склоняться с почтением горделивейшие главы иноземных народов, прежде презиравших нас, ныне видящих в нашем Государе опору общего мира и справедливости.

Неоценима наша потеря, сердце наше подавляется глубокой болью, мы чувствуем, что сами виковники нашей утраты и горько плачем, видя, что не могли во время возвратиться, ибо грехи наши стали между нами и небом медною стеною, об которую разбиваясь, возвращались в недро наше все возносимыя молитвы.

Оттого и наша печаль так глубока, горе так разедающе, несмотря на то, что кончина Государя христианская, непостыдная, мирная. Учил он нас, как жить и служить ближнему и учил тому, как умирать. Дай Бог всем нам такой завидной кончины. Царям земным многие завидуют при их жизни, но очень немногим государям возможно завидовать или соревновать в смерти; во главе этих немногих стоит наш благочестивейший Монарх, спокойно смотревший в глаза приближавшейся кончины и давно нерадевший об исполнении врачебных советов, но искавший отрады в беседе с праведными пастырями, в совместных с ними молитвах, а наипаче в тоекратном приобщении св. таин.

Его рука, пораженная предсмертным недугом, находила силу, чтобы начертывать слова сочувствия и благодарности на сыновния заявления подданных воинов и родителей детей, учащихся под Государевым покровительством, а его сердце, ослабевшее уже для правильной поддержки телесной жизни, продолжало согревать лаской окружающих, побеждая присущее сей тяжкой болезни мрачное настроение. Сия блаженная: кончина была венцом праведного царствования в течение почти четырнадцати лет. Это **царское правление** было поистине **царским служением**, этот венец – крестным бременем. Но едва ли многих монархов знает история, которые были бы столь чужды искания личной славы и угодничества пред толпой и соседними державами, как наш усопший Монарх. Не искал он в деяниях своих ни блеска, ни похвал, но только общей пользы, самой сущей правды, а наипаче милости к бедным, труждающимся, обремененным, к малым по возрасту и, наконец, к служителям веры, которую усопший справедливо считал высшей истиною и главным оплотом государственного процветания.

Осторожно и сдержанно начал он свои предприятия, а затем, освоившись с делами правления, стал поступать все тверже и смелее; его нравственный образ выяснялся все отчетливее пред лицом восхищенного народа и нежная пламенная любовь народа окружала его трон. Он расцвел в пышный прекрасный цвет, на который любовался весь мир; даже недоброжелатели отечества и трона против воли полюбили его и ради него начали любить Россию. Судя по человечески, теперь то бы нам и жить, да радоваться на Царя нашего, да учиться у него исполнения долга своего и заповедей Божиих, – подражая его жизни и делам. О, если бы действительно ему достойно подражало русской общество, столь щедрое на благородныя слова и обыкновенно безсильное для благородных деяний. Но мы не шли по стопам его, мы оказались недостойными его сынами. Духовное разложение и разврат укоренялись в обществе и народе все глубже, за светильником мы не следовали и вот светильник отъят от нас, подвинут со своего места.

Строго наказал нас Господь, но не для отмщения, а для вразумления. Он требует от нас, чтобы отвратили осуетившиеся взоры наши от своекорыстных целей и житейского рассеяния и взглянули бы в себя самих, чтобы увидали, как далеко ушли мы от христианских заветов святых строителей нашего отечества и создателей народного духа, – чтобы ужаснулись своего ожесточенного нечувствия и в слезах покаяния искреннего и всеобщего, умолили Бога о народном и общественном возрождении. Сего требует Господь, нас посетивший Своею праведною карой. Он требует также и благодарности к отшедшему благодетелю России, незримо простирающему к нам свои царственные руки и просящему теперь нашей молитвенной помощи для неукорного восхождения духа его в райския обители. Хотя праведен был дух сей, но и он нуждается в теплых молитвах Церкви. Пусть же оне возносятся, как фимиам к Богу, и ограждают душу возлюбленного Государя от всякой напасти. Аминь».

11. Император Александр II, реформы его царствования и русское общество.

Владыка Антоний, еще в сане архимандрита, приблизительно через год после произнесения им в Москве вышеприведенной речи об Императоре Александре III-м, 30 августа 1895 г. в Казани, куда он тогда переведен из Москвы, в кафедральном соборе произнес речь об Императоре Александре II-м по случаю открытия в Казани памятника ему. Эта речь имеет особо важное значение для понимания дальнейших событий, происшедших в России. Из этой речи ясно, что обе революции 1917 года, и февральская и октябрьская, явились завершением того процесса разложения русского общества, которое началось задолго до последней катастрофы. Владыка Антоний сказал тогда следующее⁵³.

* * *

«Аще зерно пшенично пад на землю не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит» (Иоан. XII, 24).

Мы собрались в сей св. храм, чтобы предварить молитвой гражданское торжество града нашего, устроенное в память почившаго в Бозе Государя Александра Второго. Да будет память его по слову Писания, «как состав фимиама, приготовленный искусством мироварника» (Сирах. XLIX, 1) и да славится жизнь его и кончина его на стогнах градов и в домах сынов народа нашего; но здесь в доме Божиим, в доме молитвы и просвещения духовного, направим свое внимание на ту сторону воспоминаемых событий, которая может служить к нашему научению.

Не долго придется нам ее отыскивать: собственная совесть наша уже шепчет каждому из нас два всем понятных, два страшных для русского человека слова **первое марта**.

Давно совершилось позорное для всей земли нашей цареубийство и однако-же каким тяжелым, но постоянно новым укором поражает нашу душу память сего злодеяния всякий раз, когда мы бросаем взор на наше историческое прошлое.

Мрачность этой картины усиливается именно потому, что по общему сознанию современных мыслителей преступное событие, столь сильно потрясшее сердца русских людей, не стояло, однако, вне связи с настроением тогдашнего общества и хотя представлялось ему горестным, ужасным, позорным, однако, не было для него совершенно чужим, совершенно случайным единичным делом, но произошло на русской ниве, как колючий ядовитый терн среди многих других ядовитых злаков и плевел, насажденных врагом, который воспользовался греховным усыплением общественной совести.

Об этом то усыплении и должно нам подумать, братие, в сей день, посвященный воспоминанию славного царствования и мученической смерти незабвенного Государя. Как ни тяжела сия всенародная исповедь, но соединенная с искренним покаянием да облегчит она безъисходную печаль русских людей при взирании на созданный художниками облик благодного Государя, которого не могла сохранить от руки убийцы земля его, погруженная в греховный сон и самозабвение.

Правда, по-видимому, нельзя назвать временем духовного усыпления первый период воспоминаемого царствования, те шестидесятые годы, которыми многие и поныне любят хвалиться, как временем всеобщего одушевления, временем живым и деятельным, исполненным гражданских подвигов земских деятелей и высокими, самоотверженными стремлениями учившагося в то время юношества.

Не будем и мы отрицать добрых сторон того времени, пожалеем вместе с его сынами об утраченной впоследствии живой общественности, искренности и безкорыстных стремлений, но все-таки предложим и им согласиться, что именно тогда было положено начало тому нравственному опьянению, и растлению, которое в своем дальнейшем развитии создало безобразную секту динамитчиков. Пусть были искренни чисты тогдашняя свободолюбивые и человеколюбивые стремления: но нельзя отрицать и того, что всю правду и человеколюбие хотели тогда воплотить в учреждениях внешних, заботились о внедрении их лишь в содержание законов и в общественном строе, а важнейшее условие для процветания,

как этих, так и всех прочих духовных благ, было забыто, – забыто и даже отвергнуто. Разумею внутреннюю жизнь человека, жизнь нравственной личности. Не с тех ли именно пор русские люди начали уподобляться нашим иноверным соседям по тому внешне законническому, безсердечному настроению, при котором человек заботится лишь о том, чтобы всякий отдельно взятый поступок его не был нарушением точных и ясно определенных законов условно-просвещенного общества, – а о чистоте совести своей, о смягчении сердца, об искреннем обсуждении своих внутренних побуждений – совершенно забывает.

Да, забыло о сем наше общество, увлекаясь блестящими картинками нового облагороженного строя жизни, – забыло, отдав свое сердце и свой ум изысканию и установлению справедливых порядков внешних и возгордясь ими, как некогда Ахав или Навуходоносор своими блестящими учреждениями. Сколько, действительно, отважной похвальбы себе слышим мы от представителей того времени, каким насмешливым презрением стали они клеймить все прошлое нашего отечества, не разбирая худого от хорошего и даже потеряв способность понимать последнее.

Сначала, т. е. во время возбуждения общественной жизни шестидесятых годов, это увлечение не было еще сознательно преступным и порочным: оно скорее напоминало неудержимую резвость подростка, забывшего о послушании своим родителям: но вот проходит первый пыл увлечения, новые порядки жизни, т. е. крестьянская воля, суд присяжных и земство перестали быть увлекательными новостями, пришло время собирать плоды нового посева, пришли семидесятые годы, и что-же? оказалось, что грешная и лукавая душа человека, оставленная без испытующего внимания и упражнений совести религиозной, быстро начала подменять под благородные учреждения общественной жизни самые низкие, самые гнусные побуждения. Журналы и газеты наполнились оглаской того, как полномочия частных торговых учреждений, профессий стали средствами лихоимства, наглых обманов и посягательств, наконец, жестокости и человекоубийства, – как воспитание, проникнутое

духом свободы, но не снабженное нравственным содержанием, повергло юношество в ранний, утонченный и гибельный разврат, безверие, кощунство и отчаяние.

И вот среди этого общественного развращения, явившагося, хотя неожиданным, но неизбежным плодом шестидесятих годов, исторгавших последние корни духовного церковного склада русской жизни, – среди уже не искреннего, а лицемерного провозглашения слов человеколюбия и равенства, – воспитывались разочарованные, озлобленные, исполненные ненавистью ко всему и с детства развращенные мрачные исчадия духа человекоубийства, жаждавшие крови, чтобы отомстить за свое собственное нравственное уродство, за свои обманутые надежды, – и нашедшие дозволение своему зверскому настроению в диких идеях социализма.

Так воспитались многочисленные исполнители ужасного преступления, так оправдали они предсказание великого писателя, уподобившаго их гадаринским свиньям, в которых вошли все бесы, овладевшие на время человеком, под коим сей писатель разумел русский народ. Оправдалось предсказание это в том смысле, что страшное падение этих несчастных сынов проклятия, проявившееся в их отвратительном безумном злодеянии, действительно образумило русскую землю, русское общество. Образумило, но какою ценою? Ценою Царя Благодетеля, Царя мира и прощения, Царя милости и просвещения. Образумило, но, о еслиб, действительно исцелило! Тогда бы и эта драгоценная кровь, и эта щемящая, мучительная память о ней была бы и жертвой не напрасной, и наказанием, умягчаемым сладостью духовного возрождения.

Но в том и заключается вся горечь этой утраты, вся свинцовая тяжесть воспоминаний, что одержимые духовными недугами, хотя и образумились в значительной степени, но, еще далеко не исцелили; хотя поняли глубину своего падения и преступность своего удаления от завещанной нам церковью и предками жизнью по внутреннему человеку: но все-таки не нашли и не находят в себе силы, чтобы воротиться подобно блудному сыну к отеческому завету, чтобы не на словах, но на

самом деле зажить новой жизнью в прекрасном союзе с церковью и забытым народом.

Правда, после семидесятих годов настали восьмидесятые и девяностые, когда стало принято говорить о великом государственном значении церкви и религиозного воспитания, о гибельности безверия и свободомыслия, но увы! говорящие так по большей части страдают тем же, чем и отцы их: они воплощают восхваляемые начала в учреждениях внешних **«сердце же их далече отстоит от Мене, все же чтут Мя»**, так сказал бы о них Господь наш. До того разслабло сердце современного человека, что ни искренно чувствовать не хочет он того, что признает умом, ни жить так, как чувствует сердце. – И вот, все остается прежнее: прежняя холодность и увлекающая борьба неукротимых честолюбий, прежнее развращение нравов, спокойная самодовольная леность богатых при озлоблении зависти бедных, вот содержание наших общественных нравов.

Тяжело не знать истины, но не тяжелее ли, зная ее, не находить в себе силы ей следовать?

И это ты, ты Святая Русь, достояние князей, оканчивавших дни свои в монашеской схиме или в сонме мучеников от рук язычников татар! Ты, освященная подвигами святых – духовных вождей твоего народа, предмет удивления иностранцев, о которой сказано, что Христос родился в Вифлееме, а живет в России? По-прежнему воздух над тобою оглашается церковными трезвонами и наполняется молитвенными гимнами; по-прежнему стези твои попираются тысячами тысяч паломников богомольцев; по-прежнему простецы из сынов твоих, оканчивая дни земного странствования, спокойно и торжественно переходят в загробный мир, как достойные благоговейного преклонения, великие духом философы.

Отчего же лучшие из сынов народа твоего, наученные мудростям всех стран и обогащенные воспитанием и роскошью, исполнены духа иного, и либо пренебрежительно отверщаются от твоих заветов, от твоих святынь, либо издалека простирают к ним неуверенные, бессильные руки? У них нет прежней прoderзностной самоуверенности. – Отческое достояние истрачено уже до конца блудным сыном; познал он пагубность

своего удаления, видит теперь, что и познание само по себе бессильно вернуть его к жизни. Он пленен страстями и ленью, видит грозящую гибель и сидит пока в раздумье.

Каков будет исход сего раздумья? Последний ли порыв отчаяния или сокрушенное покаяние и последующий затем медленный и долгий подвиг нравственного отрезвления? Поймет ли русское общество, сознавшее нравственное бессилие естественного человека, что чистота совести, совершенство добродетели достигается не порывом, не единичным подвигом, но смиренным созданием своего внутреннего человека, что жизнь есть крестный подвиг не в смысле отдельных героических поступков, а в смысле том, чтобы незримо для человеческих похвал постоянно созидать в тайнике сердца своего совершенство добродетели, немыслимое без всегдашняго общения со Христом и поучения Его слову? – Или наоборот – прозрение, не сопровождаемое бодростью духа, повертнет его в отчаяние, сугубый разврат и самоубийство, как древних римлян, – вот о чем спрашивает нас наступающее новое столетие, спрашивает нас тень убитого Царя и воздвигнутый ныне его памятник. Вот о чем спрашивает нас тень и его усопшего царственного сына, учившего нас примером жизни своей тому, чему учил нас державный отец его своей мученической кончиной.

Ответ на эти вопросы в совести каждого из нас. И если наше общество, научаемое явными делами Божественного Провидения, наконец, обратится к своему внутреннему человеку и через то возвратится к жизни своего народа и к служению ему, согласно не только общественному призванию каждого, но и в добровольных подвигах благотворения: то **«приидут времена отрады от лица Господа»** (Деян. III, 20). Тогда только и великия преобразования царствования Александра Второго возсияют во всей своей славе, ибо к братолюбивому учреждению прибавится братолюбивый дух и уже никто не посмеет, как ныне, принижать их во имя охранительных начал.

И если где-нибудь, хотя в одном уголке земли нашей, настало бы искреннее нравственное возрождение, то оно

примером своим, подобно чистительному огню, пронеслось бы по всей стране и тогда бы сбылась вторая часть уподобления нашего отечественного писателя, т. е. вся Русь, как исцеленный бесноватый, села бы при ногах Спасителя, одетая в одежду соответственных ей духу человеколюбивых учреждений вспоминаемого царствования, а сам великий виновник этих последних благословил бы нас из того лучшего мира и со свойственным его царственному сердцу самоотвержением и всепрощением благословил бы и скорбную жизнь свою и мученическую свою смерть. послужившую духовному просветлению отечества во исполнение слов Евангелия: **«аще зерно пшенично пад на землю, не умрет, то едино пребывает: аще ли умрет, мног плод сотворит»**. Аминь.

12. Кончина Государыни Императрицы Марии Феодоровны⁵⁴.

30 сент./13 октября 1928 года в г. Копенгагене в Дании скончалась вдовствующая Государыня Императрица Мария Феодоровна. По получении в Белграде известия о ее кончине, владыка Антоний 4/17 октября в Св. Троицкой церкви в Белграде совершил панихиду, во время которой сказал следующее:

* * *

«Сегодня, в эти осенние октябрьские дни, перед своим заходом светит нам яркое солнце, а наше русское солнце, наши Царь и Царица, давно уже зашло и мы не увидим их до второго пришествия Христа Спасителя. Обычно при заходе солнца, на горизонте, еще некоторое время светит яркая вечерняя звезда. Такой звездой, светившей нам на небесклоне нашей жизни, была Царица Мать. Но вот тепер погасла и Она и над всей русской жизнью наступила темная ночь.

По нашей земле в эту безпросветную ночь рискуют духовные гады, хищные звери – большевики, губящие русских людей.

Почившая Царица не принимала участия в политической жизни, но, как видно из опубликованной Ея переписки с сыном – Царем, Она поддерживала, ободряла Его и переживала все русския несчастья. Так и теперь самое Ея пребывание среди нас вселяло надежды в наши души и наша жизнь была легче.

Но пусть Ея кончина не вселит в нас уныние. Будем подражать древним иудеям, которые сражались при Маккавеях за св. веру и свое отечество до последней капли крови. Когда были убиты все Маккавеи, они сказали: «с нами неть вождя, поэтому надо нам самим вооружиться двойным мужеством» и они довели свою борьбу до победного конца. Удесятерим же и мы свои силы в нашей духовной борьбе, доведем нашу праведную борьбу до конца и дадим себе обет, что мы будем и теперь и в будущей России возносить смиренные молитвы за

Царя и Царицу. Будем помнить, что они умерли не за свои грехи, а потому, что были верны долгу.

Пусть погибнет гнусное владычество большевиков. Пусть дождется Св. Русь своего возлюбленного православного Царя. Сие да будет с нами по милости Божией, а усопших да упокоит Господь в Своем праведном царстве».

13. Погребение Государыни Императрицы Марии Феодоровны.

Дочери усопшей Государыни Императрицы Марии Феодоровны Великия Княгини Ксения и Ольга Александровны пригласили на отпевание и погребение усопшей Государыни владыку Антония и митрополита Евлогия, на которого за год перед этим было наложено Архиерейским Синодом запрещение в священнослужении. Владыка Антоний, сославшись на свою болезнь и краткость времени, от поездки в Копенгаген отказался, но в день отпевания 19 октября в г. Белграде совершил панихиду по Государыне Марии Феодоровне, во время которой прочитал разрешительную молитву, читаемую при совершении отпевания. Во время этой панихиды владыка Антоний произнес следующее слово.

* * *

«Сегодня погребена русская Царица. Прервалась золотая нить русской жизни. Теперь действительно мы вполне осиротели. Пока жива была миропомазанная Царица знали, что в далеком Копенгагене есть незыблемый фундамент, есть миропомазанный корень России. Озирались на русскую Царицу и могущественные иностранцы и не могли не видеть в старице-Царице выразительницу былого русского величия. Теперь же наступило наше всероссийское сиротство. Это сиротство сознают теперь многие и многие, надеюсь, все русские люди. Помню я, как в России не только заведомые нигилисты, но даже и некоторые благонамеренные люди в дни Царских служб сетовали и говорили, когда же окончатся эти бесконечные молитвы о Царе. Не хотели люди понять, что мы тогда молились не только лично за Царя, но в Его лице за защиту Св. Церкви и Православия, за Св. Русь, за благоденствие всего народа. Тепер, в годы этих несчастий, надеюсь, поняли это все.

Пока живы бывают в семье отец и мать, в семье случаются недоразумения, ссоры, иногда даже перебранки и часто семья не ценит своих отца и матери. Когда же они умирают, семья сознает, кого она лишилась. Много было недоразумений и в

нашей русской государственной семье и Россия мало ценила своих Отца и Мать – Царя и Царицу, но когда они умерли, суровая жизнь заставила всех понять, кого мы лишились, какое значение они имели для России.

Сейчас, строго говоря никакой России не существует. Россия и в будущем без обще-народного Отца – Царя также не может существовать. Не может существовать потому, что русский человек не будет строить государство, защищать его и жертвовать собой ради отвлеченного принципа государственности без живого воплощения его в излюбленных им формах.

Я молился о том, чтобы Господь сохранил жизнь последней русской миропомазанной Царицы и чтобы Она увидела на русском престоле одного из двоих сыновей. Это пожелание я высказал лично почившей Государыне в 1921 году и видел, какую доставило это пожелание Ей радость, какой любовью Она проникнута к России. Но вот теперь мы видим, что этому пожеланию не суждено сбыться.

Будем же молиться, чтобы не погибла окончательно Россия. Пусть она найдет в себе силы воздвигнуть Царя. Это должно случиться не потому, что это пожелание высказал кто-либо великий, но потому, что это есть обще-российская нужда, настоятельное требование народной жизни, единственный путь восстановления России.

Тогда мы будем молиться о наших Царях и Царицах не с такой безысходной скорбью и печалью, какой мы проникнуты сейчас, но будем прославлять величие и милость Господа на своей святой земле, охраняемой и защищаемой обще-народным Отцом – Православным Царем Самодержавцем».

Кончина и погребение Государыни Императрицы Марии Феодоровны последовали в самый разгар церковной смуты, возникшей за границей и это обстоятельство вызвало затруднение и огорчение, связанное с вопросом, кто именно должен погребать Императрицу. Вопрос этот нашел свое отражение в следующем официальном обращении владыки Антония, опубликованном 11 ноября / 29 октября 1928 года.

* * *

«От Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей Митрополита Антония.

В связи с смертью Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны печать, враждебная соборной Церкви и противники иерархов ея, стали связывать с священной памятью Ея Величества вопросы о церковной смуте в заграничной Церкви и муссировать неправильные и тенденциозные слухи о неприбытии моем и подчиняющихся Архиерейскому Собору иерархов на погребении Государыни Императрицы.

Это обязывает нас заявить во всеобщее сведение об истинном положении затрагиваемых вопросов.

По получении от состоявшего при Государыни Императрице Марии Феодоровны князя Долгорукова печального известия о смерти Ея Величества, мы немедленно выразили Старшей Дочери почившей Великой Княгине Ксении Александровне наше глубокое огорчение и скорбь по случаю смерти Державной Матери России и сожаление, что я лишен возможности лично прибыть и поклониться праху Императрицы, и известил Ея Высочество, что одновременно предложено Архиепископу русских православных церквей в Западной Европе Высокопресвященному Серафиму и Преосвященному Тихону, Епископу Берлинскому и Германскому отправиться в Копегаген для совершения погребения Ея Императорского Величества.

Ея Высочество выразила мне по телеграфу благодарность и высказала сожаление, что не могу лично приехать.

Я действительно не имел возможности выехать ввиду недомогания моего и некоторых затруднений, связанных с таким спешным выездом в другую страну. Я не готовился: не хотелось верить в такой скорый и печальный конец.

Ныне мы получили донесение, что Архиепископ Серафим и Епископ Тихон, узнавшие о спешном выезде запрещенного Собором Архиереев в священнослужении Митрополита Евлогия с таким же запрещенным протоиереем Прозоровым, затруднились выехать и тем предотвратили непременно имевший возникнуть вопрос, кому совершать погребение Почившей Императрицы – им Архиепископу Серафиму и

Епископу Тихону – представителям Русской Православной канонической Церкви, или запрещенному в священнослужении Митрополиту Евлогию, так как с последним никто из иерархов и священнослужителей не может по божественным канонам служить. Не мог бы служить с ним и я, если бы поехал сам.

Наша мерность, как и все иерархи Русской Православной Соборной Церкви за границей, согласно незыблемым священным канонам, считают Митрополита Евлогия «безблагодатным и совершение им богослужения после запрещения его – кощунством». И потому в день погребения почившей Императрицы, совершая в нашем русском православном храме в Белграде панихиду, прочли во всеуслышание разрешительную душе почившей Императрицы молитву и с нашей стороны вознесли Господу Богу горячую молитву о прощении души Почившей и принятии Ея в селения праведных.

Заявление о возможности какого-то примирения у гроба Почившей двух митрополитов и каких-то двух церковных течений, беспочвенно, оскорбительно и кощунственно. Никакой ссоры между митрополитами не было. Никаких двух церковных течений нет и не может быть. А стало быть не могло быть и какого то примирения у гроба Царицы. Налицо отпадение Митрополита Евлогия от Собора иерархов, прежде признававшегося им и бунт против этого Собора. Единственная возможность прекращения церковной смуты, вызванной Митрополитом Евлогием, заключается в принесении им Собору иерархов извинения за оскорбление его демонстративным оставлением в 1926 году соборного заседания, начатаго молитвой «Днесь благодать Духа Святаго нас собора» и принесения ему покаяния в ослушании ему и упорной борьбе против него без разбора в средствах. И если бы Митрополит Евлогий это смог бы сделать у гроба любимой нами Императрицы, то ничто не мешает ему сделать это и теперь, и если не во имя священных канонов, архиерейской совести и монашеского послушания, как полагается, то во имя той же памяти в Бозе почивающей Государыни.

Наша мерность и все иерархи Заграничной Православной Церкви с великим утешением и радостью приняли бы грядущаго и вознесли бы Богу мира и любви благодарственное воздыхание. Митрополит Антоний».

14. Кончина Великого Князя Николая Николаевича⁵⁵.

6 января 1929 года во Франции скончался на 74-м году своей жизни Великий Князь Николай Николаевич. После революции 1917 года Великий Князь Николай Николаевич покинул пределы России и поселился сначала в Генуе, а затем во Франции, не входя ни с кем в официальные сношения. После окончания гражданской войны и эвакуации белых армий за границу, взоры русских людей обратились к Великому Князю Николаю Николаевичу, желая видеть в нем национального русского вождя. 16 ноября 1924 года Великий Князь Николай Николаевич отдал приказ о принятии на себя Верховного Главнокомандования и через Главнокомандующего генерала Врангеля подчинил себе, как Армию, расселившуюся за границей, так и все русские военные организации. Великий Князь Николай Николаевич приложил все свои усилия к тому, чтобы привлечь великия государства к делу освобождения России от власти большевиков, но успеха на этом не имел, так как великия государства пошли по другому противоположному пути – по пути признания советской власти, как яко бы законного русского правительства и установления с ними дипломатических отношений.

Великий Князь Николай Николаевич по своим религиозным убеждениям принадлежал к Соборной Церкви, возглавляемой владыкой Антонием. Духовником и настоятелем домово́й церкви Великого Князя Николая Николаевича был командированный владыкой Антонием из Югославии архимандрит Феодосий (Евфимов), бывший ключарь Черниговского Кафедрального Собора, высокообразованный и достойный пастырь. Кончина Великого Князя Николая Николаевича была истинно христианской. Отпевание и погребение его совершил архиепископ Серафим Западно-Европейский и он был погребен в крипте русской православной церкви в Каннах.

15. Признание Великого Князя Кирилла Владимировича Российским Императором.

Владыка Антоний признавал Великого Князя Николая Николаевича Верховным Вождем русского народа и воинства. После же его кончины владыка обратился к Великому Князю Кириллу Владимировичу, объявившемуся себя на основании Российских основных законов, 31 августа 1924 года Российским Императором, с изъявлением своих верноподданических чувств и с признанием Его Императором. Предварительно владыка осведомил об этом Югославянского Короля Александра, в государстве которого он жил, и не встретил с Его стороны никаких возражений.

Государь Кирилл Владимирович ответил владыке Антонию следующим рескриптом.

«Его Высокопреосвященству, Митрополиту Киевскому и Галицкому Антонию.

Высокопреосвященнейший Владыка Антоний! С удовлетворением Я прочел Ваше верноподданическое обращение ко Мне. Да благословить Господь Ваш шаг и да послужит он примером объединения всех русских людей во имя спасения Родины.

Святая Православная Церковь всегда была опорой Трона и верю, что и теперь, в дни лихолетия, Она придет Мне на помощь в Моей тяжелой монаршей работе, по возстановлению законной исторической власти.

Поручая Себя Святительским молитвам Вашим, пребываю к Вам отныне неизменно благосклонный.

(Далее собственноручно написано)

Прошу не оставить Меня без советов и поддержки.

КИРИЛЛЪ.

26 января ст. ст. 1929 года. С.-Бриак».

После этого владыка Антоний неоднократно обращался с воззваниями и призывами к русским людям, увещевая их последовать его примеру и объясняя свой образ действий в

этом вопросе, который не встретил среди русской эмиграции полного единодушия.

16. Знаменительное 25-летие⁵⁶.

В своей статье: «Знаменательное 25-летие», написанной владыкой Антонием по случаю исполнившегося 25-летия со дня спасения Государя Кирилла Владимировича в 1904 году во время войны с Японией из вод океана, владыка Антоний писал следующее.

* * *

«В годы смутного времени предстоятель Российской Церкви Святитель Ермоген неоднократно разсылал воззвания и послания во все концы Руси, требуя скорейшего признания законного Царя, хотя в то время исполнить этот святительский призыв было мудренее даже, чем теперь. Законный Царь Василий Шуйский был отвергнут и пострижен в монашество. Хотя пострижение это было подневольно, но обет послушания, нестяжания и девства был произнесен в святом храме и признать их ничего не значущими богобоязненная Русь не решалась. Но не решался так взирать на дело Святитель Ермоген и долгое время призывал народ к верности сверженному Государю. Наконец, когда он увидел, что это не осуществимо, он согласился на признание Царем польского королевича Владислава, если он согласится принять православное крещение (именно крещение, т. е. троекратное погружение в воду во имя Отца и Сына и Святого Духа). Об этом Патриарх написал королевичу увещательное послание, сохранившееся и до ныне в целости. Когда королевич и еще больше его отец король Сигизмунд отказались это исполнить, то Св. Ермоген навсегда оставил такую мысль и перед своей мученической смертью указал русским на юношу Михаила Феодоровича Романова, как на ближайшего родственника наследственных Царей Ивана Васильевича Грозного, Феодора Иоанновича и супруги Грозного Анастасии Романовой, родным племянником которой являлся указанный Патриархом преемник Царского Престола Михаил Феодорович.

Впрочем, не только в этих событиях XVII века, но и вообще после кончины миропомазанных Царей Патриарх или

Митрополит Московский почитался на Руси «набольшим человеком» и от него первого ожидали указаний на то, кто должен занять Царский Престол. Так, Святители Алексей и Иона потребовали воцарения Сына Царева, а не брата, как думали было бояре. Так происходило дело при наличии Царской Династии, так оно продолжалось и при полном прекращении Династии.

Не стало Царя – не стало России. Ея внутренние враги постарались истребить с лица земли и самое имя ея. Я с точностью предупреждал о сем русскую паству в столичном кафедральном соборе в прощенный день 1905 года, но тогда русские люди не вразумились и продолжали безумствовать пока не оказались в жестоком плену у презрения достойных, ни во что не верующих инородцев, которые, согласно приведенному предсказанию, подняли жестокое гонение на Православную Христову веру, поразорили церкви, поубивали или разогнали добрую половину Архиереев Божьих, а кое-где заменили их безбожниками, предателями лжеархиереями, далее, разорили святые лавры, монастыри и соборы, чего не решались делать ни безбожники татары, ни древние печенеги-язычники.

Не одни подобные злодеи совершили гибель нашего Отечества. В подготовке ея принимали участие и русские именитые чиновные люди, поносившие в продолжении 100 лет и более все русское, а особенно Святую веру русскую, Христову веру и раздражавшие простой народ своим развратом и насилиями – большая часть из них, т. е. из оставшихся в живых от народной мести, теперь одумались, и поняли, что оставаться без веры, без Церкви Христовой и без Царя нам невозможно: необходимо возвратиться и вернуть народ к благочестию и порядку, какой был при наших Царях, а выдумывать новый беспорядок и своеволие это значит повторять бесчисленные бунты и конечное разделение на радость внешних прагов наших и врагов нашего спасения, т. е. – дьяволов.

Однако это дело мудренее, чем то, которое исполнили наши предки 316 лет тому назад, избравшие Царя из царской родни и целовавшие Ему крест. Труднее это дело теперь

потому, что наши предки были люди благочестивые и единодушно желавшие блага для Святой Руси, а теперь совсем не то; впрочем, в другом смысле предстоящее дело воцарения **законного Царя** легче теперь, чем тогда и вот в каком именно смысле: – тогда трудно было даже искренним людям убедиться и убедить друг друга в том, кто был бы законный Царь. Это решено было авторитетом Святейшаго Патриарха Ермогена; ныне же **законный, бесспорно законный Царь Кирилл Владимирович** перед глазами всех.

В настоящие дни исполняется двадцать пять лет со времени Его чудесного спасения в водах Тихого Океана во время Русско-Японской войны. Подобное же спасение Государя Александра III, Его Супруги и Наследника Николая Александровича 17 октября 1888 года ежегодно ознаменовывалось торжественными служениями литургий и благодарственных молебнов по всем храмам на Руси, не только при жизни того Государя, но и по кончине Его, когда оставались в живых Государыня и Наследник, сделавшийся по воле Божьей Императором в 1894 году.

Пора, давно пора и нам начать благодарить Бога за сохранение жизни нашего **наследственного Царя** в страшные дни марта 1904 года: – даже те, кто смущается Его признать Царем без торжественного провозглашения, не могут не признать Его **единственным законным Наследником Престола** и должны наравне с первыми благодарить Бога за чудесное сохранение Его жизни из глубоких вод океана. Такое первое благодарение состоится в нашей Белградской церкви в ближайшее воскресение после литургии (1/14 апреля), но хорошо если и прочие русские церкви в Королевстве усвоят себе такой обычай.

Пусть замолкнут уста безумцев, находящих в подобных увещаниях какую-то «политику». Именно полное отсутствие политики, полный отказ от всякой политики заключается в отрицании и февральской и октябрьской революции 1917 года, причем после их отрицания останется у нас **прежняя самодержавная Царская Россия**, объединенная Православным Самодержцем, как носителем той **единой**

признаваемой народом власти, которой с доверием и любовью подчинялись все сто одиннадцать племен, населявших наше Отечество и молящихся, всякое племя по своему, о возвращении прежних времен справедливости и милосердия».

17. К православным русским людям⁵⁷.

В воззвании случаю пятилетия со дня обнародования манифеста 31 августа 1924 года о принятии Государем Кириллом Владимировичем Императорской власти владыка Антоний писал.

* * *

«Ныне, 31 августа страго стилия, в 1924 году обнародован Царский манифест о принятии Государем Императором власти, которая, согласно основным законам, переходит к старшему в роде Царствующей Династии. Таковым старшим в роде после кончины Государя Николая II, Его Сына Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и Его Брата Великого Князя Михаила Александровича, бесспорно является Кирилл Владимирович – со дня издания того манифеста – наш воцарившийся Государь Император, заявивший однако в том же манифесте, что, если окажутся названные Высочайшие Особы живы, то Он без всякого извета отказывается от принятой Им власти и признает Их Своими Государями.

Если мы не примыкаем к обоим бунтам 1917 года, т. е. ни к бунту господскому, или февральскому, ни к бунту солдатскому или еврейскому или октябрьскому, то должны признать, что согласно законам, согласно древнему разуму и примеру прежних Государей, усопших трех Александров и обоих Николаев, власть Царскую получает законный Наследник сам по себе, т. е. прямо от Промыслителя Господа без всякого избрания, ибо избрание рода Романовых с его потомством на царство совершилось в 1613 году Великим Земским Собором в Москве, каковое избрание никакой законной властью отменено не было и не может быть, отменено.

Не спеша заявил о Своей обязанности принять Царскую власть Великий Князь Кирилл Владимирович, но выждал время, когда доподлинно узнал о кончине Царя Николая II, Его Сына и Его Брата и тогда только объявил Свой манифест.

Не поспешили и мы заявить свое подданство Его Императорскому Величеству новому Государю, но ожидали, как

заявит Себя в этом смысле признанный нами ранее Верховный Вождь русского народа и русского воинства Великий Князь Николай Николаевич. Однако, и он, и Государыня Мария Феодоровна и полководец Врангель, – все скончались впродолжение одного года, и верная Россия, не предавшаяся большевикам – врагам Божиим и врагам народа русского, осталась без Царя, что для нея невозможно, как показали последние годы, когда лишившаяся Царя Россия и сама почти перестала существовать, ибо от нея враги отняли и самое имя ея, существовавшее 1067 лет и славившееся на весь мир. Вместо Роосии они провозгласили СССР. –

Все это и все бедствия, соединенные с колебанием Самодержавия в России, мы предсказали 20 февраля 1905 года в Петроградском Исаакиевском Соборе и с тех пор не переставали оплакивать тогда еще грядущую, а с 1917 года наступившую, смертную беду нашего отечества и Церкви⁵⁸.

Неразумны и неправдивы те люди, те писатели и ораторы, которые говорят будто Православная Церковь Русская могла и может существовать при всяком государственном строе, начиная с республики. Надо голову потерять, чтобы говорить такая несообразности.

На самом деле всю необъятную страну нашу с населявшими ее 111 народами. державшимися 23 вероисповеданий, соединяла вместе и скрепляла только власть Православного Царя, что разумели даже преступные бунтовщики вроде Отрепьева, Пугачева и Разина, которым временно удавался их бунт только потому, что они прикрывали его выдуманной ими волей несуществовавших тогда уже в живых царей русских и царевичей.

Понимая это, преступные большевики и теперь пускают повсюду ложные слухи о том, будто бы жив Государь Мученик Николай Александрович, убиенный 4 июля 1918 года или Его убиенный Брат Михаил Александрович.

Никакой другой власти, кроме власти богопомазанного Царя русского, наш народ не будет доверят, а разным начальникам военным и штатским подчиняется только, как царским доверенным, чему и научил все христианство св. Апостол Петр:

«будьте покорны всякому человеческому начальству для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро» (1Петр. 2, 13–14).

Видите, не только сама Царская власть, но и всякая другая человеческая власть (о церковной здесь не сказано) получает законность не через выборы народные, а через царское полномочие. А какое же касательство ко всему этому власти церковной?

Она обязана указать православному народу законного Царя и призвать народ к послушанию. Так творили и древние пророки Самуил, Илия и Елисей; так творили и наши святые отцы и учителя Церкви – митрополиты Петр, Алексей и Иона. Так обязуюсь творить теперь и я грешный, оставшийся старшим иерархом во Всероссийской Церкви после кончины Св. Патриарха Тихона, согласно постановления Всероссийского Церковного Собора 1918 года.

Долго молчал я и не возвышал своего пастырского голоса к народу православному, но теперь, познав, что уже приближаюсь к исходу своему, обязуюсь повторить слова Пастыреначальника: «Мне подобает делати дела пославшаго мя, дónдеже день есть: придет ночь, егда никтоже может делати» (Иоан. 9, 4).

Итак, отцы и братие, умоляю вас, отрекитесь окончательно от треклятой революции против Бога и Царя и предайтесь во имя Отца и Сына и Святаго Духа законному Царю нашему Кириллу Владимировичу и законному Наследнику Его Владимиру Кирилловичу.

Не терпите больше, т. е. не примеряйтесь к тем, кто на ваших глазах в России разрушают Божии храмы, закрывают св. обители, убивают архиереев и весь священнический чин, выбрасывают чудотворныя мощи угодников и благодатныя иконы из св. храмов и часовен и стараются в своих мерзких школах уверять невинных детей и доверчивых юношей будто и Бога нет и Христа не было, а можно спокойно и смело предаваться разврату, не слушаться родителей и обманывать своих жен. Евреи, распространяющие такие преступныя убеждения, даже сами не живут таким зверским обычаем, а

распространяют его, желая поголовно сгноить в пороках и затем совершенно истребить русский народ.

Молитесь, чтобы Господь не попустил сего, но спас народ и отечество наше, возвратив нам законное царство, **возвратив наш народ к искреннему покаянию** и православному благочестию. **Аминь»**.

18. Благочестие Великокняжеского рода Владимировичей.

В одной из своих статей владыка Антоний с большой любовью писал о благочестии Великокняжеского рода Владимировичей. Посетовав на удаленность иерархии от Высочайшего Двора, владыка писал:

«...С большой радостью я узнал в Петербурге от архиепископа Николая Северо-Американского о том, что он, встретив в Америке Великого Князя Кирилла Владимировича, которому в то время было около 25 лет, слышал от него сетования на отдаление иерархов от Двора, при чем Великий Князь высказывал предположение, что иерархия опасается подозрений в искании протекций у Высочайших Особ. Великий Князь Кирилл Владимирович говорил о своих Родителях Великом Князе Владимире Александровиче и Великой Княгине Марии Павловне, которые всегда отличались высоким благочестием, что они были бы довольны видаться и беседовать с иерархами. Они любили посещать монастыри, дважды были на Валааме. Один раз они принимали на Валааме монастырскую трапезу, причем духовник иеросхимонах Иоасаф, человек совершенно простой, подвигая тарелку с монастырской похлебкой Великой Княгине, простосердечно говорил ей: «Кушай, барыня, кушай».

Наш север – Архангельск, Петрозаводск и т. д. был совершенно удален от центра, заброшен, как бы забыт столицей, и когда там появлялись Высочайшие Особы, то волнениям не было конца. В Петрозаводске в 70-ых годах был городской голова совершенный простец и вот городские власти чрезвычайно опасались, чтобы при приеме Великих Князей он не допустил бы какой-либо безтактности. Во время приема все сошло благополучно. Князя уже сели на пароход и вдруг городской голова простодушно в последнюю минуту крикнул через борт: «Кланяйтесь тятеньке». Тятенька же этот был никто иной, как Император Александр II.

Великая Княгиня Мария Павловна отличалась особой религиозностью, однако, опасаясь, чтобы ее не упрекнули в честолюбивых замыслах, она довольно долго не принимала Православия, но в тех случаях, когда она заболела, то говорила о необходимости принять Православие, но затем, поправившись, опять откладывала. Наконец, она приняла Православие и была верной дочерью нашей Церкви. В ее семье большим почитанием пользовалась Почаевская чудотворная икона Божией Матери, от которой получила исцеление Ея Высочайшая родственница Великая Княгиня Александра Петровна. В 1903 или 4 году мы поднесли Великой Княгине Марии Павловне список этой чудотворной иконы. Мы прибыли с депутацией от Волынской губернии, в то время самой патриотической во всей России. К нам вышли Великий Князь Владимир Александрович и Великая Княгиня Мария Павловна. Я сказал краткое описание Почаевской иконы и нам отвечал за свою супругу, которая стеснялась говорить по русски, Великий Князь. Я с умилением тогда наблюдал с какой сердечной простотой беседовал Великий Князь с прибывшими тремя отставными солдатами: они отвечали, как своему старшему сослуживцу, связанному с ними самыми близкими отношениями...».

19. «Долго ли вам хромать на оба колена?» (3 Цар. 18, 21)⁵⁹.

После признания владыкой Антонием Государя Кирилла Владимировича Императором за ним последовали многие монархисты и ряды легитимно-монархического движения значительно пополнились и окрепли, но все же за владыкой Антонием и в этом вопросе последовали далеко не все русские люди. Видя это, владыка Антоний в 1931-м году опубликовал свою статью под приведенным в заглавии названием.

* * *

« *Если Господь есть Бог, то последуйте Ему; а если Ваал, то ему последуйте* (3Цар. 18, 21), – и не отвечал народ ему ни слова».

Так говорил великий пророк Илия к собравшемуся народу, уже было отставшему от истинной веры и поголовно обратившемуся в идолопоклонство, кроме «семи тысяч (мужей); всех сих колена не преклонялись пред Ваалом и всех сих уста не лобызали его» (3Цар. 19, 18).

Тогда трехлетняя засуха и голод уже значительно вразумили еврейский народ, но ложь так быстро прилипает к человеческим сердцам, что возвратиться на путь правды ей жертвам очень трудно. И вот «народ не отвечал ему ни слова».

Таким же молчанием отвечает и русский православный народ на призывы иерархии отречься от богопротивной революции и объявить себя верноподданным своему законному Государю Кириллу Владимировичу.

Правда, в революции он уже изверился и не решается повторить те «безумные глаголы», которые с захлебывающимся восторгом или, чаще с побледневшими от бессмысленной злобы щеками, твердили наши глупцы малые и старые 10–12 лет тому назад.

Большинство их теперь будет отпираться от подобных обличений – «этого мы не говорили, а только указывали на несправедливость нашего правительства в надежде, что правительство республиканское будет справедливее и добрее».

Вот дождались! – Если бы тогда вам предсказывали, что правительством сделаются вместо законных носителей власти разбойники, головорезы и белосветные воры, то все бы отвечали на это смехом, что и делалось, помню, в ответ на спокойные усовещания благоразумных людей. Последних на Руси было не 7 тысяч, а 70 миллионов, т. е. в 1000 раз более, чем революционеров, но волна общественного безумия убила ум и совесть последних, и вот случилось то, что было в последние дни земной жизни Спасителя, и что задолго предсказал Исаия:...

«Народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтоб, Я исцелил их» (Ис. 6, 10, Иоан. 12, 40).

По отношению к современникам должно повторить и дальнейшие слова Евангелия: «Впрочем и из начальников многие уверовали в Него; но ради фарисеев не исповедывали, чтобы не быть отлученными от синагоги» (Иоан. 12, 41).

У русских эмигрантов существует также враждебная Христу синагога, тем вреднейшая, что она невидима, что ее нельзя указать пальцем.

Кто же она такая? назвать ее общественным мнением нельзя, потому что, если по одиночке искренно будут тебе признаваться члены нашего общества, то вполне искренно будут отмахиваться от революционеров, будут сознаваться в безумии революционных лозунгов, даже заговорят о необходимости провозгласить Царя и притом законного; а когда дело дойдет до открытого исповедания таких убеждений, так и попрячутся почти все, а то начнут прямо отпираться.

Пусть никто не говорит: ваша ссылка на Илию пророка и св. Библию неуместна, ибо там или речь о вере или неверии в истинного Бога, а Царь не Бог. – Конечно, так, да только тесно связано с верой в Бога, если не неразрывно, то фактически.

Республика не была другом веры в Европе; была пожалуй в великом Новгороде, но не прочна была та дружба; и потому лучшие граждане еще задолго до покорения Новгорода тянулись к монархической Москве и передали ей в руки свой город.

В Новгороде, впрочем, было тоже своеобразное единодержавие, но единодержавие Архиепископа, без участия которого не утверждался ни один государственный акт, а его подпись под всеми государственными актами была первой впереди всех республиканских властей; за спиной Архиепископа стояли Вселенский Патриарх, а впоследствии – Московский Митрополит. Поэтому республиканской анархии в Новгороде не было; а все-таки порядку было мало, что новгородцы постоянно сознавали, решая спорные дела кулаками.

Если так плохо было в единственной христианской республике, в Новгороде, то все-таки гарантия порядка была в религиозности, в церковности всего населения, а собрание государственных законов заключалось в книге Правил Св. Апостолов и Св. Соборов, которое и тогда справедливо считалось действующим и притом неизменно действующим правом Новгородской республики, как и Московского царства.

Другое дело на почве культуры европейской, с которой русские связаны так крепко и так невыгодно для своего народа. Здесь переход от самодержавия идет прямо в охлократию, вернее в анархию или какургократию, то есть в господство воров и разбойников, из коих первым был Ленин.

Хорошо! скажут нам современники: теперь мы видим, что Россия воскреснет только при самодержавии, но пусть «весь народ» признает его, даже в лице Кирилла Владимировича, и подтвердит требования основных законов, которые тогда и нами будут признаны.

Позвольте же спросить: что вы разумеете под словом весь народ? – неужели вы не понимаете, что говорите глупости, то есть в настоящее время несбыточные вещи.

Теперь, когда невозможно указать ни способа общенародного соглашения о ком бы и чем бы то ни было, ни даже собрать одного общего **представительного** собрания, как это показал 1917 год, как вы теперь устроите выборы царя или даже утверждение избранного.

Не народ, а законы и общегосударственное предание может только осуществить возстановление монархии в России.

Династия Романовых была избрана, как наследственная, на веки вечные з 1613 году, а в династии бесспорный глава – Кирилл Владимирович, ставший в очах Божиих Царем Российским даже не с 31 августа 1924 года, когда он провозгласил себя таковым, а со дня кончины Государя Николая II и Цесаревича Алексия, т. е. с 1918 года.

Объединение народной воли ста миллионов людей требует единодушия в послушании, а не самолюбия или гордыни. Если этого условия не будет, то прощай Россия на веки.

Или быть может это и желательно вам? как Карамазовскому Смердякову, выражавшему сожаление о том, что Россия победила и изгнала Наполеона I-го и тем «помешала умной нации одолеть глупую (русскую) нацию».

Господи, вразуми народ Твой! Тогда Ты пощадил миллион иудеев ради 7000 непоклонившихся Ваалу. Теперь последних более, чем 70 миллионов, но они в жестоком плену у поклонников Ваала, то есть денег, нравственной трусости и разнузданности. Неужели Ты, Боже, не пощадишь Твоего достояния, умерщвляемого ежедневно. «Господи Вседержителю, Боже Израиля! стесненная душа и унылый дух взывает к Тебе... Ты – вечно пребывающий, а мы – вечно погибающие. Господи Вседержителю, Боже Израиля! Услыши молитву умерших Израиля и сынов их, согрешивших пред Тобою» (Варух. 3, 1–3).

Что же нам делать? спросите вы.

Отвечаем: – начать должно с того, чтобы послать Государю Кириллу Владимировичу заявление от учреждений, в которых вы числитесь, или хотя бы от группы, принадлежащих к этим учреждениям, наконец, от частного лица своего, о вступлении в число верноподданных Его Величеству, как Православному Русскому Царю, с обещанием пребывать Ему верным до смерти.

Это самое главное, а дальнейшее собрание под Его скипетр пойдет само собою. Тогда быстро будет возгораться св. огонь Божией ревности в душах русских, и к вам присоединятся сначала сотни, потом тысячи и далее миллионы русских людей, которые смело пойдут на смерть за св. веру, царя и отечество.

Если же этого не будет, то России пришел конец. Если же начнется дружный подъем монархического объединения около законного наследственного Царя и Наследника Престола, то сбудется слово Господне, сказанное Им Соломону: «Если будешь хранить уставы Мои и законы Мои, то Я поставлю царский престол Твой над Израилем во век, как Я сказал отцу Твоему Давиду, говоря: «не прекратится у тебя сидящий на престоле Израилевом» (3Цар. 9, 4–5).

20. Приветствие Великому Князю Владимиру Кирилловичу.

С нежной любовью владыка Антоний относился к юному Великому Князю Владимиру Кирилловичу, почитая Его Наследником Всероссийского Престола.

По случаю исполнившегося 17/30 августа 1933 года 16 летия Великого Князя Владимира Кирилловича; когда по Основным Законам Наследник Престола приносил присягу на верность Императору, владыка Антоний обратился к Великому Князю Владимиру Кирилловичу со следующим письмом, благословив Его иконой Божией Матери:

* * *

«Ваше Императорское Высочество,
Дорогой для всей России Князь Владимир Кириллович.

Наступили дни, когда Ваши предшественники по званию Наследника Престола давали присягу на верность Государю Императору и получали от Высочайшей руки знаки своего высокого достоинства.

В настоящее печальное время Высочайшая Власть на некоторое время выпала из рук Вашего Августейшаго Семейства, но если выпала, надеюсь временно, самая власть, то на душе ея преемника и Наследника остались те же священные обязанности, которые с нею неразрывно связаны.

Немного пройдет времени и русский народ будет восторженно приветствовать Вашего Державного Отца и будет петь везде: «Да будет безсмертен Твой Царский род, да им благоденствует русский народ». Действительность убедительно показала всем, что благоденствие русского народа крепко связано с благополучным пребыванием Царственного Семейства и в особенности Самого Государя Императора и Наследника Его Престола.

Любя своих Царей, русские люди по всему обширному Государству нашему с особенным нежным чувством относились к молодым Наследникам.

Постарайтесь Ваше Высочество охранять это народное чувство от всякого разочарования, дабы оно все больше и больше возрастало в русских сердцах, которые, радуясь настоящему, всегда надеялись на лучшее для России будущее и эту надежду связывали с личностью Наследника Цесаревича. Такое чувство народа привлекали к Себе прежние Наследники Престола: Александр Павлович, Александр Николаевич, Александр Александрович, Николай Александрович и в особенности Алексей Николаевич. Их нежная юность и сердечная ласка к окружающим приводили в восторг всех, имевших счастье с ними видаться и беседовать. Все их собеседники записывали себе на память ответы молодых Царевичей и запечатлевали их добрые приветы в своей совести, в своем сердце, как Божия указания, на всю свою жизнь.

Не подумайте, Ваше Высочество, будто теперь, с потрясением всех авторитетов, подобное чувство замерзло в русских сердцах.

Однажды, проходя по залам Австрийского дворца среди царских портретов, я говорил с сопровождающим меня: «Какие нежные чувства питал и питает ваш народ к своим Венценосцам». Мне отвечали: «Сила этих чувств ничтожна сравнительно с тем, какая чувства к Царю хранит в сердце своем народ русский». Он молча проливает восторженные слезы, когда видит перед собою своего Царя и Его детей. Некоторое время он ничего не может говорить от волнения, а потом, несколько успокоившись, начинает кричать бесконечное «ура», как сказано в Библии, – так кричит громко, «что земля разседается под его ногами» (3Цар. 1, 40).

Вот, что происходит, когда люди взирают своими глазами на Своего Государя.

Тоже самое произойдет и пред лицом Вашего Державного Отца и Вас Самого, когда окончится наша несчастная революция; это потому, что в такие мгновения народу открывается та истина, что все благоденствие отечества тесно связано с благополучием Царственного Дома.

В Вашем юном возрасте трудно дать себе отчет в подобном явлении, но все то, что чувствуется в правдивых сердцах народа, особенно народа простого и юнаго поколения, надо назвать голосом самой не лживой природы, и кто отклоняет свой слух от этого голоса, тот перестает быть сыном народа и собратом его меньшей братии. На подобное явление указывали даже враги России, т. е. революционеры, например, старый Герцен в своих письмах к Наследнику Престола.

Будущее, конечно, нам неизвестно: оно в руках Божиих, но то, что я пишу в этих строках, касается и настоящего, и прошедшего. Будьте же достойны того великого жребия, который показывает Вам Божественный Промысл Своей всеильною десницею, и знайте, что русский народ готов простить личные грехи и всякие недостатки своим Царям, но неотступно требует от Них верности Св. Православию, почему и предлагает ему в Чине Миропомазания торжественно читать Символ нашей Веры.

Это уразумел Ваш Высочайший Родитель, когда при восшествии на Престол Своих Отцов, произнес торжественную клятву: «Клянусь хранить Православную Веру и верность нашей Св. Церкви».

Напротив, Царь Лже-Димитрий, старавшийся угодить толпе народной и изменявший Православию, был народом единодушно свергнут с престола и выброшен в окно дворца на площадь на заостренные мечи.

Итак, Ваше Высочество, знайте, что главная опора Русского Царствования заключается в хранении Царем Православной Веры; при этом условии был тверд Престол даже Грозного и многогрешного Царя Ивана IV, а без него не устоит никогда Русское Царство.

«Мною царие царствуют и сильнии соделывают правду».

С такими мыслями и чувствами я имею счастье приветствовать Ваше вступление в указанное для Наследника Русского Престола совершеннолетие, напуствуй Вас Божиим благословением и древнею иконою Знамения Божией Матери. Пред такую икону я любил молиться с раннего детства в Великом Новгороде.

Икона эта изображает Богородицу с молитвенно поднятыми руками, а устное предание прибавляет к тому, что, когда враги Христовы дерзостно приступили к Пренепорочной Матери Его уже осиротевшей, и требовали от Нее доказательств рождения Ею не обыкновенного Младенца, а Сына Божия, то Она молитвенно подняла руки, и вся окружавшая Ее толпа вдруг увидала на Ее груди Божественного Младенца и в благоговейном ужасе разбежалась, не причинив Ей никакого вреда. Вот этот священный момент и изображен на иконе Знамения, которая да оградит Ваше Высочество на всех путях Вашей начавшейся молодой жизни.

Самая же икона будет переслана в Сан-Бриах при первой же возможности.

Вашего Императорского Высочества **(п. п.)** всепреданный Митрополит Антоний».

21. Кончина Государыни Императрицы Виктории Феодоровны.

2 марта 1936 года последовала кончина Августейшей Супруги Государя Императора Кирилла Владимировича Государыни Императрицы Виктории Феодоровны. Владыка Антоний, в то время уже сам больной, по этому печальному случаю прислал на имя представителя Государя в Югославии ген. Апухтина письмо следующего содержания.

* * *

«Узнав о предположенном в Белграде торжественном собрании, посвященном памяти блаженнопочившей Государыни Императрицы Виктории Феодоровны, я ощутил горячее желание присутствовать на нем. Не имея же возможности приехать, хочу хотя бы письменно высказать Вам, что всей душой буду с русскими патриотами, собирающимися для того, чтобы почтить светлую память своей безвременно скончавшейся Царицы.

Я не имел счастья лично близко знать Государыню Императрицу Викторию Феодоровну, но хочу поделиться с Вами, а если Вы найдете нужным огласить мое письмо, то и со всем собранием, теми впечатлениями, которые я вынес от приема, оказанного мне несколько лет тому назад в С.-Бриаке. Я желал бы указать на то, что Государыня Виктория Феодоровна, следуя примеру других Высочайших Особ, перешедших из протестанства в Православие, с изумительной быстротой и в то же время искренностью, прониклась вся православным духом. И вот мне вспоминается как в бытность нашу в С.-Бриаке, Государыня с умилением и со слезами молилась перед Чудотворным образом Божией Матери Знамения, а потом неожиданно вынув жемчужную брошку и возложив ее на св. Икону, сказала: «прошу принять и от Меня малое пожертвование».

Во все время нашего пребывания в С.-Бриаке мы умилялись тем, что в Ея беседе и во всем способе обращения со съехавшимся туда посетителями, Государыня ни разу не отступала от Своего способа держать себя непринужденно и в

то-же время величественно и просто, как это подобает Русской Православной Царице. К этому надо прибавить, что всем, имевшим счастье соприкоснуться с покойной Государыней, была известна Ея исключительная доброта и готовность помогать ближним, даже с опасностью для жизни, что Она засвидетельствовала во время войны.

Вот почему потеря Ея из списка живых воспринята русскими людьми как высокоценное лишение, тем более грустное, что Государыня, Сама посвятившая Себя воспитанию юнаго Наследника Российского Престола, была и в других отношениях верной и незаменимой помощницей Своего Царственного Супруга.

Будучи наполовину русской по Своему происхождению, Она воплотила в Себе все черты прежних Русских Цариц и потому наши молитвы об упокоении Ея души являются чуждыми всякого лицемерия и даже всякой напряженности. Господь да услышит наше моление и да отверзет Ей двери Царствия Небеснаго, как Жене искренно верующей во Св. Троицу и во Св. Православную Церковь».

22. Кончина Государя Императора Кирилла Владимировича и принятие верховных прав на престолонаследие Великим Князем Владимиром Кирилловичем.

12 октября 1938 года, через два года после кончины владыки Антония, в Париже последовала кончина Государя Императора Кирилла Владимировича.

Все царствующие и царственные дома в Европе и в других странах мира выразили свое соболезнование Августейшему Сыну почившаго русского Императора Великому Князю Владимиру Кирилловичу. У гроба Почившаго объединилась русская эмиграция в лице своих главнейших руководящих организаций и как то все сами собой признали, что для русских людей нет другого государственного авторитета кроме Великого Князя Владимира Кирилловича, который не объявляя себя Императором, принял, однако, на Себя все права и обязанности наследственно принадлежащая Ему в отношении Императорской власти, издав следующее обращение.

От Главы Российского Императорского Дома.

Господу утотно было в 12-ый день октября сего года призвать к Себе возлюбленного Отца Моего Государя Императора Кирилла Владимировича. Смиренно склоняясь перед волею Всевышняго, Я верю, что все русские люди разделят со Мной новое тяжелое горе, ниспосланное Мне.

Мои незабвенные Родители завещали Мне любовь и жертвенное служение России и русскому народу. Они указали Мне путь, по которому Я должен идти, чтобы завершить великое дело, ими начатое и Я, свято и благоговейно храня память о Них, неуклонно буду следовать Их указаниям, отдавая все Свои силы служению Родине.

По примеру Моего Отца, в глубоком сознании лежащего на Мне священного долга, преемственно воспринимаю, по дошедшему до Меня наследственно верховному праву Главы Российского Императорского Дома все права и обязанности, принадлежащая Мне в силу основных Законов Российской Империи и Учреждения Императорской Фамилии.

Как верный сын Святой Православной Церкви, ныне, в ответственный для Меня момент, Я обращаюсь к Ней, прося благословения и поддержки в предстоящем Мне трудном служении.

Я также обращаюсь ко всем русским людям, кому дорога судьба России, и призываю объединиться вокруг Меня. Я зову всех идти за Мною, в тесном сотрудничестве на благо своего народа.

У Меня одна цель, одно стремление – отдать Себя на служение России, ради счастья и благоденствия русского народа, который только под сенью Императорского Престола обретет право и свободу.

Преклоняя колени пред Всемогущим Господом, Я молю о ниспослании Мне сил на служение своему народу и верю, что все русские люди единодушно придут Мне на помощь в стремлении освободить Родину от страданий и унижения:

Владимир.

Дан 31 октября 1938 года.

В С.-Бриаке.

Тогда же Великим Князем Владимиром Кирилловичем было опубликовано следующее обращение.

От Главы Российского Императорского Дома.

Глубоко тронут тем единодушным участием, которое было оказано русскими людьми Мне и Нашему Дому в дни молений и скорби по усопшем Августейшем Родителе Моем.

Со всех концов русского разсеяния к Его гробу стеклись горячия молитвы, выражения печали и преданности заветам Империи. Неисцелимое горе Мое и всей Семьи нашей было разделено множеством русских сердец, это было нам утешением. Сердечно благодарю всех.

Владимир.

23. Обращение Великого Князя Владимира Кирилловича к Председателю Архиерейского Синода Митрополиту Анастасию и ответ Владыки Митрополита.

Вскоре по принятии на Себя прав и обязанностей Главы Российского Императорского Дома Великий Князь Владимир Кириллович обратился к Председателю Русского Заграничного Архиерейского Синода Митрополиту Анастасию, преемнику владыки Антония, с письмом следующего содержания.

* * *

Ваше Высокопреосвященство, глубокочтимый Владыка.

Приняв на Себя все права и обязанности, перешедшие ко Мне в порядке наследия, Я обращаюсь к Вам, как Председателю Архиерейского Синода, с просьбой содействовать объединению вокруг Меня всех русских людей, ибо возстановление былого значения и положения св. Православной Цекви нераздельно связано с возстановлением монархии в России.

Зная, Владыка, Ваши убеждения и судя по настроениям членов Собора, имевшаго место в сентябре этого года, Я твердо рассчитываю на просимое Мною содействие, столь необходимое для спасения нашей Родины.

Поручая Себя святым молитвам Вашего Высокопреосвященства, прошу Вас, Владыко, принять уверение в глубоком уважении.

Владимир.

Владыка митрополит Анастасий ответил на это следующим посланием:

Ваше Императорское Высочество!

Промыслу Божию угодно было возложить ныне на Вас права и обязанности Главы Российского Императорского Дома, перешедшие к Вам по праву первородства от Вашего в Бозе почившаго Августейшаго Родителя.

Повинуясь велению лежащего на Вас священного долга, Вы вступаете ныне на путь жертвенного служения Родине,

призывая всех верных сынов ея соединиться вокруг Вас, чтобы помочь Вам в Вашем благородном патриотическом стремлении «освободить Россию от унижения».

В сознании тяжести и ответственности предстоящего Вашему Императорскому Высочеству подвига, Вы, по примеру Ваших благочестивых Предков, обращаетесь прежде всего к благодатной помощи Святой Православной Церкви, прося ея «благословения и поддержки в предстоящем Вам трудном служении».

Церковь, бывшая, по слову Вашего почившего Родителя «исконной Водительницей и Устроительницей судеб России», не может не приветствовать это благочестивое движение Вашего православного сердца и готова благословить всякое Ваше доброе начинание, направленное к возстановлению разрушенного ныне Русского Православного Царства, ея взрожденного, укрепленного и освященного. Она усердно молит Господа о том, чтобы Он вложил дух согласия и единения в сердца Русских людей, дабы они все без изъятия могли соединиться вокруг Вас и направить все наши национальные силы на борьбу с умирающим коммунизмом, поработившим нашу Родину. Ныне время благоприятное для этого: ночь уже проходит, а день приближается. Большевизм изжил себя, а Русский народ, заплатив дань своеволию и коммунистическому соблазну, по милости Божией снова возвращается в дом Отчий к своим исконным, историческим заветам. Ценою безпримерных страданий, унижений и рабства он уразумел ныне яснее, чем прежде все благодетельное значение водительства наследственной Царской власти, получающей свое помазание свыше и снова воздыхает о тех блаженных временах, когда под могучим скипетром своего Православного Царя каждый свободно и счастливо жил под своим виноградником, как Израиль в дни Соломона.

В этом духовном прозрении и особенно в его непоколебимой верности Православию, бывшему искони краеугольным камнем нашего государства, в крепкой вере и надежде на помощь Божию, какая неугасимо поддерживает в нем Церковь, лежит главный залог его спасения. Нельзя не

признать знаменательным, что Господь благоволил призвать Вас на ответственное служение Родине ни в какое иное время, как во Владимирский год, когда под влиянием юбилейных воспоминаний 950-летия крещения Руси, в народном сердце ожил великий образ Вашего небесного покровителя и Просветителя Руси Св. Равноапостольного Князя Владимира и вместе с ним лик древней Святой Руси, вышедшей таковой уже из купели своего крещения. Связать крепкими узами настоящее и грядущее с нашим славным и священным прошлым, озаренным лучами Святой Руси и составляет высокое призвание, возложенное на Вас Божественным Промыслом.

Ничто не может помешать возрожденной России взять для своего нового строительства лучшее и разумнейшее из завоеваний современной культуры, дабы быть в этом отношении на уровне других соседних с нею народов, но в ней вся жизнь, по завету нашей истории, должна быть запечатлена духом Православной Веры, благочестия и чистоты. Нет ничего опаснее, как если она под видом узаконенных временем инородных обычаев и установлений, захочет усвоить что-либо из печального наследства, оставленного растленным большевизмом: все, к чему прикоснулась его разлагающая безбожная рука грозит снова заразить нас старой проказой.

Венценосные Вожди России из Дома Романовых, начиная от их Родоначальника и до почившаго Царя Мученика Николая II старались неуклонно идти по пути, указанному Святым Владимиром и вести по нему весь Русский народ. За отступление от этого пути мы заплатили нынешними унижениями и скитаниями. Но кто вышел из Содома и Гоморры, тот не должен уже подобно жене Лота, озираться вспять.

Да дарует Вам Господь, как Соломону, сердце разумное, чтобы судить обо всем по правде и различать, что́ добро и что́ зло.

Юность сама по себе всегда служит символом чистоты, жертвенности и идеалистического возвышения духа. Неудивительно, что на Ваш светлый, ничем не омраченный облик, обвеянный славными преданиями нашей Династии, с любовью взирают истинные сыны России, одушевленные

самыми светлыми и радостными надеждами. Да поможет Вам Бог оправдать эти лучшие чаяния страждущих Русских людей, укрепляя Ваши духовные и телесные силы, венчая Вас мудростью, мужеством, даром пламенной любви к Отечеству и милосердия ко всем, что было искони лучшим украшением Царственной Династии Романовых.

Связанный с последней трехсотлетней историей Русский народ не может не дорожить своим Императорским Домом и особенно Тем, Кто возглавляет его по порядку наследования. Чем тверже этот порядок, тем увереннее мы смотрим в будущее, ибо он обеспечивает скорейшее восстановление и утверждение Императорской власти на Руси.

Вашему Императорскому Высочеству указано быть ныне и Носителем и Хранителем этого священного Царственного первородства, дабы не погасла историческая свеча в сумерках наших смутных и скорбных дней. С нею Русские люди, в разсении сущие, чают при помощи Божией войти в освобожденную Русскую землю, где эта свеча будет снова водружена в Всероссийской свещнице, чтобы ярко светить не только всем, иже в храмине суть, но и пред лицом всего мира.

В этом святом уповании мы призываем на Вас, как на Главу Российского Императорского Дома, благословение Божие и с глубоким почтением пребываем Вашего Императорского Высочества всепреданнейшим слугою и усердным богомольцем.

Митрополит Анастасий.

г. Белград.

30 окт./13 ноября 1938 г.

**VII. Храм св. праведного Иова
Многострадального в память Царя
Мученика Николая II, Царской Семьи и
всех в смуте убиенных**

1. Идея построения храма и организация Комитета.

В 1929 году у Николая Михайловича Котляровского, бывшего секретаря Главнокомандующего Русской Армии ген. Врангеля, и Сергея Николаевича Палеолога зародилась мысль соорудить за границей храм в память Царя Мученика Николая II.

С этой мыслью Н. М. Котляревский обратился к владыке Антонию. Выслушав его, владыка сказал, что когда сооружается храм Божий враг человеческого рода диавол чинит сему всякия препятствия; «перед тем, чтобы дать вам благословение и советы, я хочу знать, готовы ли вы к большим горестям и скорбям при осуществлении этого святого дела, ибо все темные силы будут всячески препятствовать вам в осуществлении этого дела, ибо оно связано с именем нашего великаго Государя, который в будущем будет почитаться, как св. мученик».

Н. М. Котляревский ответил, что он готов перенести все труды и скорби и тогда владыка преподал свое благословение, посоветовав при этом посвятить храм св. праведному Иову Многострадальному, в день памяти котараго родился Царь Мученик.

Владыка Антоний живо интересовался делом сооружения храма и сбора для этого средств, давал указания перед началом этого дела, в дальнейшем очень внимательно следил за его развитием, выбрал проэкт храма и лично продиктовал, какия иконы необходимо соорудить для иконостаса и как их расположить.

Идея сооружения храма встретила глубокое сочувствие у Сергея Николаевича Палеолога, носившаго звание Правительственного Уполномоченнаго по делам русской эмиграции и сблизившагося с Н. М. Котляревским на почве патриотической деятельности, а также в деле совместной помощи баронессе О. М. Врангель, устроившей санаторию для больных б. воинов Русской Армии в предместьи Белграда в Топчидере. Сначала предполагалось соорудить храм в Белграде, но затем было решено сооружать его в Брюсселе в Бельгии, где в это время поселился Главнокомандующий ген.

Врангель со своей семьей и Н. М. Котляревский, как его ближайший сотрудник. Одним из главных мотивов сооружения храма в Брюсселе было желание отодвинуть этот храм подальше на запад, чтобы сделать его менее достижимым для большевиков, эта предусмотрительность вполне оправдалась. В тоже время было решено привлечь к участию в деле сооружения храма Сербскую иерархию и вообще сербов, так как Сербская Церковь и Сербский народ свято почитают память Царя Мученика.

В конце 1929 года был образован «Комитет по сооружению Русского Православного Храма в Брюсселе в память Царя Мученика Николая II и всех русских людей богоборческой властью в смуте убиенных». Комитет был принят под покровительство Августейшей Сестрой Царя Мученика Великой Княгиней Ксенией Александровной, проживавшей в Лондоне, а почетным председателем был приглашен Сербский Патриарх Димитрий, после кончины которого, последовавшей 24 марта / 6 апреля 1930 года, его заменил новый Сербский патриарх Варнава. Владыка Антоний и другие русские и сербские архиереи были почетными членами Комитета. Почетными членами Комитета были также вдова Николы Пашича Джурджина и С. Н. Палеолог. Председателем делового Комитета был настоятель русской церкви в Брюсселе прот. Василий Виноградов, а после его кончины, последовавшей 23 октября 1932 года, его заменил на посту Председателя Комитета Н. М. Котляревский, ранее бывший товарищем председателя.

Протоиерей о. Василий Виноградов был один из выдающихся русских пастырей в эмиграции. Его кончина была так отмечена в эмигрантской печати:

* * *

23 октября (1932 г.) в Брюсселе скорпостижно скончался настоятель Брюссельской церкви митрофорный протоиерей о. Виноградов.

О. Василий в этот день был совершенно здоров и совершил в своем приходском храме божественную литургию, после чего сказал замечательную проповедь при чем очень строгую о

приходящих в храм к концу литургии и истолковал притчу «О чудесном улове».

«...Я не Златоуст, – говорил о. Василий, – и не знаю какими же словами побудить вас приходить к началу литургии. Пока проходит ночь вашей жизни не закидывайте ваших сетей по мелким местам, а стремитесь к глубинам истинного счастья и истинной мудрости».

Эти слова были как бы последним завещанием о. Василия своей пастве, горячо его любившей.

Затем в течение дня о. Василий, будучи необыкновенно весел, посетил своих наиболее уважаемых прихожан, а в 9 часов вечера направился дамой, сопровождаемый одной из прихожанок.

В 9 час. 20 мин. батюшка на улице ожидал трамвая, в это время была буря и дождь и он вдруг упал бездыханным на тротуар. Немедленно печальная весть разнеслась среди прихожан. К умершему сбегались члены его семьи и прихожане и перевезли его в госпиталь, где врач констатировал смерть. Заботами прихожан кн. Щербатовых, Гладковых, гр. Апраксина и Петрова тело было перенесено в церковь, где было облачено в священническую одежду и началось чтение св. Евангелия.

Владыка Антоний по поводу кончины о. Василия Виноградова написал следующий некролог:

«Уважаемый и любимый протоиерей Вас. Вас. Виноградов скоропостижно скончался на этих последних днях. Ему еще не было 60 лет. Он был тучный человек, но недопускавший предосудительных излишеств ни в каком отношении, а неупражнявшийся в моционе, как и большинство представителей книжных профессий и как большинство последних, он отличался мягкостью души, а сверх того общей благожелательностью.

Он был очень любим своими воспитанниками по Сумскому Кадетскому Корпусу, к которым он сохранил самое доброе и даже нежное отношение до самой смерти, хотя, конечно, уже не мог с ними видаться.

Его вдова и три дочери, из коих кажется две уже были замужем, отличались теми же симпатичными свойствами, как и

их покойный отец, отнятый у нас, т. е. от Поместной Православной Церкви в Бельгии, апоклепсическим ударом в одну минуту.

Глубоко церковный по своему настроению и поведению, о. Василий был чужд всяких сословных недостатков белого духовенства и, отличаясь личным безкорыстием, горячо хлопотал об устройении православного храма в Брюсселе при деятельном сотрудничестве лучшего прихожанина Н. М. Котляревского.

Своим мягким привлекательным характером, личным нелицемерным благочестием и ревностью о славе Божией он преимущественно перед прочими заграничными священниками стяжал симпатии и искреннее уважение, как со стороны бывшего военного беженского управления (во главе с генералом Врангелем), так и всех своих прихожак, которые теперь хлопочут о приискании достойного ему преемника. Отличаясь прекрасным голосом (первый тенор), он привлекал к своей церковной службе много молящихся, даже в настоящее церковное безвременье».

2. Сергей Николаевич Палеолог.

О С. Н. Палеологе, скончавшемся 3 апреля 1933 г. в г. Белграде, владыка Антоний написал следующее:

* * *

«Характеристика покойного Палеолога, данная редакцией «Царского Вестника», сама собой напрашивается на некоторые дополнения – чисто русский дух его деятельности был совершенно чужд партийности. В нем ясно чувствовался безкорыстный исповедник убеждений, в высшей степени гуманный, успешно избегавший всякого оскорбительного выражения о противниках своего, точнее русского христианского направления и мастерски отмечавший симпатичные – скажу более возвышенные стороны русской народной жизни, совершенно чуждые какого бы то ни было превозношения над мужицкой жизнью наших селян, в которую он вникал с самым сердечным участием, обнаруживая при этом характерные черты доброго барина и благодетеля своих крестьян и дворовых людей.

Это свойство с особенной яркостью С. Н. обнаруживал в своих воспоминаниях о своей прежней помещичьей жизни и деятельности, которая как и у многих других русских людей, была сплошной благотворительностью и была совершенно чужда отрешенности от быта народного, чему подвергались почти все наши интеллигенты нового типа и особенно те, которые стараются заводить амикашонские отношения с простолюдинами.

Напротив, типы, вроде С. Н. Палеолога, всегда крепко сознавали свое духовное родство с русским крестьянином, с русским священником и с русским царем.

В частности для меня, как постоянного филлелина, внушала особую симпатию его греческая фамилия, принятая им при совершенно русском настроении духа от лучших представителей эллинского героического периода и открывавшая, хотя и фантастическая, но возвышенные надежды на восстановление в России, начиная с Царской

Семьи, тех элементов православной исторической культуры, которые укрепили у нас дом Романовых, издревле породнившийся с Византийскими Палеологами».

3. Преподобный Иов Многострадальный и Царь Мученик Николай II.

Владыка Антоний по поводу предполагаемого сооружения храма памятника в Брюсселе написал следующие строки:

* * *

«Покойный Государь неоднократно говорил: «Я родился в день Иова Многострадального и должен страдать всю жизнь». Последняя четыре слова не однажды повторяла применительно к себе и покойная Государыня Александра Феодоровна.

До дня их кончины мы все не теряли надежды на то, что не только скорбные страницы жизни ветхозаветного праведника Иова, но и последовавшая затем слава его, осуществляются и на нашей Царской Семье, но она во главе со своим благочестивым монархом закончила свою жизнь от руки безчеловечных и безбожных убийц.

Благодарные сербы в Лесковце требуют, чтобы Государь Николай II был причтен к сонму св. мучеников, но этого, конечно, нельзя сделать без особого откровения свыше; за то у русских людей явилась благочестивая мысль навеки связать его память с его небесным покровителем праведным Иовом и соорудить в честь последнего православный храм в дружественной Бельгии, в Брюсселе. Впрочем и сам Государь, зверски убиенный на земле, не лишится заслуженного венца во-первых в жизни будущей, в которой прославляется древний праведник Иов, а во-вторых и на земле в памяти русского православного народа, который никого так высоко не чтит, как невинно убиенных, начиная со св. князей Бориса и Глеба (1015 г.) и продолжая многими другими Царями мучениками, каковы Павел I, Александр II и другие.

Вот почему мы надеемся, что и в далекой и иноверной Бельгии соберется достаточно златниц для воздвижения достойного храма-памятника, как молитвенного монумента за невинно убиенного Государя и его праведной Семьи».

4. Первоначальные труды по сооружению храма и его закладка.

Несмотря на все трудности для сооружения монументального храма в беженских условиях, на чужой земле, дело это быстро и успешно стало развиваться и в сентябре месяце 1933 года председатель Комитета Н. М. Котляревский сообщил в газетах следующие сведения о сооружении храма⁶⁰:

* * *

«Наш Комитет, – сказал Н. М., – со дня своего учреждения встретил всеобщее сочувствие, которое было вызвано, с одной стороны, высокой целью нашего дела, а с другой стороны – тем покровительством, котораго мы удостоились для осуществления нашего начинания. Как известно, наш Комитет находится под Высоким покровительством старшей Августейшей Сестры Царя-Мученика Великой Княгини Ксении Александровны, Почетным Председателем Комитета состоит Святейший Сербский Патриарх Варнава, а Блаженнейший Митрополит Антоний является первым Почетным Членом Комитета. Весь же Собор русских иерархов, в составе 22 архиереев, благословил наше дело, обратившись к пастве с особым архипастырским посланием и призвав русских людей к пожертвованиям. Русские люди из всех стран рассеяния широко откликнулись и благодаря их щедрым жертвам дело по сооружению Храма успешно продвигается.

До настоящего времени уже собрано 325.000 бельгийских фр. (свыше 700.000 динар). Уже приобретен участок земли в 800 кв. метров, находящийся в лучшей части Брюсселя, у живописного парка, на углу широкого тенистаго бульвара.

Комитет задался целью, чтобы Храм, воздвигаемый в память таких великих скорбных событий русской жизни, и по своей архитектуре, был бы лучшим образцом русского церковного зодчества, и решил воспроизвести одну из наиболее характерных древне-русских церквей.

Для этой цели была образована художественно-техническая комиссия в составе следующих авторитетных знатоков русского

строительного искусства: Председатель И. Я. Билибин, академик живописи; члены – Н. П. Краснов, академик архитектуры; П. П. Муратов, известный знаток русского искусства; Н. Л. Окунев, профессор истории искусства православных славян и Византии в Карловом университете в Праге и секретарь архитектор Н. И. Исцеленов.

Эта высоко-компетентная комиссия единогласно признала, что для сооружаемого Храма-Памятника надлежит взять, как образец древне-русской церкви, один из приделов Храма Спаса Преображения в с. Острове под Москвой. Островский придел представляет собой один из редких русских памятников, сохранившихся в первоначальном виде без позднейших реставраций и перестроек, и соединяет в себе архитектурные формы Псковского происхождения с особенностями ранне-Московской архитектуры. Он не имеет провинциального характера и относится к архитектуре **обще-русской** Московского государства XVI века, что будет, несомненно, иметь символическое значение при постройке нового храма.

Ряд лучших зарубежных архитекторов приняли на себя безвозмездный труд по составлению проекта Храма, указанного образца и в ближайшее время в Париже соберется художественно-техническая комиссия, которая окончательно установит проект Храма.

Мы очень надеемся, что закладку этого исторического Храма лично совершит наш глубокочтимый и горячлюбимый Первосвятитель Блаженнейший Владыка Митрополит Антоний, вокруг которого все русские истинно-православные люди объединены в одну сплоченную, дружную церковную семью. К нашей большой радости, Владыка уже обещал обязательно приехать на закладку Храма.

Само собою понятно, что для окончательного завершения этого дела еще необходимы значительные средства. Мы надеемся, что русские люди, свято чтущие память Царя-Мученика и чтущие свою многострадальную Родину, продолжат свои пожертвования.

С самого начала своей деятельности Комитет приступил к составлению Синодика для вечного поминовения всех убиенных

большевицкой властью, в который уже внесено несколько тысяч имен. Каждое воскресенье, пока в домовая церковь Воскресения Христова в Брюсселе, происходит поминовение по составленному Синодику: вслед за Именами Царственных Мучеников, следуют имена св. Патриарха Тихона, 79 митрополитов и епископов, а затем в определенном числе по очереди всех внесенных в Синодик. Вся замученная, окровленная Россия проходит в этом страшном перечне. Комитет просит продолжать присылать ему сведения обо всех умученных и убитых, а также умерших от голода, от жестокого обращения, в тюрьмах и т. д. Крайне важно возможно подробнее указывать имена, фамилии, время, место, а также описание обстоятельств, при которых погибло лицо, вносимое в Синодик. Усердная просьба присылать сведения о всех погибших духовных лицах».

Закладка храма была совершена в воскресенье 20 января / 2 февраля 1936 года. Работы по сооружению храма были начаты 27 нояб. / 10 дек. 1935 года. Владыка Антоний тогда уже был болен и не мог сам совершить закладку храма, которую совершили сербские и русские иерархи: митрополит Загребачский Досифей, архиепископы Анастасий и Серафим и епископ Бачский Иринеи в сослужении русского духовенства. Митрополит Досифей в своем поучении говорил о том, как все сербы благоговейно преклоняются пред священной памятью великого славянина русского Православного Царя Мученика Николая II, которому Сербия обязана своим спасением. Присутствовавший на закладке представитель Российского Императорского Дома Дома Князь Гавриил Константинович во время трапезы произнес следующую речь:

* * *

«**Ваши** Высокопреосвященства, Господа!

Не нахожу слов высказать, насколько я счастлив, что Главе Российского Императорского Дома угодно было мне повелеть быть Его представителем на торжественной закладке Храма Памятника.

Он повелел мне тоже сказать Вам, насколько Ему дорог Ваш благородный почин и насколько Он ценит Вашу

плодотворную работу в этом направлении.

От имени Нашего Дома, столь тесно связанного с Россией, не могу тоже не сказать о чувствах глубокого умиления, которое мы все испытываем при мысли, что светлая память Нашего Державного Повелителя, Венценосного Мученика, будет почтена достойным образом.

Не сомневаюсь и твердо верю, что придет время, когда по всей земле русской воспрянут подобные же памятники, а Ипатьевский дом превратится в место паломничества русского народа, но и тогда великим утешением будет служить то, что и на чужбине, в изгнании, мы не забыли того, кто жизнь дал свою за Россию.

Вот почему я считаю, что будущий Храм Памятник будет для нас всех символом преданности прошлому, без которого будущее строение нашей родины невозможно. Он будет тоже служить напоминанием нашего долга перед родиной, почерпая его в примере Великого Страстотерпца, предпочтившего смерть – измене России.

Позвольте же мне выразить глубокую признательность за содеянное и пожелать Вам и в дальнейшем полного успеха для завершения этого святого дела до конца».

Председатель Комитета Н. М. Котляревский в своем слове указал на все значение присутствия на закладке первого камня Представителя Российского Императорского Дома и Представителя Его Святейшества Святейшего Патриарха Сербского Варнавы, а также и Иерархов Русской Православной Церкви за границей.

5. Окончание постройки и освящение храма.

20 октября / 2 ноября 1936 года Комитет по сооружению храма объявил о том, что наружная постройка храма и колокольни закончена, воздвигнуты кресты над храмом и колокольней, купола покрашены и стены снаружи побелены. Необходимо было приступить к внутреннему устройству храма.

Храм был построен Бельгийской строительной фирмой Г. Фричеро, при чем глава этой фирмы инженер Фричеро до революции много лет работал в России и его сын был крестником Императора Николая II. Г. Фричеро сделал и первое пожертвование на сооружение храма в сумме 10 тысяч франков.

Вторая мировая война задержала работы по внутреннему устройству храма, который был вполне закончен сооружением и освящен митрополитом Анастасием, епископом Нафанаилом Западно-Европейским и Брюссельским и епископом Леонтием Женевским 18 сентября / 1 октября 1950 года, перед переездом митрополита Анастасия из Германии в Соединенные Штаты.

Храм, вместимостью около 300 человек, во всех отношениях отвечает своему назначению. Для внутреннего украшения и содержания храм нуждается в притоке средств. Председатель Комитета по сооружению храма Н. М. Котляревский, явившийся главным его строителем, после второй Мировой войны уступил этот пост скончавшемуся в начале 1962 г. графу П. Н. Апраксину, также бывшему одним из деятельных строителей его. В настоящее время храм является кафедральным собором архиепископа Иоанна Западно-Европейского и Брюссельского и им возглавляется.

VIII. Христолюбивое русское воинство

С глубоким сочувствием и любовью владыка Антоний относился к русскому воинству. Хотя он по своему воспитанию и по своей жизни был совершенно далек от военной среды, но он почитал русское воинство, как лучшую часть Святой Руси, заботился о воспитании русскаго воинства, ценил его храбрость и самоотвержение и давал весьма ценныя указания, как необходимо в религиозно-нравственном и воспитательном отношении устроить жизнь русскаго воинства для того, чтобы оно было на высоте своего призвания.

Еще в годы первой революции, после Японской войны, владыкой Антонием были составлены два доклада: «О религиозно-патриотическом воспитании военного юношества» и «О более близком отношении к армии пастырей и архипастырей Церкви», в которых были предложены основные идеи тех реформ, которые необходимо было осуществить в России для того, чтобы навсегда победить революцию. Оба эти доклада напечатаны в III-м томе Полного Собрания Сочинений владыки Антония (стр. 447–454) и содержание их нами приведено во 2-м томе «Жизнеописания»⁶¹.

В годы гражданской войны и заграницей владыка Антоний вдохновлял Белую Армию на борьбу с большевиками, всегда указывал на то, что с большевиками нужно бороться силою оружия и неоднократно высказывал свое сочувствие и любовь русским белым воинам.

С генералами Алексеевым и Корниловым владыке Антонию не пришлось иметь личного соприкосновения.

С генералом Деникиным владыка Антоний был хорошо знаком еще по г. Житомиру, где в бытность владыки Антония Волынским Архиепископом, генерал Деникин был командиром полка, в 1919 году владыка Антоний посетил генерала Деникина в Таганроге. В сентябре месяце 1920 года, по телеграфному приглашению ген. Врангеля, владыка Антоний из Афона возвратился в Крым для того, чтобы оказать ген. Врангелю духовную поддержку в его попытке организовать борьбу с

большевиками из Крыма. После эвакуации из Крыма за границу владыка Антоний в годы своей жизни в Югославии неоднократно обращался к русским воинам, расселившимся по всему миру, со словами утешения и ободрения.

Поводом к приглашению генералом Врангелем владыки Антония прибыть из Афона в Крым – это было получение в Крыму сведений об издании Патриархом Тихоном указа от 25 сентября 1919 года, которым русскому духовенству воспрещалось принимать участие в борьбе против большевиков. Указ этот имел своей целью спасти русское духовенство от большевистских преследований, так как большевики главное обвинение духовенству предъявили в его сочувствии контр-революции и участии в борьбе против большевиков. Между тем генерал Врангель стремился из Крыма поднять русский народ на борьбу с большевиками и для этого, конечно, необходимо была поддержка духовенства. Владыка Антоний был убежден в том, что духовенство должно вдохновлять народ на борьбу с большевиками. Кстати сказать указ этот неизбежно должен был привести к конфликту между русской эмиграцией в лице ее духовенства и Московской Патриархией, так как эмиграция ни в коем случае не могла отказаться от борьбы с большевиками, а духовенство должно было вдохновлять ее на эту борьбу. Конфликт этот и обнаружился в ближайшие годы и выразился в «Церковной смуте» которая всей своей тяжестью обрушилась на владыку Антония, хотя в ее основе было стремление большевиков обезвредить для себя всю эмиграцию.

1. Приветствие «Русскому Военному Вестнику». ⁶²

В 1924 году мы предприняли издание в Белграде журнала «Русский Военный Вестник» и в 1-м номере этого журнала были напечатаны следующие приветственные строки от владыки Антония:

* * *

«Ваш военный журнал начинает выходить со дня Рождества Христова. До недавнего времени этот праздник всемирного мира соединялся с благодарственным молебном об изгнании из русской земли двадцати враждебных языков т. е. народов, и в таком сочетании не было ничего противного евангельской идее, потому что мир народов может охраняться только там, где у стороны, стоящей за правду, имеется запас военной силы, как справедливо говорил наш герой генерал Драгомиров.

Высоконравственное настроение Белой Армии наглядно сказывается и поныне, т. е. спустя четыре года после прекращения военных действий, которые дали нам стольких героев. Армия из героев военных обратилась в героев труда, труда черного, труда тяжкого, труда мужицкого, или же напротив труда научного в положении полуголодных студентов чужестранных университетов.

Подвиг этот – подвиг добровольный, ибо прекратить его, как недоброй памяти генерал Слащев, наши юноши могли бы во всякое время, но они дорожат совестью и воинской присягой более, чем земным довольством.

Бедность одобряется Св. Библией, но недостаточность питания и одежды у воинов, и Библией считается, как бедствие. Вот что пишет Иисус сын Сирахов: «От двух скорбело мое сердце, а при третьем возбуждалось во мне негодование: если воин терпит от бедности и разумные мужи бывают в пренебрежении» (Сирах. 26, 24). Первое касается белоармейских рабочих, а второе офицеров – студентов, или лучше то и другое отосится к тем и другим. Да! велик подвиг нашей Белой Армии и во время междоусобной войны и по ее окончании.

Пусть же новый скромный военный журнал возвещает славные деяния наших доблестных воинов и во время брани и во время нашего странствования и затем после благополучного и победносного возвращения Армии в наше родное Отечество, ради которого она подвизалась.

А в эти наступающие священные дни да пошлет им родившийся Христос обильное утешение в их сердца, которого сподоблял их в мирные дни детства в св. храмах и вокруг разукрашенной подарками елки».

2. Пасхальное приветствие русским воинам⁶³.

В 1925 году владыка Антоний через «Р. В. В.» в день Св. Пасхи обратился со следующим приветствием к русским воинам:

* * *

«Пасха всечестная нам возсия! Пасха радостью друг друга обыдем! О, Пасха! избавление скорби!

Да, братие, то, что совершилось 1891 год тому назад в далекой Палестине, в предместьи Иерусалима, и поныне на всякий год избавляет нас от всякой скорби; избавляет от нея не только людей благодушествующих, беззаботных, но также и скорбящих душою, убогих, болящих и бедных. Посмотрите на лица молящихся в сельской русской церкви во время светлой заутрени: забыты болезни, печаль и вздыхание, на многих лицах правда светятся слезы, но слезы радости. Исполняется слово поучения Златоуста: «Никто же да рыдает убожества, явися бо общее царство».

Действительно, что значат наши временныя скорби и страдания, когда перед нами открыт рай воскресшим Христом? что значит даже временная потеря нашего Отечества, когда Христос, возставший из гроба, именует людей, примиренных с Богом, своими братьями и изрекает Марии Магдалине такое умиленное повеление: «иди же ко братии Моей и рцы им: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему и к Богу Моему и к Богу вашему» (Иоан. 20, 17), и еще раньше сказал Он ученикам Своим: «паки прииду и пойму вы к Себе, да идеже есмь Аз и вы будете» (Иоан. 14, 3). И будем там с Ним все верующие и кающиеся не год, не два, а целую вечность, в сравнении с которой эти годы скорби и изгнания также кратки и ничтожны, как казались они Апостолам и Мученикам.

Православные русские воины! К вам мое обращение. Вы воины Христовы в настоящем смысле сего слова, ибо вы страдаете за веру в Него, за преданность Его истине. Потерпите еще немного. Вы теперь сильнее, чем прежде. Когда вам раздадут железное оружие, у вас уже будет в душе оружие

духовное – терпение, смиренномудрие и упование на Христа, чему вы хорошо научились в стране изгнания.

Вы и раньше любили свою родину и свою православную веру; а теперь любите их больше; теперь вы вполне достойны быть там встречены и радостью и благодарностью соотечественников. Теперь вы скажите смело своим родным: мы претерпели изгнание, угнетение, унижения и нужду, но вере в Россию не изменили.

Итак, если мы все русские православные эмигранты можем и должны, забыв свое горе, безмятежно радоваться во дни воскресения Христова, то это право и обязанность вдовойне относится к вам, возлюбленные православные воины, ибо к вам по всей справедливости можно отнести следующие слова Ап. Павла: «многия страсти претерпесте страданий... и разграбление имений ваших с радостью приясте, ведяще имети себе имение на небесех пребывающее и лучшее. Не отлагайте убо дерзновения вашего, еже имать мздовоздаяние велико. Терпения бо имате потребу, да волю Божию сотворше, примите обетование. Еще бо мало елико елико грядый приидет и не укусит. А праведный от веры жив будет» (Евр. 10, 34–37).

3. Российскому воинству⁶⁴.

2/15 ноября 1925 г., по случаю восьмой годовщины со дня основания Добровольческой Армии, владыка Антоний в Белградской Русской Церкви во время богослужения произнес следующее слово:

* * *

«Сегодня, в день годовщины основания Белой Армии в 1917 году, мы будем благодарить Господа Бога во-первых за то, что Господь сохранил значительную часть этой Армии в живых и большинство живых здоровыми, а во-вторых, и главным образом, за то, что Он сохранил вас в сознании себя, как Армии русской, государственной и царской.

Не верьте тем, которые говорят, что будто Армия уничтожена, разбита. Она существует и пожалуй крепче стоит в своем распылении, чем иная Армия, находящаяся в нормальных условиях, ибо едва ли какая-либо другая Армия могла бы удержать свой воинский дух и свой церковный и патриотический энтузиазм, будучи принужденной сменить воинское оружие на кирку чернорабочаго без различия своих чинов и сословий; а вы пребываете в таком состоянии пять лет и все-таки сохраняете готовность стать под знамена по первому призыву ваших начальников.

Для меня особенно отрадно то, что так взирают на вас не только те, которые находятся в постоянном ближайшем соприкосновении с вами, но и ваши высшие начальники, а именно Главнокомандующий генерал Врангель и даже Великий Князь Николай Николаевич, от которого я слышал нынче летом слова глубокой уверенности в том, что Добровольческая Армия, т. е., как присоединившиеся к ней кадровые офицеры, так и вновь вступившие в нее юноши разных званий, всегда готовы взяться за оружие и воевать за возстановление России.

Вторым утешением в вашей жизни является то, что мы все вчера наблюдали перед всенощной (хотя знали о том и раньше), присутствуя на панихиде, пропетой вами с таким одушевлением и умилением, как не часто приходится слышать

в храмах Божиих. Особенно утешительным было то, что эта панихида была совершена так торжественно по одному неизвестному юноше, вашему другу, рабу Божию Петру, скончавшемуся в полном одиночестве в санатории Красного Креста в Вурбурге. Многие из многочисленных певцов, конечно, и не знали его, но эта усердная молитва является лучшим доказательством духовного сердечного родства военного юношества между собою. Это не то, что пресловутая и напыщенная церемония с барабанным боем в честь «неизвестного солдата». Там торжество гордыни, зресь смиренная молитва любви. После этой панихиды ко мне подошел один старик светского звания и сказал: «теперь я вижу, что наша Армия не пропала».

Прибавлю от себя: судя по внешнему человеку, она изгнана и повержена на чужбине по большей части в голоде, холоде, и унижении, но по внутреннему человеку наша Белая Армия **победительница**, ибо сохранила верность в этих тяжких условиях в продолжении вот уже восьми лет и сохраняет себя такую же, какую собиралась на военный подвиг.

Скажу более, не только такую, но во много раз лучшею, ибо к прежним мужественным решениям вы обогатились добродетелью терпения и смиренномудрия, столь редкими в молодом возрасте.

Впрочем, по наблюдениям знаменитого генер. Драгомирова, скромность и совершенное равнодушие к земной славе вообще является свойством русского воина и он с большим трудом, даже как бы конфузясь, соглашается рассказать о своих военных подвигах только по настойчивому требованию собеседников. Остается пожелать, чтобы эти свойства сохранились в вас и после победоносного возвращения на Родину, дабы нравственная ваша привлекательность притянула бы в ваши ряды кающихся сынов Красной Армии, из коих огромное большинство служит там поневоле и даже против воли.

Привлекательность эта будет тем сильнее и неотразимее, что горький, но полезный опыт последних лет, освободил начальников и офицеров от свойственного военному званию

самолюбия и слил все чины Армии – генералов, офицеров и солдат в одно христианское воинское братство – непобедимое в нравственном отношении и, даст Бог, победоносное в военном смысле.

Особенно утешительно, а в недавнее время даже невероятно, что такое нравственное объединение уже слило в одну дружную семью – такие противоположные прежде элементы, как юнкера и кадеты с одной стороны и студенты с другой стороны. Оба эти общества освободились в этом единении от недостатков своей среды и обогатились друг от друга достоинствами каждой из них: юнкера и кадеты приобрели любознательность и трудолюбие, а студенты – патриотизм и религиозность. Первые отбросили от себя всякое бахвальство, а вторые освободились от навязывающегося им обществом в продолжении 50 лет нигилизма и связанных с ним пороков.

Да укрепит же Господь вашу дружбу в общем труде и да сольет вас в неразрывный союз любви, патриотизма и веры.

Вместе с вами здесь молятся сестры милосердия, разделявшая ваш военный подвиг через ухаживание за ранеными и больными, а теперь приложившая к тому подвигу еще другой – попечение о чистоте и благолепии храма Божия.

Не может быть, чтобы на это прекрасное объединение в самоотверженном подвиге всех участников и участниц белой Армии не низошло Божие благословение и чтобы подвиг не был увенчен радостным успехом».

4. О Казачестве.

В 1928-м году, в ответ на анкету Донского Атамана ген. А. П. Богаевского, владыка Антоний высказал следующие мысли о Казачестве:

* * *

«Я всегда мысленно ставил казацкое войско выше всех прочих видов оружия Русской Армии вследствие отличительной черты казацкой организации, строго национальной русской, т. е. 1) религиозной, 2) православно-церковной, 3) сохранившей более крепкую связь с древне-русским укладом (до Петровским) 4) более других родов оружия сохранившей семейный быт и 5) более других частей Русской Армии сблизившей военную службу с семейной жизнью.

Я знаю, что в глазах простого народа воин идеальный, воин по преимуществу мыслим всегда, как казак. Так было в глазах великороссов, так и малороссов.

Немецкое влияние на строй и наши понятия всего менее отразилось на нравах казачества. В начале еще 20-го века, когда я спрашивал одного юнкера Константиновского Училища, участвуют ли юнкера казаки в их ночных походах, он отвечал: «Не без того, но казаки не хвалятся друг перед другом своим распутством и никогда не кощунствуют».

Как я смотрю на потуги части казачества в верхах его и в низах к политическому сепаратизму?

Я отвечаю: как на такое же одурманение, каково оно во всей прочей интеллигенции и полуинтеллигенции, как на оппозиционный дух, привитый евреями и другого рода нигилистами.

Желание некоторых казацких частей выделиться из православной Руси, которую они же спасли в 1613 году, указав на излюбленного царя Михаила, есть образчик морального и политического помешательства, которое убило Россию через евреев и всякого рода нигилистов.

Достоевский в 1873 году писал Наследнику Престола, что появившиеся тогда на Руси террористы (родные отцы

большевиков), суть родные сыны таких писателей как Грановский, Белинский и левые журналисты, которые ненавидят не какой-либо порядок в России, но самую Россию, свое отечество, злорадствуют ей в бедах и печальны бывают при ея благополучии.

Как грустно, что среди подобных типов находятся теперь и некоторые представители казачества. Страхнут ли они с себя этот бесовский кошмар?»

5. О генерале Врангеле⁶⁵.

В сентябре месяце 1929 года, при перенесении праха генерала Врангеля из Бельгии в Белградскую русскую церковь, владыка Антоний при совершении божественной литургии произнес следующее слово, посвященное памяти генерала П. Н. Врангеля:

* * *

«Сегодняшняя наша литургия совершалась, как видите, при необычном составе молящихся: кроме обычных богомольцев нашего храма, мы видим преобладающее число новых лиц, наполнивших наш город с одною у всех целью почтить память того, чье бездыханное тело, разставшись с душой полтора года тому назад, прибывает сегодня в Белград.

Своим поучительным словом мы предупреждаем заупокойное о нем служение, которое начнется здесь через три часа, ибо тогда в общей суматохе, неизбежной в таком грандиозном собрании народа, невозможно будет слушать даже голосистаго проповедника.

Итак, уже протекло со дня его кончины острое чувство боли и в обще-народной и обще-воинской оставленности успело смениться тихою грустью, но в сердце осталось неослабевающее стремление молиться за доблестного вождя, положившаго душу свою за други своя.

Благочестивые люди давно уже убедились в том, что участь отлетевшей из сего мира души в некоторой степени определяется теми чувствами близких ей родных и друзей, с которыми они провожают покойников в грядущую жизнь.

Если эти чувства исполнены покорности воли Божией при всей своей скорби об утрате дорогого человека, и если память об усопшем дружески сближает их между собою, то это считают доказательством, что душа его принята Богом.

Так и Христос Спаситель, готовясь к своему исходу, заповедал ученикам своим взаимную любовь, говоря: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга: якоже возлюбих вы да и вы любите себе» (Иоан. 13, 34).

В таком то дружном, сердечном объединении десятки тысяч православных людей русских и сербов провожают прибывший сюда двойной гроб усопшаго Вождя.

И не напрасно он спаял своею памятью сердца воинов и всех предстоящих богомольцев.

Говоря это, имею в виду даже не его патриотическая военнoначальнический заслуги, исключительно благодаря которых мы находимся здесь, избавившись от верной смерти в Крыму, или в Константинополе, но еще более то, что его душа разставаясь с телом, заботилась не о себе, а молитвенно вопияла к Богу: «Боже, спаси Армию».

Вот эта Армия собралась сюда в лице безчисленных своих представителей разного положения, разного возраста, но в одном настроении молитвенной грусти и твердой решимости продолжать подвиг спасения погибающего Отечества.

Поистине сбывается слово Премудраго Соломона: «На пути правды жизнь и на стези ея нет смерти» (Пр. 12, 28).

Смерти нет для духовной жизни усопшаго Вождя: эта жизнь продолжается в том патриотическом энтузиазме, который он вдохнул словом и примером в возлюбленную им Русскую Армию. И она вновь возсияет в прежней славе, когда эта Армия, возвратившись в Россию, расточит ея врагов, внешних и внутренних.

В этом наше утешение в потере усопшаго и наша надежда на то, что мы сбудем наше унижение, наше общее горе, что отчасти и сказывается в неизменно добром и великодушном отношении к нам наших дорогих хозяев – сербов во главе с здешним Государем и Св. Патриархом.

Хотя принято говорить, что поклонение и прославление умерших уже не может их радовать, но мы твердо убеждены в том, что это небывалое по своей торжественности погребение, какового не удостаиваются ни Великие Князья, ни даже Государи, является некоторым увенчанием или наградой усопшему, который в этой жизни не был награжден Промыслом за свои подвиги, но проводил дни свои среди скорбей, обид и унижений, связанных с неудачным, не по его вине, последним походом.

Но если его земная жизнь не была богата подобными триумфами, а больше трудом и огорчениями, то его погребение, на котором мы присутствуем, более напоминает шествие триумфатора, чем исполнение общего человеческому роду приговора Божественного правосудия.

Будем же помнить об этом Божиим справедливым воздаянии усопшему герою и патриоту, укрепляя и самих себя этой памятью в нашей жизненной борьбе за Веру, Царя и Отечество».

6. Вечная память генералу Кутепову⁶⁶.

В 1936-м году, когда русские военные организации убедились в том, что нет надежд на возвращение живым похищенного в Париже 26 января 1930 года ген. Кутепова и он решил молиться о нем, как убиенном, владыка Антоний отозвался на это следующей статьей, посвященной ген. Кутепову:

* * *

«В переживаемые мрачные дни отечественной истории, когда тяжело и грустно чем-либо похвалиться, с сердечным умилением наш взор останавливается на нравственном облике нашего героя генерала Кутепова, который особенно мне симпатичен, напоминая древних русских богатырей и их позднейших преемников непобедимых русских воинов, самоотверженно защищавших Св. Русь от врагов внутренних и внешних.

Оплакивая нашего героя, убиенного злодеями, я весьма сочувствую, что русские патриоты после 6 летнего ожидания, решились, наконец, молиться об упокоении его души. Такое длительное промедление объяснялось тем, что они не хотели считать генерала Кутепова в числе умерших, не имея точных известий, каким именно способом его умертвили злодеи. Но, если бы даже, к нашей радости, генерал Кутепов оказался бы в живых, на что впрочем нет никаких надежд, наши молитвы не могли бы ему повредить.

Между тем душа всякого усопшего человека нуждается в молитвах о ней Церкви, объединяющей живущих и умерших в одно духовное братство. По откровению, бывшему некоторым святым, души умерших после смерти предстанут страшному престолу Божию в ожидании приговора Предвечного Судии. Сей приговор основывается на взвешивании дел, мыслей и чувств судимаго, которое образно или символически описывается так, как будто душа видит перед собою непогрешимые весы божественного правосудия. На одну чашку весов ангелы складывают рукописания добрых дел умершего, его

благодения, его молитвы, его покаяныя слезы, на другую мрачные демоны со злорадством и лукавыми угрозами складывают записи его грехов.

В отношении брата нашего воина Александра мы можем молиться с надеждой на добрый приговор Божественного правосудия во-первых потому, что мученическая кровь особенно угодна Богу по Его слову: «Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Иоан. 15, 13).

Генерал же Кутепов положил свою душу за всех нас, за всю Россию; а во-вторых потому, что общее направление воли его – было самоотверженным, героическим, при этом он не обнаруживал себялюбивой гордости и мне нередко приходилось его видеть в храме Божиим, выстаивавшем длительныя церковныя богослужения.

В своих же воинских подвигах он по своему самоотвержению, безстрашию и готовности идти на врага, неизмеримо превосходнаго по силе, напоминает, как уже говорилось, древних русских богатырей, воплощавших в себе несокрушимую мощь благочестиваго русскаго народа.

Русский богатырь, русский воин был непобедим потому, что он заранее обрекал себя на смерть, если бы она потребовалась для пользы Отечества. Не боясь смерти, он был спокоен, разсудителен, исполнен единокровия со своими боевыми товарищами. Знаменитый французский завоеватель Наполеон Бонапарт ни одному народу так не удивлялся за его храбрость и стойкость, как народу русскому. «Русский солдат, – говорил он, – и убитый стоит перед тобою пока враг его, убитаго, не свалит».

Вот таким русским воином и был генерал Кутепов и думается мне, что он давно обрек самого себя на своем сердце на смерть: и тогда, когда он усмирал в русской столице революционеров и когда он выступал на бой с красными полчищами и когда он вел свою работу в Париже, окруженный шпионами и пренебрегая даже необходимыми мерами предосторожности, лишь бы только не показаться малодушным в глазах своих сотоварищей.

Во всяком случае наши общие враги не победили генерала Кутепова. Он и безоружный был для них страшен и они применили к нему хитрость и коварство, заманив его в ловушку и покончив с ним из за угла. Но хотя они прекратили его физическую жизнь, но его мужество и самоотвержение не истребимы и остались безценным от него наследием для всей Православной Руси.

Для спасения нашего погибающего отечества нужен крест и меч, нужен военный подвиг.

Православные воины! Взирая на поминаемого ныне нашего героя, носите в сердцах своих Христов крест, вспоминайте о нем в дни печали и искушений и осеняйте себя знаменем крестным. Обрекайте себя на подвиг с молитвой и подвиг будет для вас не тяжек, а радостен; он будет не мукой, а светлым утешением, а когда Господь благословит вас вернуться к домам своим, вы будете с любовью и благодарностью рассказывать о ваших подвигах своим детям и внукам и их учить верности Богу, любви к святой Родине и послушанию Самодержавному Царю».

7. О генерале Юдениче⁶⁷.

В августе месяце 1931 года исполнилось 50-летие военной службы проживавшего во Франции прославившегося в боях на Кавказе во время 1-ой мировой войны генерала Юденича. Владыка Антоний отозвался на этот юбилей следующей статьей.

* * *

«Никогда мне не приходилось видеть генерала Юденича, но еще до революции я видел в нем лучшее украшение нашей Армии со слов молодого, но очень умного офицера, украшенного Георгием, с которым я имел разговор уже во время военных действий нашей Армии.

Я спросил его, кого из наших военных героев, прославленных в печати, он особенно высоко ценит.

Алексеева ли или Корнилова, или Брусилова, но молодой человек замахал руками и горячо воскликнул – все эти герои совершенно бледнеют перед авторитетом нашего лучшего героя – генерала Юденича, совмещающего военные таланты с возвышенным настроением духа и горячим патриотизмом.

А когда я спросил после некоторого времени, почему же генерала Юденича не возстановили на действительной службе, хотя бы за границей, то уже другой мой собеседник, менее уравновешенный, ответил: – «я думаю, что именно поэтому. Ведь и Суворов имел много недоброжелателей и завистников».

Впрочем надеюсь, что эта ошибка скоро будет исправлена и в такой надежде, независимо от того осуществится ли она или нет, считаю приятным долгом с своей стороны, как неофициальный, но деятельный сотрудник нашей армии, приветствовать доблестного генерала Юденича, по случаю 50-летнего юбилея его доблестной службы».

8. О книге А. А. Керсновского «История Русской Армии»⁶⁸.

В 1933–1938 годах нами была издана в Белграде «История Русской Армии» в 4-х томах, написанная нашим высокоталантливым сотрудником А. А. Керсновским. После выхода в свет 1-го и 2-го томов владыка Антоний сначала написал отзыв о 1-м томе и затем после прочтения 2-го тома написал «Открытое письмо» автору этих книг. В 1936-м году, незадолго до своей кончины, владыка Антоний написал вновь «Открытое письмо» А. А. Керсновскому, готовившему в это время к печати свое другое капитальное произведение «Подвиги», в котором он собрал описание наиболее замечательных подвигов, совершенных на протяжении всей Русской истории. К большому сожалению эта ценнейшая рукопись погибла во время 2-ой Мировой войны. Автор же ее скончался в Париже в первые годы той же войны.

* * *

«Трудную задачу взял на себя молодой автор, впрочем уже доказавший свое отличное понимание русских народных интересов, которые он оценивал реально и практично, не поддаваясь своим непосредственным симпатиям к тому или иному укладу русской жизни, которая в описываемый период своей истории подвергалась такой решительной пертурбации, какой она не испытала ни в раннейший, ни в позднейший период.

В этом достаточно убедиться, взглянув на картинки, изображающие в разные эпохи русского солдата, украшенного то бабьей косой с пудрой, то женскими башмаками, то как бы железными батфортами и лосинами. Все эти униформы были столько же антинациональны, сколько не удобны для какого бы то ни было дела.

Мне пришлось увидеть эти формы в детстве в 70-х годах, уже значительно подогнанные под современные вкусы, но все-таки сохранившие в некоторых отношениях нечеловеческие стеснения «разсудку вопреки, наперекор стихиям».

В соответствии с униформами военное командование старалось коверкать и дух русского воина, наполняя его, то немецким Вильгельмовским содержанием, то французской фронтовитостью.

И не напрасно русский деревенский народ за оба эти столетия был склонен видеть в военном человеке не столько своего соотечественника и защитника, сколько представителя чужеземного войска, говорившего терминами, совершенно чуждыми народному языку, каковыми в значительной степени эти термины остались до настоящего времени, как и самая униформа военных людей и вся их терминология.

Только в области православной религии военные люди, несмотря на все эти введенные начальством уродства, остались более близкими к русскому мужику и к русскому барину. А военное дело, в котором человек стоит лицом к лицу перед смертью или увечьем, сближало, как бы поневоле, барина-офицера с простолюдином-солдатом, и нужду такого нравственного оближения постепенно поняли лучшие из наших прославленных полководцев, при чем большинство последних научились такой мудрости постепенно, а меньшинство их внесло ее в армию с самого начала, как например Суворов и Котляревский, за что и были обожаемы подчиненными, отпечатлевшими на своем характере их нравственный облик. Подобных полководцев наши низшие чины считали всегда своими, – звание с большим трудом и через долгое время заслуживаемое нашими интеллигентами.

Высокоталантливый Грибоедов устами Чацкого выражал молитвенное пожелание: «чтоб добрый умный наш народ, хотя б по языку нас не считал за немцев».

Очень талантливо описывал встречи и столкновения русских почвенных людей с иностранцами Л. Н. Толстой в «Войне и Мире», а еще раньше хотя кратко, но сильно А. С. Пушкин в «Борисе Годунове».

Немецкие пленные и вообще немецкие воины кричат «Hoch» в честь своего Императора, а русские с благодушной насмешкой покрикивают «заохали, собаки»; не менее характерна сцена, изображающая французского пленного

распевающего кантату в честь Генриха IV, которого передразнивает русский солдатик к общему восторгу своих сотоварищей.

Самоотверженные подвиги и воинская удаля русских солдат сквозь уродство, которому их подвергала иностранная и неправославная культура, сохранили свой героический дух без всякой гордости и злорадства и благодаря этому вышли победителями из того отчаянного положения, в которое повергла их Отечественная война.

Наш автор, кроме чисто технических военных познаний, при всем объективизме изложения своей истории, достаточно ясно показал, какие беды внесли в жизнь Русской Армии наше чужебесие и непонимание русской культуры и русского духа и насколько последний крепко овладел сердцами русских воинов и ассимилировал с ним и самых иностранцев – французов и нашу офранцуженную интеллигенцию. В последнем отношении особенно проникновенно изображена Л. Толстым встреча Пьера Безухова с типичным французиком, которому он спас жизнь. Эту противоположность ясно поняли наши полководцы победители и потому при наличности военных талантов могли вдохнуть в сердца наших воинов, прежде мало заинтересованных франко-русскими военными отношениями, тот неодолимый патриотизм, который заменил им и военную ученость, и прочие качества ума и образования, столь необходимые в том грандиозном военном деле, коего они были руководителями.

Книга г. Керсновского обнимает период от 1700 до 1814 года и следует за Русской Армией по пятам ея неоднократного переселения с одного фронта на другой. Она вскользь касается и иностранных политических событий и при всей своей деловитости, которая временами поневоле бывает сухою, является настолько интересной для читателя, даже штатского, что он не без труда отрывается от повествования автора и с нетерпением опять хватается за его книгу, не без сожаления оставляя ее, когда он дочитал то, что ему нужно для своей цели, т. е. для выяснения предмета.

Что же говорит автор о высших начальниках нашей Армии о русских Государях?

Не замалчивая их роковых ошибок, начиная с Петра I-го, он указывает на благотворительное значение русского самодержавия к военному делу, в котором более чем где-либо необходимо послушание, которое ограждало несколько раз нашу армию от отчаяния и измены пока она хранила такое послушание. Сообразно с этим она не дала развалиться русскому царству, когда во главе последнего стояли столь несимпатичные для русского сердца немцы и немки, а, напротив, сама она, т. е. армия, делала последних наполовину русскими и получала от них чисто патриотические руководственные указания. Указания эти были особенно характерны при Елизавете, Екатерине II, которая вдохновляла наших героев-полководцев Румянцева и Суворова.

Однако, те из полководцев⁶⁹, которые получили наибольшее влияние в государстве, оказались безсознательно, или даже сознательно, на подобие одного из Карамазовских героев, выражавшего сожаление о том, что в 12 году русские победили французов, хотя «было бы лучше, если бы умная французская нация победила глупую нацию русскую».

Последняя революция вместо французской нации выдвинула нацию еврейскую в составе ее худших элементов – форменных атеистов и тем загубила наше несчастное⁷⁰ зова?

Но автору «Истории Русской Армии» низкий благодарный поклон за то, что он открыл читателям глаза на их Родину, переносящую теперь самые тяжкие муки рождения».

9. Открытое письмо владыки митрополита Антония – А. А. Керсновскому⁷¹.

Многоуважаемый и дорогой Антон Антонович!

Вчера и третьего дня я целый день читал Вашу интересную и талантливую книгу «История Русской Армии» ч. 2-ая. Никогда я не любил читать военных монографий и, когда при переходе в 3-ый класс гимназии, я получил в прекрасном переплете историю Севастопольской обороны в 3-х томах, то даже не прочитал в ней ни одной строки, в чем с недавняго времени начал горько раскаиваться.

Ваша книга была для меня сплошной новостью по своему содержанию, которое обострило во мне чувство раскаяния о своем грубом невежестве в военной истории.

Должен признаться, что сравнительно недавно, т. е. на восьмом десятке своей жизни, я окончательно понял совершенную невозможность с общелогической и вообще научной точки зрения выделять историю Церкви в совершенно отдельную специю от общенародной истории, в частности русской.

Ваша книжка выясняет эту неразрывную связь с фотографической ясностью и пробуждает в читателе кроме чувства яркого удовольствия еще и глубокую благодарность лично Вам, как автору этой полезной и многосодержательной книги, так как Ваша книга, расширяя общий кругозор читателя на русскую историю и в частности историю военную, укрепляет в нем уважение к своему отечеству и убеждение в его превосходстве над другими государствами Европы, как носительницу высокого исторического идеализма, весьма отчетливо выясняющую правильные шаги государственной деятельности одной эпохи и глубокую ошибочность – другой.

Большое Вам спасибо. Я думаю, что Вы и сами не могли до конца продумать специальную ценность Ваших воззрений на историю нашего Отечества и в частности его армии и героев последней.

Чем шире будет слава Вашего творения, тем большую отраду оно вселит в русския сердца и головы.

При этом замечательно, что Вы совершенно отрешились от чувства личного самолюбия и славолубия, приподнося читателям в Вашем молодом возрасте такое капитальное сочинение, над разработкой которого и другой писатель должен бы просидеть время втрое продолжительнейшее, чем Вы.

Заключительное мое пожелание, чтобы Вы, если придется встретить Вам безучастливое или завистливое отношение к Вашему творению, не разстроились бы настолько, чтобы его обезличить и не испортили бы своего личного характера.

Я могу смело предсказать Вам, что книга Ваша может остаться неоцененной только немногими недостойными читателями под воздействием личной зависти или других враждебных, но тоже личных чувств.

Особенно симпатично то, что Вы сохраняете великий принцип историков: «Sine ira et studio», что так трудно выдержать в изданиях патриотических и особенно военных. Впрочем я не сомневаюсь, что, так как Вы писали под наитием глубокого вдохновения, то и сам Господь не оставит Вас Своей невидимой помощью.

Призывая на Вас Божие благословение, остаюсь преданный душевно и сердечно благодарный Вам читатель Вашего труда и искренний почитатель Вашей личности».

10. Открытое письмо А. А. Керсновскому. (Второе)⁷².

Многоуважаемый и для всей России дорогой Антон Антонович!

Осведомившись из Ваших писем ко мне и приятелям Вашим о том, что геройская военная самозащита Русской Армии далеко не кончена и увенчивается в лице своих героев изумительными подвигами храбрости терпения наших добрых воинов и что главным деятелем всего этого славного военного дела, в его описании, являлись и являетесь именно Вы, дерзаю от всей души благодарить Вас от имени русских людей и уведомить Вас о том, что все они, или лучшие из них, с большою любознательностью готовы собирать со всех концов русской эмиграции сведения о продолжающихся до последняго времени воинских подвигах нашего Христоролюбиваго и самоотверженнаго воинства.

Такие подвиги уже непокрываемые каждый раз тою победною славою, как это было в начале войны, особенно ценны для Всевидящаго Ока, даже если бы ни в каких военных донесениях не было бы повторено все то, или часть из того, что явствует из книги, которую Вы пишете.

Бог даст придет время, когда об этих подвигах будут с радостным волнением читать во всех военных и даже не военных библиотеках и сообщать друг другу вместе с утешением о понесенных нами поражениях по всему военному полю Русской Армии.

Теперь большая часть русского народа могла бы свободно пользоваться печатью и литературою. Но и это еще не все, а если прибавим к этому выражение уверенности в том, что и количество усердных молитв об излечении страдальцев русских и о вечном спасении убиенных душ нисколько не умалится, но составит любимое, хотя и горькре, чтение во всех частях Армии, то в этом мы почерпнем достаточное утешение, а Вам за Ваши ревностные труды останется навеки наша благодарность и утверждение надежды, что уже наступает счастливый перелом

от огорчений к благодарению Богу, Который да наградит Вас Своими небесными дарованиями.

11. Мой венок на могилу русских воинов⁷³.

В 1935-м году в г. Белграде был торжественно открыт памятник русским воинам, сооруженный по инициативе ген. М. Ф. Скородумова по проекту талантливца русского архитектора Р. Н. Верховского. Владыка Антоний, тогда уже не подкидавший своих покоев в виду своей болезни, написал по этому поводу следующую статью.

* * *

«Как только я узнал, что, наконец-то предстоит освящение надгробного памятника над останками русских воинов, положивших свою жизнь за освобождение православной Сербии, я всем своим сердцем возжелал из чувств моей горячей любви к нашей священной Родине и ко всем православным христианам, которых мы защищали, – сплести неувядаемый молитвенный венок и, полив его своими слезами, – возложить на могилу наших воинов.

К слову сказать, я не сторонник надгробных статуй и обычных венков и предпочитал бы вместо них видеть храмы Божии и заупокойные молитвы в них, но и при этом сочувствую увековечению памяти наших доблестных героев и особенно молитвам над их останками. Лично я никогда не принимал участия в военных сражениях и не бывал на полях битв, но видит Бог, всем своим сердцем сочувствую воинским подвигам наших героев и молюсь за упокоение их душ.

12 лет (с 1902 по 1914 год) я прослужил на самой границе России – в Волынской епархии. Ко мне, в Почаевскую Лавру, приходили толпами поработанные мадьярами и австрийцами – православные галичане и карпатороссы, поступали ко мне печальные известия из аннексированных Боснии и Герцеговины, разрывалось мое сердце за православных братьев во время Балканской войны 1912 года и для меня, еще задолго до начала Вел. войны, было очевидно, что православная Россия должна выступить на защиту частью поработанной, а частью угрожаемой поработанием, Сербии.

Незадолго до войны я решился высказать свои наболевшие мысли Гсударю Императору Николаю II. В Высочайшей аудиэнции в Петрограде с надлежащей осторожностью я напомнил Его Величеству, что русские люди единодушно ожидают от Русскаго Царя, как защитника и покровителя всех, православных христиан, Его поддержки и военного заступничества за гонимых врагами наших братьев – сербов. Помню, как наш незабвенный Царь на минуту задумался, но сейчас же приободрившись, сказал мне:

«Дело это трудное. Впрочем Я не могу от него уклониться и на австрийской границе уже сосредоточено 370 тысяч Моих штыков».

Радостно, скажу более, ликующе за Россию, я удалился от Его Величества и с той поры пребывал в сладкой надежде дожить до действительного освобождения сербскаго народа.

До предназначеннаго времени я дожил, но что пережили мы, русские патриоты? Сперва «брани» и «слышание бранем», а потом крушение всего нашего Отечества, горестная весть о зверском убийстве нашего незабвеннаго Государя и Его Царской Семьи, поругание всех наших святынь и постыдное молчание международной дипломатии, как будто эти леденящая ужасом события не заслуживают кроваваго отмщения.

Невольно спрашиваешь себя, положив руку на свою изнывающую грудь: неужели этим дело и кончилось? Так и хочется воспроизвести сетование слов Апокалипсиса: «доколе, Владыка святой и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?»

Да, прав был наш незабвенный Государь. Дело защиты православных сербов оказалось трудным и ныне, оплакивая Россию горькими слезами, я: однако, не жалею, что наше Отечество подняло этот тяжкий крест, помня слово Спасителя: «неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?» (Иоан. 18, 11).

Великая война застала меня в Харькове. Хотя я там был далек от пушечных и ружейных выстрелов, но мое сердце также было с нашими самоотверженными бойцами. Я наставлял проходившая через г. Харьков войска, благословляя их на

ратный подвиг. Я говорил им, чтобы каждый из них начертал в своем уме такая мысли:

«Господи, с покорностью иду на тяжкий подвиг и рад по Твоей воле умереть за Веру, Царя и Отечество: только помоги мне достойно понести военное послушание и безбоязненно встретить врага». Я указывал русским воинам, что если они заранее обрекут себя на смерть, то будут славными храбрецами и победителями. При этом я угрожал им своими духовными карами, если они не будут исполнять своего воинского долга и грозил им обличать их совесть и после своей смерти, являясь им в ночных видениях. При посещениях же многочисленных раненых в госпиталях приходилось сердечно умиляться незлобью и долготерпению русского воина, благодаря Бога за то, что еще не обеднела русская земля народными богатырями.

Все это встает в моей памяти при мысли о погребении останков русских воинов в Белграде, среди которых были быть может и те, которых я благословлял на ратный подвиг, во всяком случае одинаковые с ними по духу русские воины.

При этих воспоминаниях мое сердце также обращается и к незабвенному Сербскому Королю Александру, светлую личность которого невозможно отделить от России. Его жизнь отняли у нас наши общие враги – враги Христовы и православной веры. Они без всякой жалости осиротили его еще совсем молодую семью, в которой старшие ее представители находятся еще в детском возрасте. Да будут же прокляты эти безсердечные разбойники, совершившие безпримерно жестокое смертное поражение православного молодого и при том великого военного героя Короля Сербского Александра I.

Доколе же Владыка святой и истинный не судишь живущим на земле за кровь нашу?

О, как желательно было бы применить сюда же и дальнейшие слова Священной книги: «И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время...»

Теперь такая белая одежды по всей справедливости должны бы получить многия тысячи и десятки тысяч «дополняющих число», но увы число более великое, чем то, к

которому относились эти божественные слова Апокалипсиса, и хотя нам сказано, что остается еще **малое время** пока наши братья по вере будут «дополнять число», но сведения, приходящая со всех концов мира, увы, не подтверждают этого предсказания и мы отсылаемся к размышлению о том, что у Господа Бога один день все равно, что тысяча лет и тысяча лет все равно, что один день.

Единственным нашим утешением и **утверждением надежды** остается та мысль, что безпримерные злодеяния большевиков не могут долго продолжаться. В этом кроме приведенных слов Апокалипсиса убеждает нас еще и то соображение, что назревшие и перезревшие злодеяния большевиков, их русское сотрудничество настолько превосходит всякую меру терпения, что поверить в его продолжительность просто невозможно, особенно, если мы еще раз прочитаем приведенные выше слова Апокалипсиса, где говорится о «**малом времени**».

Впрочем, не столько страшит меня тяжкое порабощение России, ее физическое ослабление, сколько охватившее всех нравственное безразличие, делающее народ все менее и менее способным поднять крест и меч на врагов Отечества.

Однако, надеюсь, что это безразличие, не окончательное, а лишь временный упадок духа у русских людей, которым пусть останки воинов напомнят о русском богатырском духе, через подвиги которого, да возродится наше великое Отечество к новой и славной жизни».

12. Открытое письмо русскому воинству⁷⁴.

В 1934 году в органе Русского Обще-Воинского Союза «Часовой» было напечатано следующее обращение Блаженнейшаго Владыки Митрополита Антония:

* * *

«Среди множества всякого рода воззваний, призывов и предложений, которыми пестрят в настоящие дни русские газеты, прошу читателей «Часового» уделить внимание и нижепомещенным строкам.

Возможно, что оне останутся без приложения к жизни, но мы не хотим терять надежды, что найдутся мужественные русские души, которые положат себе на сердце и мои немудренныя строки, рассчитанныя на то, что наиболее преданныя души эмиграции находятся все-таки среди русских воинов.

Много теперь пишут о необходимости свергнуть большевистское иго и кто только ни призывает соотечественников к этому святому делу? Отказаться от него вслух все-таки никто не решается, но, насколько нам известно, пока никто еще не опоясался воинским мечом, чтобы выходить на такое геройское дело.

Конечно, мы далеки от того, чтобы скрывать в этих словах какую-либо укоризну русским людям за бездеятельность или за недостаток патриотизма и мужества в исполнении патриотического долга.

Однако, при всем том, мы не можем не отозваться на неоднократные призывы русской патриотической печати о необходимости действительного вооружения наших передовых воинских частей, о выступлении против большевиков с оружием в руках.

Если оглянемся назад, в наше прошлое, то легко можем увидеть, что большинство наших военных походов возникали после настойчивых воззваний духовных вождей народа, а если кто полюбопытствует узнать существует ли прямое указание Св. Церкви по этому предмету, то мы ответим, да существует –

в виде канонического послания Св. Афанасия Великого к Аммуну-монаху. В этом послании, изданном от лица всей Православной Церкви, внесенном в Книгу Правил Вселенских Соборов, Св. Церковь убеждает читателей что, вопреки лицемерным и сентиментальным рассуждением Ея тайных и явных врагов, убийство во время войны отнюдь нельзя считать грехом, а только печальной необходимостью и похвальным подвигом «в память которого героям воздвигаются столбы, возвещающие о славных их деяниях».

Вот о чем мы, в качестве старшего православного пастыря земли Русской, почитаем долгом напомнить своим дорогим соотечественникам и умиленно просить их во-первых не уклоняться от личного участия в таковом благословенном Ополчении и, во-вторых, принять участие в приготовлении нашего воинства в организации военных действий, лишь только это потребуется военным начальством.

Божие благословение и молитвы св. угодников да сопутствуют нашим самоотверженным героям в исполнении патриотического долга, а Святитель Патриарх Гермоген да будет помощником и покровителем будущему православному воинству, как он самолично призывал наших предков 200 лет тому назад к выступлению в поход против тогдашних большевиков, устремившихся под различными названиями к совершенному разорению нашего Отечества».

13. В добрый час⁷⁵.

В 1934-м году в связи с созданием в Белграде по инициативе и трудами ген. М. Ф. Скородумова «Русского Народного Ополчения», из которого в 1941 году был сформирован «Русский Корпус» для вооруженной борьбы с большевиками, владыка Антоний опубликовал следующее обращение.

* * *

«В последние дни стало известным, что настойчивые труды русского полковника Скородумова и дружественного ему и всем нам сербского патриота г. Богдановича получили благословенный успех от представителей Югославянского правительства в том смысле, что оно утвердило устав общества бывших царских офицеров и военно-обязанных.

Хотя это еще далеко не узаконенное ополчение и его ресурсы еще не реальный устав, а скорее патриотическая мечта, но мечта не беспочвенная, а нечто подобное тому почину к вооруженной самозащите русского ополчения, каковое в 17 веке собиралось в разных местах русской земли, объединенной дружным желанием своих участников своевременно постоять с крестом и мечом за освобождение нашей Отчизны от поработивших ее инородцев и еретиков, но все-таки события последних дней и даже последних минут подают нам надежду, что мы дошли до порога той умственной тюрьмы, в которую засадили нас безбожники большевики с тем, чтобы похоронить в этой тюрьме всю русскую жизнь.

Первое основание для усвоения надежды на то, что мы уже стоим на рубеже, отделяющем русский Вавилонский плен от действительного нравственного возрождения поработленной России и поработченного Православия от свободной церковно-государственной разумной и благополучной жизни и возвращения ей нормально-государственной жизни и того места, которое она занимала среди прочих Европейских народов до последней треклятой революции, – и даже впереди их во главе с православным наследственным царем, – так вот

это первое основание такой радостной надежды приближающейся по своей степени к уверенности, открывается в том, что мы получили от дружественной Сербской державы ободрение в наших святых надеждах и что такое ободрение исходит не только от нашей новой покровительницы, т. е. Югославии, – но дает себя чувствовать и в собственном обнаружившемся русском порыве: в патриотическом движении молодежи и при том не только юных мечтателей, но уже людей зрелых, украсивших свои души доблестями самоотверженных воинов, а свои тела добровольно принятыми ранами за Веру, Царя и Отечество.

Да! Повидимому вновь настала или во всяком случае приближается та славная эпоха 17 века, когда в различных пределах нашего Отечества образовывались охваченные самоотверженным порывом Русския Народныя Ополчения, обрекшие себя на славную смерть за Православную Веру и родную страну.

Те Ополчения в поработенной поляками Руси, придавленной с юга татарами, а с севера шведами, не имели никаких гарантий на успех своего дела кроме надежды на помощь Божию и сознания своей самоотверженной преданности гонимому еретиками Православию, и вот эта то преданность Вере и Церкви сделала их победителями наших внешних и внутренних врагов.

В самые последние дни открываются среди нас геройския ополчения, о чем нечего еще было и мечтать лет пять-десять тому назад, но за то тепер такие патриотические всходы и, при том окрашенные православною убежденностью, обнаружились совершенно самостоятельно среди различных молодых, но, конечно, не мальчишеских обществ и дают нам уже твердую надежду на то, что именно отсюда начнется, вероятно, не сейчас, но после тяжелой борьбы, возрождение русской православной монархии, ибо в ней уже намечаются в разных местах самоотверженные поборники русскаго патриотизма, которые с полным правом могут сказать, указывая на свои раны: «аз язвы Господа Иисуса Христа моего на теле своем ношу».

И хорошо сделают те русские молодые воины и военачальники, которые погрузятся в такую славную борьбу за Веру, Царя и Отечество».

14. Новая книга.⁷⁶

Отозвался владыка Антоний и о русском флоте.

По поводу вышедшей в свет в 1933 году книги морского офицера Б. П. Апрелева Владыка Антоний написал следующий отзыв:

* * *

«Приятно читать воспоминания разных деятелей о своей любимой школе и о своих военных подвигах. Помянутая сейчас книжка отличается особенным нежным чувством еще молодого сравнительно моряка во-первых к своей alma mater и ко всему морскому военному делу.

Сквозь строки нашего летописца обнаруживается самая нежная любовь во-первых к России, разоренной и подавленной революциями, во-вторых – к русской армии и в третьих к русскому юношеству.

Эти свойства автора предлагаемой книжки волнуют кровь и заставляют сильнее биться сердце даже у таких читателей, которые никогда не были прикосновенны ни к Морскому Училищу, ни к Военному Флоту, ни к тем подвигам и опасностям, которые лежат на пути морского офицера. А наш автор Б. П. Апрелев, горячий патриот и недюженный мыслитель, умеющий с первой же страницы своей книжки заставить читателя проникнуться по мере сил его военным энтузиазмом и его искренним патриотизмом.

Конечно, такое настроение духа склоняет читателя пересадить в свое сердце и ту глубокую скорбь о потере нами нашей отчизны с тем безутешным горем, столь близким для сердца всего русского народа, которое он испытывает каждый раз когда волей или неволей вспоминает о недавних событиях, имевших место в истории русской армии и вообще в русской государственности, так что даже наивные и далеко не первоклассные военные стихи и разного рода военные марши, помещенные в книге Апрелева, вызывают слезники и глубокие вздохи из глаз и сердец читателей.

То, что прежде казалось им чванливой и горделивой бравадой, теперь кажется потрясающим сердце поэтическим вздыханием души, а приведенные в книжке Апрелева описания кораблей, пароходов и Высочайших посещений прямо хватают за сердце и пробуждают глубоко трагическое чувство при потере надежды на возможность повторения в нашей русской жизни.

Да наградит же Господь автора за то, что он раскрыл перед Россией свое скорбное сердце и научает читателя не только оплакивать, но и сердечно любить свое Отечество, свою Веру Православную и свою Армию и свой Флот во главе с Православным Царем, наконец – свою Северную природу и ее сынов – северных богатырей».

IX. Русской молодежи⁷⁷

Владыка Антоний горячо любил русскую молодежь и имел на нее глубокое влияние, которое многих из молодежи покоряло на всю жизнь. В эмиграции, в Югославии владыка Антоний старался навещать русские учебные заведения как только имел для этого возможность, а когда такой возможности у него не было, сначала по отсутствию средств для оплаты своего проезда по железной дороге, а затем по своей болезни, владыка Антоний писал в учебные заведения трогательные послания, которые мы и приводим ниже в хронологической последовательности. Первая статья, которую владыка Антоний написал для нашего журнала, по нашей просьбе, это было описание его впечатлений от первого посещения русских кадетских корпусов в Югославии.

1. Наши кадетские корпуса⁷⁸.

Два добрых сербских министра – народного просвещения и путей сообщения достали мне бесплатный билет до конца настоящего года по всем сербским железным дорогам для посещения русских школ.

Немало не медля, я пустился в объезд последних и за краткое время своих путешествий посетил три кадетских корпуса, две гимназии и один женский институт. Более всего я интересовался корпусами, расположенными как раз в трех противоположных углах Королевства; в каждом корпусе я гостил по три-четыре дня, высиживал в каждом по пять цельных уроков и совершал литургии и всенощныя.

Должен признаться, что, как воспитанник классической гимназии эпохи Дмитрия Толстого, я, как и мои товарищи в эпоху зеленой юности, взирали на военные школы несколько свысока и думали, что юнкера умеют только маршировать и танцевать. Но уже с начала 20 века пришлось радикально изменить такой взгляд и замечать, что школа – военная – лучшая школа в России, а гражданская – падает стремглав в сторону безпутства и анархии; что в военной школе и учатся больше и ведут себя лучше, чем в гражданской. Последнюю развращала постоянная смена министров и отмена классической системы ничем не замененной, а первую подымало нравственное влияние высокого друга юношей Великого Князя Константина Константиновича и созданная правительством необходимость поднять образование и нравственную дисциплину во всей Армии.

Кроме того только в пожилые годы удалось мне понять и оценить значение военных традиций – полковых и школьных, которые мощно подчиняют волю подростка и юноши сперва школьным, а потом полковым идеалам, патриотическим и даже религиозным.

Жизненное значение этих идеалов в кадетских корпусах мне пришлось вполне оценить во время помянутых посещений последних. Именно я убедился что эти сотни подростков

прочню объединены патриотическим энтузиазмом, искренней религиозностью, любовью к своей школе и к своим педагогам, из которых некоторых они прямо обожают.

Правда я и раньше убеждался во всем этом через посещавших меня кадет разных корпусов и через наблюдение над ними в городе и в церкви сербской столицы. Особенно трогательное впечатление производили кадетики, бежавшие из Хабаровска, Харбина и Шанхая в гостеприимную Сербию. После мучительного странствования по Дальнему Востоку вместе со своим начальством и товарищами истомленные и исхудалые они, как тени, бродили по Белграду, но когда попадали на какое-либо патриотическое собрание, то при пении народного гимна тянулись и старались принять победоносный вид. Я старался посмотреть насколько они после довольно продолжительного срока странствования могли втянуться в жизнь Сараевского и Донского корпусов, по которым их распределили и подружиться с новыми товарищами. К своему великому удовольствию я усмотрел, что они чувствуют себя как дома: это значит, что в названных корпусах сохранилась атмосфера товарищеской дружбы между учащимися и сердечной любви начальников и воспитателей к кадетам.

Не в меньшей степени теми же свойствами отличается Крымский корпус, находящийся в Белой Церкви и живущий преданиями своего излюбленного директора Римскаго-Корсакова, который новый директор сумел бережно сохранить и подкрепить подъемом военной дисциплины. Подобная же строгая дисциплина, соединенная с воинским энтузиазмом, сохраняется и в остальных двух корпусах – в Сараево и в Билече, и все три корпуса производят особенно отрадное впечатление усердием воспитанников к своим корпусным церквям, которые их трудами украшены с благоговейной любовью, что наблюдается впрочем и в Донском женском институте, находящемся в той же Белой Церкви.

Известно, что разные виды благородного искусства – живопись, пение, стихотворство издавна больше процветали в военной школе, нежели во всякой иной; но в настоящем времени наши кадеты превзошли своих предшественников по

школе, несмотря на ту крайнюю бедность, в которую эти школы поставлены условиями беженства. Так например, в Белоцерковском Кадетском Корпусе иконы Спасителя и Божией Матери исполнены с таким мастерством, что могли бы украсить собой любой приходский храм в Петрограде или Москве. Учатся кадеты усердно и успешно, в чем я убедился, посетив много уроков Закона Божия и побывав на уроках истории и словестности.

Однако, большинство кадет много скорбят о том, что мало имеют надежды продолжать свое военное образование и чувствуют себе принужденными, пройдя военную среднюю школу, поступать в университет. Сербское Правительство завершило бы свои благодеяния для русской эмиграции, разрешив кадетам поступать в Сербския военные училища в несравненно большем количестве, чем это допускалось до настоящего времени⁷⁹.

Тем юношам, которые спрашивали меня, не поступят ли они против совести, переходя, хотя бы временно, на службу другому государству, я пояснял, что, если бы даже Россия оставалась в прежних легальных условиях, то не было бы греха от одного православного государя перейти на службу к другому, такому же дружественному и православному монарху, – тем более, что и прежняя наша Императорская Армия обнажала оружие на защиту славянских стран чаще, чем на защиту собственного отечества. И нужно надеяться, что этот драгоценный запас военной и патриотической энергии, который хранится в современном военном юношестве, не будет оставлен без применения к тому делу, к которому призывает их военное звание и возвышенное, даже священное предание прежних поколений.

Дело это предстояло бы им и в самой Сербии и еще в большей степени в нашей России, ибо, если Господь судил ей возродиться, то во главе этого возрождения пойдет наша Армия, уже послужившая на своем поприще, а также та юная часть ея, которая тоже готовится к этому служению в наших кадетских корпусах.

2. Послание русским кадетам.

Впоследствии беженское положение для владыки Антония оказалось настолько тяжелым, что у него не было денег для того, чтобы купить железнодорожный билет и посетить учебные заведения и он личное посещение заменил следующим посланием.

* * *

«Пишу вам, юные Христовы воины, с огорченной душой. Всю зиму и еще ранее осенью, стремился я лично посетить ваши, столь симпатичные русскому сердцу, кадетские корпуса, помолиться с вами в храме Божием, послушать ваше одушевленное пение и побеседовать с вами в каждой роте.

Для исполнения такой заветной мечты я хлопотал о доставлении мне и моему келейному иеромонаху дарового билета, что вначале и было мне обещано, но чего не пришлось дожидаться, и вот я вынужден отложить свое посещение до будущего учебного года.

Всегда были хороши и симпатичны русские кадеты, но за последнее время они стали много лучше и симпатичнее, причиной тому явилось, во-первых, нравственное влияние на кадетские нравы светлой личности покойного Великого Князя Константина Константиновича, а во-вторых, пережитые вашими старшими товарищами и вами самими страдания последних лет – вынужденное бегство из отечества, нужда и неразрывно связанное с нею унижение, болезни и обиды. Правда, все это значительно смягчено по милости, – точнее по милосердию к нам – братского народа, благородных наших единоверцев Сербов во главе с их милостивым к русскому беженцу Королем: но все же печать скорби, печать страдания легла на ваши молодые лица. Ваш нежный возраст требовал бы на ряду с подвигами учебного труда и послушания еще и других безгрешных радостей и развлечений, но немного всего этого испытала ваша юность, омраченная еще семейной нуждой, либо даже сиротством и одиночеством. Правда, и прежде военное звание и военная служба не обходилась без подвига,

без лишений, опасностей, а иногда и увечья и даже ранней смерти: но тогда вся эта горечь смягчалась мыслью о славе святой веры, царя-отца и матери Родины – славной и победоносной; а теперь святая вера в поругании, царя у нас нет, а отечество, родная Русь, стала безутешной униженной вдовой, изгнанницей, либо пленницей.

Впрочем вам, любезные юноши и дети, двойная честь и слава, что вы не постыдились остаться верными сынами и мужественными защитниками своей униженной и опозоренной матери, а умеете ценить и ее прежнюю славу, и ее теперешнюю нравственную красоту в ее лохмотьях и тяжких ранах, и храните в своих сердцах святую преданность ей и ее вере.

Смягченные добрым влиянием Константина Константиновича добрые нравы современных кадет и юнкеров освободились от естественной молодому возрасту грубости и задору и от того, правда, неглубокого, но все же заметного налета дворянской спеси, которая прежде не была чужда военной молодежи, но, в лице новейших ее поколений, заменилась скромной приветливостью, мягкостью обращения и благожелательностью. Охраняйте в себе эти свойства души, как драгоценную святыню и знайте, что, пока они будут с вами, то никакие внешние беды не будут в состоянии отдалить от вас того священного призвания спасать свою погибающую родину, то есть от того дела, которое совершено будет именно вами, которое без вас не будет исполнено.

К началу Японской войны значительная часть нашего общества была развращена и обладала противоположными качествами: своего она отечества не любила, а ненавидела его и злорадствовала его бедам, почему враги и одолели тогда Россию, как и в великой Европейской войны 1914 года.

Правда, не Армия, а примазавшиеся к ней непрошенные радетели под видом сотрудничества задушили ее, обобрали и разгнали, справедливо соображая, что с гибелью Армии и Царя, погибнет и Россия, что именно им и хотелось, как некоторые из русских писателей открыто тогда сознавались, а теперь томятся в бесплодном раскаянии.

Но не на этих позорных предателей должны быть устремлены ваши взоры, а на тех героев самоотверженного патриотизма, которые первые приняли смерть от внешних и внутренних врагов России. Я знавал таких героев например, трех братьев Панаевых; они были гусарскими офицерами, но вели образ жизни праведных монахов и были обожаемы солдатами, горько затем оплакивавших их безвременную кончину на поле брани. Впрочем, подобных примеров так много среди старших братьев ваших по военной службе, что перечислить их совершенно невозможно.

Все такие увещания не много бы имели силы, еслибы в ваших сердцах не было той нравственной закваски, о которой Апостол Павел выражался так: «малая закваска квасит все тесто» (1Кор. 5, 6). А закваска у вас есть; есть любовь к России, есть храбрость, есть порыв к самоотвержению. Однако, не забывайте и дальнейших слов Апостола: «Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом» (ст. 7). –

Нужно хранить свои идеалы, свои традиции, но и постоянно очищать их от примеси человеческого порока, от лени и особенно от самолюбия и гордости, потому что без такого нравственного прогресса в душе человека, как в остановившемся течении реки, заводятся всякие гады и вода теряет свою свежесть и становится смардной. Напротив внутренняя борьба со своими страстишками, не только очищает, но и расширяет сердце человека и привлекает к нему любовь окружающих, да и его самого располагает к ним и самую скромную школьную или полковую жизнь делает поэтичной и радостной среди нужды и трудов. При таком свойстве военной службы жизнь военной школы и дружбы, кроме прямых воинских заслуг пред отечеством, подарила последнее огромными поэтическими, литературными и т. п. талантами.

Лучшие наши поэты и писатели были по большей части военные (например, Достоевский был поручиком инженерных войск и многие другие); из их же среды вышло много ученых, много прекрасных техников, художников, музыкантов, певцов. Но более всех других профессий военные идеалисты процветали в области организаторского творчества; как на

военной, так и на гражданской службе умели они лучше других объединить людей в общей работе, привлекать к себе, одушевлять и призывать на подвиг. Не один Суворов или Кутузов повели за собой огромные армии на смертный подвиг и завоевали для России шестую часть вселенной: они были бы недостаточно сильны для такого дела, если бы с ними не шли скромные заурядные работники военного и народного дела, не прославленные в истории, но заложившие глубокий фундамент патриотического и религиозного энтузиазма в сердцах своих учеников и своих солдат.

Св. вера и молитва возвеличили нравственный образ наших исторических героев в глазах Русской Армии. «Моисеев жезл воображай душе», читается у нас на великопостной службе: «ударяющий море и огустевающий глубину во образ креста божественного, им же можешь и ты великая совершить».

А в заключение позволю себе повторить вам слова Пушкина, вложенные им в уста Бориса Годунова в предсмертном наставлении юному сыну:

"Храни, храни святую чистоту
Невинности и (девичью) стыдливость:
Кто чувствами в порочных наслажденьяхъ
В молодые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременно темнеет».

3. Обращение к русской военной молодежи⁸⁰.

Христос Воскресе!

В этом учебном году снова мне не суждено вас повидать и поговорить по душам: доктора посылают меня на воды с 1-го мая ст. ст. на четыре недели. А между тем всегда присущее мне желание говорить с вами усты ко устам еще более усилилось в моем сердце, когда я увидел вас так дружно оберегавших порядок перед Плащаницей в русской церкви в Белграде. На ваших молодых лицах отражалась чистота юности скромная, свойственная лучшим представителям вашего возраста и общая всем им безхитрость, соединенная с разумно светящимися глазами.

Прежде недоброжелатели военного воспитания и военного образования говорили, будто единодушие, патриотизм и храбрость военного юношества обуславливается их малообразованностью и неспособностью к критическому мышлению; теперь это уже никак нельзя утверждать, потому что здесь в Сербии в русских корпусах проходится полный гимназический курс и окончившие его получают пресловутый аттестат зрелости.

Помянутые недоброжелатели старались вводить всяческие ограничения специально военного образования и военного воспитания в корпусах, но понизить военного идеализма кадетов им все же не удалось, а те кадеты, которые за невозможностью поступить в Военную Академию обращались в студентов университета, все-таки и в этой высшей школе вводили между собою некоторые военные порядки и именовались по ротам и родам оружия, хотя, конечно, не могли пользоваться последним. Вот почему я уверен, что, когда придется снова отвоевывать наше дорогое отечество, оно получит в лице вашем образцовых идеальных офицеров.

Вот почему все друзья армии и друзья русской школы должны с великой бережливостью и любовью по мере своих возможностей охранять военный дух наших кадет, ибо в нем именно главное основание надежд русского народа на

победоносный исход внутренней освободительной войны, которая не за горами. – Впрочем не только такая патриотическая идея притягивает мое сердце к военному юношеству, готовящемуся вступить в жизнь. Велика любовь к Отечеству и ревность об его славе: но есть еще высшая ценность на земле, которая соединяет ее с небом. Это спасение душ тех, с кем имеешь устное или письменное, или особенно молитвенное общение.

И вот я молюсь, чтобы не охладело в вас горение души, столь свойственное юности, чтобы та святая Плащаница, которую ваши товарищи охраняли в Белградской церкви в канун св. Пасхи, чтобы она, то есть, точнее говоря вера в наше искупление и надежда на духовное возрождение, не угасала в ваших молодых и горячих сердцах, чтобы над вами осуществились слова евангелиста Иоанна Богослова, читаемые в день Воскресения Христова: «Елицы же прияха Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его, иже не от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти мужския, но от Бога родишася».

Не забывайте же никогда, мои заочные молодые друзья, не забывайте среди житейской нужды, среди тяжких трудов и огорчений, среди унижений и обид, что вы, осчастливленные христианским воспитанием, научившиеся молиться Христу Богу, кроме высокопочтенного звания русских воинов имеете еще звание, которое превышает всех земных званий, звание православного христианина, чада Божия, и никогда не считайте себя несчастными, покинутыми, как это случается с некоторыми русскими. Не забывайте, что за вашей спиной стоит многомиллионная православная Россия, с которой так тесно связана ваша душа, ваша жизнь и которая с мольбой и надеждой простирает к вам свои руки из той глубокой бездны греха и страданий, в которую она повержена отступниками от веры Христовой, уже 100 лет тому назад, возненавидевшими свою святую Родину. – Да сподобит же вас Господь быть последователями того Милосердного Самарянина, который спас так самоотверженно и излечил своего ближнего, впавшего в руки разбойников.

4. Воспитанникам кадетских корпусов Белоцерковского и Горажского⁸¹.

Видит Бог, как мне было грустно убедиться в том, что и в этом году, по крайней мере этой осенью, я лишен возможности лично посетить вас и побеседовать по душе о занимающих наверно вас вопросах вашего будущего служения Родине, Армии и науке.

К прежним помехам – бедности и неудобству сообщений, теперь присоединилось новое – упадок сил и затруднение при ходьбе.

Впрочем, не скорблю о том, что не могу много ходить и совершать крестных ходов, но о том, что не могу посещать моих молодых друзей и делиться с ними своими церковными и патриотическими идеалами.

Если меня спросят, почему же я, 68-летний старик, так люблю молодое общество и какие могут общие интересы с ним у меня, то я скажу, что в некоторых отношениях такое общество для меня ближе и я к нему ближе, чем к среде людей зрелого возраста, потому что последние обыкновенно поглощены интересами эгоистическими, т. е. добыванием себе и своим семействам куска хлеба или же служебными успехами, а зеленая молодежь, особенно в теперешнем стесненном положении, более доступна широким планам и высоким порывам спасения Родины и даже Православной религии.

Конечно, эти стремления весьма близки построению воздушных замков и в большинстве случаев разлетаются подобно таким замкам; однако, они разлетаются не безследно.

Скажу более – все, что есть высокого и благородного в умах и воле зрелых людей, по большей части имеет своим началом, своим зародышем эти самые юношеские воздушные замки. Воспоминания о них и являются облагораживающим мотивом в периоды нравственной борьбы с самим собою зрелого человека. И если один, два и более случаев вспомнится ему, когда он таким способом устоял против преступного искушения и сохранил чистоту души, честность и благородную смелость, то

такое воспоминание уже обратится для него в нравственную силу, какую показали в свое время наши Бородинские герои и их подражатели:

"И клятву верности мы дали
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой».

У кого в памяти сохраняются такие высокие порывы духа, тот будет способен на них и в зрелом возрасте и прославит ими и себя и свою Родину; они как бы порывом возгоревшагося пламени охватят его грудь и сердце и отгонят от него и животный страх за себя и создаваемое леностью малодушие и вложат в его сердце отвращение к пережитым нравственным падениям и к житейской пошлости. Помните, что писал Пушкин:

"Художник варвар кистью сонной
Картину гения чернить
И свой рисунок – незаконный
На нем бессмысленно чертит.
Но краски ложные с годами
Спадают ветхой чешуей,
Творенье гения пред нами
Сияет прежней красотой.
Так исчезают заблужденья
С измученной души моей
И возникают в ней виденья
Первоначальных чистых дней».

Итак наш великий поэт признает, что в самой ранней юности он переживал высокие вдохновения, временно омраченные впоследствии житейской суетой и греховными страстями и свое нравственное возрождение в том, чтобы возвратиться к тем святым переживаниям.

Итак молодые мои заочные друзья не взирайте с презрением и насмешкой на «воздушные замки» юношеских лет, но храните их как свечи в фанарике своего сердца, оберегая их от дуновения ветра, чтобы при первой возможности снова поднять этот фонарик и смело идти с ним вперед.

Такая возможность постоянно пред нами и она бывает близка к нам особенно во время молитвы, а не менее того во

время войны среди пыла сражений.

Наверно многие из вас читали в «Войне и мире» у Толстого, как даже нравственно опустившиеся офицеры средних и преклонных лет среди опасных битв вдруг нравственно возрождались и делались героями не только храбрости, но и самоотверженного братолюбия и сердечной нежности.

Впрочем Боже вас сохрани нравственно опускаться с мыслью о том, что мы поднимемся снова, когда наступят подобные срабытия.

В книге Триодъ постная помещено слово св. Кирилла Александрийского о смерти и о Страшном Суде. Там говорится между прочим: «Глаголющие: во младости согрешим, в старости покаемся, таковые покаяния не сподобляются, но внезапно серпом смерти пожинаются».

Впрочем сердечное ожесточение лишает многих возможности покаяния даже и помимо внезапной смерти. Вот это надо помнить молодым юношам как невинным, так и потерявшим невинность, но не потерявшим возможности раскаяния.

Особенно же опасно нарочно закрывать глаза своей совести при воспоминании о покаянии. Демоническая ожесточенность злодеев, и в частности большевиков богохульников и мучителей своих жертв, имеет причиной такое именно ожесточение и отчаянную борьбу с внутренним призывом к раскаянию.

В более слабой степени, но тоже демоническое начало обнаруживается нередко в циничной похвальбе даже совсем молодых людей своим распутством, также жестокой расправой над провинившимся, а иногда и не провинившимся младшим товарищем.

Впрочем, милые друзья, не будем рисовать пред собою мрачных картин возможных падений и всякого ожесточения, но устремим свою мысль и свое сердце к высоким подвигам патриотизма и к увлекающим интересам познания, направляя последние на служение дорогой нашей Родине и нашему угнетенному большевиками народу.

Запасайтесь силами, пока есть время, чтобы выступить на полезное служение народу и обществу, сохраняя свою молодую нежность души и непоколебимое мужество в борьбе с враждебным сей цели силами, а главное с так называемым ложным стыдом, ради которого обыкновенно осмеивается, грубо и глупо, всякий возвышенный порыв и всякое искреннее слово. Такой неразумный предразсудок удерживает даже родителей от ласки своим детям, а тем более охлаждает взаимные отношения с товарищами и вообще со всеми ближними.

Не думайте, что это мелочь: разгадка мощного влияния одной души на другую заключается именно в том, чтобы суметь раскрыть свое сердце другу и просто встречному, ибо сердце человека само по себе прекрасно, как сказал премудрый Иисус сын Сирахов: «Во всяком деле верь душе твоей и это есть соблюдение заповедей» (Иис. Сына Сирахова 32, 24).

Вот те мысли, которых в моем сердце по отношению к вам гораздо более, чем то, что изложено на бумаге. Надеюсь, что они найдут отклик в ваших молодых неизолгавшихся сердцах и в непредупрежденных ложными теориями умах. Процветайте же во славу Божию и на радость России и родителям и личным друзьям на многие годы.

Сам я, конечно, не увижу уже России, но вы не теряйте же этой надежды, чтобы рано ли, поздно ли, исполнилась ваша радость и вы могли бы обнять друг друга на нашей священной Родине.

5. Ученикам сербско-русской гимназии в Белграде⁸².

Болезнь моя заставляет меня вновь и вновь откладывать свое посещение гимназии.

Когда я прибыл в Белград в 1921 году, то вскоре же с сердечным сочувствием пришел в гимназию, но встретил такой недружелюбный и даже грубо-враждебный прием со стороны прежнего директора Плетнева, что принужден был надолго отказаться от дальнейших посещений. Правда его преемник своим любезным отношением ко мне совершенно почти изгладил это тяжелое впечатление, но в своей душе появилась невольная мнительность, по причине которой, я, привыкший в России довольно часто посещать все учебные заведения, с великим трудом заставлял себя хотя бы раз в год посещать нашу гимназию здесь и делиться с вами своими убеждениями и своими познаниями.

Однако, такая отдаленность не исключала из моего сердца ту сердечную привязанность к гимназиям и к гимназистам, которую я питал от своего отроческого возраста, проходя полный курс 5-ой классической гимназии в Петербурге, как ее воспитанник и затем посещая уроки Закона Божия во всех гимназиях и реальных училищах города Уфы, Житомира, Харькова, где мне пришлось совершать свое архипастырское служение и нередко собирать учащихся для задушевной беседы. Впрочем и теперь, когда отношение школы к религии почти везде изменилось, я нахожу много привлекательного в характере русских гимназистов, как взрослых юношей, так и мальчиков – учеников младших классов.

У всех у них не только в России, но и здесь в эмиграции, сохранилась та, чисто русская, открытость души и все-таки хотя бы часть прежней, религиозности, поддерживаемой участием в богослужении и не вытесненной ни ложными учениями современности, ни нравственными падениями в современной развращенной среде. Конечно, когда учился я и мои сверстники, то благочестие хранилось в обществе несколько тверже чем теперь, но что касается дружественного ему патриотизма, то

отношение к нему было обратное. Тогда в 70 годах считать себя патриотом дозволено было только в военной школе, да и то с оговорками, а в школе гражданской и тем менее в обществе людей зрелого возраста, почти никто не решался назвать себя патриотом, как и наложить на себя истовое крестное знамение. Точно также и в похвальных речах юбилярам, именнникам и др. виновникам всяких торжеств никогда почти не заявляли о них, как о патриотах, ибо это последнее слово прилагалось только к людям отсталым, староверам и отставным старикам офицерам.

Правда в душе тогдашних людей теплилась любовь к России и преданность ей, любовь эта застенчиво маскировалась, а те мыслители и публицисты, которые ее проповедывали открыто, получили раз навсегда название славянофилов, которое граничило с понятием невежда, обскурант, хотя бесспорно самые славянофилы были просвещеннейшими людьми русского общества.

Слава Богу теперь взгляды общества и юношества на этот предмет радикально изменились, прежние хулители России и насмешники над нею превратились в ея панегиристов, а осыпать Родину презрительными насмешками стало столь же опасно для доброго имени и даже для доброго здоровья тех, кто бы дерзнул на это.

Именно гимназисты, русские гимназисты были в этом смысле приятным исключением они не стыдились своего русского происхождения и едко осмеивали тех, подчас довольно многочисленных товарищей, которые имели претензию на подражание в манерах и разговорах англичанам, французам и немцам. При всем том гимназисты, решившие посвятить себя защите Отечества в звании военном, должны были по возможности об этом помалкивать, дабы не подвергаться укорам за франтовство и любовь к греховным удовольствиям, хотя бы и то и другое было от них далеко.

По этой же причине они с пренебрежением относились к кадетам и правоведам, негодуя за их претензию держать себя как аристократы и презрительно отзываться о простом народе. Конечно, было немало исключений из подобной характеристики,

но должен сказать, что демократическая настроенность гимназистов была чужда революционного характера и они всем сердцем сливались со всеми русскими людьми, когда последние объединились в какой-либо патриотической и в частности монархической манифестации.

Впрочем такие патриотические порывы разрешались тогдашним общественным приличием и тогдашним начальством довольно редко, разве во время войны или проездов Государя Императора. В этих случаях картины юношеской и детской жизни резко изменялись. Если у взрослых подобные восторги имели нередко примесь лицемерия и чего то напускного, то гимназисты и вообще дети тут то и были в высшей степени искренние и только давали волю наплыву своих добрых чувств, в обычное время сдерживаемых ложными приличиями. Впрочем существует одна область, где такая непосредственная искренность разрешалась и проявлялась со всей силой. Разумею русскую литературу и эту несомненную наивысшую проявляемость русской души и русской жизни, которая признается теперь всеми, как лучшая литература во всем мире.

Вначале не разделяли наших восторгов русскими писателями господа педагоги, глубже других слоев погружившиеся в немецкия болота и немецкую скучную философию и едва ли искренне опасавшиеся литературных увлечений юношества с точки зрения политической благонамеренности. Но потом, по мере возростания авторитета писателей патриотов вроде Достоевского и даже Льва Толстого (который тогда еще не проявился как нигилист и анархист), они уступили молодежи и вот стало модным с начала 80 годов устраивать всякие литературные вечера в гимназиях и не препятствовать ученикам самим по мере сил подвизаться на литературном поприще. Это было поистине лучшее время нашей гражданской школы и тем более, что все это шло не в ущерб ученической напряженной работе, а требовательность от них со стороны программ и учителей едва ли не возрастала вплоть до самой кончины Александра II и даже далее.

Труд, труд тяжелый и иногда изнурительный очищает душу мальчиков и юношей и удерживает их от глупого самомнения,

безпредметной гордости и хвастовства.

Существует пословица: «за битаго двух небитых дают». Конечно и тогда не били учащихся, но все они испытывали, что такое принудительный труд и связанное с ним лишение бурных удовольствий и праздности.

Теперь обстоятельства жизни учащихся радикально изменились, но едва ли им живется легче, чем в то время. Вместо бессонных ночей пред экзаменами в их жизни водворилась гнетущая бедность, побуждающая многих из них не только трудиться над учением, но и заботиться о куске хлеба. Отсюда и самая наука или учение лишается своего одушевляющего влияния и становится вдвойне тяжелой, хотя и облегченной по новым программам и ослабленной ответственностью.

Итак, во что образовался характер гимназиста современного, над головой которого прошли все потрясаящие события последнего времени? Во всяком случае основное ядро русской души в нем осталось: по вашим открытым лицам и непосредственности в беседах я узнаю прежних юношей и детей идеалистов, но при том еще и патриотов, крепко привязанных к нашей святой Руси и надеюсь к Христовой вере. Закончу свое послание словами Апокалипсиса: «Держи, еже имаши, да никтоже примет венца твоего» (Апк. 3, 11).

До революции молодежь слишком высоко думала о себе и о своем предназначении. Это было плохо во всех отношениях; однако не должно вдаваться и в противоположную крайность, т. е. в ту безнадежность относительно себя самих и нашего отечества, которая охватила теперь многих. Пока у нас есть в сердцах Христианский идеализм, а в головах неиздеваемая любознательность, над нашими юношами и детьми сияет заря светлой будущности. Мы, старики, до нее не доживем, а вы, молодые, вступите в нее радостным и благодарным Богу сердцем.

6. Воспитанницам русских женских институтов и гимназии⁸³.

Не часто приходилось мне в продолжении своей долгой и приходящей к концу жизни обращаться с печатным словом к женскому обществу. Помню только в начале моего пастырского служения Церкви пришлось мне говорить по приглашению в высших Бестужевских курсах весьма продолжительную речь о призвании русской женщины в наше время. Толковал я тогда о том, что ходячая фраза – призвание женщины всецело в ее семье – не вполне соответствует истине уже потому, что далеко не все женщины выходят замуж.

В наше время такое положение незамужней девушки, равно и вдовы, должно быть предметом особенно внимательного обсуждения как женщин, так особенно и девиц, вступающих в жизнь.

Жить – значит Богу служить, что одинаково обязательно и для мужчин, и для женщин, и для девиц. Конечно, впереди этого служения идут мужчины, которым вверяется достоинство пастырское, но не менее их могут прославить Бога и женщины, конечно, прежде всего чрез воспитание благочестивых детей, а кроме того и добрым влиянием на всю окружающую их среду. Такое направление своего ума и сердца не только бывает благодетельным для окружающей среды, но и возвышает духовно и умственно женщину или девушку, преданную христианской идее, и в этих случаях женщины очень часто оказываются мудрее мужчин.

Кто первый уверовал в спасительную истину Христова Воскресения? Даже св. Апостолы не сразу могли уверовать в него и некоторое время не верили ни собственным глазам, ни рукам, Его осязавшим.

А вот праведная Марфа, сестра Лазаря, еще до воскресения Христова веровала в то, что Он может воскресить четверодневнога мертвеца, уже смердевшего. Когда же явился к мироносицам воскресший Христос, она не обнаружила никакого сомнения, но «ястеся за нозе Его и поклонистеся Ему», а затем

пошли к Апостолам и проповедали им истину Христова Воскресения.

Вот это чувство правды, несмотря на влияние всеобщего предубеждения неверующих иудеев, представляет собой особенность женской души, которая нередко и в настоящее время твердо противостоит общему заблуждению.

Для следования примеру православных св. Жен прежде всего не должно никогда безотчетно сливаться с толпою, чем постоянно погрешают мужчины, как образованные, так и необразованные. От подобного стадного увлечения чаще бывают свободны женщины, тем более, что жизнь их не исчерпывается общественными отношениями, но имеет для себя вразумляющий источник в семье, в детях или даже в уединенной молитве, от которой современные мужчины отстали.

Другое преимущество девиц и женщин заключается в мягкости их характера и если не в полном отсутствии, то в меньшем, сравнительно с мужчинами, самолюбии, которое в жизни является источником всех неприятностей, ссор и бедствий в семье, в обществе и даже в государстве. Этого люди никак не могут понять и без толку грызут друг друга вместо того, чтобы перебороть это глупое самолюбие.

Таковы помехи для нравственной жизни мужчин, но существуют такие помехи и в женской жизни. Разумею их погоню за телесной красотой и ненасытимое желание нравиться, для чего в настоящее время вошли в моду такие привычки, которая еще недавно были достоянием только глубоко падших женщин, т. е. искусственное подрумывание щек и губ и безстыдное обнажение рук и ног, а также острижение волос на голове, вопреки завещанию апостола Павла о том, что женщина, стригущая свои волосы, посрамляет свою главу (1Кор. 11, 6).

Мы сказали, что девицы и женщины бывают ближе к Богу, чем большинство мужчин, если хранят себя в чистоте и целомудрии, но они становятся ниже мужчин, когда, уклоняясь от этих добродетелей, быстро падают во глубину пороков и

преступлений, кончая детоубийством, за которое по правилам Вселенских Соборов должно лишат св. причастия на 10 и на 20 лет.

Увы, и это преступление в настоящее греховное время нередко повторяется.

Мы не упомянули еще об одном духовном преимуществе женщин и девиц.

Хотя оне в школах не могут своими успехами догнать юношей, но в общем относятся к учебному долгу добросовестнее, чем учащиеся в мужских школах.

По этой же причине и отношение между учащими и учащимися в женских школах бывают несравненно дружелюбнее, чем в школах мужских, а потому и настроение душ учениц бывает несравненно веселее, нежели у школьников различных училищ.

Зато как тягостно встречаться с типом гимназистки или курсистки, старающейся более походить на мужчину, чем на девушку. К счастью теперь подобная скверная привычка почти исчезла, а я еще помню по годам своей юности, когда слушательницы Высших Женских Курсов остригались по мужски, одевались в пиджаки и даже сюртуки и старались говорить искусственным басом, возбуждая злые насмешки окружающих.

О смягчающей силе женской доброты написано много прекрасных повестей и рассказов.

Доброта эта сказывается с особенной силой около человеческих страданий.

Сколько раз я умилялся до слез, взирая на нежное попечение сестер милосердия о раненых и больных, чем на половину облегчались страдания последних и даже смерть принималась ими с примиренной душой и теплым покаянием.

Такое же впечатление получал, наблюдая за хлопотами казанских монахинь около голодающего населения края: при раздаче ему хлеба и горячей пищи.

Помню я, что эти самые магометане, в общем презрительно относящиеся к женщинам, однажды большой кавалькадой всадников приехали на один питательный пункт, как представители большой волости и заявили так: «Наши никогда

не забудут, как ваша баба-мулла (т. е. монахиня) кормила и лечила наших голодающих и спасала от смерти и тифа» (то словечко татары усвоили очень скоро).

Девушки, не желающие жить в подчинении мужчине, издревле удалялись в женские монастыри и были Христовыми невестами.

В последнее время этот обычай женского монашества укоренился и в Сербии, а в России он начался вместе с христианской верой и вскоре число монахинь превозошло, кажется навсегда, число монахов. И это потому, что главный враг монашества и христианства вообще, т. е. бесовская гордыня, более свойственна мужчинам, чем женщинам и девицам.

Храните же милые девушки смиренное сердце и тогда Господь поможет вам процветать и в прочих добродетелях и не лишит вас вечного спасения на небе и мирной жизни на земле.

Х. Заметки о школе⁸⁴

I.

Мы упоминали о любви наших учеников средней школы к литературному творчеству⁸⁵.

О такой любви писал и Достоевский, приводя слова какого то из своих героев о том, что, если только что начинавшему учиться гимназисту дать в руки карандаш или перо и карту звездного неба, то он тотчас начнет ее исправлять, хотя бы ничего не смыслил в космографии и соседних с нею науках.

Впрочем такой нелепый обычай наших русских подростков зависел большей частью не от напыщенной гордости, а от молодой наивности и непосредственности.

В этом заключается и секрет того эпидемического революционного влияния, против которого большинство юношества средней школы не могло устоять.

Правда к этому влиянию, начинавшемуся обыкновенно не с развращения нравственного, а просто от внутренней еще пустоты и слепой доверчивости молодых душ, быстро начинали присасываться и мотивы нравственных колебаний и падений, находившие себе поддержку в развращенности нашего общества и церковно-религиозном индифферентизме юношества.

Что же можно было противопоставить такому отравляющему влиянию среды и эпохи?

Отвечаем: прежде всего то, что представители консервативных, т. е. моральных и религиозных начал, усвоившие, или по крайней мере отражавшие на себе, сухость и формализм современной морали, с большим трудом в лице немногих из своих представителей, умели устанавливать нравственную связь между воспитателями и учениками. Там, где эта связь устанавливалась, учащиеся представляли собой очень благодарную почву для умственного и нравственного посева.

Они скоро приучались взирать на своих преподавателей не как на профессиональных врагов, а как на близких друзей и ангелов хранителей своей молодости. Давно давно мне приходилось читать в журнале «Русская Мысль» повесть –

«Сергей Шумов», в которой описывается глубокая впечатлительность юноши-подростка и губительное влияние на его душу проявления безсердечия, недоверия и особенно мстительности (впрочем последнее не часто) со стороны г.г. педагогов.

Нужно сказать, что подобные картины педагогических неудач составили в истории нашей литературы довольно обильную тему, свидетельствуя о том, что наша школьная среда, главным образом учащаяся, далеко не безнадёжна в деле радикального перевоспитания, если к ней приложена будет внимательная и сердечная любовь старших.

Последние в лице едва ли не большинства начинающих педагогов обыкновенно мечтали каждый о себе самом: «несмы якоже прочии человецы», едва ли не все они мечтали в свое время о том, что не принуждениями и карами или, – как выражаются в Западной Руси, – казнями, будут они привлекать внимание и усердие к науке своих молодых воспитанников, а дружеским чувством и разумным и наглядным изложением курса.

Однако, по своей молодости они не соображали, что такой жребий есть удел немногих, исключительно талантливых натур среди педагогов, а гораздо чаще происходит иное. Именно, если на такой гуманный принцип станет заурядный воспитатель, то ученики, среди которых всегда найдутся лентяи и обманщики, сообразят только то, что они временами могут безнаказанно лениться и вести себя в классе «неглиже с отвагой», постепенно разрушая классную дисциплину и самую школу.

Естественно, что и сам педагог, молодой и неопытный, после нескольких попыток увещать разбушевавшуюся молодежь, постепенно начнет ожесточаться и из друга учащихся становится их врагом. Такие превращения совершались на наших глазах постоянно и в огромном количестве, а самое чувство ожесточения переходит на души учащихся и так все туже и туже завязывается узел взаимного нерасположения.

Особенно печально то, что педагогическая безнадёжность, с сильным оттенком взаимного ожесточения приобретает дух взаимной вражды и так последняя лесть постепенно становится

горши первыя. При этом взаимныя отношения учащихся и учащихся часто устанавливаются на весьма предосудительном компромиссе: «как-нибудь дотяну школьные годы, а после сего буду сам себе барин».

Таким образом нравственное самоограничение заменяется в школьном мире началом утилитарным, которое совершенно изгоняет от себя те высокие нравственные мотивы, теряя которые, школьники при полном здоровье телесном, становятся для учения живыми трупами, а в самой школе устанавливается тот тлетворный дух, который совершенно несовместим с нормальным духом школы.

II.

Две задачи предстоят каждому педагогу по принятии им должности преподавателя или классного наставника: во-первых заинтересовать юную душу учебным материалом, во-вторых пробудить в нем высшие моральные стремления души и воодушевить его на борьбу с пробуждающимися или пробудившимися страстями.

В этой борьбе проходит сквозь юную душу вся молодость, при чем постепенно в ней чередуются начала нравственного подъема и нравственных падений. Последние, особенно на первых порах, вызывают в нем горькое раскаяние и истерический плач, которого он стыдится, старается скрыть от чужих и не может, вновь и вновь предаваясь горькому раскаянию и поздним слезам.

Великое зло представляет собой настроение такого общества, в котором как это часто бывает, благородные добрые чувства бывают предметом ложного стыда, а чувства циничные – предметом похвалы.

Юношеское легкомыслие отворачивается от страшных слов Христовых: «Иже бо аще постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем, и Сын Человеческий постыдится его, егда приидет во славе Отца Своего со ангелы Своими» (Марк. 8, 38).

Итак молодые люди, особенно в роковые годы своего физического созревания, несмотря на готовность похвастаться чем-либо хорошим, встречаясь с трудностями внутренней борьбы, обыкновенно ослабевают в ней и с досадой, махнув рукой, предаются сугубому пороку.

Не сразу откроют они душу свою тому сочувственному целителю, который протянет им руку помощи в нелегкой их борьбе с самим собой. Впрочем глупое мальчишеское самолюбие часто препятствует им даже сознаться в переживаемой борьбе, и только прикосновение к их сердцу, далекое от всякой насмешки и презрительного обращения с ними, может раскрыть молодое сердце для искренней исповеди

своего внутреннего мира и воспламенить его сердце безпощадной искренностью в сознании своих грехов, которое соединяется с благодарной любовью к своему великодушному другу.

Обыкновенно это совпадает по времени с приливом самых нежных чувств к последнему, о котором в Библии говорится: «любовь твоя была для меня превыше любви женской» (2Цар. 1, 26).

Счастлив тот педагог, который умел насаждать такую нежную дружбу к себе в молодых сердцах; такая чувства, открывая в молодых сердцах двери для нежной дружбы, закрывают их для любви порочной и разврата.

Замечая со стороны такую податливость молодых сердец на нежное участие к друзьям, многие молодые люди подвергаются другой беде – фальшивой сентиментальности, которая в дальнейшем своем развитии легко может проникнуться началами порочными: впрочем такого превращения не бывает без внутреннего перелома, чем доказывается совершенная разнородность непорочной молодой сердечности от начинающегося внутреннего разврата.

Но гораздо фатальнее и более зловеща та молодая жизнь, которая, что, впрочем, случается весьма часто, старается потопить свои высокие чувства в вине и неприличных танцах.

Вспомним завещание Бориса Годунова к своему сыну подростку молодому Феодору:

**"Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость;
Кто чувствами в порочных наслажденьяхъ
В молодые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаденъ
И ум его безвременно темнеет».**

Мы считаем нежелательным карать мальчика или юношу за единичные поступки, хотя и возмутительно безобразные, изгнанием из школы, а полагаем, что педагогический персонал должен составить определенное мнение о каждом ученике и отнюдь не считать педагогические средства последовательной цепью наказаний, но предварительно испытать по отношению к

нему разнообразные меры воздействия, не ограничиваясь только наказаниями и не считаясь только с его проступками, но принимать во внимание самые разнообразные проявления юной индивидуальности и прилагать к ней соответствующие воздействия, главным образом всякого рода предупреждения и увещания.

За то, какая блестящая победа должна быть приписываема тому педагогу, которому удалось словами дружеского вразумления **исправить** зазнававшегося мальчика или юношу.

Конечно, многие педагоги с горячностью брались за подобные приемы, но после первой и второй неудачи озлоблялись и, сделавшись врагами своих питомцев, обратили школу в постоянную игру в «кошки-мышки», в чем литература достаточно привела обличительных примеров. Подчас приходится читать об этих детских драмах, завершавшихся форменным самоубийством молодых людей.

Уместно вспомнить такое изречение Библии: «Когда я скажу беззаконнику «смертию умрешь!» а ты не будешь вразумлять его и говорить, чтобы остеречь беззаконника от беззаконного пути его, чтоб он жив был, то беззаконник тот умрет в беззаконии своем, и Я взыщу кровь его от – руки твоей» (Иез. 3, 18).

Подобная идея занимает центральное место во многих повестях и рассказах из школьной жизни.

Конечно, виновность в подобной драме довольно не трудно сворачивать на разные неблагоприятные условия школьной жизни и в большинстве таких случаев оправдывающиеся будут правы, но душа наша не мирится с такими успокаивающими соображениями.

О, конечно, быть может в большинстве подобных трагических случаев все средства для избежания такого фатального исхода были безуспешно испробованы,... самая малая возможность иного толкования события оставляет в душе причастного к делу педагога, а равно и товарищей самоубийцы – кровавый след, отмыть который более, чем трудно тем более, что нередко печальное дело могло окончиться совершенно иначе и притом вполне благополучно,

если бы к нему приложена была задушевная ласка воспитателей, а то и добрых товарищей.

Последнюю впрочем гораздо труднее найти, чем это кажется, ибо уже осуществилось на деле предупреждение Христово: «За умножение беззакония, изсякнут любви многих» (Матф. 24, 11).

Вообще наш век, хвалящийся своей гуманностью, все более и более теряет это главное средство вразумления падшаго брата, заключающееся в нежной любви по слову Апостола, не поддающегося перетолкованию: «будьте братолюбивы друг ко другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте» (Рим. 12, 10).

Коснувшись нравственной борьбы юношей с плотскими искушениями, завершаемыми, большей частью, нравственными падениями, которыми Промысел Божий отмщает предавшихся легкомыслию и плотским искушениям, следует сказать, что эта молодежь очень часто впервые в продолжении своей недавно начавшейся жизни с покаянием вступает в область воспоминаний, как выразился Пушкин:

"И с отвращением читая жизнь
Свою, я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю...»

Как далеко подобное настроение грешника от современных хвастливых признаний в таком грехе наших юношей и даже девиц, на которых напоминания об их бывших падениях наводят злобную тоску и гневное чувство, но не против своих грехов, как у Пушкина, а против их обличителя во исполнение слов Премудраго Соломона, исполненных горечи и негодования: «не обличай злых да не возненавидят тебе, обличай премудра и возлюбит тя, обличение нечестивому раны ему».

Вот в подобных то случаях, наблюдая жизнь юношества, можно оценить мудрость еще ветхозаветных праведников и их превосходство над светской добродетелью, которая целиком связана с отвратительным для Христа самолюбием и ложью. Вот почему великий Достоевский завещал своим собеседникам прежде всего никогда не лгать, отучая их от самооправдания.

В этом одном уже превосходство русской добродетели перед западно-европейской и в тоже время разрешение всех житейских противоречий современной жизни.

Впрочем эта мысль не совсем чужда и светской морали.

Вот почему тот же Достоевский призывает своих читателей и почитателей к правдивости относительно самих себя, в чем он видит прочное начало для обращения к Богу и к праведности.

Негодую так сильно против лицемерия и нераскаянности, Достоевский считает наш народ русский богоносцем и вообще близким ко Христу уже за одно то, что он никогда не называл зло добром и добро злом. Каковую свою мысль о нравственном превосходстве русских людей пред иностранцами он торжественно и открыто исповедывал при всяком удобном случае.

Вот почему учение Достоевского так крепко привязало к себе сердца русского общества и народа, а сам Достоевский в таком свойстве своих соотечественников усматривал залог дальнейшего нравственного развития и нравственного преобладания над всеми народами, которые, увы, чем дальше живут на земле, тем более удаляются от святой искренности, – и от вечного спасения.

А мы только в последнее время стали понимать во-первых самое значение смиренной русской искренности и ее превосходство пред интеллигентским лицемерием.

Не буду повторять того, что многократно говорил в своих проповедях в разное время, в разных храмах и в разных залах.

Примечания

- ¹ - «Церковные Ведомости» №№ 23 и 24, 1924 года.
- ² - т. I-ый Полного собрания сочинений, стр. 196.
- ³ - «Царский Вестник» № 67, 1929 года.
- ⁴ - «Царский Вестник» № 51-ый 1929 года.
- ⁵ - «Царский Вестник» № 85, 1920 года.
- ⁶ - «Царский Вестник» №108, 1930.
- ⁷ - Произнося эти Евангельские слова, владыка Антоний пролил сердечные слезы умиления. Он сам всегда так поступал.
- ⁸ - «Царский Вестник» № 103, 1930.
- ⁹ - О русских колоколах см. стр. 117, 5-го тома «Жизнеописания».
- ¹⁰ - «Царский Вестник» № 292, 1932 г.
- ¹¹ - «Царский Вестник» № 408, 1934 г.
- ¹² - «Царский Вестник» № 115, 1930 г.
- ¹³ - «Царский Вестник» № 221 за 1931-ый год.
- ¹⁴ - «Царский Вестник» № 426, 1934. г.
- ¹⁵ - «Царский Вестник» 1934 года: № 427, 429, 435, 436; 1932 г.: № 270, 271; 1934 г.: № 424.
- ¹⁶ - «Царский Вестник» 1935 г., №№ 465, 466, 467, 468.
- ¹⁷ - «Царский Вестник» 1931 г., №№ 257, 259 и 260.
- ¹⁸ - В настоящее время архиепископ Чикагский и Детройтский.
- ¹⁹ - «Институт Изучения России» был основан нами при нашей газете «Царский Вестник» и успешно действовал до начала второй Мировой войны. Председателем Совета Института состоял русский ученый и мыслитель профессор римского права К. М. Смирнов, а сотрудниками были специалисты в различных отраслях знаний. Институту обычно устраивались доклады по различным отраслям русской жизни и наиболее значительные из них выпускались в свет печатными изданиями. Особенно интересными и ценными были издания о

Кавказе, Туркестане, Западной Сибири, Севере России, о Достоевском и Толстом и друг. Весьма же значительным и исторически ценным было издание 4-х томного труда нашего высокоталантливого, если не сказать гениального, сотрудника А. А. Керсновского, «История Русской Армии». Все эти печатанья издания теперь являются библиографической редкостью и ждут своих издателей, которые могли бы их переиздать.

²⁰ - В последующие годы число это значительно возросло и выражалось в десятках тысяч, так как большевики во все годы своего владычества в России старались истребить всех служителей Божиих и уничтожить веру в Бога.

²¹ - Прибавление к «Церк. Жизнь», № 6, 1933 г.

²² - Эта статья была записана нами со слов владыки Антония в последний год его земной жизни к празднику Рождества Христове в 1935/6 г. («Царский Вестник» 1936 г. № 482).

²³ - «Русский Военный Вестник» ном. 26, 1926 г.

²⁴ - «Русский Военный Вестник» 25 дек. 26/7 янв. 27 г., ном. 74.

²⁵ - «Цар. Вест.» № 92 – 1930 г.

²⁶ - Напечатано в т. 1-м Полн. Собрания Соч., изд. И. Л. Тузова С. Петербург 1911 г. стр. 383.

²⁷ - См. стр. 29, том 1-ый «Жизнеописания».

²⁸ - Очевидно, владыка понимает: «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы».

²⁹ - Краткое содержание речи владыки Антония произнесенной 11 ноября 1929 года в г. Белграде на собрании, организованном трудами г. Павлиница по случаю 107 годовщины со дня рождения Ф. М. Достоевского.

³⁰ - «Ц. В.» № 363 – 1933 г.

³¹ - Об О. Ф. Миллере см. стр. 99, т. I «Жизнеописания».

³² - «Ц. В.» №274 и 276, 1932 г.

³³ - «Цар. Вест.» № 176, 1932.

³⁴ - «Ц. В.» № 399, 1934 г.

- ³⁵ - «Ц. В.» № 275, 1932 г.
- ³⁶ - «Ц. В.» № 289, 1932.
- ³⁷ - «Ц. В.» № 282, 1932 г.
- ³⁸ - «Ц. В.» № 280, 1932 г.
- ³⁹ - «Ц. В.» № 284, 1932 г.
- ⁴⁰ - «Ц. В.» № 131, 1931 г.
- ⁴¹ - «Ц. В.» № 285, 1932 г.
- ⁴² - «Царский Вестник», 14 июля 1929 года, № 48.
- ⁴³ - «Царский Вестник», № 1-ый за 1928 год.
- ⁴⁴ - Кстати сказать лозунг «единая неделимая», бывший девизом в борьбе с большевиками, был заимствован от французов, провозгласивших этот лозунг во время французской революции.
- ⁴⁵ - «Царский Вестник», № 100, 1930 года.
- ⁴⁶ - «Царский Вестник», 11/24 марта 1929 г., №32.
- ⁴⁷ - «Самодержавие и Церковь», ном. 3 «Царский Вестник», от 2 сентября 20 августа 1928 г.
- ⁴⁸ - Речь владыки Антония на собрании монархистов в Белграде 14/24 мая 1930 года.
- ⁴⁹ - Краткое содержание речи, произнесенной Высокопреосвященным Владыкой Митрополитом Антонием на собрании, устроенном редакцией «Ц. В.» в г. Белграде 9–22 декабря 1929 г. («Цар. Вест.» 16/29 дек., 1929 г., №72).
- ⁵⁰ - Слово на кончину Государя Императора Александра III. Произнесено 21 октября 1894 года за литургией в храме Московской Духовной Академии Пол. соб. соч. т. 1, стр. 375.
- ⁵¹ - Владыка понимает здесь чудесное избавление Царской Семьи от смертельной опасности при крушении поезда на ст. Борки 17 октября 1888 года.
- ⁵² - [См. предыд. примечание.]
- ⁵³ - Пол. Собр. соч, т. I-ый стр. 68.
- ⁵⁴ - Государыня Императрица Мария Феодоровна, Принцесса Дагмара, дочь Датского Короля, родилась 14 ноября 1847 года в Копенгагене. В 1864 году юная Принцесса Дагмара сделала невестой наследника Русского Престола Николая

Александровича. Однако, судьба готовила Принцессе первый тяжкий удар. 12 апреля Наследник Николай Александрович в Ницце скончался от туберкулеза на глазах у своей невесты, вручив ее своему брату Великому Князю Александру Александровичу. 17 июля 1866 года состоялась помолвка Принцессы Дагмары с Наследником Цесаревичем Александром Александровичем. 17 сентября 1866 года был торжественный въезд Царственной Невесты в С.-Петербург. В октябре месяце было совершено бракосочетание, после которого Августейшие новобрачные поселились в Аничковом дворце. Счастливая супружеская жизнь протекала 28 лет. 1 марта 1881 года, после мученической кончины Императора Александра II, на престол вступил Император Александр III и отныне Императрица Мария Феодоровна стала делить царственные труды Своего Супруга. Жизнь Царственной Четы протекала в непрестанных трудах в большой простоте и скромности и являлась истинным образцом для всей России. 17 октября 1888 года случилось первое несчастье, омрачившее мирную эпоху царствования Императора Александра III. Императорский поезд, возвращавшийся после путешествия по югу России, потерпел крушение у ст. Борки. В поезде оказалось 11 человек убитыми и много раненых. Царская Семья спаслась чудесным образом, будучи накрыта крышей вагона, поддержанной плечами Императора Александра III. После этого Государь прожил и процарствовал всего только шесть лет. В 1894 году Государь заболел инфлуэнцией, болезнь осложнилась и 20 октября Государь скончался. Государыня с царственным величием перенесла выпавшее на ее долю тяжелое испытание. С вступлением на престол Государя Николая II, Государыня Мария Феодоровна ни в чем не изменила свою жизнь и со спокойствием и твердостью переносила свое личное горе. В это время Государыня совершенно устранилась от дел государственного управления и лишь усердно занималась благотворительными делами – Ведомством Императрицы Марии и Красного Креста, начатыми ею еще в первые годы пребывания в России, после смерти Императрицы Марии Александровны. Во время Великой войны Государыня

посвятила себя заботам о раненных, вдовах и сиротах воинов, положивших свою жизнь за Отечество. В 1917 году началась революция. С первой вестью о ней Государыня поспешила к своему Сыну Императору Николаю II. После отречения Государя состоялось в Могилеве памятное всем русским людям свидание Матери с Сыном, которое бесспорно было наиболее трагическим моментом в жизни Императрицы. Вскоре Государыня отбыла в Крым и поселилась в Дюльбере. Здесь Государыня фактически находилась под арестом и Ея жизнь была спасена матросом большевиком, у которого в критический момент проснулась русская душа. В апреле 1919 года в Ялту прибыл присланный Английским Королем дредноут «Malborough», на который Императрица взошла, взяв с собой тех русских, которым угрожала опасность. и отбыла в Англию. С именем Государыни Императрицы связана историческая эпоха двух последних царствований, в которых Россия достигла сначала высшего своего могущества в международном положении, а затем вступила в годы тягчайших исторических испытаний, редко случающихся в истории народов. Из всех русских людей Государыня Императрица Мария Феодоровна является самой яркой выразительницей этой русской эпохи, в которую русская жизнь дореволюционных дней возглавлялась Ея Августейшим Супругом и Сыном. Длинный жизненный путь Императрицы, безраздельно посвященный России, представляет собой редкое сочетание славы, могущества, на которое только может быть вознесен человек и тяжкого жизненного креста, снести который выпадает лишь на долю людей богатых непреклонным героическим духом. Все, что может быть уделом самых высших ступеней человеческого могущества, сочеталось в судьбе Государыни Императрицы с уделом самых суровых испытаний. На этом изменчивом жизненном пути Государыня Императрица сохранила неизменно свой Царственный облик и все неприкрашенное величие своей Царственной натуры.

⁵⁵ - Великий Князь Николай Николаевич родился 6 ноября 1856 г. 16 лет он окончил Николаевское Инженерное Училище и был зачислен в учебный эскадрон, впоследствии

преобразованный в Офицерскую Кавалерийскую Школу и затем окончил Академию Генерального Штаба. В 1877 г. 20-летним капитаном Генерального Штаба он был командирован в Действующую Армию на войну с Турцией и за личную доблесть и распорядительность при переправе через Дунай был награжден орденом св. Георгия 4-ой степени. В 80-ых годах был назначен командиром л. гв. Гусарского Его Величества полка. В 1890 г. ему было поручено командование кавалерией Варшавского Округа и вскоре после этого он был назначен Генерал Инспектором Кавалерии и Главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского Военного Округа. В 1914 г. с началом Великой войны Великий Князь Николай Николаевич был назначен Верховным Главнокомандующим, а затем в конце 1915 г., когда Верховное Командование принял на себя Государь Император, Вел. Кн. Николай Николаевич был назначен Наместником и Главнокомандующим на Кавказе, где под его водительством состоялось блестящее наступление Кавказской Армии, завершившееся захватом Трапезунда и взятием штурмом крепости Эрзерум. После большевистской революции Великому Князю Николаю Николаевичу удалось поселиться в Крыму, а затем выехать за границу.

⁵⁶ - «Царский Вестник» 1/14 апр. 1929 г. № 35.

⁵⁷ - «Цар. Вестник» 14/24 окт. 1929 г. №63.

⁵⁸ - В 1905 году в С.-Петербурге после указанной проповеди владыки Антония в Исаакиевском соборе Мережковский поместил в «Новом Времени» статью, под ироническим заглавием: «Страшный суд над русской интеллигенцией». В этой статье он писал следующее: «В Исаакиевском соборе 20 февраля 1905 года, епископ Волынский Антоний произнес проповедь на тему о Страшном Суде и о современных событиях. В этой проповеди почтенный архипастырь выражает свой взгляд, и, по-видимому, не только свой личный, но и взгляд значительной части русской учащей Церкви на современное освободительное движение в России, и по этому поводу произносит суд над «представителями первых слоев общества», то есть в сущности, над всем образованным русским обществом, русской интеллигенцией, произносит так

сказать перед лицом вечности – «Sub specie aeterni» – пред лицом Страшного Суда, грядущаго судить живых и мертвых. Суд приводит к приговору смертному, разумея «смерть вторую», вечную, от коей нет воскресения. То на чем приговор основан, сводится к следующим обвинительным пунктам. Русское образованное общество отреклось от Христа, потому что «дух смиренного самоосуждения», в коем, по мнению епископа Антония, заключается сущность христианства, «давно вытравлен из нашего общества языческим бытом, культурой еретического Запада». Русское образованное общество «ненавидит Россию» вообще и русский простой народ в частности. Под всеми «преобразовательными толками в нашей печати», под всеми требованиями свободы слова, свободы совести, отмены административного произвола над личностью граждан, скрываются только преступные замыслы действующей революционной партии, которая желает воспользоваться свободой слова и прочими гражданскими правами для целей насильственного политического переворота. В русской печати слышатся епископу Антонию не голоса человеческой мысли и совести, а только голоса зверских инстинктов, взывающих к бунту, кровавому насилию, голодный волчий вой. «Все слои общества, – говорит он, – как голодные волки, требуют себе всяких прав и льгот». Таковы обвинения, а вот приговор: «Они (то есть все образованные русские люди) дышат себялюбием, ненавистью и злорадством, им чужда всякая любовь; все их поведение, все их речи есть сплошная ложь; но обманывать людей возможно лишь в продолжении недолгаго времени, а вечность откроет для них их злодейское настроение». Это значит будут осуждены на Страшном Суде. Проповедь кончается воззванием к народу русскому, не ко всему народу русскому, потому что вся та огромная часть его, которая охвачена современным освободительным движением, отсечена «ако уд гангранный», по выражению Петра, а исключительно к простому народу. «Не забывай же о них, русский народ, берегись богохульников, кощунников, мятежников, желающих оторвать тебя от вечной жизни, от царствия Христа». Простой народ должен помнить, что враги его – все образованные русские

люди. Они ненавидят Россию, замышляют погубить ее, и в случае, ежели достигнут своих целей, то русский народ «будет несчастнейшим поработенный уже не прежним суровым помещиком, но врагом всех дорогих ему устоев его тысячелетней жизни, врагам упорным и жестоким, которые кончат тем, что будут разрушать святые храмы и извергать мощи угодников Божиих, собирая их в анатомические театры...» «Каюсь, говорит Мережковский, я соблазнен, может быть не по вине епископа Антония, а по собственной духовной немощи, но все же соблазнен в высшей степени и взываю о помощи, о наставлении и утешении. Сам себя утешить я не смею тем, что эта всенародная церковная анафема, предвосхищающая страшный суд Христов, над всею русской интеллигенцией произнесена необдуманно, легкомысленно, или в пылу политической страсти». Не трудно догадаться, что в последних иронических словах Мережковского заключался не более, как донос властям и требование, чтобы они остановили епископа «за его выступление «необдуманное, легкомысленное, в пылу политической страсти» и тем утешили бы г. Мережковского, который так разстроился этой проповедью, что «сам себя утешить не может». Заканчивает г. Мережковский свою статью насмешкой уже над самым откровением о Страшном Суде. «Ежели там, на Дальнем Востоке – Дракон, «первый зверь», «выходящий из моря», то здесь, в России – не «второй» ли зверь выходящий из земли», из нашей собственной земли русской? И ежели крест становится мечем для брани с первым зверем, то почему бы не стать мечу крестом для брани со вторым зверем И не самой ли церковью влагается этот меч крест в руки всех во Христа верующих? Пока все это еще только легенда, или даже только возможность легенды. Но, конечно, епископу Антонию не могло остаться неизвестным, что до ныне простой русский народ живет в такой исторической и религиозной атмосфере, в которой подобная легенды (и даже гораздо более наивная) с поразительной легкостью возникают, как чудовищная марева в грозном сгущенном воздухе. А что теперь воздух в России сгущен чрезмерно, в этом, кажется, не может быть никакого сомнения. Да, наконец, если по мнению

епископа Антония (может быть весьма неосновательно), апокалиптические пророчества о двух зверях, об антихристе и втором пришествии для всех образованных людей – только суеверная легенда первых веков христианства, то для самого проповедника, также как и для его слушателей из простого народа (а таковых большинство), это отнюдь не легенда, а несомненное пророчество, исполнения коего сроки приближаются и, видимо, уже приблизились, уже «при дверях», не даром же сам проповедник счел пристойным, по поводу современных политических событий взывать ко Христу, грядущему судить живых и мертвых». Мережковский, считавший себя преемником Достоевского, был одним из самых выдающихся писателей последнего времени и голос его, прозвучавший со страниц русского официоза «Новаго Времени» был ответом русской интеллигенции на предостергающий пророческий призыв, исполнение которого с поразительной силой произошло в 1917 году и продолжается до настоящего дня.

⁵⁹ - «Царск. Вест.» – 8/21 июля 1931 г. № 213.

⁶⁰ - «Цар. Вест. 3 сент. / 21 авг. 1933 года № 360.

⁶¹ - Стр. 126 т. 2-ой «Жизнеописания».

⁶² - Стр. 297 т. 4-ый «Жизнеописания».

⁶³ - Р.[усский] В.[оенный] В.[естникъ] № 7, 1925 г.

⁶⁴ - Р.[усский] В.[оенный] В.[естникъ] № 22, 1925 г.

⁶⁵ - Генерал барон Петр Николаевич Врангель родился 15 августа 1878 года в г. Ростове-на-Дону, вблизи которого было имение его отца. Образование он получил в Реальном Училище и в Горном Институте, который окончил в 1901 году. Отбывая воинскую повинность в Л. гв. Конном полку, он в 1902 году выдержал экзамен при Николаевском Кавалерийском Училище на чин корнета. По собственному желанию он участвовал в Японской войне, после которой он окончил в 1910 году курс Николаевской Академии Генерального Штаба. Во время Великой войны он был награжден Георгиевским крестом и Георгиевским оружием и окончил войну в должности Командующего дивизией в чине генерал-майора. После

февральской революции ген. Врангель сумел сохранить порядок в своей дивизии и в Добровольческой Армии был Командующим Кавказской Добровольческой Армией и прославился боями под Царицыным. 20 марта 1920 г. ген. Врангель был назначен Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России, заменив ген. Деникина. Ген. Врангель переименовал свои войска в Русскую Армию и героически защищал Крым, из которого под натиском большевиков был вынужден эвакуироваться за границу, организовав перевозку на 125 судах – 150 тысяч русских людей, которые обязаны ему спасением своих жизней от большевиков. Затреницей ген. Врангель положил много трудов по расселению и устройству русских воинов и для сохранения русских военных кадров, основал Русский Обще-Воинский Союз. 25 апреля 1928 года генерал Врангель скончался в г. Брюсселе на 51-м году своей жизни. Согласно его завещанию его тело было перенесено в Белград и погребено в притворе Св.-Троицкой церкви, в которой хранились знамена Русской Армии.

⁶⁶ - «Ц. В.» № 485, 1936 г. Генерал Александр Павлович Кутепов родился 16 сентября 1882 года в г. Череповце Новгородской губернии. Он происходил из светской среды. Его отец был лесничим и впоследствии Председателем Землеустроительной Комиссии, но ген. Кутепов с детства мечтал быть военным, героем его детских грез был «белый генерал» Скобелев. Мальчик Кутепов с неохотой, по настоянию родителей, поступил в Архангельскую гимназию, которую после 6 классов оставил, перейдя в С.-Петербургское Юнкерское Училище, впоследствии переименованное в Владимирское Военное Училище. В 1904 г., по окончании Военного Училища, в звании фельдфебеля, молодой подпоручик Кутепов по собственному желанию вышел в 85 Выборгский полк, отправлявшийся на Японскую войну. Его отец проводил его такими словами: «Будь всегда честным, никогда у начальства не напрашивайся, а долг свой перед Отечеством исполни до конца». После окончания Японской войны поручик Кутепов за боевые отличия был лично награжден Государем Императором орденом св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантом и

вскоре переведен в Лейб-Гвардии Преображенский полк. Учебная Команда Преображенского полка, под командой поручика Кутепова, стала образцом и примером для всего С.-Петербургского гарнизона. Во время революции 1905 г. и затем во время Великой войны А. П. Кутепов был образцом доблести. После революции 1917 г. Кутепов стал командиром Преображенского полка, 24 декабря 1917 года прибыл на Дон и вступил в ряды формировавшейся там Добровольческой Армии, став во главе офицерского отряда, о котором ген. Деникин отзывался так: «Там бьются под начальством полк. Кутепова такие молодцы, что, если бы у нас было 30 тысяч таких людей, мы бы с ними сейчас же отвоевали у большевиков всю Россию». Под Екатеринодаром полк. Кутепов был назначен командиром Корниловского полка, заменив убитого белаго героя полк. Нежинцева. Затем он заменил прославленного героя ген. Маркова, приняв после его убийства 1-ую Добровольческую дивизию. В январе 1919 г. ген. Кутепов стал командиром 1-го Армейского Корпуса и его войска взяли Харьков и подошли к Курску и Орлу, угрожая Москве, которую не суждено было освободить от большевиков, благодаря измене союзников и развалу тыла. После эвакуации из Новороссийска ген. Кутепов организовал боевые части в Крыму, а затем, после эвакуации из Крыма, он стал творцом исторического Галлиполи. В 1928 г. после кончины ген. Врангеля, Великий Князь Николай Николаевич передал возглавление русского воинства в эмиграции ген. Кутепову, который энергичными действиями и умелой самоотверженной организацией настолько стал угрожать большевикам в Москве, что они 26 января 1930 года похитили его в Париже. Боевая деятельность ген. Кутепова русского патриота, полководца и героя прекратилась на 48 году его жизни. Генерал Кутепов был замечательным боевым начальником и исключительным воспитателем войск. Он умел строгую дисциплину сочетать с любовью к войскам и вызывал в войсках восторженное почитание и безпрекословную преданность, вдохновляя войска на подвиги личным примером. В 1934 г. в Париже Комитетом имени ген. Кутепова под председательством его преемника ген. Миллера, вскоре

также похищенного большевиками, была издана посвященная ген. Кутепову книга «Генерал Кутепов» (Сборник статей), в составлении которой приняли участие его соратники ген. Богаевский, ген. Витковский, ген. Головин, ген. Гулевич, полк. Зайцов, адм. Кедров, пор. Критский, ген. Лукомский, ген. Репьев, ген. Стогов, кн. Трубецкой и ген. Шатилов.

⁶⁷ - «Ц. В.» № 240, 1931 г.

⁶⁸ - «Ц. В.» №368, 1933 г. Антон Антонович Керсновский родился 23 июня 1907 года в Бессарабии и скончался в Париже от туберкулеза 24 июня 1944 г., прожив всего лишь 37 лет. Его отец был судебным следователем Одесской Судебной Палаты. Мальчиком А. А. Керсновский принял участие в Добровольческой Армии, был ранен и затем оказался в Вене, где он окончил Королевскую Дипломатическую Академию, в которой познакомился с лучшей Европейской молодежью, о чем он однажды писал: «Я знал многих офицеров Королевской Английской Армии и Флота, журналистов «глоб тротеров», молодых посольских секретарей и атташе, из которых некоторые были моими товарищами по Венской Консульской Академии, куда они были командированы для учебного стажа на континенте». Из Вены А. А. Керсновский переехал в Париж, где поступил в Сен-Сирскую Военную Школу и там изучил постановку военного дела в главнейших армиях мира и военную литературу на главнейших языках. Однако А. А. Керсновский не сделался блестящим «русским иностранцем», а горячо любя свою родину Россию, в иностранных библиотеках изучил Россию и Русскую Армию и своей замечательной интуицией постиг ее дух. А. А. Керсновский сделался высоко просвещенным пламенным апологетом исторической Русской Армии и национального русского военного искусства, как одного из наиболее ярких проявлений русского духа. В своих статьях и затем книгах он через рассмотрение русских военно-исторических событий стал певцом русской славы и русских подвигов и горел любовью к России. С 1933 г. по 1938 г. нами были изданы четыре тома «Истории Русской Армии» А. А. Керсновского. По признанию наших военных авторитетов это произведение должно быть названо гениальным. К большому

сожалению русская эмиграция, в лице ее руководящих кругов, не поняла и не оценила этого исключительного человека. Он жил в Париже в большой нужде, занимаясь разноской французских газет, а по ночам писал свои произведения. Большие русские газеты лже-либерального направления не были созвучны его дарованиям и вот он в таком непосильном труде нажил себе туберкулез, от которого и скончался в конце второй Мировой войны, успев написать только незначительную часть из намеченного им плана больших работ, посвященных России и Русской Армии. Для характеристики обще-российского значения трудов нашего незабвенного сотрудника А. А. Керсновского, которого кстати сказать, нам не пришлось никогда лично видеть, приводим здесь нашу статью, которую мы написали по поводу выхода в свет 3-го тома «Истории Русской Армии» в 1936 году. Теперь же скажем, что мы убеждены в том, что к автору «Истории Русской Армии» приложимы те слова, которые Достоевский сказал о Пушкине, что он есть «явление чрезвычайное и может быть единственное явление русского духа и пророческое». История Русской Армии. «Том 3-й «Истории Русской Армии» А. А. Керсновского вышел, наконец, в свет. Подобно тому, как сама история Русской Армии многострадальна и сложна, так подобно этому и описание этой истории и издание ее оказалось связанным с большими трудностями и препятствиями, преодолевать которые пришлось, как автору, так и издателю. Мы пишем об этом для того, чтобы объяснить причину задержки выхода в свет книги на несколько месяцев и вместе с тем благодарим, как терпеливых подписчиков за их ожидание, так равно и за поддержку «Фонда Истории Русской Армии». В т. III описаны события русской военной жизни, происшедшие царствование Императора Александра III и Императора Николая II, кончая 1915-ым годом. Книга начинается XIII главой – Закат Петровской Империи. Далее идет характеристика Русской Армии конца XIX и начала XX века. Ванновский, Драгомиров, Куропаткин. Затем следует эпоха Императора Николая Александровича Китайская война 1900 года. Война с Японией 1904–1905 г.г. и первая смута. Период между двух войн 1905–1915 г.г. Великий Князь Николай

Николаевич и ген. Сухомлинов, Эволюция нашего плана войны. Мировая война, из которой в этом томе описаны 1914 и 1915 г.г. 1916 и 1917 г.г. оставлены для т. IV. Одно перечислений заглавий говорит насколько интересные и важные вопросы трактуются в этой книге. Предоставляем военным специалистам критиковать этот труд. Мы же отметим его обще-национальное значение. «Истории Русской Армии» предназначена не для одного лишь круга военных специалистов, но для всех интересующихся жизнью России, одной из главных стержней которой является ее Армия. Невозможно сколько-нибудь понимать Россию, не зная ее армии. Одним из пороков нашей прежней жизни была обособленность таких первейших основ Российского государства, как Церковь и армия от жизни остального общества – в Церковь обращались, лишь когда нужно было хоронить, а в армию – когда отбывать воинскую повинность, в остальном – общество не знало их, не понимало, чуждалось и искало для себя иных основ бытия. Между тем невозможно существование России, если Русская Армия не будет для нашего общества родной и близкой, если русское общество не будет интересоваться ее жизнью и бытом, как своей собственной жизнью. Предметом военных специалистов должны быть специальные приемы управления армией. Общество может не знать тактики, баллистики, военно-технических наук, но общество не может не знать своих самоотверженных героев, не может не интересоваться их подвигами, их боевыми делами, причинами их успехов и неудач. Если общество ко всему этому будет относиться с пренебрежением, то и сама Армия начнет увядать, ее героический дух принизится, а на посты героев придут ведомственные чиновники с казенной душой. Нам думается, что для будущего Русской Армии хорошим предзнаменованием служит то, что русское общество выдвинуло из своей среды такой необычайный талант, как автора «Истории Русской Армии», который прежде всего горячо полюбил нашу Армию и ее славную историю и изучал ее в лучах своей любви, поэтому только и мог он написать свой изумительный труд, вряд ли доступный в наше время даже для искушенных военных

специалистов, так свободно, однако вылившийся из под пера нашего автора. Некоторые их читателей т.т. 1 и 2 «И. Р. А.» отказываются верить тому, что их автором может быть одно лицо и при том непрошедшее всей страды военной службы. Они говорят, что такой труд мог бы быть составлен только коллективным трудом многих специалистов. И действительно, если бы дело это поставить ведомственно и формально, то так и нужно было бы, однако любовь к предмету исследования, личный талант и самоотверженный труд делают чудеса. Повторяем, что мы не предвосхищаем наперед критики и открываем для нее наши страницы, но оставляя и за собой право критики, мы должны сказать, что этот труд восполнил пробел, бывший до сего времени между нашим обществом и армией с одной стороны, а с другой, что его отличительной особенностью сравнительно с подобными военными исследованиями является то, что изложение военных событий в нем соединено с тонким пониманием русской политической жизни, чего всегда не доставало нашим военным писателям и вождям. Наш почивший Владыка Митрополит Антоний два года тому назад, прочтя т. II «Истории Русской Армии», по собственной инициативе пожелал написать открытое письмо автору книги А. А. Керсновскому, в котором наш Владыка между прочим писал следующее: «...Ваша книжка, кроме чувства яркого удовольствия, пробуждает в читателе еще и глубокую благодарность лично Вам как автору этой полезной и многосодержательной книги, так как Ваша книга, расширяя кругозор читателя на русскую историю и в частности историю военную, укрепляет в нем уважение к своему Отечеству и убеждение в его превосходстве над другими государствами Европы, как носительницы высокого исторического идеализма, весьма отчетливо выясняя правильные шаги государственной деятельности одной эпохи и глубокую ошибочность другой. Большое Вам спасибо... Чем шире будет слава Вашего творения, тем большую отраду оно вселит в русские сердца и головы». Таков был т. II-ой «Истории Русской Армии». Пусть военные специалисты и остальные читатели вынесут свой приговор о т. III».

⁶⁹ - Здесь владыка Антоний понимает русских военачальников, принимавших участие в февральской революции 1917 года.

⁷⁰ - Здесь, по-видимому, недостает строки. (Прим. – А. К.)

⁷¹ - «Ц. В.» № 406, 1934 г.

⁷² - «Ц. В.» № 508, 1936 г.

⁷³ - «Ц. В.» № 481, 1935 г.

⁷⁴ - «Ц. В.» № 417, 1934 г.

⁷⁵ - «Ц. В.» № 389, 1934 г.

⁷⁶ - «Ц. В.» № 387, 1933 г.

⁷⁷ - 5 сентября 1899 года перед началом учебного года в Казанской Духовной Академии, владыка Антоний, будучи тогда ректором этой Академии, произнес замечательное слово «О духовных дарах юности», которое напечатано в т. I-м Пол. Собр. Сочинений владыки Антония стр. 282 и воспроизведено нами в томе III «Жизнеописания» стр. 110. Рекомендуем читателю непременно перечитать эту статью прежде чем читать обращения владыки к эмигрантскому юношеству.

⁷⁸ - «Русский Военный Вестник» № 11, 1925 г.

⁷⁹ - Владыка Антоний лично просил об этом Короля Александра и русским кадетам был открыт более широкий доступ в Сербскую Военную Академию.

⁸⁰ - Апрель 1928 года.

⁸¹ - Сентябрь 1931 года.

⁸² - Сент. 1931 г.

⁸³ - Сентябрь 1931 г.

⁸⁴ - Владыка Антоний в 1934 году, диктуя нам свои воспоминания о своих гимназических годах, кратко изложенные нами в т. I «Жизнеописания» стр. 18–22, в тоже время высказал записанные нами очень ценные свои мысли о русской школе и о педагогических методах воспитания учащихся, которые сам он с большим успехом применял в течение всей своей жизни, потому что он не только в годы своей педагогической службы, но и в течение всей жизни был любвеобильным наставником и учителем для всех.

⁸⁵ - Между прочим в своих воспоминаниях владыка рассказывал о таком эпизоде своей гимназической жизни: «Мои товарищи по гимназии разыграли Гоголевского «Ревизора», выхлопотав себе из театра даже соответствующие костюмы. Я, конечно, не принимал в этом прямого участия, определив себя к монашеской жизни с 9-ти летнего возраста, но все-таки должен был постоянно помогать, конечно, малоопытными советами моим добрым и незабвенным товарищам по средней школе, среди которых я пользовался дружеским авторитетом и горячей взаимной дружбой».